

Роберт Сальваторе
Гаунтлгрим

Забутые Королевства –

: 15tetris15; OCR, ReadCheck: J_Blood <http://oldmaglib.com>
«Сальваторе Р. «Гаунтлгрим»»: Фантастика СПб; СПб.; 2012
ISBN 978-5-9565-0188-7

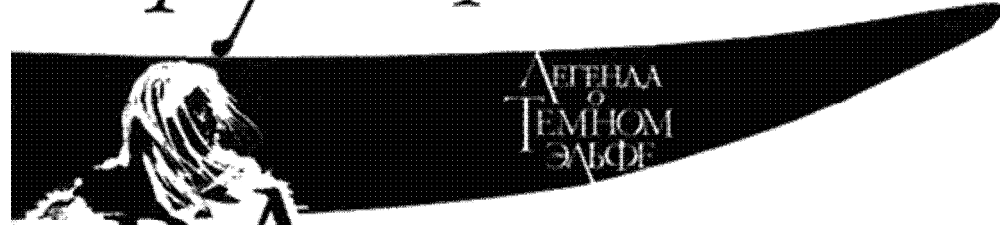
Аннотация

Приключения темного эльфа продолжаются! Впервые на русском языке новый роман знаменитой саги Роберта Сальваторе!

Гаунтлгрим — город-легенда, потерянная родина дворфского клана Делзун, последняя мечта старого короля Бренора. Никто не знает, где остался и почему был покинут Гаунтлгрим, но упрямый дворф готов потратить последние годы жизни на его поиски. А Дзирт До'Урден не видит иного развлечения, кроме как сопровождать короля в этой аванюре. Жизнь изрядно потрепала темного эльфа, лишила многих друзей и любимых, сделала жестче и суровой. В мирной жизни он все острее ощущает одиночество, предвидя

скорую разлуку с последним своим другом. Другое дело — война! С некоторых пор только битва дарит ему наслаждение жизнью и заставляет забыть горечь потерь. А сражений в Фаэруне долго искать не надо, тем более что поисками Гаунтлгрима внезапно озаботились очень многие опасные личности. Но никто из них не сравнится в опасности с самим Гаунтлгримом...

ГАУНТЛГРИМ

РАСЪЛВАТОРЕ

Роберт Сальваторе
«Гаунтлгрим»

ПРОЛОГ

*Год Истинных Знамений
(1409 год по исчислению Долин)*

Многое можно рассказать о короле Мифрил Халла Бреноре Боевом Топоре, и многие титулы принадлежат ему по праву: воин, дипломат, авантюрист, лидер дворфов, людей и даже эльфов. Бренор немало способствовал превращению Серебряных Земель в одну из самых мирных и преуспевающих областей во всем Фаэруне. Добавьте к этому репутацию провидца, как нельзя лучше подходящую ему: ведь какой другой дворф смог бы заключить перемирие с Обальдом, правителем орочьего Королевства Многих Стрел? И это перемирие продолжалось и после смерти Обальда и поддерживалось его сыном Арлдженом, вступившим на престол под именем Обальда II.

Это было воистину великое свершение, обеспечившее Бренору место в дворфских легендах, несмотря на то что многие из подданных Мифрил Халла были против любых контактов с орками, разве что в сражениях. По правде говоря, Бренору часто поступали просьбы о пересмотре этого вопроса — из года в год. Но в конце концов очевидным для любого оставался факт, что король Бренор не только укрепил позиции Мифрил Халла и своего родного клана, но и благодаря своей мудрости изменил к лучшему облик Севера.

Но среди званий Бренора Боевого Топора были такие, которыми он дорожил больше всех прочих, — звания отца и друга. В последнем Бренору не было равных, и все, кто имел честь называться его другом, не сомневались, что король дворфов бросится навстречу летящим стрелам или в когти огра без колебаний, без сожалений, лишь будучи верен дружбе. Но что касается первого...

Бренор никогда не был женат, и у него не было собственных отпрысков, но он воспитал двух человеческих детей, как своих собственных.

И он их потерял.

— Я хотел быть лучшим, — поведал король Дзирту До'Урдену, необычному дроу, советнику трона Мифрил Халла, в один из тех все более редких дней, когда Дзирт гостил в дворфской твердыне. — Я воспитывал их, как мой отец воспитывал меня.

— Никто в том не усомнится, — уверил его Дзирт.

Дроу откинулся в удобном кресле, стоящем у камина в небольшой комнатке Бренора, и долгим взглядом окинул своего старинного друга. Густая борода короля уже не была такой рыжей, как раньше, сквозь седину пробивались редкие огненные завитки, а косматая шевелюра немного поредела. Но огонь в серых глазах горел так же ярко, как и в те давние дни их первых встреч на склонах Пирамиды Кельвина в Долине Ледяного Ветра.

Но сегодня в глазах короля поселилась печаль; правда, она не отражалась на движениях дворфа. Он двигался стремительно и, раскачиваясь в своем кресле, периодически хватал крепкими ногами какое-нибудь полено и точным броском отправлял его в огонь. Деревяшка неохотно загоралась, жалобно потрескивая и словно протестуя, но была не в состоянии вырваться из огненного плена.

— Чертовы сырые дрова! — проворчал дворф себе под нос.

Он наступил на мехи, встроенные в камин, посылая в топку долгий, непрерывный поток воздуха, обдувающего угли и пылающие головни. Бренор долго возился с очагом, то поправляя поленья, то качая мехи, и Дзирт подумал, что каждое движение друга отражает его характер. Схожим манером дворф делал все, касалось ли это удержания крепкого мира с Королевством Многих Стрел или деятельности на благо клана, пребывающего сейчас в полной гармонии. У Бренора все получилось, огонь наконец разгорелся, и король, удобнее усевшись в кресле, поднял большую кружку меда. Старый дворф покачал головой, и его лицо исказила гримаса сожаления:

— И все же нужно было убить этого вонючего орка.

Дзирт был слишком хорошо знаком с жалобами, которыми изводили Бренора со дня подписания договора в ущелье Гарумна.

— Нет, — ответил дроу более чем убедительно.

Бренор усмехнулся довольно зло.

— Ты поклялся убить его, эльф, и ты позволишь ему умереть от старости?

— Спокойнее, Бренор.

— Ба, да он разрубил твоего друга эльфа пополам! Его копыеносцы сбили твою ненаглядную эльфийку и ее пегаса!

Дзирт бросил на дворфа взгляд, полный боли и затаенного гнева, безмолвно прося Бренора прекратить.

— И ты позволил ему жить! — не унимался неистовый дворф, стукнув кулаком по подлокотнику кресла.

— Да, и ты подписал договор о перемирии, — невозмутимо парировал Дзирт.

Его лицо и голос оставались спокойными. Он знал, что необязательно кричать, чтобы слова производили эффект, сравнимый с ударом молота.

Бренор вздохнул и опустил лицо в ладони.

Дзирт позволил ему побыть наедине со своими мыслями, но долго не выдержал.

— Ты не единственный, кто возмущен фактом, что Обальд прожил все эти годы в комфорте, — сказал он. — Никто не хотел его смерти больше, чем я.

— Но мы допустили это.

— И мы поступили правильно.

— Так ли, эльф? — со всей серьезностью спросил Бренор. — Сейчас он мертв, и орки соблюдают перемирие. Но долго ли это продлится? Когда все рухнет? Когда орки вновь станут орками и развяжут очередную войну?

Дзирт лишь пожал плечами, да и что он мог ответить?

— И ты туда же, эльф! — возмутился Бренор в ответ на этот жест. — Ты не можешь знать, и я не могу знать, но ты уговорил меня подписать этот проклятый договор, и я

подписал!.. И мы не можем знать!

— Но мы *знаем*, что множество людей, эльфов и — да, Бренор, — дворфов получили возможность прожить свою жизнь в мире и процветании, потому что ты имел мужество подписать этот проклятый договор. Потому что ты остановил ту войну.

— Ба! — фыркнул дворф, всплеснув руками. — С тех пор они у меня поперек горла. Проклятые вонючие орки. И теперь они ведут торговлю с Серебристой Луной, Сандабаром и этими жалкими трусами из Несма! Они все должны были погибнуть в сражении, во имя Клангеддина!

Дзирт кивнул. Трудно не согласиться. Насколько ему самому легче было бы жить, если бы его жизнь на Севере оставалась бесконечной битвой! В глубине души, конечно, Дзирт был согласен с Бренором. Но разумом он понимал другое. Когда Обальд предложил перемирие, несговорчивость Мифрил Халла поставила бы клан Бренора перед десятками тысяч орков Обальда в войне, которую дворфы в одиночку никогда не смогли бы выиграть. Но если бы преемник Обальда решил нарушить соглашение, то новая война настроила бы все добрые королевства Серебряных Земель против Многих Стрел. Жестокая усмешка скользнула по суровому лицу дроу, но быстро превратилась в гримасу, поскольку он вспомнил многих орков, по крайней мере нескольких, ставших его друзьями за это время... Прочло почти четыре десятилетия.

— Ты поступил правильно, Бренор, — сказал он. — Благодаря мудрому решению подписать тот свиток многие, многие тысячи прожили свои жизни, которые были бы отобраны у них во время кровавой войны.

— Я не могу сделать этого снова, — ответил Бренор, покачав головой. — Я многого не достиг, эльф. Сделав все, что я смог сделать здесь, я не поступил бы так снова.

Он зачерпнул кружкой из открытого бочонка, стоящего между креслами, и сделал большой глоток.

— Думаешь, он все еще там? — задумчиво спросил Бренор сквозь пену на бороде. — В холоде и снегах?

— Если так, — ответил ему Дзирт, — тебе следует помнить, что Вульфгар там, где он хочет быть.

— Да, но, держу пари, его старые кости напоминают ему о его упрямстве на каждом шагу! — ответил Бренор, и эта шутка была тем глотком радости, в которой сейчас они оба нуждались. Дзирт улыбнулся дворфу, но одно слово Бренора его кольнуло: «старые». Эльф наблюдал за ходом времени, и тогда как для него, долгоживущего существа, менялись только цифры в календаре, для Вульфгара, если он все еще жив там, в Долине Ледяного Ветра, наступает семидесятый год жизни. Эта действительность глубоко поразила Дзирта.

— Ты все еще любил бы ее, эльф? — внезапно спросил дворф, имея в виду свою потерянную дочь.

Дзирт вздрогнул, как от пощечины, и знакомая вспышка гнева промелькнула в его казавшихся безмятежными глазах.

— Я все еще люблю ее.

— Если бы моя девочка была сейчас с нами, — уточнил Бренор, — она была бы уже стара, так же как и Вульфгар, и многие сочли бы ее уродливой.

— Многие говорят это о тебе, и причем с тех пор, когда ты был молод, — съязвил дроу.

Действительно, Кэтти-бри тоже шел бы уже седьмой десяток, если бы она не погибла в дни Разорванной Пряжи Мистры двадцать четыре года назад. Она была бы старой, как Вульфгар, — но уродливой? Дзирт никогда бы не смог так подумать о своей возлюбленной Кэтти-бри. За все свои сто двенадцать лет жизни дроу не видел ничего более прекрасного, чем его супруга. Ее отражение в лавандовых глазах Дзирта не имело несовершенств, независимо от разрушительного действия времени, независимо от шрамов, полученных в битвах, независимо от цвета ее волос. Кэтти-бри всегда была в глазах Дзирта такой, как в тот день, когда он понял, что любит ее, в той давней поездке в далекий южный город Калимпорт, куда они мчались спасать Реджиса.

Реджис. Дзирт вздрогнул, вспомнив хафлинга, еще одного дорогого друга, потерянного в страшное время хаоса, когда Король Призраков, предвестник великой тьмы, которая распространилась по всему Торилу, прилетел в храм Парящего Духа, уничтожив одно из самых удивительных строений в мире.

Дроу когда-то получил совет проживать свою долгую жизнь сериями из коротких отрезков времени, жить непосредственно с людьми, которые окружают его здесь и сейчас, чтобы потом идти дальше и найти ту жизнь, ту жажду, ту любовь снова...

Это был хороший совет, Дзирт чувствовал это сердцем, но за четверть века, с тех пор как он потерял Кэтти-бри, пришло понимание, что иногда совет легче выслушать, чем исполнить.

— Она все еще с нами, — поправился Бренор некоторое время спустя. Он опустошил свою кружку и бросил ее в очаг, где она разлетелась на черепки.

Дзирт ничего не сказал на это и устремил невидящий взор в огонь.

И он, и Бренор просили Джарлакса, владеющего многими хитростями, найти Кэтти-бри и Реджиса — найти хотя бы их души, поскольку видели, как души их потерянных любимых друзей уезжают на призрачном единороге сквозь каменные стены Мифрил Халла тем роковым утром. Богиня Миликки забрала их обоих, Дзирт верил в это, как и в то, что она не могла быть столь жестокой, чтобы удерживать их. Но видимо, даже Миликки не смогла отнять у Келемвора, бога мертвых, его законную добычу. Дзирт вспоминал о том ужасном утре, как будто это было вчера. Он был разбужен криками Бренора от сна, полного любовных ласк с женой, которая, казалось, вернулась к нему из глубин отчаяния.

И в то ужасное утро она лежала подле мужа холодная и равнодушная к его прикосновениям.

— Нарушь перемирие, — тихонько прорычал Дзирт, обращаясь мысленно к новому королю Многих Стрел, орку, не столь умному и дальновидному, как его отец.

Рука Дзирта рефлекторно потянулась к бедру, хотя сейчас он был безоружен. Дроу снова захотел ощутить тяжесть своих смертельных клинков. Мысль о битве, зловонии смерти, пусть даже собственной, не беспокоила его. Не в это утро. Не тогда, когда образы Кэтти-бри и Реджиса проплыли перед его мысленным взором. И память о собственном бессилии горьким комком встала в горле.

— Мне не нравится приезжать сюда, — нервно заметила женщина-орк, протягивая сумку с травами.

Она была невысокого, по орочьим меркам, роста, но тем не менее возвышалась над своим крошечным спутником.

— Мы находимся в состоянии мира, Джесса, — ответил гном Нанфудл.

Он взял протянутую сумку и вытащил один из корешков, поднес его к своему длинному носу.

— Ах, сладкая мандрагора, — сказал он, делая глубокий вдох. — Как раз достаточно, чтобы унять твою боль.

— И твои болезненные мысли, — язвительно заметила орчиха, — и превратить тебя в дурака, похожего на дворфа в бочке с медом, думающего о том, как бы выпить себя, чтобы высушить бочку до дна.

— Только пять? — спросил Нанфудл, ощупывая мешочек.

— Время цветения еще не наступило, — ответила Джесса. — Только пять! Да я думала, что не найдем ни одного, но надеялась найти два и молилась Груумшу, чтоб послал третий.

Нанфудл перевел взгляд от мешочка, но не на женщину-орка. Его отсутствующий пристальный взгляд проникал сквозь расстояния, и разум следовал за ним.

«Пять?» — размышлял он, вспоминая свои мензурки и ступки. Он прикоснулся

костлявым пальцем к острой белой бородке и, сморщив свое крошечное круглое личико, решился:

— Пяти будет достаточно.

— Достаточно? — переспросила Джесса. — И тогда ты осмелишься совершить это?

Нанфудл посмотрел на нее так, словно она сказала что-то забавное.

— Ну что же, в путь, — призвал он.

Губы Джессы исказила мимолетная презрительная усмешка, хотя могло показаться, что она ловит губами волнистые пряди желтых волос. Эта ухмылка была единственным изгибом на ее плоском, круглом лице с поросычьим носом. Светло-карие глаза орчихи опасно сверкнули.

— Тебе, видно, очень это нравится, — скривился гном.

Но Джесса отвернулась, ничуть не смущенная его словами.

— Я наслаждаюсь волнением, — насмешливо пояснила молодая жрица. — Жизнь ведь, в конечном счете, очень скучна. — Она указала на мешочек с травами, который все еще держал Нанфудл. — И ты тоже, очевидно.

Гном опустил взгляд на ядовитые корни:

— У меня нет выбора.

— Ты боишься?

— А должен?

— Я боюсь, — сказала Джесса, хотя ее равнодушный тон оставлял в том сомнения.

Орчиха мрачно кивнула гному, произнесла: «Да здравствует король», сделала реверанс и ушла, заботясь, чтобы выбранный ею путь к посольству Королевства Многих Стрел не привлекал внимания больше, чем это возможно для орка, прогуливающегося по коридорам Мифрил Халла.

Нанфудл поторопился вернуться к своим колбам и ступкам, расставленным на полках и столах его лаборатории. Гном заметил свое отражение в зеркале, висевшем над скамьей, и даже принял позу, приличествующую солидному гному среднего возраста, что, конечно же, означало, что он был много старше среднего возраста.

Большая часть его волос выпала, за исключением густых белых зарослей за длинными ушами, но он заботился, чтобы эти остатки всегда были аккуратно подстрижены, как и его заостренная бородка и тонкие усы. А прочие части его крупной головы были лысы. «А, да — еще брови», — хихикнув, подумал Нанфудл, обратив внимание, что некоторые волоски выросли такими длинными, что стали завиваться.

Нанфудл водрузил на нос очки и наконец заставил себя отойти от зеркала. Глядя теперь сквозь маленькие круглые линзы, он аккуратно настроил высоту промасленного фитиля.

Температура должна быть выставлена исключительно точно, напомнил он себе, чтобы можно было извлечь необходимое количество кристаллического яда. В этом деле следовало соблюдать максимальную аккуратность, но, посмотрев на песочные часы, гном понял: поторопиться тоже придется. Кружка короля Бренора ждет.

Тибблдорф Пуэнт не надел свои шипастые доспехи, и это был один из немногих случаев, когда кто-то видел дворфа без них. Но он не надел их по одной лишь причине: берсерк не хотел, чтобы кто-либо узнал или, точнее, услышал его.

Пуэнт прятался в тени в дальнем конце коридора, за горой бочонков, держа в поле зрения лишь дверь Нанфудла.

Берсерк скрипел зубами, сдерживая поток проклятий, когда Джесса Дрибл-Обальд вошла в эту дверь, предварительно осмотрев весь коридор, не наблюдает ли кто за нею.

— Орки в Мифрил Халле, — процедил Пуэнт, покачал косматой головой и топнул ногой.

О, как Пуэнт орал, протестуя, когда было принято решение о предоставлении Королевству Многих Стрел посольства в дворфской твердыне! Конечно, это было небольшое представительство: под сводами Мифрил Халла разрешалось находиться одновременно только четверем оркам, да и у них не было права беспрепятственно шастать повсюду. Отряд

дворфов, обычно берсерков Пуэнта, всегда был рад сопроводить «гостей».

Но эта маленькая юркая жрица, как оказалось, обошла это правило, и у Пуэнта было много предположений на этот счет.

Сначала он хотел высадить дверь ногой, поймав орчиху в неподобающем месте, и вышвырнуть ее из Мифрил Халла раз и навсегда, но как раз в этот момент его редкая способность улавливать суть вещей посоветовала ему проявить терпение. Несмотря на клокочущий гнев, Тибблдорф Пуэнт сидел тихо, и через некоторое время Джесса вновь появилась в коридоре, глянув по сторонам, и убежала тем же путем, которым пришла.

— Это что, гном? — прошептал Пуэнт, поскольку пока не видел в происходящем никакого смысла.

Нанфудл, конечно, не был врагом Мифрил Халла, напротив, был его верным союзником с самых первых дней своего появления в клане около сорока лет назад. Дворфы Боевого Топора до сих пор говорили о «Моменте Эльминстера», когда гном использовал изобретенный им трубопровод, чтобы заполнить пещеры взрывчатым газом, позволившем разнести в клочья горный хребет вместе со снежными великанами.

Но почему союзник клана якшается с орочьей жрицей? Какие у них секреты? Нанфудл мог вызвать Джессу непосредственно через Пуэнта, и ее бы быстро сопроводили к нему.

Пуэнт потратил много времени на обдумывание, так много, что Нанфудл успел выйти в коридор и скрыться за поворотом. Только тогда пораженный берсерк понял, что поминальное торжество уже началось.

— Каменная задница Морадина! — ошеломленно пробормотал Пуэнт, выползая из-за бочонков.

Он хотел сразу пойти к Бренору, но внезапно остановился у двери в комнаты Нанфудла, огляделся, как и Джесса до этого, а затем вошел внутрь.

Ничего подозрительного он не заметил. Какая-то белая жидкость в колбе булькала над пламенем горелки, но все остальное казалось совершенно обычным, насколько это возможно для Нанфудла.

Пуэнт хмыкнул и побродил по комнате, пытаясь найти какие-нибудь подсказки, например местечко, где Нанфудл и Джесса могли бы быть... Нет, Пуэнт выбросил эту бредовую картинку из головы.

— Ба, да ты глупец, Тибблдорф Пуэнт! — выругал себя дворф.

Он пошел к двери, внезапно ощутив ужасную неловкость за то, что решил шпионить за Нанфудлом, когда вдруг заметил под столом гнома свернутый спальный мешок.

Разум Пуэнта быстро восстановил бредовую картинку, представив свидание между гномом и орчихой, но дворф отмахнулся, как только понял, что спальный мешок крепко смотан и его явно давно не разбирали. Скоро обнаружился и рюкзак с набором приспособлений для скалолазания, от обвязок до ледоруба.

— Планируешь посетить Королевство Многих Стрел, малыш? — громко спросил Пуэнт.

Он встал и пожал плечами, прикидывая возможные варианты. Пуэнт надеялся, что Нанфудл достаточно умен, чтобы взять с собой нескольких охранников, если действительно собрался в дальний путь. Король Бренор принял смену власти в королевстве Обальда с большим тактом и сдержанностью. Но орки были орками, и никто не мог знать, насколько надежен будет сын Обальда, обладает ли он харизмой и реальной властью, какие были у его могущественного отца, чтобы контролировать своих диких сородичей.

Пуэнт решил, что поговорит с Нанфудлом наедине после его возвращения. Он вспомнил, что опаздывает на самое важное торжество, — король Бренор не сразу простит такое небрежение.

— ...двадцать пять лет, — произносил Бренор в тот момент, когда Тибблдорф Пуэнт присоединился к собравшимся в небольшом зале.

Здесь были лишь несколько гостей: конечно, Дзирт, главный священник Мифрил Халла, Кордио Нанфудл и старый Банак Браунвил в своем кресле на колесах, которое

прикатил сын Банака Конрад, вымахавший в прекрасного молодого дворфа. Конрад даже обучался вместе с «Веселыми мясниками» Пуэнта и более чем отлично держался в поединках с более закаленными воинами. Также здесь присутствовали несколько других дворфов.

— Я скучаю по вам, моя девочка и мой друг Реджис. Знайте, что, если я проживу еще сотню лет, я не проведу ни дня, не думая о вас, — закончил король дворфов.

Он поднял свою кружку и осушил, и остальные последовали его примеру. Опустив кружку, Бренор остановил свой пристальный взгляд на Пуэнте.

— Прошу простить меня, мой король, — сказал берсерк. — Я все пропустил, да?

— Только первый тост, — уверил его Нанфудл и обошел всех, собирая кружки, прежде чем двинуться к бочонку, стоявшему у стены. — Помогите мне, — попросил он Пуэнта.

Нанфудл наполнил кружки, и Тибблдорф Пуэнт разнес их собравшимся. «Любопытно, — подумал Пуэнт, — гном не наполнил кружку Бренора вместе с остальными». Никто бы не спутал ее с другими. Это была большая посуда с эмблемой клана Боевого Топора на боку и ручкой с рожками, на которые удобно помещался большой палец. Один из этих рожков, как и один из рогов на шлеме Бренора, был отломан. В знак солидарности и бесконечной дружбы с Мифрил Халлом кружка была подарена Бренору много лет назад дворфами Цитадели Адбар в ознаменование десятой годовщины подписания договора в ущелье Гарумна. Никто не отваживался пить из этой кружки, кроме самого Бренора; Пуэнт знал это и понял, что Нанфудл захотел подать мед Бренору лично и в последнюю очередь. Честно говоря, берсерк не придавал этому большого значения, но отметил, что гном не позволил самому Пуэнту принести эту кружку.

Обратив более пристальное внимание на гнома, Пуэнт, возможно, отметил бы кое-что еще, что заставило бы его густые брови поползти на лоб. Гном наполнил кружку раньше, чем развернулся лицом к собравшимся, предающимся воспоминаниям о прежних временах с Кэтти-бри и Реджисом и не обративших на виночерпия никакого внимания. Из спрятанного на поясе мешочка Нанфудл вытащил крошечный пузырек. Осторожно покрутив пробку и бросив быстрый взгляд на остальных, гном высыпал несколько кристаллов в кружку Бренора. Дождавшись полного растворения вещества, он с удовлетворением кивнул и вернулся к столу, поднеся кружку королю.

— Я могу предложить тост за леди Шаудру? — спросил гном, имея в виду эмиссара Мирабара, которую он сопровождал в Мифрил Халл десятилетия назад и убитую Обальдом во время той ужасной войны. — Старые раны зажили, — произнес Нанфудл, поднимая свою кружку.

— Да, за Шаудру и за всех, кто пал, защищая клан Боевого Топора, — согласился Бренор и сделал большой глоток меда.

Нанфудл кивнул и улыбнулся, надеясь, что Бренор не почувствует горечи яда.

— О горе Мифрил Халлу! И да летит ко всем лордам, королям и королевам Серебряных Земель весть, что король Бренор заболел этой ночью! — возгласили дворфы-герольды спустя несколько часов после поминального торжества.

Залы всех святилищ Севера были заполнены, когда эта весть распространилась, поскольку король Бренор был всеми любим и ему Серебряные Земли были признательны за перемены к лучшему. Нет-нет да вспыхивали разговоры о войне с Королевством Многих Стрел, некогда подписавшим договор в ущелье Гарумна.

Бдения у ложа короля в Мифрил Халле были торжественными и печальными, но отчаяния не было в них. В конце концов, Бренор прожил хорошую, длинную жизнь и окружил себя сильными духом дворфами. Клан был крепок, и клан будет жить и процветать долгие годы после ухода великого короля Бренора.

Но все же проливалось много слез всякий раз, когда Кордио объявлял, что состояние короля не улучшилось и Морадин не ответил на их молитвы.

— Мы не можем помочь ему, — сказал Кордио Дзирту после третьей ночи беспокойного сна Бренора. — Это не в наших силах.

Он ожидал возражений Дзирта, но в лице друу не отразилось ни надежды, ни протеста.

— Ах, мой король! — стонал Пуэнт.

— Горе Мифрил Халлу, — бубнил Банак Браунвил.

— Это не так, — ответил Дзирт. — Бренор не нарушил обязанностей перед кланом. На его трон есть достойные претенденты.

— Ты говоришь так, как будто он уже мертв, эльф! — выругался Пуэнт.

Дзирт ничего на это не ответил, только кивнул, извиняясь.

Они вошли и сели у постели Бренора. Дзирт взял руку своего друга и не отпускал до самого рассвета, когда король Бренор сделал свой последний вдох.

— Король умер, да здравствует король, — произнес Дзирт, поворачиваясь к Банаку.

— Да будет благословенно царствование Банака Браунвила, одиннадцатого короля Мифрил Халла, — сказал Кордио.

— Я не достоин, жрец, — ответил старый Банак, во взгляде которого застала скорбь, а на сердце лег тяжкий груз. Стоя за креслом, сын похлопал старого дворфа по плечу. — Если бы я хотя бы наполовину мог стать таким хорошим королем, как Бренор, весь мир признал бы мое правление достойным — нет, великим.

Тибблдорф Пуэнт споткнулся и припал на колени перед Банаком.

— Я... моя жизнь для тебя, мой... мой король, — сквозь слезы, запинаясь и заикаясь, произнес берсерк.

— Будь благословен, — ответил Банак, возложив ладонь на косматую голову Тибблдорфа.

Неукротимый берсерк закрыл руками мокрое от слез лицо и, повернувшись, наклонился к Бренору, чтобы крепко его обнять, затем с громким воплем бросился из комнаты.

Бренор упокоился рядом с Кэтти-бри и Реджисом, и это был величайший мавзолей, когда-либо возведенный в древней твердыне дворфов.

Один за другим старейшины клана Боевого Топора прибывали, чтобы присоединиться к долгому и воодушевленному перечислению славных деяний прожившего долгую жизнь могущественного короля Бренора, который вывел своих людей из холодных подземелий в Долине Ледяного Ветра и вернул древний дом своему клану. Не столь уверенно, но говорили о тонком дипломатическом таланте Бренора, который так кардинально изменил политический расклад Серебряных Земель.

Днем и ночью в течение трех суток дворфы, люди, эльфы, орки отдавали дань памяти почившему королю и славили его достойного преемника, великого Банака Браунвила Боевого Топора. Все соседние королевства прислали своих эмиссаров, и даже орки Многих Стрел высказались — жрица Джесса Дрибл-Обальд произнесла длинную хвалебную речь, приветствовала нового замечательного короля и выразила надежду, что король Банак будет править так же мудро и дальновидно, а Мифрил Халл будет процветать под его руководством. И не было ничего неискреннего в словах молодой жрицы, но тем не менее многие из собравшихся дворфов ворчали и плевались, остро напомнив Банаку и остальным лидерам, что работа Бренора по налаживанию добрососедских отношений с орками еще далека от завершения.

Опустошенные, подавленные, истощенные эмоционально и физически, Дзирт, Нанфудл, Кордио, Пуэнт и Конрад рухнули в кресла возле камина. Это было любимое место

Бренора. Они подняли еще несколько тостов за своего друга и стали вспоминать многие хорошие и героические приключения, которые разделили с замечательным дворфом.

Пуэнту было что порассказать, понятное дело — с изрядными преувеличениями, но удивительно было, что Дзирт До'Урден сказал немного.

— Я должен извиниться перед твоим отцом, — сказал Нанфудл Конраду.

— Извиниться? Нет, гном, он ценит твои советы так же высоко, как и любой другой дворф, — ответил молодой принц Мифрил Халла.

— И все же я должен принести извинения ему, — сказал Нанфудл, и все в комнате прислушались. — Я приехал сюда с леди Шаудрой и не хотел оставаться, и все же прошли десятилетия. Я немолод уже — через месяц отмечу шестьдесят пятый год.

— Правильно, правильно! — оборвал его Кордио, никогда не упускавший шанса поднять тост, и они все выпили за долгое здоровье Нанфудла.

— Спасибо вам всем, — сказал Нанфудл, сделав глоток. — Вы были мне как семья, что и говорить, и годы моей жизни, проведенные здесь, были не хуже лет, которые я прожил раньше, и лет, которые я проживу еще... надеюсь.

— О чем ты говоришь, малыш? — спросил Кордио.

— У меня есть семья, — ответил гном, — которую я видел только несколько раз в свои недолгие визиты за эти последние тридцать лет. Я боюсь, пришло время мне уйти. Я хочу провести свои оставшиеся годы в моем старом доме в Мирабаре.

После этих слов повисла тишина, все сидели, не произнося ни слова.

— Ты не должен приносить моему отцу никаких извинений, Нанфудл из Мирабара, — уверил гнома Конрад и поднял свою кружку для очередного тоста. — Мифрил Халл никогда не забудет помощь великого Нанфудла!

Все единодушно и сердечно поддержали этот тост, но что-то кольнуло Тибблдорфа Пуэнта, как то недавнее любопытство, но, растворившись в своем горе, он не обратил на это внимания.

Но не забыл.

Раздражаясь и пытаясь, гном пробирался через валуны. Большие гладкие серые камни лежали вокруг, словно сложенные великанами у катапульты. Нанфудл хорошо знал это место — и потому предложил его для свидания — и не удивился, когда, протиснувшись между плотно укоренившихся камней, увидел Джессу, устроившую небольшой пикничок на покрывале.

— Тебе не помешали бы более длинные ноги, — поприветствовала орчиха.

— Мне помешали лишние тридцать лет, — ответил Нанфудл.

Он снял с плеч тяжелый мешок и сел на камень напротив Джессы, приняв протянутую жрицей миску с тушеным мясом.

— Все сделано? Ты уверен? — спросила Джесса.

— Три дня траура по мертвому королю... три, не больше — у них не много времени. Таким образом, теперь король — Банак, в конце концов он заслужил это звание.

— Он примерил ботинки гиганта.

Нанфудл не согласился:

— Король Бренор оставил Мифрил Халл в порядке. Банак справится, а если будет трудно, рядом много мудрых советников.

Гном сделал паузу и посмотрел на орочью жрицу внимательнее. Ее же пристальный взгляд был устремлен на север, где лежало еще молодое королевство ее сородичей.

— Король Банак продолжит работу Бренора, если Обальд Второй будет придерживаться взглядов своего предшественника, — уверил ее Нанфудл.

Джесса взглянула на него с удивлением и даже недоверием.

— Ты очень спокоен, — заметила она. — Ты проводишь слишком много времени в своих книгах и свитках и не тратишь ни секунды своей жизни на изучение тех, кто окружает тебя.

Нанфудл смотрел на нее с любопытством.

— Как ты можешь быть настолько спокойным? — спросила Джесса. — Разве ты не осознаешь, что только что совершил?

— Я сделал то, что мне было приказано, — запротестовал Нанфудл, не заметив тяжести в ее голосе.

Джесса проворчала что-то о чувствах и логике, собиралась возразить, но шум, похожий на скрежет металла о камень, оборвал ее на полуслове.

— Что такое? — спросил Нанфудл, уплетая тушеное мясо.

— Что тебе было приказано? — прогремел грубый голос Тибблдорфа Пуэнта, и Нанфудл подскочил, услышав, как берсерк, облаченный в свою шипастую броню, стал пробираться между валунами, царапая металлическими зубцами камень. — Да, черт возьми, кто приказал тебе? — Он ударил кулаками в металлических перчатках друг о друга. — И не сомневайся, мелкая крыса, я выясню, кто это.

Он двинулся вперед, и Нанфудл отступил, уронив миску с тушеным мясом на землю.

— Вы не скроетесь, ни один из вас, — заверил его Пуэнт, продолжая наступать. — Мои ноги достаточно длинны, чтобы догнать, а гнева достаточно, чтобы раздавить вас!

— В чем дело? — поинтересовалась Джесса, но Пуэнт остановил ее взглядом, полным ненависти.

— Вы все еще живы только потому, что знаете нечто, что должен знать я, — объяснил разъяренный дворф. — И если вы не скажете то, что я желаю узнать, то скоро познаете свою смерть!

Закончив объяснения, он указал на большой шип, венчающий его шлем. И Джесса невольно вспомнила, что не один орк дергался в агонии, наколотый на него.

— Пуэнт, нет! — завизжал Нанфудл, выставив руки перед собой, пытаясь остановить неумолимое приближение дворфа. — Ты не понимаешь!

— О, я понимаю больше, чем ты думаешь, — уверил его берсерк. — Я был в твоей мастерской, гном.

Нанфудл поднял руки:

— Я сказал королю Банаку, что уезжаю.

— Ты собирался уехать еще до того, как умер король Бренор, — обвинил его Пуэнт. — У тебя была сумка, упакованная для дороги.

— Ну да, я собирался...

— Ты все собрал и сложил в комнате, где варил яд для моего короля! — в бешенстве заорал Пуэнт, прыгая на Нанфудла, который был достаточно ловок, чтобы нырнуть за камень, избежав смертельных объятий Пуэнта.

— Тибблдорф, нет! — вопил Нанфудл.

Джесса собралась было вмешаться, но Пуэнт повернулся к ней, сжимая кулаки. Из латных перчаток выдвинулись похожие на когти шипы.

— Сколько ты заплатила этой крысе, ты, собачья задница? — требовательно спросил он.

Джесса благоразумно предпочла отступить, но, когда почувствовала спиной холод камня, ее поведение мгновенно переменилось — она шагнула навстречу Пуэнту, вытащив тонкую волшебную палочку.

— Еще один шаг... — предупредила она, прицеливаясь.

— Пуэнт, нет! Джесса, нет! — визжал Нанфудл.

— У тебя есть большой волшебный бумс в этой маленькой палочке, не так ли? — беззаботно поинтересовался Пуэнт. — Это хорошо. Это рассердит меня и заставит врезать тебе куда крепче!

Он направился к ней, и Джесса начала колдовать, целясь палочкой в чумазую

физиономию дворфа, но они оба замерли, а очередной вопль Нанфудла застрял у него в горле, поскольку воздух наполнился нежным перезвоном.

— О, ну теперь вы оба получите сполна, — довольно усмехнулся Пуэнт.

Любой обитатель Мифрил Халла узнал бы колокольчики волшебного единорога Дзирта До'Урдена.

Тонкий и изящный, с рельефными мускулами, переливающимися под мерцающей белой шкурой, рогом цвета слоновой кости, покрытым золотым узором, голубыми глазами, сияющими и дразнящими само солнце, окутанный звоном колокольчиков, предвосхищавшим его появление, Андахар взлетел на валун и ударил по нему своим могучим копытом.

— Хорошо, что ты здесь, эльф! — крикнул Пуэнт Дзирту, который, увидев его, явно пришел в замешательство. — Я как раз собирался засунуть мой кулак в...

Тибблдорф Пуэнт повернулся к Джессе и обнаружил, что противостоит шестисотфунтовой черной пантере!

Берсерк в недоумении обернулся к дроу и увидел Бренора Боевого Топора, слезающего с единорога, на спине которого он сидел позади Дзирта.

— Что, Девять Проклятых Кругов, здесь происходит? — потребовал ответа Бренор, обращаясь к Нанфудлу.

Гном только беспомощно пожал плечами в ответ.

— Мой... король? — Пуэнт запнулся. — Мой король! Может ли это быть, мой король? Мой король!

— О, святая задница Морадина! — пожаловался Бренор. — Что ты здесь делаешь, глупый дворф? Ты должен быть рядом с королем Банакон!

— Не с королем Банакон! — взревел Пуэнт. — С королем Бренором, живым и здоровым!

Бренор безуспешно попытался увернуться от лобызаний Пуэнта.

— Теперь послушай меня внимательно, дворф, чтобы никогда больше не повторять такую ошибку. Короля Бренора больше нет. Король Бренор покоится в веках, и Банакон — король Мифрил Халла!

— Но... но... но, мой король, — ответил Пуэнт, — но ты же жив!

Бренор вздохнул. Позади него Дзирт перенес ногу через шею единорога и легко спрыгнул на землю. Он погладил сильную шею Андахара, затем снял с шеи резную статуэтку единорога, висящую на серебряной цепи, и тихонько дунул в полый рог, отпуская коня.

Андахар встал на дыбы, подняв ветер, громко заржал и ускакал прочь. Каждым прыжком, казалось, он покрывал огромное расстояние, поскольку становился все меньше и меньше, пока не исчез вовсе, но воздух за ним еще какое-то время дрожал и перекачивался волнами волшебной энергии.

К тому времени Пуэнт несколько пришел в себя и решительно встал перед Бренором, уперев руки в бока.

— Ты был мертв, мой король, — заявил он. — Я сам видел тебя мертвым, я нюхал тебя мертвым. Ты был мертв.

— И буду мертвым, — ответил Бренор, тоже упрямо растопырившись. Затем уперся лбом в лоб Пуэнта и произнес очень медленно и четко: — Только так я мог уйти.

— Уйти? — переспросил Пуэнт и отступил, глядя на Дзирта.

Дроу молчал, лишь усмешка показывала, что он наслаждается зрелищем больше чем следует. Тогда Пуэнт посмотрел на Нанфудла, который снова лишь пожал плечами. Бросил взгляд поверх пантеры Гвенвивар на Джессу, которая откровенно смеялась, помахивая своей палочкой.

— Ба, задача Думатойна, создавшего твой толстый череп, была попроще! — выругался Бренор, помянув все боги дворфов, более известного как Хранитель Тайн Под Горой.

Пуэнт усмехнулся, поскольку часто слышанное им замечание было довольно невежливым способом называть дворфа тупицей.

— Ты был мертв, — снова сказал берсерк.

— Да, гном убил меня.

— Яд, — объяснил Нанфудл. — Смертельный, да, если не соблюсти дозу. Когда я применил его, Бренор только выглядел мертвым и казался мертвым всем, кроме самых опытных жрецов, а они знали о нашем плане.

— Ты сбежал? — спросил Бренора Пуэнт, для которого все потихоньку начало проясняться.

— Я освободил для Банака заслуженный им трон и сделал это так, чтобы клан не ждал моего возвращения. Поскольку возвращения не будет. Все давно решено, Пуэнт. Это тайна дворфских королей, возможность выбрать путь, на котором ты закончишь свои дни, когда все, что ты мог сделать, ты уже сделал, и сделал верно. Мой прапрапрадед поступил так же. Это произошло в Адбаре, и два короля, которых я знаю, сделали то же самое — они рассказывали мне. И на свете много дворфов, поступивших подобным образом, поверь мне.

— Ты сбежал из Мифрил Халла?

— Громко сказано.

— Навсегда?

— Это не большой срок для такого старого дворфа, как я.

— Ты сбежал. Ты сбежал и не сказал мне? — твердил Пуэнт, готовый, казалось, забиться в падучей.

Бренор оглянулся на Дзирта и тут услышал грохот нагрудника Пуэнта, ударившегося о землю.

— Ты смылся, старый вонючий орк, и ничего не сказал об этом своему веселому мяснику? — взревел Пуэнт. Он стащил одну рукавицу и бросил ее на землю, потом вторую, затем наклонился и стал снимать свои шипастые поножи. — Ты сделал это с теми, кто любил тебя! Ты заставил нас всех страдать из-за тебя! Ты разбил наши сердца! Мой король!

Бренор нахмурился, но ему нечего было ответить.

— Вся моя жизнь для моего короля, — бормотал Пуэнт.

— Я больше не твой король, — возразил Бренор.

— Да, я тоже так считаю, — сказал Пуэнт и двинул кулаком Бренору в глаз.

Рыжебородый дворф откинулся назад, и его однорогий шлем слетел с головы, а зазубренный топор вонзился в землю.

Пуэнт расстегнул шлем и стянул с головы. Едва он отшвырнул его в сторону, как Бренор ударил его с размаху, свалив берсерка на землю, и драка началась. Они мутузили друг друга, кувыряясь и отвешивая оплеухи, лягались и бодались, не забывая обмениваться ругательствами.

— Сотни лет я мечтал об этом! — кричал Пуэнт, хотя конец фразы получился не очень разборчивым, потому что Бренор засунул руку ему в рот.

— Да, а я мечтал дать тебе шанс! — проорал Бренор, и его голос повысился в конце фразы на несколько октав, когда Пуэнт со всей силы вонзил зубы ему в руку.

— Дзирт! — завопил Нанфудл. — Останови их!

— Нет-нет, не надо! — воскликнула Джесса, радостно хлопая в ладоши.

Выражение лица Дзирта говорило гному, что у эльфа нет ни малейшего желания вступать между двумя разъяренными дворфами. Он скрестил руки на груди, прислонился к высокому камню и выглядел скорее заинтересованным, нежели удивленным.

Сцепившиеся дворфы осыпали друг друга тумаками и проклятиями, катаясь по земле и яростно пытаясь.

— Ба, да ты сын орка! — заявил Бренор.

— Ба, я не твой вонючий сын, ты, проклятый орк! — возразил Пуэнт.

Обменявшись этими репликами, они расцепились, откатившись друг от друга, чтобы извиниться перед Джессой, скрестившей руки на груди и глядящей на них сверху вниз.

— Эээээ... гоблин! — исправились они хором, пожав плечами, и снова принялись кувыркаться, отвешивая друг другу тумаки с прежней энергией. На пути яростно рычащего и

вопящего клубка оказался валун, и, откатившись от него, дворфы оказались на краю небольшого утеса над ручьем, и там Бренор получил некоторое преимущество. Берсерк издал вопль, глянув вниз с утеса.

— И сотни лет я мечтал, чтоб ты принял ванну! — заявил Бренор.

Он немного приподнял Пуэнта и швырнул его прямо в чистый ледяной горный поток — правда, сам тоже не удержался от падения в воду.

Пуэнт прыгал и орал, и любой, кто мог это наблюдать, подумал бы, что бедный дворф упал в кислоту. Он стоял по пояс в потоке, дико дрожал и дергал руками и ногами, пытаясь избавиться от воды. Но по крайней мере, метод сработал: берсерк не хотел больше драться.

— Зачем ты это сделал, мой король? — прошептал несчастный Пуэнт.

— Потому что ты воняешь, и я не твой король! — резко ответил Бренор, бредя по воде к берегу.

— Зачем? — спросил Пуэнт, и в его голосе было столько непонимания и боли, что Бренор резко остановился и, несмотря на то что пребывание в ледяной воде мало нравилось и ему, вернулся, чтобы посмотреть в глаза своему верному берсерку.

— Зачем? — повторил Тибблдорф Пуэнт.

Бренор оглянулся на остальных: все, включая Гвенвивар, подошли к краю утеса, чтобы видеть происходящее. Тяжело вздохнув, «усопший» король Мифрил Халла протянул руку Пуэнту.

— Это был единственный способ, — пояснил Бренор, когда они с Пуэнтом стали карабкаться на утес. — И это было справедливо по отношению к Банаку.

— Банак не должен был стать королем, — сказал Пуэнт.

— А я не мог больше быть королем. Я сделал это, мой друг.

После этих слов повисла пауза, и, как только истинный смысл слов проник в сознание обоих, они обняли друг друга за сильные плечи и вместе взошли на холм.

— Моя задница слишком долго просидела на троне, — заявил Бренор, пройдя мимо стоящих на утесе Дзирта, Нанфудла и Джессы. — Я не знаю, надолго ли ухожу, но есть вещи, которые я хочу найти, но не смогу найти их в Мифрил Халле.

— Твоя девочка и малыш хафлинг? — догадался Пуэнт.

— Не дави из меня слезы, — сурово сказал Бренор. — Если будет на то воля Морадина, я сделаю это — если не в этой жизни, то в его просторных залах. Нет, больше...

— Что больше?

Бренор снова упер руки в бока и посмотрел на запад. Справа поднимались высокие горы севера, а слева — внушительные предгорья юга.

— Гаунтлгрим — вот моя надежда, — сказал Бренор. — Но знай, это будет лишь только дорога и ветер в лицо.

— Итак, ты уходишь? Уходишь навсегда и не вернешься в Мифрил Халл?

— Да, — заявил Бренор. — Ухожу и не вернусь. Никогда. У Мифрил Халла теперь есть Банак, и не в моей власти повернуть время вспять. Моя семья — наша семья — и все короли Серебряных Земель знают, что король Бренор Боевой Топор умер в пятый день шестого месяца Года Истинных Знамений. Да будет так.

— И ты не сказал мне, — снова завел Пуэнт. — Ты сказал эльфу, ты сказал гному, ты сказал вонючему орку, но не сказал мне.

— Я сказал тем, кто уйдет со мной, — объяснил Бренор. — И никто в Мифрил Халле не знает, кроме Кордио, но я нуждался в нем, а его священники не поняли бы. И он, как известно, сохранил тайну, чтобы ты не сомневался.

— Но ты не доверился своему Пуэнту.

— Ты не должен был знать. Так было бы лучше для тебя!

— Видеть моего короля, моего друга, мертвым! Это лучше?

Бренор вздохнул, не найдя ответа.

— Хорошо, я доверяюсь тебе теперь, когда ты не оставил мне никакого выбора. Теперь ты служишь Банаку, но знай, что не стоит ему ничего говорить, как и кому-либо другому в

Мифрил Халле.

Пуэнт решительно замотал головой при последних словах Бренора.

— Я служил королю Бренору, моему другу Бренору, — сказал он. — Моя жизнь — для моего короля и моего друга.

Это заставило Бренора насторожиться.

Он обернулся к Дзирту, который пожал плечами и улыбнулся; потом перевел взгляд на Нанфудла, который нетерпеливо кивнул, и на Джессу, которая произнесла:

— Только если вы обещаете драться время от времени. Мне очень понравилось это зрелище — дворфы, выбивающие друг из друга медовый пот!

— Ба! — фыркнул Бренор.

— Куда теперь, мой ко... мой друг? — спросил Пуэнт.

— На запад, — сказал Бренор. — Далеко на запад. Навсегда на запад.

Часть I БЕСПЛОДНЫЕ ПОПЫТКИ БЕЗУМНОГО БОГА

П ришло время позволить водам прошлого отхлынуть к далеким берегам. Мои ушедшие друзья никогда не будут забыты, но они не должны занимать мои мысли день и ночь. Они рядом со мной, успокаивая я себя, готовые улыбнуться всякий раз, когда я обращаю свой мысленный взор к их образам за утешением. Готовые воззвать к богу войны, когда битва близка, готовые напомнить мне о моих промахах, когда я готов совершить очередную ошибку, и готовые, всегда готовые заставить меня улыбнуться, отогреть мое сердце.

Но, боюсь, они также напомнят мне о боли, несправедливости, о бесстрастных богах, отнявших у меня мою любовь именно в тот момент, когда я только-только обрел покой. Я никогда их не прошу.

«Проживай свою жизнь по частям», — посоветовала мне одна мудрая эльфийка. Жизнь долгожителя, который увидит рассветы и закаты целых веков, стала бы настоящим проклятием, если постоянно помнить о скорой смерти тех, с кем свела судьба на этом отрезке жизни.

Теперь же, по истечении более чем сорока лет, я поднимаю свой бокал за тех, кто ушел: за Дюдермонта, за Кэддерли, за Реджиса, возможно — за Вульфгара, об участии которого я ничего не знаю. Я поднимаю бокал за Кэтти-бри, мою любовь, мою жизнь... Любовь кусочка моей жизни.

Случай, судьба, боги...

Я никогда не прошу их.

Так уверенно и убежденно произношу эти искренние слова, и все же моя рука дрожит, когда я пишу их. Прошло уже две трети столетия со времен падения короля Призраков, разрушения храма Парящего Духа и сме... ухода Кэтти-бри. Но то страшное утро я помню с болезненной четкостью, хотя очень многие воспоминания о моей жизни с Кэтти кажутся далекими, словно я оглядываюсь на жизнь какого-то другого дреу, чье место я занял. То утро, когда души моей возлюбленной и Реджиса уехали из Мифрил Халла на призрачном единороге, пройдя сквозь каменные стены, покинули меня. То утро, отравленное самой сильной болью, что доводилось мне испытывать, и оставившее в моем сердце незаживающую, кровоточащую, горящую огнем рану.

Но довольно.

Этот образ я погружаю в стремительные воды памяти и не оглядываюсь на него, пока он уплывает.

Я иду вперед по открытой дороге с друзьями — старыми и новыми. Слишком долго мои клинки пребывали в покое, слишком чисты мои сапоги и плащ. Слишком беспокойна Гвенвивар. Слишком беспокойно сердце Дзирта До'Урдена.

Мы отправляемся в Гаунтлгрим, как утверждает Бренор, хотя мне это

кажется безнадежным предприятием. Но по правде говоря, это не имеет значения: он уходит завершать свою жизнь, а я иду искать новые берега — чистые берега, свободные от оков прошлого, новую часть моей жизни.

Вот что значит быть эльфом.

Вот что значит быть живым. Жизнь — это наиболее мучительное испытание для рас долгожителей. Даже люди делят свои жизни на этапы, хотя редко осознают их быстротечность, переходя с одной ступени своего существования на другую. Каждый, кого я знал, обманывал себя, полагая, что текущее положение вещей будет неизменно из года в год. Так легко говорить об ожиданиях, о том, что будет лет через десять, и быть уверенным в том, что мир вокруг останется прежним или улучшится в соответствии с желаниями.

«Такой будет моя жизнь в течение года!»

«Такой будет моя жизнь в течение пяти лет!»

«Такой будет моя жизнь в течение десяти лет!»

Все мы твердо верим в эту иллюзию, стремясь облегчить себе дорогу. Но в конце этого пути, будь то год, пять лет, десять или пятьдесят, именно пройденное, а не цель, достигнутая или потерянная, определяет, кто мы. Путь — это история нашей жизни, а не успех или провал в ее конце. И наиболее важный вопрос, на который необходимо отвечать самому себе: «Какова моя жизнь сейчас?»

Я Дзирт До'Урден, некогда из Мифрил Халла, некогда изгнанник города дроу, некогда ученик удивительного мастера оружия, некогда любимый муж, некогда друг короля и других прекрасных и значительных личностей. Это реки моей памяти, утекающие теперь к далекому океану, чтобы я мог отыскать исток нового пути и свое сердце.

Я уже не ищу цели, как ни удивительно это осознавать, потому что мир вышел за рамки того, что я считал истиной. Королевства полны предчувствием повой тьмы и страхом, маня того, кто захочет изменить существующий порядок вещей.

Однажды я принесу с собой свет, чтобы рассеять тьму, но сегодня я беру клинки, так долго лежавшие без дела, и приветствую ее.

Хватит! Я излечился от раны, оставшейся после потерь!

И это ложь.

Дзирт До'Урден

Глава первая ПРОКЛЯТАЯ

Год Раскопанного Знания (1451 ЛД)

Она создала хитрое приспособление — похожий на наперсток конический кусок гладкого кедра с острием, как у дротика, и отверстием, позволявшим надевать его на палец. Она надела и осторожно затянула шнурок. Мирское стало магическим, дротик на пальце уменьшился и принял форму красивого кольца с сапфиром.

Сияющее украшение как нельзя лучше подходило величественному образу Далии Син'фелл. Высокая гибкая эльфийка носила прическу в виде единственной толстой косы из переплетенных иссиня-черных и рыжих прядей, сбегавшей с правой стороны головы (левая была гладко выбрита). Длинные пальцы были украшены не только драгоценными кольцами, они оканчивались ухоженными ногтями, окрашенными в белый цвет и усыпанными крошечными алмазами. Льдисто-голубые глаза могли как заморозить, так и сжечь сердце человека одним лишь взглядом. Далия выглядела воплощенным идеалом художника аристократии Тея, благороднейшей из благородных дам, способной сводить с ума, вселять в сердца трепет желания или огонь убийственной ревности.

Она носила в мочке левого уха семь бриллиантов, по одному на каждого убитого ею

любовника, а в правом — два более мелких сверкающих гвоздика — для поклонников, которых еще предстояло убить. Как и у некоторых мужчин, на голове Далии имелась синяя татуировка, сделанная красителем из растения вайд. Не многие женщины Тея решались сделать с собой подобное. Изящный гипнотизирующий узор из синих и фиолетовых точек, созданный умелым художником не без помощи магии, украшал левую, выбритую сторону ее черепа. Если Далия изящно поворачивала голову вправо, можно было увидеть шагающую среди синих тростников газель. Когда она резко поворачивалась влево, казалось, гибкая кошка готовится к прыжку. Когда в голубых глазах сверкало желание, ее цель, будь то мужчина или женщина, могла только беспомощно разглядывать вызывающие головокружение узоры Далии и оказаться в ловушке, из которой невозможно освободиться.

Далия носила багровое платье без рукавов с вырезом на спине и глубоким декольте спереди, мягкие округлости груди контрастировали с жесткими швами дорогой ткани. Платье почти доставало до пола, с правой стороны имелся разрез до бедра. Это заставляло жаждущие взоры мужчин скользить от блестящих красных ногтей на ногах, мимо изящных ремней рубиновых сандалий и выше по фарфоровой коже красивой ноги. Достигнув бедра, взгляд не мог не двинуться выше через стягивающий разрез черно-красный шнур. У платья был высокий воротник, демонстрировавший тонкую шею, на которой сидела голова идеальной формы. Эльфийка напоминала изящную фарфоровую вазу со свежим букетом.

Далия Син'фелл осознавала свое величие.

Выражение лица Корвина Дор'Кри, вошедшего к ней в комнату, в очередной раз подтвердило производимое Далией впечатление. Он нетерпеливо приблизился к ней и заключил в объятия. Он не был ни высок, ни крепко сложен, но его объятие было болезненно крепким. И он грубо притянул женщину к себе, покрывая поцелуями ее подбородок.

— Не сомневаюсь, тебе не много нужно для удовлетворения, но как насчет меня? — спросила она, и невинность в ее голосе только подчеркнула сарказм.

Дор'Кри отодвинулся, чтобы посмотреть в ее глаза, и широко улыбнулся, продемонстрировав вампирские клыки.

— Я думал, вы наслаждаетесь моим празднеством, миледи, — ответил он и снова приблизился к ней, нежно прикусив кожу на шее эльфийки.

— Успокойся, любовь моя, — прошептала Далия, но при этом, дразня его, двигалась так, чтобы Дор'Кри не смог последовать ее совету.

Ее пальцы ласкали его ухо и путались в длинных густых черных волосах. Она дразнила его всю ночь, а с приближением рассвета у вампира оставалось все меньше времени. Особенно учитывая то, что они находились в башне со множеством окон. Он попытался подтолкнуть ее к кровати, но Далия не сдвинулась с места. Вампир усилил натиск и прикусил кожу менее нежно.

— Спокойнее, — прошептала женщина, хихикнув. — Ты не сделаешь меня одной из твоего племени.

— Ты можешь играть со мной целую вечность, — пробормотал Дор'Кри.

Он осмелился укусить по-настоящему, его клыки наконец пронзили кожу Далии.

Эльфийка опустила правую руку и, дотронувшись большим пальцем до кольца на указательном, нажала на камень. Затем протянула обе руки к груди Дор'Кри, развязывая кожаные шнурки его рубашки и распахивая ткань. Ее пальцы блуждали по коже вампира. Тот застонал, приблизился и прикусил сильнее.

Правая ладонь Далии легла ему на грудь, легко скользнула к впадине под грудиной и отставила указательный палец, словно приготовившаяся к удару гадюка.

— Убери свои клыки, — предупредила Далия, хотя ее голос был все еще хриплым и дразнящим.

Вампир застонал, и гадюка ударила.

Дор'Кри сделал вдох, в котором не нуждался, отпустил шею Далии и попятился, корчась, когда заостренный деревянный шип проник в его плоть и остановился в дюйме от сердца. Вампир пытался отступить, но Далия следовала за ним, продолжая давить ровно

настолько, чтобы причинять невыносимую боль, не убивая существо.

— Зачем ты заставляешь меня мучить тебя, любимый? — спросила она. — Что я сделала, чтобы заслужить такое удовольствие?

Она слегка повернула шип, и вампир сжался перед нею на подгибающихся ногах.

— Далия! — умоляюще воскликнул он.

— Прошло десять дней, как я дала тебе задание, — напомнила она.

Глаза Дор'Кри расширились от ужаса.

— Кольца Страха, — вымолвил он. — Сзасс Тем расширит их.

— Конечно, я знаю это!

— К новым областям!

Далия зарычала и еще раз повернула шип, опустив Дор'Кри на колени.

— Варвары-шадовары сильны в лесу Невервинтер, южнее города с тем же названием! — прохрипел вампир. — Они преследовали паладинов от Владений Хельма и беспрепятственно патрулировали лес.

— Представь себе! — воскликнула Далия с сарказмом.

— Ходят слухи... Главная башня... волшебные палаты и высвобожденная энергия...

Озлобленная Далия была заинтригована и, вопреки первоначальному намерению, ослабила натиск.

— Я пока еще не знаю всего, — сказал вампир, говорить ему стало значительно легче. — Когда была построена Главная тайная башня в Лускане — этого не упомнит самый дряхлый эльф. Есть... — Дор'Кри захрипел, когда шип на пальце Далии надавил сильнее.

— Ближе к делу, вампир. У меня нет вечности в запасе. — Она лукаво посмотрела на него. — И если ты предложишь мне ее еще раз, я покажу тебе, как она заканчивается.

— Нарушено магическое равновесие из-за падения Главной башни, — прохрипел Дор'Кри. — Возможно, мы сможем в достаточном масштабе создать...

Эльфийка снова надавила, заставив его замолчать. Лускан, Невервинтер, Побережье Мечей... Существование той области не было тайной для Далии. Простое упоминание об этом регионе всколыхнуло ранящие сердце воспоминания детства, когда она впервые познакомилась с жестокостью мира.

Далия отбросила вставшие перед мысленным взором образы — сейчас не время, не с опасным вампиром, удерживаемым на расстоянии вытянутой руки.

— Что еще? — потребовала она.

Вампир выглядел испуганным, — очевидно, ему было нечего добавить, он ожидал смерти от рук беспощадной эльфийки.

Но Далия была заинтригована сильнее, чем показывала это. Она убрала руку так внезапно, что Дор'Кри упал на четвереньки, закрыв глаза в безмолвной благодарности.

— Когда ты рядом, я всегда могу тебя убить, — произнесла женщина. — В следующий раз, когда забудешь это и попытаешься разочаровать меня, я с удовольствием уничтожу тебя.

Дор'Кри посмотрел на эльфийку, по выражению его лица было понятно, что он нисколько не сомневается в ее словах.

— Теперь мы займемся любовью, и, ради твоего же блага, советую постараться, — приказала Далия.

Этот поход к ручью оказался интересным. Совсем недавно вылупились головастики, и двенадцатилетняя эльфийская девочка с удовольствием провела несколько часов наблюдая за их мельтешением. Ее мать разрешила не торопиться, потому что в тот день отец ушел на охоту и до ужина вода не понадобится.

Когда Далия поднялась на холм, она увидела дым, услышала крики и поняла, что пришли плохие люди. Надо было бежать. Ей следовало развернуться и со всех ног бежать назад к ручью и дальше за него. Она должна была оставить свою обреченную деревню и спастись, надеясь позже найти отца.

Но Далия бросилась к дому, выкликая мать.

На деревню напали варвары из Незерила.

Далия отбросила воспоминания, как делала всегда, помня, что следует быть твердой и безжалостной. Она пнула вампира, опрокидывая его на спину, и села на него верхом. Дор'Кри был превосходным любовником — именно поэтому Далия оставляла его в живых так долго, — и, воспользовавшись тем, что эльфийка отвлеклась, он вернул себе контроль над ситуацией. Но не надолго. Эльфийка быстро превратила их любовные ласки в пытку, нанося вампиру удары и царапины, демонстрируя деревянный шип, не давая ему испытать удовольствие, которое чувствовала сама.

Затем Далия отпихнула любовника от себя и приказала ему уйти, предупредив, что ее терпение имеет пределы и чтоб он не смел показываться ей на глаза, пока не разузнает больше о Главной башне и последствиях катастрофы на западе.

Вампир уполз словно побитая собака, оставив Далию наедине с ее воспоминаниями.

Они убили мужчин, затем самых юных и пожилых женщин, уже вышедших из детородного возраста или еще не достигших его. А с двумя беременными селянками варвары поступили наихудшим образом — вырезали плоды их чрев и оставили умирать в грязи.

Незересы, хоть и действовали в кровавом угаре, держали нерожденных эльфийских младенцев за составляющие эликсира вечной молодости.

Ее платье было очень похоже на то, что надела Далия в тот день: высокий ворот, открытая шея, глубокое декольте. Никто не отрицал, что Силора Салм очень привлекательна в нем. Как и у соперницы, ее голова была побрита. Она была старше Далии на несколько лет и человеком, а не эльфийкой, ее красота еще не потускнела.

Она стояла на краю мертвого леса, где искореженные остатки некогда могучих деревьев высились до самого края нового Кольца Страх — расширяющегося черного круга абсолютного опустошения. Ничто не выживало на этой темной оскверненной земле, покрытой только пеплом и пылью. Хотя Силора была одета словно для королевского бала, она не выглядела неуместно здесь — ее холодность и равнодушие идеально вписывались в мертвый пейзаж.

— Вампир навел справки, — говорил ее единственный сопровождающий — Темерелис, неповоротливый молодой человек лет двадцати.

На нем был короткий клетчатый килт, сапоги с низкими голенищами и расстегнутый на мускулистой груди кожаный жилет. Мощные плечи казались еще шире из-за большого двуручного меча, висевшего за спиной.

— Почему ведьма так заинтересовалась Главной башней? — спросила Силора, обращаясь в большей степени к себе самой, нежели к Темерелису. — Прошло почти столетие с тех пор, как пало это чудовище, и остатки тайного братства не подавали признаков того, что они собираются его восстановить.

— Они не могли, — ответил Темерелис. — Связующие двеомеры были недоступны им и до Разрыва. Увы, это волшебство потеряно для мира.

Силора насмешливо посмотрела на компаньона.

— Ты это услышал в библиотеке, шпионя за Далией?

Она подняла руку, приказывая молчать, когда он собрался ответить. Но мужчина был настолько недалек, что не понял оскорбления.

— Зачем еще тебе бывать в библиотеке? — спросила Силора и состроила гримасу отвращения, когда Темерелис посмотрел на нее с очевидным замешательством.

— Не дразни меня, леди, — предупредил воин.

Силора бросила на него колкий взгляд.

— Ох, умоляю, скажи, почему же я не должна этого делать?! — воскликнула она. — Ты вынешь меч и разрубишь меня пополам?

Темерелис впился в нее взглядом, но этим только вызвал взрыв смеха волшебницы Тея.

— Я предпочитаю другое оружие, — сказала Силора, дразняще поглаживая сильную руку Темерелиса.

Мужчина придвинулся ближе, но она остановила его жестом.

— Только если ты заслужишь, — объяснила она.

— Они уезжают сегодня, — сказал Темерелис.

— Тогда у тебя есть повод быстрее закончить эту работу. — Женщина слегка толкнула здоровяка и жестом приказала оставить ее.

Темерелис расстроено фыркнул, отвернулся и пошел к воротам виднеющегося вдали замка на холме.

Силора проводила его взглядом. Женщина знала, как легко он мог подобраться к осторожной и опасной Далии, ненавидела его за это и даже хотела убить, но понимала, что не вправе винить Темерелиса. Глаза Силоры сузились от ненависти. Как же она хотела избавиться от Далии Син'фелл!

— Эти мысли не принесут тебе пользы, моя дорогая, — послышался знакомый голос из Кольца Страха.

Даже не узнай его, она догадалась бы, кто его обладатель, ведь только одно существо осмелилось бы войти в новое кольцо.

— Почему ты терпишь ее? — спросила Силора, обернувшись к трепещущей завесе потревоженного пепла, которая обозначила радиус защитной брони некроманта.

Она не могла видеть Сзасса Тема через эту непрозрачную завесу, но его присутствие по ощущениям напоминало порыв зимнего ветра, несущего колкие капли дождя со снегом.

— Она всего лишь ребенок, — ответил Сзасс Тем. — Она еще не до конца изучила этикет Тея.

— Она здесь уже шесть лет, — возразила женщина.

Кудахчущий смех Сзасса Тема заставил ее негодование вспыхнуть с новой силой.

— Она управляет Иглой Коза, а это не мелочь.

— Сломанный посох, — произнесла Силора с отвращением. — Оружие. Простое оружие.

— Не столь простое для тех, кто ощутил его укус.

— Это всего лишь оружие, которое не позволяет понять красоту чистого заклинания и мощи разума.

— Больше чем оружие, — прошептал Сзасс Тем, но Силора проигнорировала его.

— Ловкий обман, — сказала она. — Все это только вспышки, ослепления и грохот, которых может испугаться только ребенок.

— Я насчитал семь жертв, — напомнил лич, — включая трех, обладавших значительной славой и репутацией. И вернуть их к жизни я не смог.

Когда он упомянул о своем умении воскрешать из мертвых, вдоль позвоночника Силоры пробежал холодок.

— Я начинаю опасаться, что леди Далия уменьшает количество моих слуг слишком быстро.

— Не надо ставить ей это в заслугу, — предупредила Силора. — Она убивала их, выждав удобный момент, когда они были уязвимы. Их обманули молодость и красота Далии, теперь это все знают, не одна я.

— И леди Кэхдэмайн? — спросил Сзасс Тем.

Силора поморщилась. Кэхдэмайн была ее союзницей, если не настоящим другом, и они разделили много приключений, включая зачистку от крестьян земель для Кольца Страха. Гниющая плоть простолюдинов послужила отличным кормом для Кольца. В те радостные времена, тремя годами ранее, Кэхдэмайн часто рассказывала о молодой эльфийке, которую взяла под крыло, чтобы обучить ее искусству войны и соблазнения.

Не недооценила ли Кэхдэмайн Далию? Была ослеплена презрением к опасности, которую представляла собой бессердечная эльфийка?

Кэхдэмайн стала средним бриллиантом на левой мочке Далии, четвертым из семи.

Силора знала об этом, потому как разбиралась в символике эльфов. И Далия носила два гвоздика в правом ухе. Конечно, Дор'Кри был одним из ее возлюбленных. Силора посмотрела на отдаленный замок, куда отправился Темерелис.

— Тебе не придется терпеть ее здесь долго, — заметил Сзасс Тем, будто читая мысли Силоры. — Она направляется в Лускан, к Побережью Мечей.

— Пусть пираты порубят ее на части.

— Далия хорошо служит мне, — предупредил бестелесный голос Сзасса Тема.

— Ты это говоришь, чтобы я не нападала на нее?

— Ты тоже хорошо мне служишь, — ответил лич. — Так я сказал Далии.

Оскорбленная Силора развернулась и зашагала прочь. Как смеет Сзасс Тем ставить своенравную бродяжку на один уровень с ней?!

Это была важная ночь, и поэтому Далия хотела хорошо выглядеть. Не тщеславие потянуло ее к зеркалу, а отточенное мастерство. Ее искусство было вопросом совершенства, и малейшая промашка может обернуться смертным приговором.

Ее черные кожаные сапоги закрывали ноги выше колен и касались такой же черной кожаной юбки. На юбке был разрез, достигающий до середины правого бедра. На ремне, представлявшем собой красный шнур, по бокам были подвешены кожаные мешочки черного цвета с красными стежками. Белая блузка из тончайшего шелка с бриллиантовыми запонками в манжетах ничуть не стесняла движений. Маленький кожаный жилет обеспечивал некоторую защиту, но настоящую броню заменяли магическое кольцо, зачарованный плащ и тонкие волшебные браслеты, скрытые манжетами.

Далия оставила расстегнутыми несколько верхних пуговиц жилета, но стоячий воротничок блузки плотно облегал шею. Находиться под солнцем с бритой головой было бы неосмотрительно, поэтому Далия надела широкополую черную шляпу, украшенную красной тесьмой и плюмажем.

Когда она, выставив чуть согнутую в колене ногу, принимала соблазнительную позу, какой мужчина смог бы ей сопротивляться?

Но соблазнительная красота, отраженная в зеркале, имела мало общего с той тьмой, что жила у нее внутри.

Они легко схватили ее и повалили на землю, но не бросили в толпу пленников. Далия поймала пристальный взгляд огромного могучего варвара-шадовара, который руководил набегом. В то время как большинство налетчиков были темнокожими людьми, лидер, судя по рогам, был полудемоном — тифлингом.

Он подал своим знак, что юная пленница, едва вышедшая из детского возраста, принадлежит ему.

Варвары сорвали с нее одежду и приготовили как для жертвоприношения. Только теперь Далия осознала, сколь опрометчиво было ее возвращение в деревню, поняла, какая судьба уготована ей и ее родным.

Она услышала голос матери, выкрикивавшей ее имя, и краем глаза увидела, что женщина бросилась к ней, но была схвачена и отброшена обратно.

Затем над Далией встал огромный тифлинг и искоса глянул на эльфийку.

— Не сопротивляйся, девочка, и твоя мать будет жить, — пообещал он.

Он взял ее. Далии удалось повернуть голову и увидеть мать в тот момент, когда предводитель шадоваров ложился на нее. Ей даже удалось сдержать крик, хотя девочка чувствовала себя так, словно ее разрывает надвое. Это закончилось быстро, но ее унижение только начиналось.

Два варвара схватили ее за лодыжки и подняли в воздух вверх тормашками.

— Ты сохранишь семя Херцго Алегни, — издевались они, лапая ее тело.

Внезапно они опустили Далию, так что от удара о землю она едва не потеряла сознания. Сквозь пелену в глазах она все же смогла еще раз увидеть мать. И тифлинга, Херцго Алегни, стоящего над ней.

Он оглянулся на Далию и улыбнулся — сможет ли она когда-либо забыть ту улыбку? Затем он небрежно наступил ее матери на горло, раздавив хрупкие эльфийские кости.

Далия сделала глубокий вдох и закрыла глаза. И словно на мгновение потеряла сознание, хотя уже не была тем ребенком, что несколько десятилетий назад. Та молодая эльфийская девочка была мертва. Далия убила ее. Убила изнутри и заменила изящным, смертельно опасным существом, чьи глаза отражались в зеркале.

Ее рука скользнула по плоскому животу, и Далия вспомнила время, когда носила ребенка, ребенка того улыбающегося варвара.

Еще раз глубоко вздохнув, она поправила шляпу и отошла от зеркала, чтобы взять Иглу Коза. Тонкий металлический посох составлял восемь футов в длину, и хотя даже вблизи он казался хрупким, как стекло, мало было вещей прочнее. Четыре суставчатых скрепления были почти не видны, но Далия знала их так же, как знала пальцы своей руки.

Легким нажатием эльфийка согнула посох пополам, превратив таким образом в удобную четырехфутовую трость. Складывая посох, Далия ощутила вошедший в нее разряд энергии, мускулы ее предплечья слегка дернулись под мягкими складками рукава.

В последний раз она окинула взглядом спальню. Дор'Кри уже отнес к фургону большие тюки, но она решила чуть задержаться, внимательно осмотреться и убедиться, что ничего не забыла.

Но когда она вышла, то больше уже не оглядывалась, хотя и предполагала, что пройдет несколько лет, прежде чем снова увидит это место, бывшее ее домом больше пяти лет.

Корни имели горький вкус, поэтому, кладя их в рот один за другим, она не могла не прикрывать его рукой. Но старейшины твердили, что незересы возвратятся. Варвары знали: Далия носит ребенка их вождя.

Одна старая эльфийка пыталась уговорить ее покончить жизнь самоубийством. Но та девочка, которая по глупости побежала в деревню, вместо того чтобы скрыться в лесу, уже была мертва.

По прошествии времени она почувствовала острую боль в животе — ужасные конвульсии, раздирающие тело, слишком молодое для рождения ребенка.

Она не издала ни звука, только тяжело дышала, напрягала мускулы и толкала изо всех сил, чтобы выдавить из себя ребенка монстра. Измученная, в испарине, она наконец ощутила облегчение и услышала первые крики своего ребенка, сына Херцго Алегни. Акушерка положила малыша на ее грудь, и смесь отвращения с неожиданной нежностью затопила женщину.

Далия не знала, что думать, и приняла как утешение болтовню женщин, обсуждающих успешные роды.

Далия запрокинула голову и закрыла глаза. Она не могла позволить им вернуться. Она не могла позволить им определять ее жизненный путь.

— Ты еще не уехала? — Силора Салм неожиданно возникла перед Далией, стоило ей выйти из комнаты. — Я думала, что ты сейчас на полпути к Побережью Мечей.

— Хотела проверить, не оставила ли я какие-нибудь наряды, да, Силора? — поинтересовалась эльфийка. Она приняла задумчивый вид, прежде чем продолжить: — Возьми зеркало, пусть оно хорошо послужит тебе.

Силора рассмеялась:

— Я уверена, что ему понравится мое отражение.

— Сомневаюсь. Но даже если так, человек, ты состаришься достаточно скоро, станешь

блеклой и дряхлой, в то время как я все еще буду молодой и свежей.

Глаза Силоры опасно вспыхнули, и Далия сжала Иглу Коза чуть сильнее, хоть и понимала, что волшебница не станет злить Сзасса Тема.

— Простолюдинка, — ответила Силора. — Есть способы избежать этого.

— Ах да, способ Сзасса Тема, — пробормотала Далия и внезапно придвинулась к Силоре лицом к лицу так, чтобы женщина смогла ощутить ее горячее дыхание.

— Когда ты спишь с Темерелисом и вдыхаешь его запах, чувствуешь ли, что я как будто нахожусь в комнате между вами? — прошептала эльфийка.

Силора глубоко вдохнула и немного отступила, словно собиралась ударить Далию. Но молодая эльфийка была быстрее и ожидала такой реакции.

— И ты будешь бледной и бездыханной, — сказала она и, сложив свободную ладонь чашечкой, схватила промежность Силоры, — холодной и сухой, в то время как я останусь теплой и...

Силора завопила, а Далия расхохоталась и вышла из зала.

Волшебница шипела от гнева, но Далия оглянулась на нее — и ее веселье улетучилось.

— Бей быстро и точно, ведьма, — предупредила она, поставив перед собой Иглу Коза, — так как, прежде чем ты успеешь произнести заклинание, я отправлю тебя в столь темное королевство, что даже Сзасс Тем не сможет вытащить тебя оттуда.

Руки Силоры тряслись от почти неконтролируемого гнева. Она не проронила ни звука, но Далия ясно слышала каждое слово: «Дерзкая эльфийская дрянь!»

Ее грудь тяжело вздымалась, пока волшебница пыталась вернуть самообладание. Силора постепенно начала приходить в себя и опустила руки.

Далия рассмеялась.

— Я так не думаю, — сказала она и покинула зал.

Эльфийка приблизилась к выходу, по обе стороны от которого расходились два коридора. Левый вел во внутренний двор, где ее ждал Дор'Кри возле фургонов, а правый — в сад, к другому ее любовнику.

Она выбрала хорошее место и поняла это сразу же, как только подошла к краю утеса и рассмотрела лагерь варваров Херцго Алегни. Они не могли добраться до нее, не пробежав почти милю на юг, и не могли взобраться на утес высотой сто футов ни с оружием, ни с заклинанием.

— Херцго Алегни! — выкрикнула она.

Девушка держала ребенка перед собой. Ее голос отражался от камней, эхом отдаваясь по ущелью и достигая стоянки.

— Херцго Алегни! — крикнула она снова. — Это твой сын!

Девушка продолжала выкрикивать это, пока в лагере не началась суматоха.

Далия заметила несколько шадоваров, бегущих на юг, но они не представляли для нее интереса. Эльфийка кричала снова и снова. Варвары приблизились, сгрудились у подножия утеса и смотрели на нее. Далия могла только догадываться, насколько их удивило появление глупой девчонки.

— Херцго Алегни, это твой сын! — пронзительно крикнула она, подняв ребенка выше.

Эльфийка искала глазами в толпе фигуру тифлинга, выкрикивая имя отца своего ребенка. Она хотела, чтобы мерзавец услышал ее. Она хотела, чтобы он увидел.

Она не смогла разглядеть лица Темерелиса, выйдя в сад. Ночь была темной, лишь несколько звезд выглядывали из-за густых облаков, появившихся этим вечером. Пламя нескольких факелов металось на сильном ветру, заполнив все вокруг пляшущими тенями.

— Я не знал, придешь ли ты, — сказал мужчина. — Я боялся...

— Что я уеду, не попрощавшись должным образом?

Мужчина хотел ответить, но не нашел слов и просто пожал плечами.

— Ты хочешь заняться любовью в последний раз? — спросила Далия.

— Я поеду с тобой в Лускан, если ты пожелаешь.

— Но так как ты не сможешь...

Он протянул к ней руки, умоляя об объятии, но Далия отстранилась, сохраняя между ними расстояние.

— Прошу, любовь моя, — взмолился он. — Одно мгновение, которое мы будем помнить, пока не встретимся снова.

— Последняя шпилька Силоре Салм? — спросила Далия, и лицо Темерелиса застыло в замешательстве, пока до него не дошел смысл сказанного.

Он недоверчиво уставился на нее.

Далия рассмеялась.

— О, я нанесу ей удар этой ночью, — пообещала она. — Но без взаимности.

Плавным движением она выставила правую руку вперед, затем неуловимо шевельнула запястьем, распрямляя посох во всю длину.

Темерелис споткнулся, попятившись, его глаза широко раскрылись от потрясения.

— Подойди же, любимый, — поманила Далия, горизонтально выставив посох прямо перед собой.

Невидимым для противника движением она разомкнула два соединения, оставив в руках центральную четырехфутовую секцию посоха, две другие части свисали на коротких цепях. Еще одним неуловимым движением Далия раскрутила крайние палки. Она начала вращать центральную палку в воздухе перед собой, поочередно опуская края и ускоряя вращение.

— Этого не должно было произойти...

— О, но это происходит! — уверила его женщина.

— Но наша любовь...

— Наша похоть, — поправила эльфийка, — мне уже наскучила, и я уезжаю отсюда надолго. Подойди же, трус! Ты ли не утверждал, что ты — великий воин? Почему же ты боишься такого крошечного существа, как Далия?

Она еще яростнее раскрутила посох. Темерелис опустил руки и смерил женщину жестким взглядом.

Далия перехватила центральную часть посоха одной рукой и остановила вращение. Когда крайние части качнулись вперед, собираясь столкнуться, они породили молнии, которые Далия мастерски направила в своего противника.

Обе молнии поочередно жалили Темерелиса. Ни одна не нанесла реальных повреждений, но смех Далии, казалось, уязвил его куда сильнее. Он вынул двуручник и, глубоко вздохнув, расставил ноги, приняв прочную бойцовскую стойку.

Эльфийка прыгнула, двигая центральную часть посоха вперед-назад, заставив крайние части снова раскрутиться. Она внезапно отвела назад левую ногу, перенесла на нее центр тяжести, развернувшись так, что вращающаяся часть посоха метнулась к голове Темерелиса.

Вовсе не новичок в битвах, воин блокировал посох мечом и вовремя успел переместить клинок, чтобы отразить еще одну атаку, так как Далия сменила позу и ударила снова. И снова он уклонился.

— Как трогательно, — усмехнулась эльфийка, сделав шаг назад и позволив ему вернуться в боевую стойку.

Воин атаковал с внезапно вспыхнувшей яростью, его меч взметнулся, как черное крыло, со звуком, подобным гудению струны.

Но поражал он лишь воздух.

Далия прыгнула, сделала сальто и приземлилась на ноги, Темерелис оказался у нее за спиной. Когда воин совершил очередной выпад, эльфийка в развороте отбила его меч левой частью посоха, а затем встретила клинок центральной секцией и ударила противника вращающейся правой. Все три части посоха выпустили разряд энергии в меч Темерелиса.

Ошеломленный, воин отступил, скрипя зубами.

Далия снова раскрутила посох так, что вращение крайних секций сделало их

невидимыми. Она сделала ложный выпад и отступила, выпрямив руки и переведя посох в горизонтальное положение. Эльфийка шагнула вперед, согнув руки так, что посох прижался к ее груди, и, когда это произошло, сломала его центральную секцию пополам.

Темерелис с трудом мог следить за ее движениями, после того как у Далии в руках оказались две пары двухфутовых металлических стержней, соединенных между собой цепью. Она мастерски раскрутила их перед собой, не останавливаясь и не замедляясь, а затем заставила секции ударяться друг о друга при вращении. Каждое соприкосновение порождало разряд энергии.

Облака над ними сгустились, пророкотал гром, словно небеса отвечали на зов Иглы Коза.

Наконец Далия ударила Темерелиса, широко размахнувшись.

И сильно промахнулась.

Промахнулась нарочно.

Темерелис ушел из-под удара вправо.

Далия не останавливала вращения оружия и отступила, оказавшись вне досягаемости меча Темерелиса. Она обернулась и дважды парировала выпады противника.

Посох больше не жалил разрядами энергии, на что Темерелис даже не обратил внимания. Так или иначе, эффективный двойной блок замедлил его движения, и, когда Далия сменила направление вращения оружия, он отступил.

Они атаковали почти одновременно, металлические секции посоха ударили двуручник с двух сторон, правая соприкоснулась с клинком ниже левой, и Далия высвободила разряд Иглы Коза.

Мощный разряд ослабил хватку Темерелиса, и двуручник выпал из его рук.

Он бросился к мечу, но Далия преградила ему путь, нанеся несколько молниеносных ударов. Она била его по рукам снова и снова, затем посох врезался ему в грудь и один раз в лицо, разбив губы.

Эльфийка пресекала все попытки воина защититься, ее оружие жалило сразу со всех сторон, оставляя на коже ссадину за ссадиной. Один удар пришелся Темерелису в левое предплечье и был настолько силен, что треск ломающихся костей послышался раньше, чем воин понял, что произошло.

Ошеломленный, лишенный равновесия и почти выбившийся из сил, воин попытался ударить Далию кулаком. Она присела, увернулась и выбросила вперед правую руку, ударив своим оружием его раненое плечо. Затем продолжила разворот, оперев в противника бедро и заставляя его согнуться, а затем резким рывком перекинула Темерелиса через себя.

Воин рухнул на спину. Удар выбил весь воздух из легких, заставил затаманиться зрение и мысли.

Далия не замедлила вращения оружия, желая окончательно свести счеты с упавшим противником. Она простерла руки перед собой и соединила центральную четырехфутовую часть посоха. Затем взмахнула еще раз, соединяя оружие в единое целое. Через мгновение она опять держала в руках цельный восьмифутовый посох. Эльфийка уперла один конец оружия в землю и прыгнула вверх, отталкиваясь от него как от шеста.

— Айэ Коза! — прокричала она темным облакам над головой.

Она приземлилась возле Темерелиса, опуская посох вниз, словно копье, и пронзая грудь воина.

Затрещали молнии, и Далия снова воззвала к древнему, давно позабытому богу грома, встав в победную стойку, держа в одной руке соединенное оружие, а другую опустив вдоль тела. Ее голова была запрокинута, эльфийка смотрела на небо.

Разряд, сопровождаемый оглушительным громом, ударил в посох и спустился вдоль него. Часть разряда вошла в Далию, омывая ее ветвящимися линиями синей и белой энергии, но основная часть досталась Темерелису. Его руки и ноги вытянулись до предела, суставы протестующе затрещали, глаза вылезли из орбит, а волосы встали дыбом. В теле Темерелиса появилась огромная обгорелая дыра вокруг пронзившего его посоха.

И Далия держалась за свое оружие, наслаждаясь энергией, струящейся сквозь ее гибкое тело.

Она посмотрела вниз на собравшихся варваров и увидела проталкивающегося через их ряды тифлинга.

— Херцго Алегни, это твой сын! — крикнула она.

И бросила ребенка со скалы.

Глава вторая **ПОСЛЕДНЯЯ ДОРОГА СТАРОГО ДВОРФА**

— Он был всего лишь мальчишкой... много лет назад, — сказала женщина и коснулась плеча пожилого отца.

Тот явно чувствовал себя неловко — ведь теперешняя действительность явно противоречила его рассказу.

Дзирт До'Урден поднял темные руки, чтобы показать этим двоим — и особенно пожилому человеку, — что верит.

— Это произошло здесь, — сказал Латан Обридок. — Самый поразительный лес из всех, что я когда-либо видел. Он был полон весенним теплом, пением и звоном колокольчиков. Мы все видели это, и я, и Спраган, и Аддадербер и... как звали того капитана?

— Ашелия, — ответил Дзирт.

— Да, — ответил старик, — Ашелия Ларсон; она знала озеро лучше кого бы то ни было. Она была великим капитаном. И притом простая рыбачка, знаете ли. Мы собирались пересечь озеро... — Он указал на темные воды Лак Диннешира, а затем на гниющие остатки того, что некогда было причалом, на руины старой лачуги и берег. — Мы направлялись к тому рейнджеру, Ронди. Да, Ронди. Я думаю, он заплатил Ашелии, чтобы перебраться через озеро. Вам надо поговорить с ним.

— Уже, — ответил Дзирт, пытаясь скрыть раздражение в голосе, возникшее потому, что он говорил об этом Латану по крайней мере дюжину раз сегодня и дважды вчера. По настоянию Джарлакса в прошлом году Дзирт встретился с рейнджером по имени Рондабат, или Ронди, на юге Долины Ледяного Ветра.

Рондабат описывал лес точно так же, как и Латан: волшебное место, в котором можно встретить красивую ведьму с темно-рыжими волосами и смотрителя-хафлинга, который живет в пещере на склоне холма неподалеку от небольшого водоема. Тем не менее, если верить Рондабату, фактически только волшебник Аддадербер видел хафлинга, и только Рондабат и человек по имени Спраган встречали рыжеволосую ведьму, и покидали зачарованное место они с совершенно разными чувствами. Рейнджеру женщина казалась богиней, танцующей на Звездной Лестнице, но Спраган, по словам Рондабата, которые подтвердил и Латан, так и не оправился от ужаса той встречи.

Дзирт вздохнул, окидывая взглядом редкие чахлые деревца, что торчали из каменистой земли по берегу маленькой бухты, скрытой от глаз скалой. Выше по склону росло несколько маленьких сосенок, характерных для Долины Ледяного Ветра.

— Возможно, то место несколько севернее, — предположил Дзирт. — Вдоль северо-восточного берега Лак Диннешира много скрытых долин.

Пока дроу говорил, старик качал головой, а затем указал на развалины.

— Прямо позади домика, — настаивал он. — Других строений в округе нет. Это то место. Это то самое место. Лес был здесь.

— Но здесь нет никакого леса, — сказал Дзирт. — И ни намека на то, что когда-либо здесь было что-то, кроме этих единичных деревьев.

— Как я и говорил, — заметил Латан.

— Они возвращались сюда позднее, — добавила его дочь Тулула. — Искали это место.

И не только они. Ронди был здесь много раз до того дня и много раз после, но так и не смог снова увидеть ни лес, ни ведьму, ни хафлинга.

Дзирт положил руку на бедро, на его лице отразилось сомнение. Дроу продолжил выискивать то, о чем сможет рассказать Бренору, который вместе с Пуэнтом гостил у клана дворфов в пещерах под Пирамидой Келвина, в пещерах, которые были домом клана Боевого Топора в течение долгих десятилетий, прежде чем Бренор отвоевал Мифрил Халл.

Мифрил Халл. Прошло уже сорок лет, как они покинули удивительное королевство дворфов, когда Бренор отрекся от престола столь экстравагантным и необратимым образом. Сколько приключений выпало на их долю в дни путешествия с гномом Нанфудлом и орчихой Джессой! Дзирт не смог сдержать улыбки, вспоминая эту парочку, покинувшую компанию больше двадцати лет назад.

И ныне он снова в Долине Ледяного Ветра, на земле, ставшей его первым настоящим домом, земле друзей Мифрил Халла, на земле Кэтти-бри, Реджиса, Вульфгара, будущего и бывшего короля дворфов и неприкаянного темного эльфа, вновь пребывающего в поиске места, которое мог бы с чистой душой назвать своим домом. Какой они были замечательной компанией! Сколько приключений им довелось испытать!

Дзирт и Бренор оставили в далеком прошлом самых дорогих друзей. И конечно же, давно оставили надежду снова насладиться своенравным характером Кэтти-бри, компанией Реджиса, спорами с Вульфгаром, поскольку минуло уже две трети столетия — срок, равный человеческой жизни. С Пуэнтом, Нанфудлом и Джессой они обыскали скалы к востоку от Лусканаи предгорья Хребта Мира, стараясь найти Гаунтлгрим — потерянную древнюю родину дворфов клана Делзун. Тысячи карт приводили их под землю через сотни глубоких пещер. И мысли компаньонов занимал только Гаунтлгрим да воспоминания о приемных детях короля дворфов и друге-хафлинге. Старым товарищам было легко делиться друг с другом столь дорогими воспоминаниями.

Неожиданная встреча с Джарлаксом в Лускане несколько лет назад возродила былые надежды и былую боль. После утраты Кэтти-бри и Реджиса Дзирт и Бренор взяли с Джарлакса слово найти их любой ценой. И судя по всему, семь десятилетий не убавили энтузиазма хитроумного дроу в его стремлении исполнить обещание. Возможно, слепая удача помогла Джарлаксу наткнуться на легенду, возникшую в северо-западной части Фаэруна. Легенду о волшебном лесу и живущей в нем прекрасной ведьме, которая внешне поразительно напоминала приемную дочь короля Бренора Боевого Топора.

Поиски привели Дзирта, Бренора и Пуэнта к рейнджеру Рондабату, живущему в небольшой горной деревушке Аукни, и тот направил их к Лак Диннешир, одному из трех озер, вокруг которых были разбросаны поселения, в совокупности составлявшие Десять Городов.

Дзирт посмотрел на Латана, чья история подтверждала слова старого рейнджера из Аукни, — но где же лес? Долина Ледяного Ветра мало изменилась за прошедший век. Десять Городов не выросли, — более того, Дзирту казалось, что людей в поселениях стало меньше с тех пор, как он обрел здесь свой дом.

— Вы меня вообще слушаете?

Вопрос Тулулы, в котором сквозило осуждение из-за того, что его пришлось повторить несколько раз, прервал размышления Дзирта.

— Просто задумался, — извинился он. — Значит, многие искали этот лес, но так ничего не нашли? Ни следа, ни намека?

Тулула пожала плечами.

— Слухи, — сказала она. — Как-то раз, когда я еще была молоденькой девушкой, к берегу причалила лодка, весь экипаж которой был крайне взбудоражен. Ты ведь помнишь, пап?

— Лодка Барли Фарука, — кивнул Латан. — Да и Спраган хотел докопаться до истины. Хотел, но после стольких лет мало кто верил нашей истории. Мы на нескольких лодках действительно уходили на поиски, но так ничего и не нашли, и горожане уже стали над нами

смеяться.

— Где можно найти тех, с кем вы уходили в поход? — спросил Дзирт.

— Ба, все давно мертвы, — ответил Латан. — Аддадербер скончался во время Магической чумы, лодка Ашелии затонула, на ее борту был и Спраган. Все покинули этот мир много лет назад.

Дзирт взглянул на развалюху-дом и долину позади него, пытаясь сообразить, что еще можно сделать. На самом деле он и не рассчитывал что-то найти. Мир по-прежнему был полон самых необычных легенд. Особенно много их возникло за шестьдесят шесть лет, прошедших после Разрыва Пряжи Мистры, Магической чумы, обрушившейся на Фаэрун, и катастроф, пошатнувших основы цивилизации.

Помимо легенд, мир все еще был полон ежедневных сюрпризов и чудес.

— Вы узнали достаточно? — спросила Тулула, оглядываясь на озеро. — Нам предстоит долгий путь домой, и вы обещали, что мы вернемся в Кэр Диневал завтра.

Дзирт немного помедлил, беспомощно вглядываясь в горизонт, и кивнул.

— Помогите своему отцу забраться в фургон, — сказал он женщине. — Мы скоро отправимся.

Дроу подошел к лачуге и некоторое время ее рассматривал, а потом, шагая по хрустящей прошлогодней хвое, направился в чахлый лес, который и лесом-то едва можно было назвать. Он искал зацепку, любую зацепку — намек на щель в скале, высохший водоем, отзвук флейты в порыве ветра...

На склоне одного холма дроу оглянулся, чтобы увидеть Тулулу, сидящую в открытом фургоне, и ее отца. Женщина махнула Дзирту, призывая поторопиться.

Он побродил еще, против всякой логики надеясь, что найдет хоть что-нибудь, способное подтвердить, что это место — Ируладун, как назвал его Ронди, — некогда было лесом, в котором жили Реджис и чудесная ведьма Кэтти-бри. Дроу думал о возвращении к Пирамиде Кельвина. И как сказать Бренору, что их путешествие в Долину Ледяного Ветра было напрасным?

Куда им теперь идти? Есть ли у старого дворфа в запасе еще пара-тройка маршрутов?

— Идите скорее! — позвала Тулула из фургона, и дроу неохотно начал спускаться, но его зоркие глаза все еще осматривали землю и деревья в поисках какого-нибудь знака, каким бы он ни был.

У Дзирта было острое зрение, но и он не мог увидеть всего. Спускаясь, дроу потревожил старые ветви, и что-то соскользнуло с них позади него. Эльф не заметил этого и продолжил идти к фургону. Троица двинулась в обратный путь вокруг озера к Кэр Диневалу.

Когда солнце скрывалось в водах озера, отблеск света вспыхнул на отполированной кости — частичке резной статуэтки, изображавшей женщину с волшебным луком.

Такой же лук Дзирт До'Урден носил за спиной.

Воздух был не по сезону холоден, а поутру на северо-западе собрались грозовые тучи. Дзирт возвращался из Кэр Диневала, помня о скорой смене сезонов. Он взглянул на далекую вершину Пирамиды Кельвина и подумал, что, пожалуй, нужно переждать денек-другой в городе, пока буря не утихнет.

Дзирт посмеялся над своими страхами, причина которых крылась вовсе не в погоде. Он не хотел говорить Бренору, что не нашел ни намека, ни зацепки. И все же дроу знал, что откладывать этот разговор нельзя. Приближалась осень, и уже в следующую декаду в Долине Ледяного Ветра выпадет первый снег, делая непроходимой единственную дорогу на юг.

На скалистом утесе, между уютной городской гостиницей и старым замком семьи Динев, дроу снял подвеску в виде единорога и дунул в рожок. Он увидел Андхара —

крошечную светящуюся точку, которая стремительно приближалась.

Вначале казалось, что жеребец не больше сжатого кулака, но с каждым прыжком по дороге между Уровнями он удваивался в размерах, и вскоре мощный скакун остановился возле Дзирта. Андхар ударил о землю копытом и мотнул головой, отчего белоснежная грива взметнулась на ветру.

Дзирт услышал взволнованные голоса стражников у ворот крепости, но несколько не удивился и даже не взглянул в их сторону. Да и кто бы не испытал страха, даже мельком взглянув на гарцующего единорога в сбруе, сверкающей в лучах солнца колокольчиками и драгоценными камнями?

Дзирт ухватился за гриву коня и ловко вскочил в седло. Махнув оторопевшим людям у ворот, он развернул великолепного единорога на север и поскакал к Пирамиде Кельвина.

Сколь замечательным даром был Андхар, в который раз подумалось эльфу. Правящий совет Серебряной Луны вручил жеребца эльфу в благодарность за его заслуги как в боях, так и за столом переговоров в Третьей орочьей войне.

Ветер свистел в ушах, а Андхар оставлял позади милю за милей. Дроу не мерз, хотя дело было даже не в тепле, исходящем от могучего тела единорога. Волосы и плащ развевались за спиной. Дзирт воззвал к колокольчикам, чтобы те пели в дороге, и они мелодично зазвенели в ответ на его желание. Полностью доверившись Андхару, дроу предавался воспоминаниям о своих старых друзьях. Безусловно, он огорчился, не найдя ни намека на таинственную лесную ведьму и хранителя-хафлинга. Огорчился, что не нашел подтверждений тому, что считал правдой.

Часто путешествуя в одиночку, Дзирт погружался в воспоминания и не мог удержаться от улыбки при мысли о той жизни, что была у него.

Прошлая жизнь, которою, как он хорошо понимал, стоит забыть.

Прошлая жизнь, забыть которую дроу был не в силах.

Солнце стояло еще высоко, когда он отпустил Андхара и вошел в пещеры дворфов. Когда-то этот лабиринт под горой был домом клана Боевых Топоров, и несколько дюжин дворфов, оставшихся здесь, тоже считались частью этого клана. Они знали о Дзирте, хотя только двое из них когда-либо встречались с ним. Они также знали о Пуэнте и легендарных «веселых мясниках» и были рады приветствовать путешественников из Мифрил Халла, включая того, кто назвался дальним родственником покойного короля Бренора Боевого Топора.

— Мы пьем за короля Конрада Браунвила Боевого Топора! — поприветствовал Дзирта Стокли Серебряная Стрела, вождь Боевых Топоров в Пирамиде Кельвина, когда дроу вошел в главный зал кузни.

Стокли поднял кружку в знак приветствия и помахал рукой юному дворфу, торопившемуся подать Дзирту напиток.

— Надеюсь, он хорошо поживает, — ответил Дзирт, совершенно не удивившись, что спустя четыре десятилетия Конрад стал приемником своего отца, Банака. — Хорошая кровь.

— Ты сражался вместе с его отцом.

— Много раз, — подтвердил Дзирт, принимая кружку и с удовольствием делая глоток.

— И каким будет твой тост? — спросил Стокли.

— Он может быть только один, — ответил Дзирт и высоко поднял свою кружку, ожидая, пока все дворфы в помещении обратят на него внимание.

— За короля Бренора Боевого Топора! — сказали хором Дзирт и Стокли, и по пещере разнесся крик одобрения.

Каждый дворф сделал хороший глоток и поспешил вновь наполнить кружку.

— Я был ребенком, когда мы с отцом вернулись в Долину Ледяного Ветра, — пояснил Стокли. — Но я знаю его достаточно хорошо, и не дурак ли я, что все еще сижу дома?

— Ты служил своему клану, — ответил Дзирт. — В Долине Ледяного Ветра редко случаются передышки. Если твой отец смог прожить такую жизнь, хотел бы ты перебраться в Мифрил Халл?

— Ба, это верно! Я и мои ребята хотим послушать твои рассказы, эльф, пообещай мне это! Твои, старого Пуэнта и Бонного Боевого Топора, из адбарских Боевых Топоров.

— Этой же ночью, — пообещал Дзирт.

Он поставил кружку и похлопал Стокли по плечу, когда проходил мимо, направляясь в нижние туннели к своим друзьям.

— Рад встрече, Бонного, — сказал дроу Бренору, входя в крохотную комнатку.

Как обычно, старый дворф, разложив по полу карты, делал какие-то заметки.

— Что ты узнал, эльф? — с надеждой в голосе спросил Бренор.

Дзирт вздрогнул от такого оптимизма, и выражение его лица поведало обо всем без слов.

— Только несколько сосен и пара кустов, — вздохнул Бренор, качая головой.

Так отзывались об этом якобы зачарованном лесе все в Долине Ледяного Ветра, кого компаньоны расспрашивали.

— Ах, мой король, — сказал Тибблдорф Пуэнт, медленно входя в комнату вслед за Дзиртом.

— Тихо, болван! — выругался Бренор.

— Возможно, когда-то там и впрямь был лес, — сказал Дзирт. — Зачарованный и с красивой ведьмой и зрителем-хафлингом. Рассказ Латана подтверждает слова Рондабата, и я верю им обоим.

— Возможно, но не истинно, — сказал Бренор. — Я знал, что так будет.

— Ах, мой король! — воскликнул Пуэнт.

— Перестань меня так называть!

— Их сведения теперь уже не так точны, — ответил Дзирт. — Но это не означает, что их воспоминания ложны. Разве ты не видел глаза их обоих, когда они рассказывали про ту встречу. Не многие смогли бы лгать с таким выражением лица, и, более того, их рассказы поразительно похожи, хотя их разделяют мили и десятилетия.

— Ты думаешь, они видели ее?

— Я думаю, что они видели что-то. Что-то любопытное.

Бренор зарычал и перевернул стол.

— Я должен был прийти сюда, эльф! Много лет назад, сразу же, как мы потеряли мою девочку. Мы послали эту крысу Джарлакса на поиски, но я сам должен был это сделать.

— И даже Джарлакс с возможностями, о которых мы не можем и мечтать, не нашел никакого следа, — напомнил ему Дзирт. — Мы не знаем, существует ли волшебный лес Ируладун, или это вымысел, друг мой. И уж точно мы не смогли бы найти его вовремя. Ты выполнял свой долг на протяжении двух страшных войн, охвативших Серебряные Земли, и мудрый король Бренор смог положить им конец. Весь Север благодарен тебе. Мы видели мир далеко за пределами того места, что называли домом, и он действительно мрачен.

Бренор раздумывал над этими словами в течение нескольких ударов сердца, а затем кивнул.

— Ба! — фыркнул он. — Я хочу найти Гаунтлгрим до того, как годы сотрут мои старые кости. — Он указал на несколько карт, лежащих на полу. — Одна из них, я думаю, эльф. Одна из них.

— Когда мы выступаем? — спросил Тибблдорф Пуэнт, и было что-то в его голосе, что застало Дзирта врасплох.

— Скоро, очень скоро, — ответил дроу, внимательно глядя на дворфа.

Берсерк всегда проявлял рвение, фанатическую потребность даже просто идти рядом со своим королем. Во многих случаях, особенно во время нечастых посещений Лускана, Бренор искал способ отделаться от Пуэнта. Этот неопрятный дворф притягивал взгляды, а в управляемом пиратами Городе Парусов такое внимание было излишним.

Но было еще что-то в глазах Пуэнта, в его позе и тембре голоса, когда он задал вопрос.

— Мы выходим уже сегодня, — сказал Бренор и начал сворачивать пергамент, чтобы запихнуть его в свою огромную сумку.

Дзирт кивнул и стал ему помогать, но от дроу не укрылось колебание берсерка.

— Ты что-то задумал? — наконец спросил Бренор Пуэнта, заметив, что тот и не пытается помочь им со сборами.

— О, мой король!.. — с горечью в голосе воскликнул Пуэнт.

— Я просил не называть меня... — начал Бренор, но Дзирт положил руку на его плечо.

Дроу пристально посмотрел на Пуэнта, затем молча кивнул в знак понимания.

— Он не идет, — объяснил Дзирт.

— А? Что ты сказал? — Бренор в замешательстве глядел на Дзирта, но дроу перевел взгляд на Пуэнта.

— О, мой король, — повторил берсерк, — боюсь, я не могу идти. Мои старые колени....

Он вдохнул, его лицо выражало тоску, которую испытывает собака, долго не выходявшая на охоту.

Тибблдорф Пуэнт был моложе престарелого Бренора Боевого Топора, но годы и тысячи жестоких битв не пощадили берсерка. Путешествие в Долину Ледяного Ветра отняло у него много сил, хотя Пуэнт не жаловался. Он вообще никогда не жаловался, за исключением случаев, когда ему запрещали драться или заставляли мыться.

Ошеломленный Бренор повернулся к Дзирту, но дроу лишь кивнул в знак согласия, поскольку оба знали, что Тибблдорф Пуэнт никогда не сказал бы ничего подобного, если бы его старое сердце не подсказывало, что такого приключения он не выдержит, что дни, когда он мог рисковать, подошли к концу.

— Ба, да ты еще ребенок! — ответил Бренор, больше стараясь приободрить друга, нежели переубедить его.

— Ах, мой король, простите мне, — произнес Пуэнт.

Бренор смотрел на него несколько мгновений, потом подошел и крепко обнял.

— Ты лучший телохранитель, лучший друг, которого старый дворф когда-либо знал, — сказал Боевой Топор. — Ты прошел со мной через столько испытаний, ты был рядом, и после всего этого ты все еще думаешь, что должен просить у меня прощения? Это я должен просить прощения! За всю твою жизнь...

— Нет! — перебил его Пуэнт. — Нет! Это было радостью для меня. Счастьем. И не так представлял я свой конец. Я ждал великой битвы, последней битвы, чтобы умереть за моего короля...

— Для моего сердца будет лучше, если ты будешь жить, дурень, — сказал Бренор.

— Значит, ты хочешь провести остаток своих дней здесь? — спросил берсерка Дзирт. — Со Стокли и его кланом?

— Да, если они примут меня.

— Они будут дураками, если не сделают этого. А Стокли не дурак, — заверил Пуэнта Бренор, а затем взглянул на Дзирта. — Мы выступаем завтра, не сегодня.

Дроу кивнул.

— Этим вечером мы будем пить и болтать о былых временах, — сказал Бренор, оглядываясь на Пуэнта. — Сегодня вечером каждый поднимаемый тост будет звучать за Тибблдорфа Пуэнта, величайшего воина, которого когда-либо знал Мифрил Халл!

Возможно, это было преувеличением, ведь Мифрил Халл знал множество героев, и сам король Бренор был не последним из них. Но никто из тех, кто видел Пуэнта в бою, не стал бы оспаривать это утверждение — что и говорить, не много было выживших среди тех, кто вызывал ярость Тибблдорфа.

Три старых друга провели вместе остаток дня и всю ночь, выпивая и предаваясь воспоминаниям. Они говорили о возрождении Мифрила Халла, нашествии дроу, об их приключениях в те темные времена, когда они шли на помощь Кэддерли, о нашествии Обальда и трех орочьих войнах, выпавших на их долю. Они подняли кружки за Вульфгара, Кэтти-бри и Реджиса — друзей ушедших, и за Нанфудла и Джессу — друзей живых, и за хорошо прожитую жизнь, и за битвы, в которых они достойно сражались.

И чаще всего Бренор поднимал кружку за Тибблдорфа Пуэнта, которого наряду с Дзиртом считал старейшим и дорогим другом. Бывшему королю было неловко, когда он, произнося слова благодарности и дружбы, вспоминал все те случаи, когда злился на возмутительные выходки берсерка.

И теперь Бренор понял, что все это было не важно. Единственное, что имело значение, — сердце Тибблдорфа Пуэнта, сердце верное и храброе. Был дворф, который не боялся заслонить друга от копья баллисты — *любого* друга, а не только своего короля. Был дворф — наконец-то Бренор понял это, — который олицетворял собой все то, чем должен быть дворф из клана Боевого Топора.

Следующим утром он опять обнимал своего друга, долго и крепко, и глаза Бренора были влажны, когда он и Дзирт вышли из залов Стокли Серебряной Стрелы. И Пуэнт, стоя у выхода и глядя им вслед, тихо бормотал: «Мой король», пока они совсем не скрылись из виду.

— Король Бренор — великий дворф, да? — произнес Стокли Серебряная Стрела, подходя к Пуэнту.

Берсерк посмотрел на него с любопытством, затем его глаза расширились от паники, ведь он боялся, что своей глупой болтовней раскрыл тайну Бренора.

— Я все знал с первого дня, — заверил его Стокли. — Ты и Дзирт — кто еще может быть с вами, кроме самого Бренора?

— Бренор умер много лет назад, — сказал Пуэнт.

— Да, и да здравствует король Конрад! — кивнул Стокли, улыбаясь. — И никто не должен знать иного. Но не сомневайся, мой новый друг, что мое сердце радуется, памятуя о том, что Бренор все еще где-то жив, все еще борется, как может бороться только Боевой Топор. Я только смею надеяться, что увижу его снова и что он захочет прожить свои последние дни в Долине Ледяного Ветра.

Стокли положил руку на плечо Пуэнта, которое вздрагивало от рыданий.

Глава третья ОТТЕНКИ СЕРОГО

Проходя мимо зеркала, Херцго Алегни не смог сдержать утробного урчания. Когда-то благодаря демоническому происхождению его кожа была изумительного красного оттенка, но серый покров шадовара заставил ее потускнеть. Тем не менее изменения не затронули глаз, отметил тифлинг с удовлетворением. Красная радужка все так же сияла адским пламенем.

Алегни смирился с переменами. Тусклый оттенок кожи — незначительная цена за увеличившуюся продолжительность жизни и множество других преимуществ, которые давала сущность шадовара. И хотя те, кто принял его в свои ряды, и разделяли предрассудки прочих рас Фаэруна относительно демонической крови, тифлинг нашел среди них свое место. Меньше чем за десятилетие Херцго Алегни стал лидером боевого отряда, а еще спустя десять лет его удостоили величайшей чести руководить экспедицией незересов в лес Невервинтер в поисках павшего анклава Ксинленал.

Он немного задержался перед зеркалом, восхищаясь своим новым черным дождевиком. Переливающаяся атласная ткань, жесткий воротник восхитительного ярко-алого оттенка идеально гармонировали с лезвием огромного меча и оттеняли длинные фиолетовые волосы, из копны которых торчали рога. Высокий воротник не позволял большей части волос спадать на спину, вместо этого пряди огибали его шею и ложились на мускулистую грудь. Тифлинг специально не застегивал кожаный жилет, чтобы были видны слегка подрагивающие мускулы внушительного торса.

Внешний вид очень важен, воин знал это и всегда выглядел отлично. Он был лидером — и страх подчиненных был ему на руку, особенно теперь, когда тифлинг запланировал встречу с Баррабусом Серым. Алегни не доверял ему. И прежде всего потому,

что, по мнению тифлинга, этот человек обязательно попытается его убить. У Баррабуса есть на то достаточно веские причины.

К тому же он слыл мастером в искусстве убивать.

Каблуки высоких черных кожаных сапог громко стучали по булыжникам, когда Херцго Алегни шагнул из своего дома, полный решимости и сил. Он даже не пытался скрыть свою принадлежность к незересам. В Невервинтере это было ни к чему — экспедиция Алегни была столь успешна, что теперь никто не отважится выступить против шадоваров.

«Счастливый селезень» занимал самое новое зданием в Невервинтере и располагался на холме, возвышающемся над городом и грохочущими прибоем у Побережья Меча. Рассматривая город из подъезда гостиницы, Алегни снова вспоминал, как стремительно разрастался Невервинтер эти несколько десятилетий, которые прошли после падения Лускана перед пиратскими капитанами и волнений в порту Лласт. Сколько горожан теперь живет в пределах стен Невервинтера и за их пределами? Около тридцати тысяч, возможно?

Несмотря на численность, обитатели Невервинтера, вне всякого сомнения, были просто неорганизованной сворой, со слабыми ополчением и лордом, более озабоченными балами да пирами, нежели защитой стен. Лорд Хьюго Бабрис давно и прочно закрепил за собой трон Невервинтера. С диким Лусканом на севере, раздираемом соперничающими пиратами, которых ничуть не волновало разрастание Невервинтера, и могущественным Глубоководьем на юге, Город Мастеров в последнее время наслаждался безопасностью. Никакому флоту не избежать встречи с армадой Глубоководья, но даже в случае прорыва вражеские суда мгновенно были бы атакованы множеством каперов, свободно бороздящих море вдоль побережья к северу от самого большого из городов.

Все это сделало Невервинтер беззащитным перед нашествием незересов, но, с другой стороны, кто мог бы подготовиться к нашествию тьмы? Херцго Алегни не упустил возможности воспользоваться этой слабостью. И так как целью его миссии был не сам Невервинтер, а одноименный лес на юго-востоке, тифлинг позволил Хьюго Бабрису сохранять иллюзию контроля над городом.

Пристальный взгляд Алегни скользнул вниз к набережным — наименее изменившемуся за прошедшие беспокойные десятилетия району. Там располагалась гостиница «Затонувшая бутылка» — Баррабус, вне всякого сомнения, провел ночь именно там. Алегни не мог не улыбнуться, вспоминая, каким это место было до Магической чумы. В те далекие времена он был молодым наемником, искавшим свое место в жизни и желающим разбогатеть, подобно множеству других самоуверенных авантюристов. Тогда тифлинг вынужден был прятаться в тени, скрывая происхождение и демоническую природу. «Как удачно, — думал Алегни, — что в тех самых тенях нашлось нечто большее, нечто великое, нечто темное».

Военачальник вышел из задумчивости и устремил пристальный взгляд на реку Невервинтер и три изысканных моста, перекинутые через нее. Все были красивы (торговцы Невервинтера гордились своей работой), но один из мостов, украшенный декоративными крыльями, широко раскинувшимися по обе стороны, привлек внимание Алегни. Действительно, из трех мостов, соединяющих северную и южную части города, он был самым внушительным, поскольку изображал взлетающего виверна, огромного, но изящного. В течение многих лет мост оставался крепким и надежным, его фундамент удерживался металлической сеткой, выкованной дворфами и постоянно проверявшейся на прочность. Даже издали мост вызывал восхищение, и это чувство только усиливалось на более близком расстоянии. С годами мост был доведен до совершенства в каждой детали — за исключением названия: мост Крылатого Виверна.

Горожане отдали должное лишь формальной стилизации, а не мастерству исполнения и нарекли столь мудро устроенное сооружение, руководствуясь лишь его внешним видом.

Алегни стал спускаться по булыжной мостовой, решив перейти по этому мосту и опередить Баррабуса. К тому же он не видел своего ассасина в течение месяцев и хотел произвести на Баррабуса Серого такое впечатление, чтобы тот выбросил из головы все

мысли о противостоянии Алегни.

Тифлинг быстро достиг моста и, идя по пологому подъему вдоль «хребта» крылатого чудовища, получал удовольствие от того, как расступаются перед ним жители Невервинтера, как спешат поскорее убратся с его пути, как боязливо косятся на великолепный меч с алым лезвием, висевший в петле у бедра. Алегни дошел до середины моста — наивысшей точки над «крыльями» — и положил руки на каменные перила с западной стороны. Разглядывая другие мосты — Дельфина и Спящего Дракона, — тифлинг не без удовольствия отметил, что движение на Крылатом Виверне замедлилось.

Он был не единственным незересом, скрывающимся в Невервинтере, и даже не единственным шадоваром на мосту, но он был Херцго Алегни.

Да, ему определенно нравилось стоять здесь, рассматривая реку и побережье и отмечая запущенность более мелких мостов, ровно до того момента, как услышал тихий голос за спиной. Его обладатель каким-то образом сумел незаметно возникнуть позади тифлинга.

— Ты хотел меня видеть?

Алегни переборол желание выхватить меч и зарубить наглеца. Вместо этого он продолжил смотреть прямо вперед и спокойно заметил:

— Опаздываешь.

— Мемнон далеко на юге, — отозвался Баррабус Серый. — Ты предлагаешь мне дуть в паруса для ускорения?

— А если я скажу «да»?

— Тогда я напомним, что требования такого рода больше подходят тем, кто только мнит себя королем.

Остроумно было со стороны Алегни вместо ответа обернуться, чтобы рассмотреть невысокого человека. От представшего перед ним зрелища глаза тифлинга удивленно расширились. Одет Баррабус был, как обычно, в черную кожу и ткань, а единственным украшением являлась ромбовидная металлическая пряжка пояса, которая легко раскладывалась, становясь весьма опасным кинжалом. В расслабленной позе сквозила нарочитая усталость. Баррабус, конечно же, появился бесшумно, как и положено профессиональному ассасину. Херцго был достаточно умен, чтобы оценить это. Но темные волосы человека изрядно отросли и выглядели неопрятно, к тому же он отпустил бороду.

— Твоя железная дисциплина дала трещину? — спросил тифлинг. — После стольких лет?

— Что ты хотел?

Херцго не торопился с ответом, облокотясь на перила моста и рассматривая убийцу более внимательно.

— Ах, Баррабус, ты становишься неаккуратным, неряшливым. Эдак ты потеряешь былые навыки, и кто-нибудь убьет тебя и освободит от мучений. Ты этого хочешь?

— Если бы я этого хотел, то предварительно убил бы тебя.

Херцго Алегни рассмеялся, но инстинктивно положил руку на рукоять могучего меча.

— Но ты не можешь себе этого позволить, не так ли? — насмехался тифлинг. — И ты не можешь позволить своим превосходным навыкам прийти в упадок, поэтому делаешь это со своей внешностью. Это просто не в твоем характере. Нет, совершенство всегда было твоей защитой. Ты не проведешь меня, Баррабус Серый. Твой внешний вид не что иное, как уловка.

Невысокий мужчина переступил с ноги на ногу: единственное — и, пожалуй, самое явное из всех наблюдаемых тифлингом — подтверждение того, что слова Алегни ассасин принял близко к сердцу.

— Ты вызвал меня из Мемнона, у меня там остались дела, — сказал Баррабус. — Так чего ты хочешь?

Алегни лукаво улыбнулся и повернулся, снова сосредоточиваясь на том, как река Невервинтер несет свои воды к морю, впадая в него немного севернее шумных доков.

— Это действительно прекрасные строения, красивые и функциональные, не

находишь? — не оборачиваясь к убийце, спросил тифлинг.

— По ним удобно переходить через реку.

— А если не принимать в расчет его полезности? — поинтересовался тифлинг.

Баррабус не стал отвечать.

— Красота, — пояснил Алегни. — Не просто береговая опора или колонна! Нет! Каждый элемент — произведение искусства, дополняющее общую картину. Да, чувствуется рука мастера. Я действительно восхищаюсь, когда ремесло становится искусством. Разве ты не согласен? — Баррабус не отвечал, Алегни повернулся, чтобы взглянуть на него, и рассмеялся. — Как мой меч, — сказал тифлинг. — Разве ты будешь возражать, что он — изумительное произведение искусства?

— Если б его владелец был столь творческой личностью, какой хочет казаться, то он не нуждался бы в моих услугах.

Плечи Алегни затряслись от хохота, но не надолго. Он снова повернулся к невысокому человеку, и в его красных глазах вспыхнула угроза.

— Считаю себя счастливым, потому как мои покровители не позволяют мне прирезать тебя.

— Мое везение не знает границ. Но я снова спрошу: зачем ты позвал меня? Полюбоваться мостами?

— Да, — ответил Алегни. — Этот мост. Мост Крылатого Виверна. Такое название не подходит ему, я хотел бы его изменить.

Баррабус смотрел на него ничего не выражающим взглядом.

— Лорд этого прекрасного города — забавное маленькое существо, — объяснил Алегни. — Окруженный охранниками и каменными стенами, он не понимает, насколько шаток трон, на который он вскарабкался.

— Он не хочет менять название? — В тоне Баррабуса появились нотки интереса.

— Такой традиционалист, — посетовал Алегни. — Он не ценит простоты и изящества названия «Мост Алегни».

— Мост Алегни?

— Замечательно, ты не согласен?

— Ты позвал меня из Мемнона, чтобы убедить мелкого лорда переименовать мост в твою честь?

— Я, конечно, не могу открыто выступить против него, — сказал Алегни. — Наши дела в лесу продвигаются, и я не могу тратить ресурсы на иное.

— Выступив против него, ты рискуешь развязать войну с лордами Глубоководья. Твои покровители едва ли одобряют это.

— Видишь, Баррабус, даже дураки способны понять простую логику. Навести нашего уважаемого лорда Бабриса этой ночью и объясни, что в его интересах переименовать мост в мою честь.

— После этого я могу покинуть эту дыру?

— О нет, Серый, у меня есть еще несколько поручений для тебя, прежде чем ты вернешься к своим играм в южных пустынях. Мы столкнулись с несколькими эльфами в лесу, которых тоже нужно убедить, и обнаружили какие-то провалы, ведущие глубоко под землю. Я не пошлю туда ни одного шадовара, пока не буду уверен, что с ним ничего не случится, и не узнаю, кто обитает в этих норах. Ты здесь уже много лет, раб мой, и если я смогу убедить принцев, что проблемы, которые ты создаешь, перевешивают твою ценность, то избавлюсь от тебя раз и навсегда.

Баррабус Серый с ненавистью смотрел на тифлинга несколько мгновений, на его вальяжную позу, на большие пальцы, засунутые за тонкий пояс. С нескрываемым отвращением он тряхнул головой и зашагал прочь.

Не успел мужчина сделать и десятка шагов, как Херцго Алегни потянулся к ножнам, скрытым в поле его расстегнутого кожаного жилета, и вынул особое раздвоенное оружие. Тифлинг отошел назад и направил его на свой разумный меч, который мгновенно отозвался

жужжанием и вибрацией, источая магию. Злобно усмехаясь, Алегни помахал странным предметом возле рукояти меча, разбудив зверя, заключенного в лезвии.

Баррабус Серый съежился и качнулся в сторону. Непроизвольно он развел руки в стороны и стиснул кулаки так сильно, что побелели костяшки пальцев. Его челюсти резко сомкнулись, и он чудом не откусил себе кончик языка.

Гул продолжался, и песня Когтя омывала тело ассасина подобно волнам лавы, заставляя кровь кипеть.

Лицо человека перекосилось, и он, дрожа, опустился на одно колено.

Вода жужжащей вилкой над несчастным, Алегни обошел его. Тифлинг несколько мгновений смотрел в глаза опаснейшего убийцы, а затем сжал зубцы вилки свободной рукой, прекращая гул, создающий связь с мечом и причиняющий человеку едва переносимую муку.

— Ах, Серый, почему ты вынуждаешь меня снова и снова указывать тебе на твое место? — спросил Алегни, в его голосе звучало сожаление, но искренности не было и капли. — Почему же ты не можешь просто смириться со своей судьбой и проявить благодарность за те дары, что дали тебе незересы?

Баррабус склонил косматую голову к земле, пытаясь прийти в себя. Когда Алегни протянул руку к его опущенному лицу, убийца принял ладонь и позволил тифлингу помочь подняться.

— Итак, — сказал Алегни, — я не враг тебе, я — компаньон. И твой начальник. Если ты сможешь понять эту простую истину, то и мне не придется напоминать о ней раз за разом.

Баррабус Серый недолго смотрел на тифлинга и решительно двинулся дальше.

— Побрейся и постригись! — крикнул ему вслед Херцго Алегни, и в тоне читался приказ и неприкрытая угроза. — Ты выглядишь как бродяга, а это не пристало тому, кто служит великому Херцго Алегни!

— Я что-то нашел, эльф! — завопил Бренор, и его голос эхом отозвался от неровных стен пещеры, так что к тому моменту, когда возглас достиг ушей Дзирта, он звучал как «эльф эльф эльф эльф эльф эльф эльф...»

Дроу опустил факел и посмотрел в сторону главного коридора неподалеку от небольшой ниши, в которой работал темный эльф. Он вышел в коридор, потому что дворф снова его окликнул. Дзирт улыбнулся, поняв по тону друга, что с тем все в порядке. Но, взглянув на катакомбы впереди, он понял, что даже не представляет, где именно искать Бренора.

Дроу снова улыбнулся, зная, что легко сможет решить эту проблему. Он вынул статуэтку из оникса из мешочка на поясе и произнес:

— Гвенвивар.

Он позвал негромко, ненастойчиво, в этом не было необходимости — Дзирт и так знал, что его услышали, даже прежде, чем серый дым начал сгущаться и приобретать форму большой кошки. Туман стал плотнее и потемнел, и вот уже рядом с дроу возникла пантера, точно так же как и столетие назад.

— Бренор где-то в пещерах, Гвен, — сказал он. — Отыщи его.

Черная пантера оглянулась на хозяина, издала приглушенное рычание и бесшумно удалилась.

— И сядь на него, когда найдешь, — добавил Дзирт, следуя за кошкой. — Удостоверься, что он не убежит до того, как я приду.

Следующее рычание Гвенвивар прозвучало намного громче, и пантера двинулась быстрее, явно воодушевленная последним замечанием.

Ниже по основному туннелю Гвенвивар замерла на месте, уши ее дернулись в ожидании следующего возгласа Бренора. Пантера переместилась в один из проходов,

понюхала воздух и бросилась к другому. После короткой паузы она огромными прыжками устремилась вперед.

Дзирт пытался поспеть за ней, но Гвенвивар бежала, не сбавляя темпа, молниеносно проскальзывая в такие щели, где дроу должен был протискиваться, согнувшись в три погибели. Она уверенно петляла по боковым коридорам, и отстающий Дзирт доверился ее выбору.

Они продвигались все дальше по туннелям, и, когда Дзирт услышал возмущенный вопль Бренора, он понял, что Гвенвивар настигла свою добычу.

— Ты, чертов эльф! — рявкнул Бренор, когда Дзирт вошел в огромную, явно рукотворную, квадратную пещеру с низким потолком, которая сильно отличалась от естественных туннелей и пещер, коих было большинство в этом подземном комплексе.

В дальнем углу, около упавшего догорающего факела, лежала Гвенвивар, спокойно вылизывая лапу, и Дзирт едва смог разглядеть пару дворфских ботинок, торчащих из-под нее.

— После сотен лет ты все еще думаешь, что это смешно? — донеслось из-под кошки ворчание Бренора.

— Я не мог поспеть за тобой с того самого момента, когда племя Пятидесяти Копий указало нам на это место, — ответил Дзирт.

— Ты не мог бы отослать ее назад?

— Мне нравится ее компания.

— Тогда пусть эта чертова кошка хотя бы слезет с меня!

Дзирт кивнул Гвенвивар, и пантера сразу встала и подошла к нему, порываясь.

— Остроухий дьявол, — ворчал Бренор, поднимаясь на колени.

Он подобрал слетевший однорогий шлем и водрузил его себе на голову. Уперев руки в бока, дворф повернулся к дроу, испепелив его взглядом, и, продолжая ругаться, поднял факел.

— Ты забрался глубже, чем мы договаривались, — заметил Дзирт и сел скрестив ноги на пол, чтобы не стоять, согнувшись под низким потолком. — Глубже, чем мы заходили раньше...

— Ба, да тут пусто, — сказал дворф. — Ничего крупного, во всяком случае.

— Этим туннелям много лет, и их давно никто не использовал, — согласился Дзирт и тут же пожурил Бренора: — Наверное, ты упал сюда, в Среднее Подземье, из-за какой-нибудь старой ловушки или непрочного пола. Я много раз предупреждал тебя, друг мой, не недооценивать опасности Подземья.

— Ты думаешь, там внизу могут быть еще туннели, так?

— Я допускаю такую возможность, — кивнул Дзирт.

— Хорошо, — сказал Бренор, и его лицо прояснилось. — Знай, что это больше чем предположение.

Он отошел в сторону и указал на выступ в явно рукотворной каменной стене в том углу, где его настигла Гвенвивар.

— Больше уровней, — сказал Бренор с нескрываемой гордостью.

Он подтянулся и нажал на камень — тут же раздался резкий щелчок. Как только дворф убрал руку, часть стены немного отошла, этого оказалось достаточно, чтобы Бренор смог ухватиться за край и отодвинуть ее в сторону.

Дзирт навис над ним, светя факелом перед Бренором, который осматривал секретную комнату. Помещение оказалось небольшим, примерно в половину предыдущего, и на полу виднелся маленький круг из прямоугольных камней — возможно, кирпичей, — формирующий борт вокруг темного отверстия.

— Ты знаешь, о чем я думаю, — сказал Бренор.

— Это не доказательство чего-то большего, чем... Это хорошо? — спросил Дзирт.

— Кто-то сработал эту стену, эту комнату, и сработал на славу, — сказал дворф.

— Действительно, «кто-то». Я могу предложить много вариантов.

— Это работа дворфов, — объявил Бренор.
— И все равно будут еще претенденты.
— Ба! — Бренор фыркнул и пренебрежительно отмахнулся от Дзирта.
Гвенвивар вскочила на ноги и испустила долгое и низкое рычание.
— О, закрой свою пасть! — возмутился Бренор. — И не угрожай мне! Эльф, скажи своей кошке за...
— Тише! — прервал его Дзирт, махнув свободной рукой, и взглянул на Гвенвивар, продолжавшую рычать.
Бренор переводил взгляд с дроу на пантеру.
— Что-то случилось, эльф?
Это началось внезапно: резко затряслись пол и стены, пыль посыпалась отовсюду.
— Землетрясение! — завопил Бренор, и его голос утонул в грохоте рушащихся камней, падающих плит и осколков.
Второй толчок подбросил друзей в воздух, Дзирт сильно ударился об угол каменной стены, а Бренор опрокинулся навзничь.
— Вставай, эльф! — завопил Бренор.
Дзирт лежал, уткнувшись лицом в пыль, его факел отлетел в сторону. Дроу смог встать на четвереньки, но плиты над ним треснули и обрушились ему на плечи, погребая темного эльфа под грудами камней.

Баррабус Серый доставал из сумки и раскладывал различные орудия, которыми снабдил его Херцго Алегни, чтобы «помочь» в деле. Убийца вынужден был признать, что тифлинг имел влиятельных друзей и собрал действительно полезные вещи — как, например, плащ, который и сейчас был на Баррабусе. Прекрасная эльфийская ручная работа и магия, вплетенная в каждую нить, образовывали двумер, который делал незаметным и без того умеющего скрывать свое присутствие Баррабуса. То же самое можно было сказать и об эльфийской обуви, благодаря которой убийца мог бесшумно ступать даже по сухим листьям.

И конечно же, нельзя не отметить кинжал в пряжке ремня — образец несравненного мастерства и колдовства. Оружие не подвело ни разу, всегда резко раскрываясь по команде Баррабуса. Система впрыска яда — вены, выгравированные вдоль пятидюймового лезвия, — поставляла отраву к острию и краям. Благодаря ей кинжал являлся одним из надежнейших орудий, каким когда-либо пользовался убийца. Баррабусу необходимо было лишь заполнить «сердце» ножа, установить его в рукоять и при помощи легкого нажатия заставить яд течь к смертоносному лезвию.

Однако, по мнению Баррабуса, излишек приспособлений таил в себе опасность. Искусство ассасина было следствием опыта и дисциплины. Привычка полагаться на магические штучки могла привести к небрежности, а небрежность обернуться провалом. Поэтому-то Серый никогда не носил ни скалолазные кошки, позволяющие ползать по стенам, подобно пауку, которые Алегни когда-то предложил ему, ни шляпу, которая маскировала своего хозяина по его желанию. И конечно же, Баррабус с ироничной усмешкой отверг пояс, меняющий пол.

Он выдвинул из стола маленький ящик. Яды, лежащие внутри, он покупал лично. Баррабус никогда не допускал, чтобы к его самым важным инструментам имел отношение кто-то посторонний. Он всегда работал только с одним торговцем, алхимиком из Мемнона, которого он знал много лет и который сам добывал различные токсины из пустынных змей, пауков, ящериц и скорпионов.

Убийца поднес маленькую зеленую склянку к пламени свечи, и злая усмешка исказила его лицо. Это было нечто новое, и не из пустыни. Токсин был добыт из ловко маскирующейся на мелководье колючей рыбы, обитающей в бухте вдали от доков Мемнона.

Горе неосторожным, наступившим на эту рыбу или взявшим пойманную голыми руками!

Баррабус поднял нож рукояткой вверх. Он откинул выдвигающуюся нижнюю половину сферического противовеса, открывая взору полую иглу, и надел на нее сверху склянку, не вынимая резиновой пробки. Глаза Баррабуса блестели, пока он наблюдал, как прозрачная сердцевина ножа заполнялась желтой жидкостью.

Убийца вспомнил крики рыбака и почти почувствовал себя виноватым.

Почти.

Когда все было готово, Баррабус подобрал плащ. По пути к выходу он прошел мимо небольшого зеркала и вспомнил приказ Алегни сбрить бороду и постричься.

Он вышел из гостиницы в прекрасную ночь с теплым закатом над водой. Простой, невысокий человек, идущий открыто и, видимо, безоружный. У него был только один поясной мешочек на правом бедре, который лежал плашмя на ноге и выглядел пустым, хотя это было далеко не так.

Серый остановился в таверне неподалеку — он не знал ее названия и не хотел знать, — чтобы выпить стаканчик терпкого рома из Врат Бальдура, балдурианский купаж был популярен у моряков вдоль всего Побережья Мечей за дешевизну и такой противный вкус, что не многие посягнули бы на него против воли владельца.

Для Баррабуса, осушившего стакан одним залпом, ром служил способом трансформации, перемещения себя в иное состояние сознания. Несколько мгновений спустя он закрыл глаза и почувствовал неизбежное помутнение ума от столь крепкого напитка, потом несколько раз фокусировал взгляд на разных предметах, чтобы преодолеть эту вялость и привести себя в состояние повышенной готовности.

— Повторить? — спросил бармен.

— Да он свалится после второго! — подколот дурно пахнущий громила под шумный смех трех товарищей, каждый из которых был намного крупнее и тяжелее Баррабуса.

Серый смотрел на человека с любопытством. Тот явно не думал, что Баррабус именно сейчас размышляет, сможет ли убить всех четверых задиры и закончить свою миссию, как было запланировано.

— Так что вы решили? — снова спросил бармен.

Баррабус не мигал и не позволил и намеку на улыбку или любое другое чувство отразиться на лице. Он поставил стакан на барную стойку и собрался уходить.

— Ох, выпей еще стаканчик, — сказал один из друзей задиры, проходя мимо Баррабуса. — А мы посмотрим, сможешь ли ты стоять после этого на ногах, а?

Баррабус замер на миг, но даже не взглянул на человека.

Вдобавок к оскорблению выпивоха толкнул Баррабуса в плечо, вернее, попытался это сделать. Не успела ладонь обидчика коснуться убийцы, Баррабус ударил рукой вверх и вперед, зацепив большой палец противника своим, а потом дернул вниз с такой силой, что хулиган покачнулся и осел, а его рука оказалась вывернутой за спину.

— Тебе нужны две руки, чтобы затаскивать рыбу в лодку? — спокойно спросил Баррабус.

Когда человек попробовал дернуться, убийца со знанием дела произвел перекрестный захват и изменил угол нажима ровно настолько, чтобы противник не мог выпрямиться.

— Думаю, тебе нужно кормить семью, поэтому на этот раз я тебя прощаю. — Произнеся это, убийца отпустил задиру.

Пока тот приходил в себя, Баррабус дошел до двери.

— У меня нет семьи! — выкрикнул задира таким тоном, будто само предположение о наличии у него семьи было оскорбительно, но Баррабус услышал вызов.

Он повернулся в последний момент, и его руки вскинулись, блокируя неуклюжий захват пьяного дурака. Убийца резко ударил коленом и остановил противника. Множество посетителей таверны, наблюдавших за происходящим, не поняли, что случилось. Только то, что хулиган побежден куда более щуплым противником.

— Видимо, у тебя ее уже никогда не будет, — прошептал Баррабус. — И мир станет

чутьточку лучше.

Он аккуратно уравновесил противника, помогая ему устоять на ногах. Взгляд задиры был отстраненным и обесмыслившимся, а ладони накрыли ушибленное причинное место.

Баррабус вышел из таверны. Когда дверь за ним закрылась, он услышал грохот и понял, что дурак упал. Потом, как и следовало ожидать, раздался вой пострадавшего и ругательства трех его друзей.

Немного погодя они высыпали на улицу и, брызжа слюной и извергая проклятия, попытались понять, куда скрылся обидчик. Размахивая кулаками и грозя отомстить, троица все же не бросилась на поиски, а вернулась в таверну.

Сидя верхом на коньке таверны, Баррабус лишь наблюдал и вздыхал, сокрушаясь по поводу столь предсказуемой глупости.

Вскоре он уже находился у великолепного четырехэтажного особняка лорда, прячась в тени за деревьями у задней части здания. Все знали, что Хьюго Бабрис осторожный человек, но Баррабус был удивлен, увидев, как много стражников патрулирует территорию и прохаживается по балконам. Серый видел такое прежде: чем слабее правитель, тем большим количеством стражи он себя окружает. Убийца знал, что такой лидер чаще всего лишь глашатай, марионетка реальной силы, стоящей за его спиной. Но кто являл собой силу в странном и быстро меняющемся Невервинтере, Баррабус доподлинно не знал. Возможно, это пираты или торговые гильдии, которые получали немалые дивиденды от политики лорда Хьюго Бабриса. Но безусловно, этот кто-то здорово постарался, чтобы обеспечить свою анонимность.

Баррабус бегло осмотрелся, раздумывая, как проберется в дом. Он понимал, почему Херцго Алегни захотел послать именно его, но тут убийце пришло в голову, что тифлинг, вполне вероятно, мог рассчитывать на провал.

С такими мыслями Баррабус продвинулся к дворцу, но предельно осторожно. Он не доставит Алегни удовольствия видеть себя мертвым.

Убийца скользнул вверх по стене и оглядел пространство внутреннего двора, отметив только один патруль — пару стражников, каждый из которых вел на поводке огромную свирепую собаку.

— Прекрасно, — почти беззвучно прошептал Серый.

Вернувшись к стене, он обошел огороженную территорию несколько раз и нашел всего один возможный путь. Одно из деревьев свесило свои ветви через ограду имения Хьюго Бабриса, но, чтобы попасть с дерева в дом, придется совершить длинный прыжок на край охраняемого балкона второго этажа.

И вновь Баррабус подумал, что сейчас самое время вернуться и поговорить с Херцго Алегни.

А еще он подумал, что тифлингу было бы гораздо легче взобраться по стене на дерево, вплоть до самых высоких ветвей. Убийца выжидал, запоминая маршруты движения охраны и выжидая удобный момент. Это казалось отчаянным, даже смешным, но это был единственный путь.

Он пробежал по ветке и прыгнул, приземляясь на краю балкона второго этажа, огибавшего угол здания. И мгновенно Серый совершил сальто назад, повиснув на руках под балконом, когда часовой появился из-за поворота. Баррабус сжался в пружину и, когда стражник прошел обратно, перекинул себя через перила, поднялся по стене на следующий балкон и так далее, пока не уселся на узкий карниз мансарды.

Убийца сунул руку в «пустой» мешочек, который на самом деле содержал в себе небольшой межуровневый карман, и достал присоску, которую прилепил к стеклу. Затем Баррабус продел в крепление на ней веревку и извлек из одного из своих колец жесткий штырь с алмазным наконечником.

Баррабус начал чертить круг на окне при помощи алмазного острия, которое с каждым поворотом все глубже вгрызалось в стекло. Он работал сосредоточенно, прячась каждый раз, когда внизу проходила стража. Прошло много, очень много ударов сердца, прежде чем

убийца смог аккуратно вынуть стеклянный круг при помощи вакуумных присосок. Он выдавил его внутрь комнаты, аккуратно опустил на пол и приготовился проникнуть в помещение, предварительно осмотрев комнату и убедившись, что она пуста. Баррабус зацепился пальцами за верхнюю часть оконной рамы, подтянулся и осторожно просунул ноги в отверстие.

Он качнулся назад — ноги почти вышли из отверстия, — а затем рванулся вперед с такой силой, что инерция мгновенно внесла убийцу в помещение. При этом он не коснулся краев отверстия и не издал ни единого звука.

Баррабус был уверен, что веселье только начинается, — ведь Хьюго Бабрис наверняка держал множество стражников и внутри здания. Тело убийцы становилось тонким и прозрачным, словно он был призраком — бесплотным, тихим и невидимым. Да, он был лучшим, поэтому-то Херцго Алегни и вызвал его.

Про Баррабуса Серого можно было сказать, что он в состоянии оставаться незамеченным, даже стоя посреди комнаты, но главный трюк заключался в том, что он никогда не сделал бы такой глупости. Убийца знал, куда будут смотреть внимательные часовые, и понимал, где находится небезопасно. Если оптимальным было укрытие возле открытой двери или над ней, позади навеса или перед ним, Серый знал, где и как нужно встать, чтобы казаться просто еще одной фигурой на фреске. Как часто за прошедшие десятилетия часовые не замечали его только потому, что смотрели в другую сторону?

У Хьюго Бабриса были охранники — так много, что убийца окончательно утвердился в своем мнении относительно их господина, — но вся эта армия годилась лишь на то, чтобы не делать неумолимое продвижение Баррабуса Серого совсем уж молниеносным.

Немного погодя он уже сидел на спине потерявшего сознание часового, распростертого на столе Хьюго Бабриса. Баррабус пристально смотрел на взволнованного, загнанного в ловушку беспомощного лорда.

— Бери золото и уходи, прошу тебя, — взмолился Хьюго Бабрис.

Лорд был лысым, пухлым, абсолютно непримечательным маленьким человеком, и это укрепило подозрения Баррабуса в том, что Бабрис — лишь прикрытие для более опасных личностей.

— Мне не нужно твое золото.

— Пожалуйста... у меня ребенок.

— Мне нет до этого дела.

— Ей нужен отец.

— Меня это мало заботит.

Лорд поднял дрожащую руку к губам, словно его тошнило.

— Все, что от тебя требуется, — достаточно легко сделать. Оно ничего не стоит, но сулит большую выгоду для тебя, — объяснил Баррабус. — Разве сложно переименовать мост?

— Тебя послал Херцго Алегни! — воскликнул Хьюго Бабрис и поднялся с кресла.

Но стоило в ладони Баррабуса внезапно появиться ножу, лорд сразу же изменил намерение, поднимая вверх руки.

— Я не могу! — захныкал Хьюго Бабрис. — Я уже говорил ему, что не могу. Лорды Глубоководья никогда...

— У тебя нет выбора, — бросил Баррабус.

— Но лорды и пиратские капитаны...

— Их здесь нет, зато Херцго Алегни и его шадовары тут, — перебил Баррабус. — Я тут. Ты должен понять выгоду и оценить то, что можешь потерять в случае бездействия.

Хьюго Бабрис тряхнул головой, протестуя, но Баррабус повторил:

— У тебя нет выбора. Я могу приходить сюда, когда захочу. Твоя стража не преграда для меня. Ты боишься смерти?

— Нет! — ответил лорд Хьюго Бабрис с большей решимостью и мужеством, чем убийца мог предположить, глядя на него.

Баррабус повернул кинжал таким образом, чтобы Хьюго Бабрис мог увидеть вены.

— Ты когда-нибудь слышал о камнежале? — спросил его убийца. — Это уродлива рыба, обладающая прекрасными и несравненными средствами защиты. — Он прыгнул со стола. — Завтра ты объявишь о том, что мост отныне носит имя Херцго Алегни.

— Я не могу! — завопил Хьюго Бабрис.

— О, ты можешь, — сказал Баррабус.

Он махнул клинком возле глаз Хьюго Бабриса, который от ужаса шарахнулся назад. Но Баррабус не причинил лорду вреда. Огромный опыт подсказывал убийце, что ожидание боли стимулирует намного лучше, чем сама боль.

Он повернулся и слегка уколол лежащего без сознания часового, укол и вправду был почти незаметным, но даже он позволил яду камнежала проникнуть в человека.

Серый кивнул лорду Хьюго Бабрису и повторил:

— Я могу вернуться в любую минуту. Твоя охрана меня не остановит.

Он быстро вышел из комнаты и был уже на полпути к помещению с дырой в окне, когда яд вывел часового из бессознательного состояния. Слушая отчаянные крики человека, Баррабус смиренно вздохнул.

Убийца поборол волну ненависти к самому себе, поклявшись, что однажды Херцго Алегни сам попробует укус камнежала.

Гвенвивар сжимала в зубах плащ и кожаный жилет Дзирта и тянула изо всех сил, ее большие когти скрежетали по камням.

— Тяни! — командовал Бренор, отодвигая очередной каменный блок. — Давай, эльф!

Дворфу удалось просунуть руку под самый тяжелый камень, слишком большой, чтобы попытаться отодвинуть его в сторону. Он подsunул свои сильные ноги под него, выпрямил их, поднимая камень над Дзиртом, ухватился обеими руками за выступ и подтянулся изо всех сил.

— Тащи, — попросил он Гвенвивар, — после того как я сдвину камень!

Когда давление ослабло, Гвенвивар вытащила освобожденного Дзирта. Дроу смог встать на колени.

— Давай! — закричал на него Бренор. — Беги отсюда!

— Брось камень! — крикнул в ответ Дзирт.

— Обрушится весь потолок! — протестовал дворф. — Пошевеливайся!

Дзирт знал, что имеет в виду Бренор, ведь его закадычный друг с радостью отдал бы свою жизнь, чтобы спасти До'Урдена.

— Скорее! — упрашивал дворф, кряхтя от напряжения.

К несчастью для Бренора, Дзирт испытывал те же чувства к своему другу, и дворф удивленно вскрикнул, когда рука темного эльфа схватила его за загривок.

— Что!.. — завопил было он.

Дроу резко дернул Бренора, отрывая его от камня, а затем толкнул вниз по коридору вслед за отступающей Гвенвивар.

— Бежим! Бежим! — кричал Дзирт, карабкаясь следом, поскольку начали падать камни, а потолок протестующе заскрежетал и начал разваливаться на части.

Троица всего на шаг опережала обрушение всего коридора, камни и пыль лились сплошным потоком позади них. Ведомые верной Гвенвивар, они преодолели боковой проход к склону, где пантера прыгнула сразу на дюжину футов вверх. Бренор затормозил прямо под валуном, повернулся и выставил вперед руки. Дзирт, ни на секунду не останавливаясь, шагнул в подставленные ладони и взвился высоко вверх, подброшенный дворфом. Эльф ухватился за каменный карниз как раз в тот момент, когда Бренор повис на его ногах. Гвенвивар снова вцепилась в плащ и жилет Дзирта и потянула изо всех своих немалых сил.

Они смогли выбраться — благодаря столетиям опыта, координированным действиям, а главное, благодаря дружбе, что указывала им путь. Они выскочили из пещеры как раз в тот момент, когда новый толчок заставил задрожать поверхность. Облако пыли осело за спинами друзей, а рев подземной катастрофы отзывался низким гулом.

Отойдя на несколько шагов от входа в пещеру, они разом рухнули на траву, часто и тяжело дыша и оглядываясь на гору, которая чуть не стала их могилой.

— Много придется копать, — пожаловался Бренор.

Дзирт только расхохотался — что еще он мог сказать или сделать? — и Бренор мгновение смотрел на него с любопытством, но потом тоже засмеялся. Дроу упал на спину и взглянул на небо, все еще смеясь. Землетрясение едва не сделало то, что не вышло у тысячи врагов. «Какой нелепый был бы конец для Дзирта До'Урдена и короля Бренора Боевого Топора», — подумал он.

Через некоторое время дроу поднял голову, чтобы взглянуть на Бренора, который направился к входу в пещеру и пристально уставился в темноту, уперев руки в бока.

— Вот именно, эльф, — решил дворфф. — Я знаю это, нам придется много копать.

— Вперед, Бренор Боевой Топор, — прошептал Дзирт фразу, которую произносил неоднократно за эти более чем сто лет. — И знай, что каждый монстр на нашем пути, едва завидев тебя, будет прятаться как можно дальше.

От угла здания чуть дальше по улице Баррабус Серый наблюдал, как окровавленный человек, шатаясь, шел из таверны, а четыре знакомых забияки неотступно следовали за ним. Бедняга упал ничком на булыжники, и преследователи начали избивать его. Двое из них были вооружены палками, бывшими недавно ножками стола. Один пустил в ход маленький нож и несколько раз вонзил лезвие в ягодицы и бедра жертвы. Четвертый, однако, держался на расстоянии, матерясь и оберегая от резких движений причинное место.

Баррабус не стал уделять внимание деталям и жалким крикам человека. В ушах убийцы все еще звенели вопли часового в доме лорда Бабриса, когда яд камнежала как жидкий огонь разливался по его телу. Сейчас действие яда должно было вступить во вторую фазу, когда мускулы сводило судорогой, внутренности выворачивало от боли, рвота не прекращалась, хотя желудок давно опустел. Утро принесет бедняге невероятную усталость и тупую боль, которые не оставят его в течение нескольких дней. Заслужил ли стражник такое испытание, Баррабус не знал. Стражник сделал ошибку, подойдя к двери в покои Хьюго Бабриса после того, как туда вошел убийца. Неосторожность и любопытство...

Баррабус усмехнулся и отогнал нежелательные мысли. Он смотрел на четверку, прокладывая свой путь в тени здания и оставаясь незамеченным.

Здравый смысл подсказывал Баррабусу, что пора уходить прочь от этого места. Осторожность требовала не привлекать нежелательного внимания в Невервинтере. Но сейчас он чувствовал себя грязным, ему необходимо было очищение.

— Рад новой встрече, — сказал убийца громилам, стоящим посреди дороги.

Бандиты дружно обернулись на голос, и Серый откинул капюшон эльфийского плаща, давая им возможность разглядеть себя.

— Ты! — воскликнул задира, которому убийца отбил мошонку.

Баррабус улыбнулся и скрылся в переулке.

Четверо бандитов, трое из которых размахивали дубинами, а четвертый ножом, побежали следом, изрыгая проклятия и угрозы. Хотя один из них скорее ковылял, нежели бежал. Остальные на полной скорости влетели в переулок, даже не осознавая, что Баррабус только немного ускорил шаг и никоим образом не пытается убежать. Вскоре переулок наполнился совсем другими криками.

Пару минут спустя Баррабус Серый вышел из затихшего переулка на тускло

освещенную улицу Невервинтера.

Он чувствовал себя лучше. Чище. Эти четверо получили по заслугам.

Глава четвертая ТАЙНА ГЛАВНОЙ БАШНИ

— Темные эльфы, — произнесла Далия, и, казалось, ее заинтриговал такой поворот событий. — Что ж, это правда.

— Когда-то было правдой, — ответил Дор'Кри. — С тех пор как Лускан потерял блеск торгового порта, их там почти не встретишь. Но они все же изредка посещают город, консультируя капитанов и предлагая им свой товар.

— Интересно, — ответила Далия, хотя уже потеряла интерес к политике Города Парусов, о которой толковал ее любовник.

Дор'Кри привел ее в очень необычное место — древние руины, заросшие корнями и заваленные массивными стволами мертвых деревьев. Слово давно заброшенный и отживший свое сад.

— Что это за место? — спросила эльфийка.

— Иллюск, — ответил Дор'Кри. — Самая старая часть древнего города. Более того, Иллюск — граница между прошлым и настоящим Лускана, между жизнью и смертью.

Далия глубоко вдохнула тяжелый аромат этого места.

— Разве ты не чувствуешь? — спросил Дор'Кри. — Ты, что жила на самом краю Кольца Страха Сзасса Тема, должна чувствовать эту границу.

Далия кивнула. Действительно, она чувствовала влажный холодок, запах смерти, ощущение опустошенности. Смерть, в конце концов, была во всем, с чем она так или иначе соприкасалась в течение последнего десятилетия — постоянная, настоящая, всепроникающая.

— Это сладко, — шептал Дор'Кри, и его голос зазвучал хрипло, когда он приблизился к обнаженной шее эльфийки, — бродить в двух мирах.

Веки Далии отяжелели, и в течение пары мгновений она едва ли осознавала присутствие вампира. Она словно «вдохнула» призыв другой реальности, которая проникла в самую ее сущность.

Далия широко открыла глаза, и, когда перевела взгляд на спутника, в них сверкала угроза.

— Если ты меня укусишь, я окончательно уничтожу тебя, — прошептала она, подражая дразнящему тону Дор'Кри.

Вампир усмехнулся и отступил на шаг, вспоминая случай с деревянным шипом.

Эльфийка немного повернулась, давая возможность Дор'Кри взглянуть на брошь, которую носила, — подарок Сзасса Тема, дававший ей особую власть над нежитью. Вампир был серьезным противником для любого живого воина, но с этой брошью и собственными исключительными физическими данными Далия, безусловно, была в состоянии воплотить угрозы в жизнь.

— Зачем ты притащил меня сюда? — спросила она.

— Чтобы показать вход в подземелья города, — пояснил Дор'Кри, подходя к ближайшей развалине — куче осколков камня, разбросанных неровным кругом, словно когда-то они были частью единого целого.

Далия задумалась, и взгляд ее скользнул по развалинам к острову, на котором когда-то стояла Главная башня Тайного Знания, ее обломки все еще были легко различимы. На лице эльфийки отражалось сомнение.

— Здесь есть туннели, ниже уровня моря, — пояснил Дор'Кри.

— Ты был там?

Вампир кивнул и улыбнулся:

— Здесь я нахожу убежище от солнечных лучей. Место не менее любопытное, чем его

хозяйка.

Последнее замечание заставило Далию взглянуть на Дор'Кри с любопытством.

— Хозяйка? — переспросила она.

— Да, прелестное создание.

— Не дразни меня.

— Тебе понравится Валиндра Теневая Мантия, — пообещал вампир.

Взмахнув руками, Дор'Кри широко распахнул плащ. Очертания его расплывались, и Далии на мгновение пришлось отвести взгляд. Вампир превратился в большую летучую мышь, которая исчезла из виду, нырнув в стену. Эльфийка вздохнула и шагнула за ним в щель, понимая, что Дор'Кри дразнит ее, зная, что ей нелегко следовать за ним. Она превратила свой посох в четырехфутовую трость, произнесла тихую команду и направила оружие на камень. Его наконечник отреагировал на приказ вспышками бело-голубого света.

Теперь Далия спускалась вниз, держа посох в одной руке, а второй опиралась о стену. Эльфийка двигалась довольно быстро. Приблизительно через тридцать футов проход обрывался узкой шахтой, и Далии пришлось присесть и выставить посох перед собой, освещая колодец. Он оказался неглубок, выводил едва ли на дюжину футов ниже, поэтому она просто прыгнула вниз.

Она приземлилась на согнутые ноги и огляделась вокруг в поисках Дор'Кри, который вернул себе человеческий облик, ожидая ее неподалеку от следующего отверстия. Спутники снова стали спускаться вниз, к поперечному коридору. После нескольких уступов, лестниц и узких скатов они вошли в лабиринт туннелей и коридоров, древних строений, стен, дверей — всего, что в давние времена стояло на месте нынешнего Лускана.

— Этот коридор, — сказал Дор'Кри, указывая на запад, — выведет нас к островам.

Далия прошла мимо него, держа перед собой светящийся посох и внимательно изучая стены и пол.

— Если взглянешь на потолок, обнаружишь одну из тайн Главной башни, — пояснил Дор'Кри.

Далия раздвинула посох на полную длину и позволила мерцающему огню порхнуть к наконечнику. Потом она подняла оружие над собой, почти касаясь высокого потолка туннеля.

— Что это? — спросила эльфийка, водя наконечником вдоль чего-то, что казалось венами.

— Корни? — скорее спросил, нежели ответил Дор'Кри.

Далия взглянула на него с любопытством, но тут же вспомнила, что, ныне уничтоженная, Главная башня Тайного Знания по своей форме напоминала дерево.

Внезапно шипящий звук за поворотом туннеля заставил ее повернуться и взять посох на изготовку. Какая-то нежить неслась на эльфийку, и ее длинный язык болтался между острыми желтыми клыками.

Далия начала вращать посох, но вмешался Дор'Кри. Он вышел вперед протянул руки к гхолу и пристально на него посмотрел.

Гхол сначала замедлил бег, потом и вовсе остановился, уставившись на вампира, обладающего в загадочной иерархии нежити куда более высоким рангом. С протестующим воем зловонное существо вернулось обратно в тень тем же путем, что и пришло.

— Катакомбы полны хищных тварей, — объяснял Дор'Кри. — Гхолы и лацедоны, полусгнившие зомби...

— Прелестно, — отметила Далия и с сожалением подумала, что нежить сопровождает ее везде, куда бы она ни направилась.

— Большинство мелкие, но есть парочка довольно крупных, — пояснил вампир и снова обратил ее внимание на загадочные корни: — Полые, словно трубы. Один из них от основания Главной башни уходит в открытое море, другой же тянется вглубь страны на восток и юго-восток.

— Как далеко?

Вампир пожал плечами:

— Далеко за городские стены.

— Что же это за магия? — спросила Далия, поднимая светящийся посох и внимательно всматриваясь в полупрозрачную зеленоватую трубу с красными прожилками.

— Древняя.

Эльфийка бросила на вампира раздраженный взгляд.

— Можно предположить, что дворфская, — уточнил Дор'Кри.

— Дворфская? Слишком изысканно для них.

— Но каменная кладка просто идеальна, все без исключения камни фундамента Главной башни однозначно указывают на то, что к ним приложили руки мастера дворфов.

— Ты утверждаешь, что Главная башня Тайного Знания, одно из самых поразительных и окутанных магией строений во всем Фаэруне, резиденция гильдии волшебников с тех времен, что стерлись из памяти даже самых старых эльфов, была построена дворфами?

— Я думаю, что дворфы работали рука об руку с древними архитекторами Главной башни, — ответил Дор'Кри, — а архитекторы, по-видимому, были эльфами, не дворфами. Я предполагаю это, основываясь на истории данного региона и древовидной форме, которую имела башня до падения.

Далия не спорила, но прекрасно понимала, что были приложены немалые усилия к тому, чтобы заставить эльфов и дворфов работать вместе.

— Корни? — спросила Далия. — И ты думаешь, что они важны...

Она замолчала, заметив некое движение над собой, затем с интересом подняла голову вверх и увидела некую жидкость, стекающую по трубе над ее головой.

— Прилив, — пояснил Дор'Кри. — Когда он начинается, вода поступает по туннелям — корням, или венам, если ты хочешь их так называть. Однако воды не так много, и она уходит обратно с отливом.

Далия понятия не имела, что могла означать вся эта интересная информация. Они с Дор'Кри прибыли в Лускан, чтобы выяснить, есть ли связь между уничтожением Главной башни и землетрясениями, которые разрушали север Побережья Меча после ее падения. Магические связи порвались при падении башни, это было печально и каким-то образом дало начало серии землетрясений. Более того, отголоски катастрофы обнаружились не только в Лускане, но и на лесистых холмах, известных как Краге.

Она повернулась, проследившая направление странного «корня», идущего на юго-восток.

— Что еще ты узнал? — спросила эльфийская воительница.

— Пойдем, я отведу тебя к личу Валиндре и еще к кое-кому, более старому и более могущественному. Точнее, тому, кто был более могущественным, прежде чем Магическая чума сделала его безумцем.

Вампир развернулся, собираясь идти дальше, но Далия не сразу последовала за ним, припоминая все, что ей было известно о новейшей истории Лускана, которую она внимательно изучала, перед тем как покинуть Тей.

— Арклем Грит? — спросила Далия, имея в виду лича, который единолично правил Главной башней от имени Тайного Братства и который был повержен вместе с ней. Повержен, но не уничтожен, ведь, в конце концов, неуничтожимость — главная особенность личей. — Серьезный противник, — произнесла эльфийка. — Даже с защищающим меня амулетом Сзасса Тема.

Дор'Кри покачал головой:

— Когда-то — может быть, но не сейчас. Дроу уже решили эту проблему за нас.

Некоторое время спустя, оставив позади несколько пещер и коридоров, эльфийка и вампир вошли в странную комнату.

— Что это за место? — спросила Далия, потому что помещение больше напоминало гостиную дорогого отеля, нежели подземную пещеру.

Красочные гобелены завешивали стены, комната была устлана удобной и прочной

мебелью, включая мраморный туалетный столик с большим зеркалом на нем.

— Это мой дом, — ответила женщина, сидящая в изысканном кресле напротив этого столика.

Когда она повернулась и улыбнулась вошедшим, Далия едва не вздрогнула. Возможно, когда-то женщина и была красива. Когда-то у нее были длинные, блестящие темные волосы и тонкие черты лица, подчеркивающие огромность глаз. Но эти глаза были давно утрачены, и вместо них в глазницах горели красные точки неестественного внутреннего огня лица. Улыбка превратилась в чудовищный оскал, губы сгнили, из-за чего зубы казались огромными, и казалось, что остатки бледной кожи вот-вот сползут с черепа.

— Разве вам не нравится? — спросила лич сладким голоском молоденькой флиртующей девочки.

— Конечно, Валиндра! Конечно! — отозвался Дор'Кри с преувеличенным восторгом, пока Далия приходила в себя.

Воительница взглянула на своего компаньона, потом снова перевела взгляд на лица.

— Ты и есть Валиндра Теневая Мантия? — спросила Далия.

— Я и есть, — ответила Валиндра.

— О твоём величии сложены легенды, — солгала Далия, и Дор'Кри одобрительно сжал её руку. — Но самые лестные рассказы не могли передать все великолепие твоей красоты.

С этими словами Далия низко поклонилась, а Валиндра рассмеялась.

— Где же твой муж, уважаемая? — спросил Дор'Кри, и, когда Валиндра повернулась, словно ища кого-то, вампир кивнул на комод со стеклянными дверцами — на полке лежал драгоценный камень в виде черепа, размером с кулак.

Как только взоры всех устремились к филактерии, глаза черепа вспыхнули яркой красной вспышкой, прежде чем опять прийти в свое привычное состояние.

— Грит внутри? — спросила Далия своего компаньона.

— То, что от него осталось, — ответил вампир и указал на похожий предмет, в дымчато-белом кристалле которого не было жизни.

— Филактерия Валиндры, — пояснил Дор'Кри.

Далия ощущала нечто в броши на жилете, когда рассматривала артефакты. Она решила подойти к комоду, отметив, что Валиндра все еще глупо улыбается, и открыла стеклянные дверцы. Эльфийка обернулась к Дор'Кри, который поднял ладони вверх, показывая, что он сам озадачен.

— Какой прекрасный драгоценный камень, — обратилась к Валиндре Далия.

— Это мой муж, — ответила лич.

— Могу я его подержать?

— О да, конечно! — отозвалась Валиндра.

Далия не была уверена, что такая благосклонность происходит от бесхитростности женщины-лица. Возможно, имеют место вполне подлые мотивы. Ведь, по общепринятому мнению, самым легким способом завладеть чьим-либо разумом можно было, дав жертве подержать филактерию бесплотного лица.

Но Далия носила брошь Сзасса Тема, которая обеспечивала могучую защиту от некромантии, поэтому эльфийка без опасения взяла череп в руки.

В тот же миг она почувствовала сильное замешательство, гнев и ужас, заключенные в камне. Далия поняла бы, что это Арклем Грит, даже не скажи ей об этом Дор'Кри. Лич буквально ревел, требуя освободить и убить кого-то, называемого Робиярдом.

Она увидела Главную башню Тайного Знания на пике славы. Последним ее хозяином был Арклем Грит. Множество видений промелькнуло перед глазами Далии, противоречивые мысли заполнили сознание. Эльфийка чувствовала, что ее словно затягивает в глубину драгоценного камня. Она уже не различала, где кончалась ее личность и начиналась личность Арклема Грита. Придя в себя на миг, Далия уронила каменный череп на полку и быстро отстранилась, задыхаясь и стараясь сохранить самообладание.

— Ваш муж владеет удивительной драгоценностью, Валиндра, — сказала она.

— Безусловно, но и моя не менее удивительна, — ответила лич, и ее голос звучал не так, как прежде, он был сухим, грозным, хладнокровным.

Далия повернулась к ней.

— Зачем вы здесь? — спросила Валиндра. — Киммуриэль послал вас?

— Киммуриэль? — удивилась Далия, обращаясь больше к Дор'Кри, чем к личу.

— Один из лидеров темных эльфов в Лускане, — пояснил вампир.

— Где он? — спросила эльфийка.

— Отправился домой, — неожиданно ответила Валиндра, и голос ее был полон сожаления. — Далеко, очень далеко. Мне не хватает его. Он помогает мне.

Воительница и вампир обменялись вопросительными взглядами.

— Он помогает мне помнить, — продолжала Валиндра. — Он помогает моему мужу.

— Он дал тебе артефакты? — спросила Далия.

— Нет, это сделал Джарлак, — ответила Валиндра, — и глупый дворф.

Далия взглянула на Дор'Кри, который пожал плечами, потом снова обратила взор на Валиндру.

— Ба-ха-ха! — взорвалась Валиндра злобным хохотом и грозно выдохнула: — Тупой дворф.

— Так Джарлак — дворф?

— Нет! — сказала Валиндра — казалось, этот вопрос позабавил ее. — Он дроу. Искусный и хитрый.

— Он в Лускане?

— Временами.

— А сейчас?

— Я... я... — Лич в недоумении переводила взгляд с предмета на предмет.

Далия посмотрела на Дор'Кри, но тот понимал в происходящем не больше ее.

— Что ты знаешь о Главной башне? — спросила эльфийка у лича.

— Когда-то я жила там, достаточно долго.

— Да, потом она была уничтожена...

Лич отвернулась, прикрыв глазницы руками.

— Она пала! Ах, она пала!

— И ее магия ушла? — с нажимом продолжила Далия, подходя ближе к безумной женщине.

Эльфийка спросила снова и, когда Валиндра безучастно взглянула на нее, задала вопрос еще несколько раз.

Но вскоре стало ясно, что лич не имеет ни малейшего понятия, о какой именно силе идет речь, поэтому Далия перевела разговор на другие, более обыденные темы. Потом она снова заговорила о красоте Валиндры, ей казалось, что это поможет успокоить женщину, ставшую нежитью.

Немного погодя она спросила:

— Можно, я еще как-нибудь загляну, Валиндра?

— Мне приятна твоя компания, — ответила лич. — Но предупреди меня заранее, чтобы я смогла подготовиться...

Она сделала паузу, огляделась вокруг, на глазах становясь все несчастнее.

— Я... где моя еда? — спросила Валиндра и с любопытством взглянула на Далию.

Затем она закрыла лицо руками и с криком упала на колени.

Далия рванулась к ней, но лич выставила руку вперед, отстраняясь от эльфийской воительницы.

— Моя еда! — сказала она и начала хохотать.

— Я принесу тебе еды, — пообещала Далия, и Валиндра засмеялась еще громче.

— Такая пища мне не нужна, — ответила лич. — Не нужна в течение долгих лет. Не нужна с тех пор, как рухнула Главная башня. — Она посмотрела на Далию с печальной улыбкой. — Не нужна с тех пор, как я умерла.

Казалось, женщина успокоилась, и Далия отступила, встав рядом с Дор'Кри.

— Иногда я забываю, — объяснила Валиндра, ее голос снова стал спокоен. — Мне так одиноко.

Она бросила тоскливый взгляд на филактерию своего мужа.

— Тебя порадует, если мы придем снова? — спросила Далия.

Валиндра кивнула.

Далия жестом позвала Дор'Кри за собой и направилась прочь из комнаты.

— Но никакой еды! — крикнула вслед Валиндра.

— Все еще остались вопросы, ответы на которые нужно искать здесь, — сказал Дор'Кри, когда они вышли. — В корнях Главной башни, если не в жилище Валиндры.

— Некоторые ответы мы найдем и там.

— Я сомневаюсь, что она что-то знает о происхождении Главной башни или этой местности.

— Но Арклем Грит, возможно, лучше осведомлен, — заверила его Далия. — Я снова поговорю с ним.

— Ты говорила с ним, когда держала камень? Это не слишком умно...

— Короткая беседа, — с усмешкой заверила его Далия. — Рассвет близок. Я возвращаюсь в город — у меня назначена аудиенция с Барланном Вороном, одним из верховных капитанов. Возможно, он расскажет мне больше об этих дроу, Киммуриэле и Джарлаксе.

— А я?

— Следуй за корнями Главной башни, — приказала Далия. — Я хочу знать, куда они тянутся.

Дор'Кри кивнул.

— Я вернусь к Валиндре завтрашней ночью и буду приходить к ней каждую ночь. Присоединяйся, как только сможешь.

— Тебя проводить? — спросил вампир.

Далия лишь взглянула на него.

— Гхолы, вурдалаки и прочие твари... — стал объяснять Дор'Кри.

Он замолчал, когда Далия посмотрела на него как на сумасшедшего и подняла свой боевой посох.

Перед самым рассветом следующего дня Далия висела на одной руке, держась за край самой высокой стены, всматриваясь в помещение внизу. Эльфийка медленно поворачивалась, осматривая комнату в поисках мертвых, которые наверняка были здесь и знали, что женщина не сможет их обнаружить.

Они прекрасно видели Далию, высоко поднявшую посох, мерцавший синим светом, но это не имело никакого значения. Даже спустись она в полной темноте и будь бесшумнее тени, монстры все равно узнали бы о ее присутствии. Они почуяли бы ее запах. Аромат сладкой, живой плоти сводил их с ума.

Далия спрыгнула на пол, в полете увеличивая посох. Она приземлилась, спружинив ногами, и выпрямилась.

Их было слишком много.

Они все прибывали и прибывали, из каждого выхода и каждой тени, собираясь в стаи: голодные гхолы, скрючившиеся, передвигающиеся на четвереньках, скребущие камень когтями. Они казались иссохшими человеческими трупами, их черепа и кости покрывала серая кожа, но было и еще кое-что: когти и зубы, ненависть ко всему живому и огромная жажда плоти, живой или мертвой. Монстры были повсюду, их было бесчисленное множество, и Далии некуда было бежать.

Но и гхолам тоже.

Эльфийка подпрыгнула, подтянулась на руках, которыми держалась за вертикально установленный посох. Далия выпрямилась, вытянула ноги вверх и коснулась ими стены. Она уперла ступни в стену, потом крепко обхватила ими выступ и стала помогать себе руками, переставляя посох по полу, пока не смогла вернуться на стену. Свора гголов осталась внизу.

— Наслаждайтесь, — шепнула она монстрам и, вытащив рубин из своего ожерелья, кинула его вниз.

Упав на землю, драгоценный камень взорвался, огонь метнулся во все стороны, почти достигнув стены, на которой уселась Далия.

Ей пришлось зажать уши руками, чтобы хоть как-то заглушить ужасный вой.

Пламя бушевало несколько мгновений, но гхолам больше и не требовалось. Монстры визжали пронзительными нечеловеческими голосами, это был поистине адский вопль, словно из недр самого Абисса. Твари метались, размахивая когтистыми лапами в попытке сбить сжигающее их пламя или отогнать обезумевших горящих сородичей. Некоторые прыгали друг на друга и начинали жевать и рвать плоть нежити, любую плоть, хоть что-то, что могло остановить боль.

Далия спрыгнула на пол посреди этого безумия, раздвигая еще на два фута каждый из концов ее четырехфутового шеста. Она раскрутила крайние части оружия сразу по приземлении и, не выпрямляясь, ушла влево, обрушив конец посоха на череп ближайшей твари.

Они были слишком неистовы, слишком возбуждены и невменяемы, чтобы скоординировать свои действия против воительницы, и Далия энергично пробиралась сквозь толпу. Она дробила каждую тянущуюся к ней руку вращающимся концом, на голову любого гхола, оказавшегося поблизости, обрушивалась тяжелая центральная часть Иглы Коза.

Далия легко бежала по туннелю и, заслышав погоню, переломила центральную часть посоха и начала одновременно вращать две части, порождая убийственный заряд.

Ее преследовали два гхола.

Далия свернула за угол, свободные концы посоха неистово вращались по обе стороны от нее. Затем она резко остановила их движение, зажав крайние секции под мышками. При этом эльфийка ни на секунду не ослабила хватку, словно стараясь освободить концы. Далия рычала, напрягая каждый мускул своего тела, и казалось, она противоречит самой себе, одновременно удерживая крайние секции под мышками и вытаскивая их за другой конец.

Выждав момент, воительница выпрыгнула перед преследователями и тотчас же развела локти. Концы посоха рванули вперед с огромной силой, каждый из них, будто копье, устремился в уродливые лица. С тошнотворным треском концы проломили черепа монстров, а один из концов издал жуткое чавканье, пройдя через глаз чудовища, но эльфийке этот звук показался сладкой музыкой.

Все, казалось, замерло вокруг в этот момент, Далия и гхолы застыли в этой ужасной сцене будто навечно. Но вот эльфийка возобновила движение, выдергивая концы посоха из сгнивших мозгов нежити. Далия отвела руки за спину, соединяя концы секций, которые защелкнулись в опасной близости от ее головы. Используя инерцию, эльфийка закрутила концы по обе стороны от себя. Затем широко размахнулась, чтобы снести с плеч череп гхолу по левую сторону. Одновременно с этим голова второго гхола тоже отлетела, сбита другой частью посоха, врезалась в стену и превратилась в бесформенную массу.

Далия привычным движением соединила Иглу Коза и посмотрела на проход, из которого пришла, но даже острое эльфийское зрение не помогло ей. Невозможно было ничего разглядеть.

Преследования не было слышно. Далия трансформировала посох, сложив его в привычную трость, и затем постучала им о камень, чтобы вызвать мерцающий голубой свет.

— Ах, Валиндра Теневая Мантия, — прошептала эльфийка, шагая по туннелю, — я очень надеюсь, что ты стоишь всех этих проблем.

Дор'Кри был вампиром, а вампиры, конечно, не потеют, но он ясно ощущал влагу по всему телу, к которому так неприятно липла одежда. Обычно Дор'Кри не нуждался в освещении, чтобы ориентироваться под землей, но полная неспособность что-либо рассмотреть несколько его удивила.

Он достал свечу, кусочек кремня и стали, и, когда фитиль наконец загорелся, вампир с большим любопытством осмотрелся. Как оказалось, Дор'Кри находился в просторном зале с высоким потолком, но все еще не мог видеть так же хорошо, как и раньше, — его окружал густой туман, скудно освещаемый его свечой.

— Что же это за место? — прошептал вампир.

Он прошел в комнату, полную пара, который вонял, как груда тухлых яиц, и шипел, как яма с гадюками. За несколько дней вампир на много миль отошел от Лускана, пробираясь внутри полого «корня» упавшей Главной башни. Туннели построили искусные дворфы, хотя Дор'Кри ясно понимал, что дворфы сюда не заглядывали уже очень давно.

Он прикрывал пламя свечи от окружающей влаги и медленно осматривал помещение. Вампир направился к источнику шипящего звука и понял, что это отверстие в полу — трещина в камне, через которую вырывался более горячий и еще более вонючий пар, нежели тот, что наполнял комнату.

Дор'Кри не обнаружил никакого выхода из помещения, и его глаза расширились от удивления, когда он заметил, что корень Главной башни не теряется в трещине, а, извиваясь по стене, уходит прямо сквозь пол. Вампир улыбнулся, решив, что его путешествие подходит к концу. Он задул свечу и стал таким же бесплотным, как и пар вокруг. Затем скользнул через трещину в полу, спускающуюся вдоль корня.

Несколько дней спустя немного обескураженный и весьма заинтригованный Дор'Кри снова возник в комнате Валинды Теневой Мантии.

В покоях королевы подземелий Лускана горело множество свечей, лич казалась более оживленной, нежели в прошлый раз, более яркой. Она тепло приветствовала Дор'Кри и даже выразила сожаление, что не видела его десять дней.

— Я бродил в корнях Главной башни, — пояснил он. — Ты помнишь Главную башню?..

— Конечно.

— Знаешь ли ты место, огромный зал, где корень уходит вглубь земли?

— Она не сможет тебе ответить, — раздался другой голос.

Далия вышла из-за одного из декоративных гобеленов, висевших здесь повсюду. Она чуть заметно улыбнулась и кивком указала на каменный череп, в котором был заключен дух Арклема Грита.

— Вот он может.

— Ты?..

— Расскажи мне об этом огромном зале.

— Это поистине удивительное место, по размеру сравнимое с некоторыми городами Под...

— Гаунтлгрим, — прервала его Далия, и Дор'Кри уставился на нее, ничего не понимая. — Древняя родина дворфов клана Делзун, — пояснила эльфийка. — Потерянная настолько давно, что уже стала мифом.

— Но он реален, — сказал Дор'Кри.

— Ты исследовал его?

— Я не стал заходить слишком далеко.

Далия смотрела на него, выгнув одну бровь.

— Призраки, — пояснил вампир. — Призраки дворфов и другие, более опасные твари. Я подумал, что будет благоразумнее вернуться и рассказать тебе о том, что я узнал. Как, ты

сказала, он называется? Гаунтлгрим? Как ты узнала?

— Грит рассказал мне. Главная башня была связана с этим самым древним из дворфских городов. Она была построена дворфами, эльфами и людьми в стародавние времена, и, хотя построена она была для всех, лишь немногие дворфы жили непосредственно в Главной башне.

— А ее могущество принесло пользу этому городу, этому Гаунтлгриму?

Далия пожала плечами.

— Полагаю, Арклем Грит знает больше, чем рассказал. Вскоре я попробую снова с ним поговорить. Чувствуется качественная работа. И кладка, и магия, которые сотворили Главную башню Тайного Знания, действительно как-то связаны с... — Далия замолчала, когда заметила настороженный взгляд Дор'Кри.

— Ты носишь два бриллианта в правом ухе, — заметил вампир. — Восемь в левом и два в правом.

— Неужели ты ревнуешь? — поинтересовалась Далия.

— Барланн Ворон должным образом простимулирован, я полагаю?

Далия только улыбнулась.

— Ревную? — со смехом повторил Дор'Кри. — Успокоился — это слово больше подходит. Лучше быть очередным в твоём правом ухе, чем знать о твоей уверенности в том, что левое будет лучше смотреться с девятью бриллиантами.

Далия долго и внимательно глядела на него, и вампир подумал, что, возможно, не самой лучшей идеей было рассказать ей о том, что ему известно значение украшений.

— Теперь мы знаем, где искать, — сказала эльфийка после долгой и неуютной паузы. — Я продолжу свою работу с Арклемом Гритом, используя все, что он сможет предложить мне, а ты должен попытаться собрать как можно больше информации о Гаунтлгриме и о том, что делать со стражей вроде тех призраков.

— Это опасная дорога, — ответил вампир. — Если бы я не мог покидать физическое тело, мне пришлось бы биться как за право войти, так и за право выйти. И с грозными противниками.

— Тогда мы найдем еще более грозных союзников, — пообещала Далия.

Глава пятая ДРОУ И ЕГО ДВОРФ

Моргенштерны были диагонально закреплены за спиной, их стальные шары ударялись друг о друга при каждом шаге, но прохожим Атрогейт казался скорее дипломатом, нежели воином. Его густые черные волосы были ухожены, а длинная борода заплетена в три косички, украшенные ремешками с ониксами. Еще один камень — магический — был вставлен в обруч на голове дворфа. Широкий пояс черного цвета давал своему владельцу огромную силу. Черные сапоги истоптали тысячи дорог, но в целом одежда дворфа соответствовала последней моде: штаны из серого бархата, рубашка темно-аметистового цвета и черный кожаный жилет, не позволявший закрепленному за спиной могучему оружию повредить хозяину.

Увидеть Атрогейта в Лускане было обычным делом, а его связь с темными эльфами являлась самым плохо скрываемым секретом Города Парусов. Дворф ходил по городу открыто и без сопровождения. Во всяком случае видимого. Казалось, он сам напрашивался на нападение. Не было ничего, что дворф любил бы больше, чем хорошую драку, но в последнее время драки стали редкостью: его партнер смотрел на это увлечение неодобрительно.

Атрогейт подошел к зданию напротив своего любимого кабака — «Укуса акулы», — подходящее место для того, кто хоть раз побывал в обществе «веселых мясников». На углу переулка дворф прислонился спиной к стене и, достав большую трубку, начал набивать ее табаком.

Дворфф наслаждался дурманом, выпуская дымные кольца, медленно уплывающие вдаль, когда стройная эльфийка вышла из «Укуса акулы» и остановилась возле группки пьяниц, которые тут же начали отпускать похотливые комментарии в ее адрес.

— Ты ее видишь? — спросил Атрогейт, не вынимая изо рта трубку.

— Трудно не заметить, — ответил голос из тени позади воителя.

Принимая во внимание разрез на юбке, высокие черные сапоги на стройных ногах и низкий вырез блузки, эти слова прозвучали искренне.

— Я уверен, как в том, что солнце садится, один из глупцов на прелести ее польстится. Но их черепа ощутят в тот же миг, что посох ее барабанит по ним.

Голос в тени вздохнул.

— Не старею, не так ли? — спросил Атрогейт, довольный собой.

— Ты никогда не был молодым, дворфф, — последовал ответ, и воитель расхохотался:

— Ба-ха-ха!!!

— Возможно, однажды я пойму, как ты мыслишь. И боюсь, в этот день я буду вынужден наложить на себя руки.

— А что тут понимать? — спросил Атрогейт. — Кто-нибудь из этих парней прицепится к девчонке.

Как только он это сказал, один из пьянчуг подошел к женщине и шлепнул ее по ягодицам. Та ловко увернулась и улыбнулась, грозя пальцем и жестом отгоняя нахала.

Но пьяница и не думал прекращать.

— Началось, — предрек Атрогейт.

Казалось, мужчина споткнулся и упал в объятия эльфийки. Во всяком случае, с того места, где стоял дворфф, все выглядело именно так. Но стоило Атрогейту поздравить себя с верным предположением, голос из тени обратил его внимание на то, что пьяница замер, неестественно приподнявшись на цыпочки. Он начал медленно пятиться от женщины, а она продолжала мило улыбаться и шептала что-то мужчине так тихо, что его подельники не могли ничего расслышать. К тому же заставила негодя встать так, чтобы трость, упирающаяся ему в подбородок, для остальных была не видна. Она освободила его и отошла в сторону, а мужчина, почти упав, схватился за шею и закашлялся под дружный смех друзей.

— Ба, думал, она надерет задницы им всем, — проворчал Атрогейт.

— Она для этого слишком умна, — отозвался голос из темноты. — Хотя если эти бандиты решат преследовать ее, то будет весьма справедливо с ее стороны использовать свое оружие.

Никто не посмел преследовать эльфийку, и она спокойно двинулась к Атрогейту.

— Она тебя увидела, — заметил голос.

Дворфф выдул еще одно дымное кольцо и двинулся прочь, продолжая прерванный путь. Его работа была выполнена. Эльфийка подошла к тому месту, где стоял дворфф, быстро, но внимательно осмотрелась по сторонам и скользнула в переулок.

— Джарлакс, я полагаю? — сказала она, увидев стоявшего перед ней дроу в широкополой шляпе с огромным пером и пурпурных широких штанах.

На нем была белая рубашка, расстегнутая на груди и демонстрирующая черную кожу, а также огромный ассортимент колец и других блестящих аксессуаров.

— Мне нравится твоя шляпа, леди Далия, — ответил Джарлакс с поклоном.

— Не столь показушная, как твоя, наверное, — ответила Далия. — Но она привлекает тех, чье внимание мне желательно.

— Показу-ушная... — обиженно протянул дроу. — Может, она отвлекает внимание тех, кому я хочу причинить вред.

— Предпочитаю для этого иные способы, — быстро ответила эльфийка, и Джарлакс улыбнулся.

— У тебя довольно странный компаньон, — продолжила Далия. — Дроу и дворфф в одной компании?

— Мы ни в чем не схожи, — заверил ее Джарлакс.

Он снова улыбнулся, подумав о другой компании, тоже дроу и дворфе, которые пронесли удивительно крепкую дружбу через десятилетия.

— Но да, Атрогейт необычный. Возможно, поэтому я и нахожу его интересным и вполне к нему расположен.

— Его речь не вяжется с его одеждой.

— Если считать «ба-ха-ха» связной речью, — ответил Джарлак. — Верь мне, когда я говорю, что прогресс в окультуривании дворфа превзошел все мои ожидания. Меньше грязи и больше глянца.

— Ты его приручил?

— Невозможно, — заверил Джарлак женщину, — этот победит даже титана.

— Он нам пригодится.

— Итак, Атрогейт сказал мне, что ты нашла огромную дворфскую сокровищницу, их древнюю родину.

— Мне послышался скепсис?

— Почему ты пришла ко мне? Зачем эльфийке искать союза с дроу?

— Потому что мне требуются компаньоны в этом предприятии. Это опасный путь, к тому же под землей. Раздумывая о силах Лускана, я пришла к выводу, что темные эльфы более надежные союзники, нежели верховные капитаны или пираты, и это свело меня... с тобой.

Джарлак колебался, его явно не убедили слова эльфийки.

— Это место кишит призраками дворфов, — призналась Далия.

— А, — сказал дроу, — то есть ты нуждаешься прежде всего в дворфе — в ком-то, кто сможет поговорить с предками и умиловить их души.

Далия пожала плечами, не отрицая этого.

— Предлагаю тебе половину добычи, — сказала она. — И думаю, что это достойная цена.

— Какую половину?

Настала очередь Далии изображать недоумение.

— Ты берешь мифрил, а я получаю гору медных монет, — объяснил Джарлак. — Я возьму половину, но ту половину, что выберу сам.

— Один к одному, — сказала Далия, рассматривая варианты.

— И я выбираю первый.

— А я вторая и третья.

— Вторая и четвертая.

— Вторая и третья! — настояла Далия.

— Хорошего пути, — ответил Джарлак и коснулся края шляпы, прощаясь.

— Ладно, вторая и четвертая, — согласилась эльфийка, прежде чем дроу успел сделать три шага. — Да, ты мне нужен, — признала она, когда Джарлак повернулся. — Я потратила месяцы, разыскивая это место и подбирая проводника.

— Первый выбор? — спросил Джарлак.

— Первый выбор, — ответила Далия, и снова на лице дроу отразилось недоумение.

— Не Барланн Ворон? — иронично ухмыльнулся темный эльф. — Неужели ты действительно веришь, что сможешь покинуть город незаметно?

— Барланн принимал участие в поисках, но на роль проводника никогда не претендовал, — ответила Далия. — Я скорее возьму с собой тех пьянчужек. — Она вернула дроу хитрую улыбку. — Кстати, он о тебе не лучшего мнения, как и обо всех твоих темнокожих сородичах. Он гордится тем, что принял участие в выдворении тебя из Города Парусов.

— Ты в это веришь?

Эльфийка промолчала.

— Веришь в то, что меня выгнали из города, в котором я сейчас нахожусь? — уточнил Джарлак. — Или что мои... сородичи боятся гнева Барланна Ворона, или кого-то еще из

верховных капитанов, или всех их, вместе взятых? Для меня не составит труда настроить троих из них против оставшихся двоих, или двоих против троих, или четверых против Барланна, если мне этого захочется. Ты, утверждающая, что изучила тайны власти в Лускане, сомневаешься в этом?

Далия обдумала его слова и ответила миг спустя:

— И все же, по общему мнению, дроу осталось в городе совсем мало.

— Потому что дроу так решили. Мы давным-давно лишили Лускан всех сокровищ, которые были нам интересны. Мы держимся в тени, потому что город остается источником информации. Некоторые корабли до сих пор швартуются здесь, приходя из других портов Побережья Мечей.

— И поэтому Барланн Ворон и остальные верховные капитаны являются истинной силой в городе.

— Если их уверенность в этом нам на руку, пусть так оно и будет.

Этот ответ впервые заставил Далию занервничать, но, отметил Джарлакс, она почти сумела это скрыть. Следует осторожно разыгрывать эту партию. У эльфийки имеются скрытые мотивы, и он не хотел испугать ее. Однако Далия заинтриговала Джарлакса. А то, как легко и красиво она наняла Атрогейта, сказало наемнику, что Далия приступает к делу, хорошо подготовившись.

— Интересы моих компаньонов в Лускане в настоящее время очень незначительны, — просветил ее Джарлакс. — Наша сеть обширна, и этот город — лишь ее малый узелок.

— Их сеть?

— Моя сеть, если понадобится, — ответил Джарлакс.

— А мое предложение?

Дроу снял свою огромную шляпу и поклонился:

— Джарлакс к вашим услугам, моя леди.

— Джарлакс и Атрогейт, — поправила его Далия. — Мне он нужен больше, чем ты.

Дроу быстро выпрямился и одарил ее злой ухмылкой:

— Я очень в этом сомневаюсь.

— И зря, — сказала женщина и вышла из переулка.

Пока Джарлакс провожал взглядом ее соблазнительную походку, улыбка темного эльфа становилась шире.

— Сила в западных горах, — сказала Силора Сзассу Тему. — Колебания усиливаются. Там источник огромной опасности и огромных возможностей.

— Ты разговаривала с нашим агентом?

Силора поднесла зеркало к лицу и закрыла глаза, призывая магию. Блестящее стекло затуманилось, оставив четким лишь небольшой круг. Зеркало больше не показывало отражения Кольца Страха, в нем можно было разглядеть только один предмет — кристалл в форме черепа.

— Это больше чем просто филактерия лица, — пояснила Силора. — Он держит связь с нашим агентом, а когда придет время, станет проводником в нашем путешествии.

— Тебе не терпится пуститься в путь.

— Лучше бы я пошла вместо Далии, — произнесла тейская волшебница.

— Это вопрос?

— Невервинтер кишит незересами. Культ этого выскочки Ашмадая уже тут, мое предложение — противостоять им.

— Но не уничтожить. На очереди создание нового Кольца Страха. Основой послужат обнаруженные Далией сведения. Неконтролируемая катастрофа, изящная и прекрасная. Еще один плюс Далии, — напомнил Сзасс Тем. — Это она распознала признаки приближения

опасности и хочет ее использовать.

— Это вне ее понимания, — настаивала Силора.

Она едва могла разглядеть Сзасса Тема сквозь туман Кольца Страха, и это было хорошо, учитывая внешность архилича, но его силуэт выражал безразличие к тревогам волшебницы.

— Далия не одна, — заверил ее Сзасс Тем. — Хотя она так думает, и это нам на руку. Надеюсь, мы ей понадобится в том деле, которое она собирается воплотить в жизнь. А ты будешь наблюдать за ней, мы поддержим ее, если нам будет выгодно.

— Я еду в лес Невервинтер, как мы договаривались? — спросила Силора, не имея желания обострять отношения еще больше.

Сзасс Тем услышал достаточно, и женщина знала, что спор с ним может закончиться приглашением в его темное королевство — в качестве рабыни.

— Еще нет, — проинструктировал лич. — Культ Ашмадая отвлечет наших друзей незересов. Наибольшую пользу принесет работа Далии, поэтому я хочу, чтобы ты собрала как можно больше сведений — как в наших библиотеках, так и через связь с нашим агентом. Это приоритетное задание. Если преуспеем, то получим новое Кольцо Страха, пожалуй самое лучшее из всех, и оно принесет немало бед этим ископаемым незересам.

— Это мое задание?

— Да.

— А награда? — спросила волшебница.

— Имеешь в виду твоё соперничество с Далией? — спросил Сзасс Тем, хихикнув. Смех его оборвался так же внезапно, как и возник, и голос стал суровым: — Далия подозревает связь между надвигающейся катастрофой и падением Главной башни. Она играет свою роль превосходно, хотя тебе трудно это признать. Прими совет — сыграй столь же хорошо. Ради нашего общего дела и своего тщеславия. Но ты служишь мне, Силора, — напомнил лич. — Ты служишь моим интересам, а не своим, и изменится это не скоро, я тебя уверяю. Я желаю, чтобы Далия преуспела, и ты будешь работать в этом направлении. Нашими врагами являются шадовары.

Его тон ясно говорил, что разговор окончен.

— Да, ваше превосходство, — ответила Силора, склоняя голову.

Единственным утешением для Силоры была глубокая вера в то, что Далия слишком молода и неопытна и слишком доверчива, чтобы преуспеть. Волшебница считала иллюзорным шанс эльфийки одержать победу за Сзасса Тема на западе. Вот тогда, мечтала Силора, архилич наконец увидит никчемность проклятой эльфийки.

— Малыш Бар, неужели? — спросил Атрогейт, подавляя смех уже в десятый раз с тех пор, как они с Джарлаксом увидели, что Далия — объект их слежки — вошла в крепость верховного капитана Барланна.

Узкая каменная башня, известная как Гнездо Ворона, была недавно возведена на лусканском Охранном острове, где река Мирар разделялась и впадала в Бесследное море.

Джарлакса тоже веселило прозвище, прилипшее к верховному капитану Барланну. Барланн получил титул отца и магический плащ Ворона, перешедший к нему еще от деда Кенсидана. На этом, по мнению большинства морских волков, его сходство с великим предком заканчивалось.

— Тощий маленький крысеныш, — фыркнул Атрогейт.

— Каким был и Кенсидан, — ответил Джарлакс. — Но он обладал силой, способной заполнить комнату.

— Да, я помню. Тощая старая птица. Ба-ха-ха!!! Птица, уловил?

— Я понял тебя.

— Тогда почему не смеешься?

— Догадайся сам.

Дворф потряс головой и пробурчал, что не мешало бы ему поискать компаньона с чувством юмора.

— Ты считаешь, она ложилась под него? — спросил Атрогейт спустя некоторое время.

— Далия использует любое оружие для своей выгоды, в этом-то я уверен.

— Но под него? Малыша Бара?

— Ты что, ревнуешь? — удивился Джарлакс, высоко подняв брови.

— Ба! — захрапел дворф. — Ничего подобного, дурень!

Он замолчал, уперев руки в бедра, и уставился на освещенное свечами окно, прорезанное в замшелой стене Гнезда Ворона. Атрогейт вздохнул.

— Хотя нужно быть трупом, чтоб не заметить, какая она милашка.

Джарлакс криво усмехнулся, но промолчал. Он, как и дворф, смотрел на башню. Долгое время ничего не происходило, а потом воздух разрезал пронзительный крик, напоминавший хриплое карканье гигантского ворона. Дроу и дворф немного приблизились, еще более пристально вглядываясь в одинокое окно, в котором мгновенно потухли свечи. У подножия башни поднялась какая-то суеда, последовала еще пара резких криков, сопровождаемых бело-голубыми вспышками, напоминавшими молнию.

А потом последовал еще более громкий вопль, яркая вспышка и гром, от которого содрогнулась земля под ногами. Окно вылетело из рамы, рассыпаясь на множество мелких осколков, а вместе с ними — черные перья.

Атрогейт издал странный булькающий звук, а потом взорвался своим знаменитым «ба-ха-ха». Не успел он отсмеяться, как гигантская черная птица вылетела из окна, раскрыла крылья над водой и приземлилась прямо перед Джарлаксом и Атрогейтом.

Прежде чем дворф или дроу успели что-то сказать, птица превратилась в человека, закутанного в блестящий плащ, почти полностью скрывающий своего нового владельца.

— Поторопимся, — сказала Далия, удаляясь от башни и на ходу вынимая одну из двух бриллиантовых сережек в своем правом ухе. — Барланн был наименьшей неприятностью, но у ассасинов его Дома весьма длинные руки.

— Поторопимся... куда? — спросил Атрогейт, но эльфийка не остановилась и не ответила.

— Иллюск, — догадался Джарлакс и, еще раз оглянувшись на башню, схватил дворфа и потянул за собой. — В подземный город.

Атрогейт бубнил и бурчал, фыркал и хихикал, а потом заметил:

— Бьюсь об заклад, что Малыш Бар жалеет, что ты не уехала прошлым вечером!

Корвин Дор'Кри мерил шагами комнату Валиндры Теневой Мантии. Он остановился, уставился в огромное зеркало и, чтобы отвлечься, попытался представить отражение, которое он когда-то видел в зеркале.

Не получилось.

Он думал о Далии, ожидая, когда она вернется с Джарлаксом и дворфом. Она собиралась повидаться с Барланном Вороном — ее новым «бриллиантом». Конечно же, Дор'Кри не ревновал. Он старался не забивать себе голову такими вещами, но его все же волновала беспорядочность сексуальных связей эльфийки.

Вампир провел рукой по черным волосам, пытаясь представить, как это выглядело бы в зеркале, но там не было и намека на отражение. Барланн был десятым любовником Далии — десятым, о котором знал Корвин, — двое в правом ухе, Барланн и Корвин, и восемь в левом. Среди тейцев Далия обзавелась многими прозвищами, наиболее часто употребляемое обозначало самку паука, имеющую привычку после спаривания съедать самца, хотя не все

бриллианты в левом ухе эльфийки обозначали мужчин.

Однако Далия не убивала своих любовников исподтишка. Нет, она вызывала их на честный бой и уничтожала в ходе поединка. Когда Корвин пришел на встречу с эльфийкой, он знал об этом ее пристрастии и был готов дать отпор, если она попытается и с ним так поступить. В глубине души он мечтал не просто победить эту женщину в ее же игре, но обратить ее в вампиру-прислужницу.

Однако он не был глупцом. Дор'Кри мысленно прокручивал бой с Далией тысячи раз. Он видел, как она упражняется с Иглою Коза, и своими глазами видел ее поединки с двумя бывшими любовниками. Благодаря этому у вампира сложилось достаточно высокое мнение о боевых навыках эльфийки.

Он не может ее победить, признал Корвин. Когда Далия насытится им, когда она решит идти дальше ради собственной выгоды, расположения Сзасса Тема, просто со скуки или каприза, Дор'Кри будет ею забыт.

— Твой друг снова здесь, — развеяла Валиндра раздумья вампира.

Он повернулся и взглянул на дверь, ожидая увидеть Далию. Но там никого не было. Тогда Дор'Кри заметил, что Валиндра перевела взгляд на полый кристалл в форме черепа, ее собственную филактерию.

Глаза черепа вспыхнули красным.

Нервничая, Дор'Кри снова оглянулся на дверь, и если бы он мог дышать, он бы затаил дыхание.

— Она идет, — прошептал вампир кристаллу, — с союзниками, которые понадобятся в путешествии к источнику силы.

Глаза черепа снова вспыхнули.

— Сзасс Тем наблюдает, — ответил металлический женский голос. — Он не упустил бы такой возможности.

— Я понимаю, — заверил ее Дор'Кри.

— Он обвинит одного, я обвиню другого, — заверил его голос Силоры.

— Я понимаю, — покорно ответил вампир, и глаза черепа потухли.

Далия вошла в комнату, и, едва Корвин увидел ее, он тут же заметил, что расположение ее сережек изменилось — девять и одна.

Валиндра вряд ли заметила бы появление Далии, если бы не дроу и дворф позади эльфийки. Лич слегка зашипела при виде Атрогейта, но тут же обрела спокойствие и поприветствовала Джарлакса.

— Тебя так давно не было, Джарлакс, — сказала она. — Мне было одиноко.

— Действительно давно, дорогая леди, но мои дела увели меня далеко от вашего честного города.

— Всегда дела.

— Просто ляг и умри, гнилая тварь, — пробормотал Атрогейт, — очевидно, дворф питал к Валиндре гораздо меньше уважения, нежели его друг.

— Это проблема? — спросила Далия Джарлакса. — Ты знал, что Валиндра будет нас сопровождать.

— У моего друга предубеждение к ходячим мертвецам, — ответил наемник.

— Это противоестественно, — снова пробормотал дворф.

Джарлакс глянул на вампира и спросил Далию:

— Это твой компаньон?

— Корвин Дор'Кри, — представила она.

Джарлакс рассматривал вампира несколько секунд, прежде чем понимающе улыбнуться.

— А это мой компаньон, Атрогейт, — сказал он, обращаясь к Дор'Кри. — Надеюсь, вы поладите.

— Да, всем привет и все такое. — Дворф пренебрежительно кивнул, и, хотя его взгляд был прикован к Валиндре, кислая мина продемонстрировала его отношение к природе

Дор'Кри.

— Итак, выступаем, — скомандовала Далия.

Она двинулась к выходу из комнаты, Джарлакс и Атрогейт последовали за ней. Вампир, выходя, прошел мимо комода, где хранился кристалл в форме черепа, и быстрым движением засунул филактерию Валинды в карман. Глаза артефакта вспыхнули, показывая, что невидимый союзник все еще внутри, в подпространстве филактерии, и вампир был готов поклясться, что неживой кристалл улыбнулся ему, прежде чем исчезнуть в складках одежды.

Глава шестая ДРУГИЕ ДРОУ И ДВОРФ

Бренор стоял, уставившись на колодец и держа в руках камень, который только что вырвал из кладки.

Дзирт не знал, что и думать. Бросит ли Бренор этот камень в гнев или будет настаивать, что это не имеет значения и надо только поднажать и забраться еще глубже в ветхий подземный комплекс, который, впрочем, оказался не таким уж и древним, как показалось вначале?

Дворф вздохнул и уронил камень, на поверхности которого были ясно различимы надписи на человеческом языке. Сам колодец тоже имел вполне «человеческое» клеймо строителя — на одном из камней стояла эмблема варварского клана. Бренор нашел колодец задолго до того, как друзья вынуждены были спастись от землетрясения, и раскопки заняли много дней.

— Итак, эльф, — заметил дворф, — у нас еще сотня карт, с которыми можно отправиться в путь.

Он обернулся к Дзирту и Гвенвивар, уперев руки в бока, и на его небритом лице не отражалось ни капли гнева, лишь небольшое разочарование.

— Что? — спросил Бренор, заметив удивление Дзирта его сдержанной реакцией.

— Ты проявляешь чудеса терпения.

Бренор втянул голову в плечи и фыркнул.

— Ты помнишь, как мы искали Мифрил Халл? Мы провели месяцы в дороге через Длинную Седловину, Болота Троллей, Серебристую Луну, верно?

— Конечно.

— Ты когда-нибудь знавал лучшие дни, эльф?

Дзирт улыбнулся.

— Ты миллионы раз говорил мне, что приключения не закончены, — произнес Бренор. — Может, я наконец поверил в это. Так вперед, — добавил дворф и прошел между эльфом и пантерой, не спуская подозрительного взгляда с коварной Гвенвивар. — Мои старые ноги пройдут еще много дорог.

Они вышли из пещеры под прекрасное синее небо. Крутые холмы Крагс тянулись до самого горизонта. Стояло позднее лето, почти осень, о чем свидетельствовали несильные, но уже прохладные ветра. Друзья полагали, что есть еще по крайней мере три годных для путешествий месяца, прежде чем придется вернуться на зимовку в город — возможно, в порт Лласт; но Дзирт предложил отправиться в Длинную Седловину и навестить Гарпеллов. Странноватых волшебников сильно подкосила Магическая чума, но теперь, по прошествии более чем шести десятилетий, они наконец пополнили свои ряды, отстроили особняк на холме и город у его подножия.

Но это можно обсудить позднее, а сейчас следовало вернуться к маленькому лагерю, где Бренор открыл свою сумку, вытряхнув груды тубусов со свитками, пергаменами и ворох кожаных портуланов — карт всех известных бухт Северного Побережья Меча. Он также вытащил несколько древних монет, отчеканенных кланом Делзун, боек кузнечного молота и несколько других странных и, очевидно, весьма старых экспонатов. Все это было найдено на Севере, у варварских племен или в небольших деревушках, а монеты попали к товарищам из

Лускана. Все это, конечно, ничего не значило. Город Парусов был торговым портом с тех самых времен, к которым большинство дворфских мудрецов относит расцвет Гаунтлгрима. Неудивительно, что в кошельках жителей Лускана можно найти пару монет Делзуна.

Впрочем, для Бренора эти вещи были подтверждением догадок и заставляли распрямить усталые старые плечи, поэтому Дзирт не разубеждал друга. Зачем? Ведь благодаря этим артефактам в конце концов их путешествие становится лишь увлекательнее.

Бренор разбирал тубусы со свитками один за другим, читая примечания, которые сам нацарапал на полях. Он отобрал два и отложил их, прежде чем упаковать остальные в сумку. Из груды пергаментов дворф выбрал еще одну многообещающую карту, прежде чем запихнуть все остальное вместе с тубусами.

— Эти три самые надежные, — пояснил он.

К удивлению Дзирта, Бренор закончил сборы, перебросил сумку через плечо и принялся сворачивать лагерь.

— Что? — спросил дворф, когда Дзирт не поспешил помочь ему. — У нас всего несколько светлых часов в запасе, эльф. Нет времени прохлаждаться!

Рассмеявшись, Херцго Алегни вышел из-за дерева на лесную тропу навстречу двум ошарашенным тифлингам. У одного из них были такие же рожки, как у Алегни, закручивающиеся назад и вниз, в то время как у его спутницы была только пара шишек на лбу. Оба были в кожаных жилетах, которые не скрывали неровное клеймо на груди: чередующиеся линии, символ их демонического покровителя. Алегни хорошо изучил этот символ за время, проведенное в лесу Невервинтер.

Тифлинги держали красные скипетры, ограненные так, что казались кристаллическими, хотя на самом деле были сделаны из металла. Приблизительно трех футов длиной, скипетры могли служить дубиной, коротким посохом или копьем.

— Брат... — сказал мужчина, пораженный внезапным появлением Алегни.

— Нет, шадовар! — сообразила женщина, тут же отпрыгивая назад и занимая оборонительную позицию.

Она перенесла вес тела на правую ногу и вытянула в сторону Алегни левую руку ладонью вверх, оружие было плотно прижато к ее правой груди, ясно давая понять шадовару, что женщина намерена использовать скипетр как оружие.

Мужчина отреагировал мгновением позже, присев на широко расставленных ногах и занеся скипетр над правым плечом. Очевидно, он собирался использовать оружие как дубину.

Херцго Алегни улыбнулся им обоим и не притронулся к рукояти меча, покоящегося на левом бедре.

— Ашмадай, полагаю, — сказал он, обращаясь к сектантам, о которых ничего не знал до недавнего времени, пока те не начали просачиваться в лес Невервинтер.

— Тебе следует быть среди нас, брат, — сказала женщина. Ее зрачки цвета чистого серебра похотливо расширились.

— Брат, избравший тень, — добавил мужчина, — и Незерильскую империю Шарран.

— Кто вас послал? — спросил Алегни. — Чья рука руководит культом презренных фанатиков?

— Тот, кто не является другом Незерила! — резко ответила женщина и внезапно бросилась вперед, направляя копьё в широкую грудь Алегни.

Но Алегни ушел от удара и выхватил меч. Клинок оставил в воздухе непрозрачный пепельный след, чего, уж точно, не ожидал ни один из его противников.

Копьё женщины пролетело сквозь завесу, но, укрытый стеной саж, Алегни уже переместился вправо, позволяя мечу увлечь его.

Поскольку женщина готовилась к новой атаке, он крикнул с того места, где только что стоял:

— Сюда!

Оба противника повернули рогатые головы и рванули на звук его голоса. Мужчина даже прыгнул вперед, замахнувшись дубиной. И вдруг стена пепла разверзлась. Гибкая фигура выпрыгнула оттуда. Рассекая воздух, человек проскочил между культистами Ашмадая, не ожидавшими появления нового противника. Человек приземлился позади них и, благодаря кувырку во время прыжка, уже повернулся к ним лицом.

Мужчина-тифлинг крутанулся, чтобы ответить на возможный удар противника.

— Труби! — закричал он.

Но в этот момент женщина, споткнувшись, отступила на шаг в сторону, свободной рукой зажимая горло, — там возникла колотая кинжальная рана. Серебристые зрачки расширились от боли и страха.

— Макариэлла! — вскрикнул ее спутник и, широко размахнувшись дубиной, прыгнул на человека с ножом.

Ассасин переместился после первого же выпада и уклонился от следующей атаки. На третьей атаке он прыгнул на оружие, принимая короткий удар в бок. Когда приземлился, дубина была зажата у него под мышкой. Человек с неподражаемой уверенностью и расчетом вырвал жезл из рук противника.

Обезоруженный тифлинг зашипел и бросился на противника, надеясь, видимо, лишь на кулаки и зубы.

Но едва он начал движение, Баррабус Серый отвел локоть правой руки, удерживающей скипетр, отпуская оружие. Он подхватил его в центре древка и перевернул, а затем, отставив правую ногу назад, развернулся сам. Взяв скипетр за конец левой рукой для сохранения баланса, убийца отвел оружие за спину.

Баррабус чувствовал, как тяжело вздымается грудь противника, и не стал продолжать поворот вправо. Ловко управляясь со скипетром, он вернул его в положение перед собой и перехватил обеими руками за один конец. Потом, орудуя оружием как дубиной, Баррабус двинулся к тифлингу, который тут же попятился.

К его чести, культисту удалось блокировать удар — хотя и ценой сломанного предплечья. Он не успел даже вскрикнуть от нестерпимой боли, как Серый, отступив в сторону, изменил направление атаки, якобы собираясь нанести сокрушительный удар в голову противника. Стоило тифлингу среагировать, как то планировал убийца, последовал ложный выпад, затем Баррабус присел и ударил ногой. Из низкой позиции Баррабус направил оружие вперед и вверх, и у потерявшего равновесие тифлинга не было ни единого шанса защититься от сильного удара наконечником в пах.

— Отличная работа, — поздравил Баррабуса Алегни, проходя мимо женщины, стоявшей на одном колене и обеими руками зажимавшей проколотое горло. Оружие культистки валялось на земле подле нее. — Она будет жить? — спросил шадовар.

— Яда нет, — подтвердил убийца. — Рана не смертельна.

— Хорошие новости! — кивнул Алегни, шагнув к скорчившемуся на земле тифлингу, лицо которого исказила гримаса боли. — Хорошие, но не для тебя, — уточнил шадовар, и его меч обрушился сверху, безжалостно разрубая беднягу пополам.

— Мне нужен только один пленник, — обратился Алегни к уже мертвому сектанту Ашмадая.

Он обернулся к коленопреклоненной женщине, схватил ее за густые черные волосы и дернул с такой силой, что приподнял ее над землей.

— Считаешь ли ты себя счастливицей? — спросил тифлинг, поднимая голову культистки на уровень своего лица и холодно глядя в ее полные слез глаза. — Возьми оружие и все ценное, — приказал он своему слуге и за волосы потащил женщину прочь.

Баррабус Серый смотрел вслед тифлингу, но взор и мысли его были прикованы к женщине, на лице которой читалось абсолютное отчаяние. Конечно, он был не против

сражений, тем более он не испытывал мук совести, убивая странных фанатиков жестокого божества. Ведь любой из них с удовольствием выпотрошил бы его в одном из ритуалов жертвоприношения. В конце концов, в лесу пропали трое солдат Херцго Алегни, и команда, отправившаяся на поиски, обнаружила их изрубленными на куски.

Но, даже помня об этом, Баррабус не мог без содрогания смотреть на женщину, которая вскоре испытает на себе всю необузданную жестокость Херцго Алегни.

Неукротимый.

Именно это слово чаще всего приходило на ум, когда Дзирт думал о Бреноре Боевом Топоре.

До'Урден стоял в тени широкой кроны дуба и, опершись на ствол, исподволь наблюдал за другом. Чуть ниже того возвышения, на котором рос дуб, на небольшой ровной полянке сидел Бренор с дюжиной карт, разложенных на одеяле.

Дворф поддерживал Дзирта много лет, и темный эльф ценил это. Даже когда надежда найти Кэтти-бри и Реджиса ослабла, когда даже лучшие воспоминания о них и о Вульфгаре потускнели (варвар, должно быть, уже умер или стал двадцатилетним стариком), в это тяжкое время его поддерживала только уверенность Бренора. Эльф надеялся, что их путь стоит хотя бы самого себя, что на этом пути им предстоит найти нечто великое; эта надежда немного остужала гнев, кипящий в душе дроу.

Гнев и недобрые побуждения.

Дзирт наблюдал за дворфом, пока тот перебирал карты, делая пометки то на одной, то на другой или в маленькой книге, которая всегда была при нем, — дневник его путешествия к Гаунтлгриму. Дневник символизировал для Бренора право войти в свою древнюю родину Делзун, возможность, которая, может, никогда не выпадет на его долю. Он сам рассказал Дзирту об этом. Но если дворф потерпит неудачу, Бренор хотел оставить после себя подробный отчет, чтобы кто-то из его соплеменников, решивший отправиться на поиски, ступил на верный путь.

То, что предприятие может окончиться неудачей, было не просто вероятностью, теперь такой исход событий казался наиболее очевидным. Но действия Бренора, его стремление достичь цели убеждали, что все идет как должно. И это находило отклик в душе Дзирта и рождало мысли о преемственности и... порядочности.

Только заметив, что сжимает руку в кулак, дроу понял, что оторвал от дуба кусок коры. Он разжал темные пальцы и долго разглядывал мелкие обломки, прежде чем бросить на землю. Руки темного эльфа сами собой потянулись к рукоятям мечей, висящих на поясе. Дзирт отвернулся от Бренора, разглядывая холмистую местность и лес в поисках признаков того, что рядом кто-то есть — гоблины, орки или гхолы.

Эльфу казалось странным, что с течением времени на его долю выпадает все меньше сражений, хотя мир все больше погружается во тьму. Дзирт считал это нелепым — и недопустимым.

— Сегодня вечером, Гвен, — прошептал он, хотя пантера была дома на Астральном Уровне и дроу не вынимал ониксовую статуэтку, чтобы вызвать ее. — Сегодня вечером мы поохотимся.

Он обнажил Мерцающую и Ледяную Смерть, клинки, бывшие его верными спутниками в течение долгих десятилетий, — и легко провел несколько отточенных комбинаций, имитируя парирования, блоки и хитрые контратаки. Темп нарастал, защитные и ответные приемы сменились агрессивными атакующими.

Дзирт практиковал такие тренировки всю свою жизнь, с тех самых пор, как учился искусству мечника у своего отца Закнафейна в городе Подземья Мензоберранзане, затем в академии дроу Мили-Матгир. Это стало частью его натуры, мерой дисциплины, символом

мастерства, подтверждением его предназначения.

Дзирт настолько приучил себя к тренировкам, что даже не замечал медленных внутренних изменений, которым он подвергался, выполняя регулярные упражнения. Эти тренировки были главным образом нацелены на поддержание мышечной памяти и баланса. Стандартная программа включала блоки и повороты, удары и вращения, предназначенные для противостояния воображаемым противникам.

Но за последние несколько лет эти предполагаемые противники становились все ярче для Дзирта. Когда он только начинал тренировки — и в течение всей жизни до наступления Магической чумы, — Дзирт визуализировал своих противников только для удобства. Дроу повернулся и поднял Мерцающую вертикально, чтобы заблокировать несуществующий меч, и ударил Ледяной Смертью из очень низкого положения, отклоняя летящее копьё.

Но с начала темных времен и особенно с тех пор, как он, Бренор, Джесса, Пуэнт и Нанфудл отправились в путь, воображаемые противники стали чем-то большим, нежели просто безликие мишени. Дзирт видел лицо орка, усмешку огра или глаза человека, дроу, эльфа, дворфа, хафлинга — это не имело значения, пока есть разбойник или монстр, готовый вопить от боли, когда Мерцающая пронзает его сердце, или захлебываться кровью, когда Ледяная Смерть перерезает ему горло...

Дроу неистово атаковал своих демонов. Он пробежал вперед и прыгнул, кувыркаясь и вставая только затем, чтобы легко снова рвануться вперед. Его ногам придавали скорость волшебные поножи, а мечи устремлены вперед, чтобы проткнуть противника. Еще один бросок, резкий кувырок, приземление на правую ногу — и снова бросок в смертоносном вихре беспощадных лезвий. Снова вперед, прыжок через противника, уход налево, пируэт, внезапная резкая остановка — и безжалостный удар.

Дзирт мог чувствовать вес противника на лезвии, как если бы он действительно пронзил преследовавшего его орка. Он мог ощутить теплую кровь, струящуюся по руке...

Дроу так сильно увлекся своей фантазией, что даже собрался вытереть кровь с Ледяной Смерти об одежду поверженного врага.

Он взглянул на меч, чистый и блестящий, и отметил пот, выступивший на руках. Дзирт обернулся: от дуба по всему холму виднелись следы его «боя».

Где-то глубоко внутри себя Дзирт До'Урден понимал, что его ежедневные тренировки — и реальные сражения, если таковые случались, — лишь для того, чтобы приглушить боль потерь. Дроу прятался за сражениями, забывая об этой боли только во время свирепых битв, реальных или воображаемых. Он давно научился держать чувства при себе, вытеснять печальные мысли из сознания, хоронить боль под рутиной, ведь, в конце концов, он должен держать себя в форме.

Дзирт преуспел в умении убеждать себя в том, что все поединки, выпавшие на его долю за прошедшие десятилетия, были просто неизбежны.

— Два тифлинга Ашмадая за несколько мгновений, — поздравил Херцго Алегни Баррабуса ночью на окраине Невервинтера.

С опушки леса город был виден как на ладони.

— Они были застигнуты врасплох и сосредоточены на тебе, — ответил Серый, — и понятия не имели, что есть еще и я.

— Ты можешь просто принять комплимент? — с усмешкой пожурил его Херцго.

«От тебя?» — пренебрежительно и насмешливо подумал про себя Баррабус, но промолчал. Однако кислая мина была красноречивее всяких слов.

— О, не расстраивайся так, — ободрил его Алегни. — Если бы я не видел никакого применения твоим талантам, неужели ты думаешь, что я сохранил бы тебе жизнь?

Баррабус не потрудился ответить, лишь ухмыльнулся и бросил взгляд на магический

камертон и меч с красным лезвием.

— Конечно, ты думаешь, что все мои действия направлены лишь на то, чтобы помучить тебя, — рассуждал Алегни. — Нет, мой маленький друг. Не буду отрицать, что получаю удовольствие, причиняя тебе боль, но это не стоит столько хлопот. Ты жив, потому что ценен. Мост Херцго Алегни в Невервинтере является свидетельством тому, как и бой в лесу. Ты был просто великолепен. Мастера твоего уровня чрезвычайно редки в наше темное время, а уж если они и находятся, то управлять ими весьма сложно. — Тифлинг улыбнулся и, положив руку на эфес, добавил: — К счастью, это к тебе не относится.

— Я счастлив, что ты нашел мне применение, — отозвался Баррабус с нескрываемым сарказмом.

— Действительно, ты исполнил роль дипломата с Хьюго Бабрисом, воина — при встрече с культистами Ашмадая, убийцы — с агентами наших врагов и шпиона, когда это стало необходимо.

Баррабус упер руки в бока и ждал, понимая, что ему не отвертеться от нового задания.

— Эти фанатики Ашмадая появились тут неспроста, я уверен, — сказал Алегни. — Это ход агентов Тея на Севере, скорее всего в Лускане.

Баррабус вздрогнул при упоминании Города Парусов, не имея ни малейшего желания находиться даже поблизости от него.

— Я хочу знать, кто они такие, цель их появления и какие неприятности они могут принести нашему делу, — резюмировал тифлинг.

— Лускан... — сказал убийца, словно это могло напомнить Алегни, что посылать его в Лускан не самая лучшая идея.

— Ты же мастер маскировки, не так ли?

— А Лускан кишит теми, кто может разоблачить любую маскировку, даже шадовара. Не так ли?

— В последнее время там почти не видели дроу.

— Почти? — эхом отозвался Баррабус.

— Я готов рискнуть.

— Риск велик.

— В самом деле. Но я готов рисковать потерей одного из моих... тебя, — заметил тифлинг. — Будет жаль, но выбор невелик, потому что ты один из немногих под моим началом, кто еще может сойти за человека. Я уверен, что ты позаботишься о своей малозаметности и учтешь, что в Городе Парусов есть несколько темных эльфов, которые способны доставить тебе неприятности.

— Ты уже продумал мой путь?

— Не по морю. Ты будешь сопровождать караван в порт Лласт. Начнешь поиски оттуда. Затем, когда досконально все изучишь, самостоятельно отправишься в Лускан.

— Это займет много времени.

— Дорогу тоже необходимо исследовать.

— И этот путь будет невозможно проделать в обратную сторону, возможно, вплоть до следующей весны.

Херцго Алегни посмеялся над его словами.

— Я знаю, немного снега в путешествии не сможет остановить Баррабуса Серого. Уверен, ты не долго пробудешь в порту Лласт. Всего несколько человек могут быть интересны нам в этом поселении, поэтому ты успеешь в Лускан еще до осеннего равноденствия. Выполни задание быстро и возвращайся ко мне, прежде чем снега заблокируют дороги.

— Я не был в Лускане в течение... сорока лет, — запротестовал Баррабус. — У меня нет там никаких контактов, никакой агентурной сети.

— Большая часть города осталась неповрежденной после падения Главной башни. Пять верховных капитанов управляют разными...

— А капитанами управляют наемники-дроу, — закончил Баррабус. — И если слухи о

том, что они стали реже появляться в городе, верны, то можно смело утверждать, что эти слухи распространяют сами дроу. И делается это для того, чтобы люди, подобные тебе и лордам Глубоководья, могли принять это к сведению и заняться чем-то другим.

— Так иди и узнай для меня истинное положение вещей.

— Если твои прогнозы не оправдаются, то я, скорее всего, не вернусь. Не стоит недооценивать темных эльфов.

— Дорогой Баррабус, я не помню, чтобы когда-нибудь прежде видел тебя испуганным.

Убийца выпрямился и с негодованием уставился на тифлинга.

— До зимы, — сказал ему Херцго Алегни и посмотрел на лес Невервинтер. — Караван уходит утром.

Баррабус Серый шел к городу. Его мозг бешено работал, прокручивая множество вариантов, но ни один из них не был приятным. Многие годы обязательным условием его выживания было нахождение вдали от Лускана — он больше никогда не хотел встречаться с личностями, подобными Джарлаксу из Дома Бэнр.

Убийца снова вспомнил поединок в Мемноне. Много лет назад агенты Бреган Д'Эрт захватили его возлюбленную, насмехаясь над ним и предупреждая относительно возможных последствий отказа вернуться в их ряды. Перед глазами снова всплыли три мертвых дроу, но Баррабус отогнал это воспоминание, сосредоточившись на тех нескольких неделях, которые он позже провел со своей возлюбленной.

Это были одни из лучших дней его жизни, но, увы, она сбежала или исчезла, — возможно, ее снова забрали темные эльфы. Может, они убили ее, отомстив за товарищей, погибших от рук Баррабуса?

Или адский меч взял ее жизнь? Убийца едва не оглянулся на Херцго Алегни, когда эти тревожные мысли пришли ему на ум. Уж больно скоро после этой потери шадовар ворвался в его жизнь, отняв свободу.

Отняв все.

Эта последняя мысль заставила Баррабуса самоуничижительно улыбнуться.

— Отнял все? — прошептал вслух Серый. — А было что забирать?

Достигнув ворот Невервинтера, Баррабус отогнал тяжелые воспоминания. Необходимо смотреть в будущее, его цель ясна, но труднодостижима. Если кто-либо из дроу остался в Лускане, то малейшая ошибка, скорее всего, будет стоить убийце жизни.

Глава седьмая

ГАУНТЛГРИМ

Джарлак замыкал процессию из пяти человек. Туннели под Лусканом представляли собой длинные коридоры естественного происхождения, простиравшиеся к юго-востоку от холмов Крагс. Корвин Дор'Кри вел отряд, часто уходя вперед на разведку. Следом шагал Атрогейт, жаждущий поскорее увидеть место, описанное Далией, и, как и полагается порядочному дворфу, готовый показать себя в драке. За ним шли Далия и Валиндра. Эльфийка проявляла выдержку и терпение, по мнению Джарлакса присущие более опытному и закаленному воину. Валиндра скользила рядом, словно оцепенев, — ее поведение трудно было назвать характерным для столь могущественного существа, как лич.

Не то чтобы Джарлак жаловался. Валиндра Теневая Мантия была не самым слабым магом при жизни, возглавляя целое крыло могущественной Главной башни тайн. Стоит ей вернуть разум и уверенность — и женщина-лич станет невероятно опасна. И, по правде говоря, вспомнив события прошедших дней ее человеческой жизни, Валиндра не обрадуется вмешательству дроу в свою судьбу.

Путники шли весь день, и, хотя отовсюду эхо доносило шарканье и скрежет когтей гголов и прочей нежити, пока удавалось избежать сражений. Джарлак полагал это странным. В конце концов, гголов ничего не могло испугать, их терзала неутолимая жажда

живой плоти, а способность вынюхивать и выслеживать добычу была весьма высока. Почему же они не приближаются? Но вскоре дроу догадался, что секрет кроется в природе одного из его компаньонов.

— Мы везунчики, — сказал Атрогейт на следующий день во время привала. — Куча ответвлений, и все кишат гхолами и прочим.

— Никакого везения, — ответил Джарлакс и кивком указал на Далию и Дор'Кри, обсуждавших дальнейший путь.

Туннель разветвился, и, если верить словам вампира, каждый из коридоров впереди разветвляется еще раз. Далия и Дор'Кри смотрели на свод и стены туннеля, по которым змеились влажно-зеленые в неровном свете факела корни.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Атрогейт. — Магический туннель?

— Пойдем, — сказал Джарлакс и пошел к Далии, когда Дор'Кри шагнул в левое ответвление туннеля.

— Мы быстро решим, куда надо идти, — пообещала эльфийка, когда пара приблизилась.

Джарлакс жестом велел Атрогейту следовать за вампиром.

— Не сомневаюсь, дорогая леди, — сказал дроу, вытаскивая жезл и направляя его во тьму туннеля.

На лице Далии на миг отразилось беспокойство, но Джарлакс произнес заклинание до того, как она успела отреагировать, и туннель озарило магическое сияние.

— Что за... — взвизгнул от неожиданности Атрогейт, когда вспышка света больно ударила по глазам.

Когда зрение восстановилось, дворф увидел промелькнувшего впереди Дор'Кри. Точнее, того, что должно было быть Дор'Кри. Вместо него вглубь туннеля улетела большая летучая мышь.

— Зачем ты устроил это? — набросилась на Джарлакса Далия.

— Чтобы не пропустить возвращение Дор'Кри, — ответил дроу, подходя к магическому свету. — И чтобы лучше рассмотреть эти странные жилки на стенах туннеля. Я сначала подумал: это залежи самоцветного камня, возможно гематита. — Он зашагал по туннелю, Далия поспешила следом. — Но сейчас я вижу, что это не так, — сказал Джарлакс, входя в освещенную область и внимательно разглядывая ближайшую жилу. — Они выглядят как полые трубки с какой-то жидкостью.

Наемник вытащил еще один жезл, которых, казалось, у него был неистощимый запас, и направил его на корень.

Далия перехватила волшебную палочку.

— Будь осторожен! Не повреди корень!

— Не повредить *что*? — переспросил Атрогейт.

Джарлакс выставил жезл вперед и высвободил его двомер, определяющий присутствие колдовства. Он выглядел удивленным, когда повернулся к Далии и сказал:

— Мощная магия.

— Остаточная, — ответила эльфийка.

— Очевидно, ты знаешь об этом больше меня, — сказал Джарлакс.

Далия уже собралась ответить, но, разгадав уловку дроу, вперила в него возмущенный взгляд.

— Тебе, кажется, хорошо знакомы подземелья Лускана, — сказала воительница с иронией.

— Не настолько.

— Достаточно, чтобы знать, что это не жилы самоцвета.

— О чем это она говорит? — вмешался Атрогейт.

— Это корни павшей Главной башни, — объяснил Джарлакс, — питающиеся силой моря и земли. Мы не могли себе даже представить, как далеко от города они распространяются.

Далия одарила его кривой усмешкой.

— И они идут по левой, а не по правой ветви туннеля, — продолжил наемник.

Эльфийка пожала плечами.

— Мы следуем за этими корнями, — сказал дроу, добавив нотку подозрения в свой голос.

— Ах, но тогда к чему этот спектакль? — требовательно спросил Атрогейт. — О каком городе дворфов ты толковала, уговаривая последовать за тобой? О каких сокровищах, эльфийка? И лучше тебе на этот раз сказать правду!

— Корни ведут к месту, которое я описывала, — сказала Далия. — Следуя по ним, Дор'Кри обнаружил кузницу, шахты и много других сооружений, от которых у тебя захватит дух, дворф. Возможно, в давно забытые эпохи дворфы создавали нечто большее, чем просто оружие. Возможно, они заключили договор с великими магами Главной башни тайн. Даже оружие дворфской работы нуждается в магическом зачаровании, ведь так? А броня, на которую наложили несколько заклинаний, может выдержать удары колоссальной мощи.

— Ты хочешь сказать, мои предки использовали эти... эти корни, чтобы маги могли отправить по ним магическую энергию?

— Возможно, — кивнула Далия. — Это одно из объяснений. И самое вероятное.

— Интересно, а какие еще есть предположения? — спросил Джарлак, уже не скрывая подозрения.

Эльфийка не ответила.

— Скоро мы все узнаем, — сказал Атрогейт. — Я прав?

Далия ответила обезоруживающей улыбкой и кивком.

— Дор'Кри полагает, что есть более короткий путь. Возможно, ты найдешь свои сокровища скорее, чем мы ожидали, дорогой дворф.

Она снова улыбнулась и вернулась к тому месту, где, закрыв глаза и напевая какую-то странную песню, стояла Валиндра. Довольно часто лич прекращала пение и начинала себя отчитывать:

— Нет, неправильно, о... я забыла. Нет, это не то. Не то, ты знаешь. Нет, это не то, — бормотала она, не открывая глаз. Затем Валиндра начинала песнь сначала, повышая голос во время припева: — Ара... Арабет...

— Ты видел Дор'Кри? — спросил Джарлак дворфа, когда они остались наедине с Атрогейтом.

— Это был он? Хороший плащ.

— Дело не в плаще.

Атрогейт пристально разглядывал дроу:

— Что тебе известно?

— Это не магический предмет, а его сущность, — объяснил Джарлак.

Дворф некоторое время обдумывал слова дроу, затем его глаза расширились, и он упер руки в бока.

— Ты ведь не хочешь сказать, что...

— Уже сказал.

— Эльф?..

— Не бойся, друг мой. Некоторые из моих лучших друзей были вампирами. — Джарлак похлопал Атрогейта по плечу и вернулся к Далии и Валиндре.

— Были? — пробормотал дворф, пытаясь переварить полученную информацию.

Он вздрогнул, осознав, что стоит один, когда где-то в туннелях бродит вампир. Атрогейт бросил взгляд через плечо и поспешил нагнать Джарлакса.

— Он знает дорогу, — объяснил дроу. — И нужен нам, чтобы сдерживать нежить.

— Пф, но это не причина для того, чтобы не дать ему отведать ударов моих кистей, — проворчал дворф.

Джарлак поежился и ответил:

— Он движется быстро и бесшумно, и, напомним, он знает дорогу.

— Да-да, я знаю, — проворчал Атрогейт, отмахнувшись от дроу.

Идущая впереди Валиндра опять начала петь, все так же ошибаясь в каждой строчке и ругая себя за ошибки, но снова и снова заводя заунывный припев:

— Ара... Арабет... Арарарар... Арабет!

— Итак, я понял, зачем Далия взяла летучего мышонка, — сказал Атрогейт. — Но зачем нам эта полоумная?!

— Этот полоумная не лишена силы... великой силы.

— Я жду не дождусь, когда она изжарит нас всех шаровой молнией.

— Великая сила, — повторил Джарлак. — И Далия способна ее контролировать.

— Что? Как ты можешь быть в этом уверен?

Джарлак только махнул рукой и посмотрел на идущих впереди женщин. Годами Киммуриэль Облодра, лейтенант Джарлакса и теперешний лидер Бреган Д'Эрт, использовал свои псионические способности, чтобы проникать в разум Валиндр. Только Киммуриэль удержал Валиндру от полного помешательства в те дни, когда Арклем Грит превратил ее в нежить. После тех сеансов псионик заверил Джарлакса, что, несмотря на временное помешательство, женщина осталась могущественным и злым магом, не просто чародейкой, а архимагом, и прежняя Валиндра вскоре опять заявит о себе.

Далия была слишком осторожна, чтобы не знать этого. Она никогда не взяла бы с собой такое непредсказуемое и могучее создание, если бы не была уверена в своей способности полностью контролировать его.

Джарлак прикидывал последствия возвращения к личу прежнего сознания в случае удачи Далии. При жизни Валиндра Теневая Мантия была могущественна во всех смыслах. Дроу мог только догадываться, сколько бед она способна причинить теперь, став личем.

— Если вампир знает дорогу, а лич обладает такой мощью, тогда что, Девять Кругов Ада, делаем здесь мы, эльф? — спросил Атрогейт.

Джарлак внимательно посмотрел на товарища, имевшего весьма грозный вид в кольчуге, железном шлеме и с кистенями, висящими крест-накрест за спиной. Эльф вспомнил первый разговор с Далией, когда та объясняла, зачем ей нужен дворф. Но разве мог Джарлак принять ее слова за чистую монету?

Нет, напомнил себе дроу, Далия нуждалась в нем, в его связях, поэтому согласилась обойтись без обещанного приза в виде золота и артефактов.

Наемник снова посмотрел на Атрогейта. Далия ясно объяснила свою потребность в дворфе, и просьба воспользоваться услугами его компаньона подразумевала под собой участие в аванюре самого Джарлакса, поскольку парочка была неразлучна.

Был ли дроу, в таком случае, лишь нечаянным спутником?

Джарлак так и не ответил на вопрос дворфа. Несколько мгновений спустя они догнали Далию и остальных, стоящих на краю глубокой пропасти.

— Мы на месте, — объявила эльфийка, когда компаньоны поравнялись с ней.

— Не очень похоже на город, — проворчал Атрогейт.

— Шахта уходит вертикально вниз на пятьдесят футов, — объяснила Далия. — Затем изгибается под крутым, но преодолимым уклоном на несколько сотен футов вглубь и выводит в... Впрочем, вы скоро сами все увидите.

Она повернулась к личу, и Джарлак заметил, что эльфийка коснулась скрытой под одеждой странной броши, погладив пальцем оправленный в золото оникс.

— Валиндра, — прошептала Далия, — ты можешь что-то сделать, чтобы помочь нашим друзьям спуститься в пропасть?

— Кидай их туда! — заголосила лич. — С Ара... о, да, с ней!

— Валиндра! — Далия повысила голос, и лич затрясла головой и стала плевать, словно ее окатили водой. — Безопасно спуститься, — уточнила эльфийка.

Со вздохом, но без какого-либо видимого усилия Валиндра взмахнула рукой — над пропастью завис светящийся голубой диск.

— Ты с нами, — объяснила эльфийка личу, беря ее под руку и подводя к диску. — Нам

понадобится еще парочка таких — для дроу и дворфа.

Снова вздохнув и взмахнув сначала левой, а потом правой рукой, Валиндра создала парящие диски перед Джарлаксом и Атрогейтом.

Далия отпустила руку лича и велела продолжать. Диск Валинды поплыл в глубь провала. По кивку эльфийки Дор'Кри взмахнул полами плаща, которые взвились над его головой. Когда они опустились, вампир превратился в огромную летучую мышь и нырнул в пропасть.

Далия приблизилась к краю и подхватила полы своего собственного магического плаща, который забрала у Барланна.

— Что ты знаешь? — спросил Джарлакс перед тем, как эльфийка ступила на поверхность магического диска. — О Валиндре, я имею в виду?

— Полагаю, что каким-то странным образом помешательство защитило ее от Магической чумы, — ответила Далия. — Она — уникальная комбинация того, кем была в прошлом и кем стала ныне. А возможно, она просто съехавший с катушек маг, нежить и полностью безнадежна. Но как бы там ни было, Валиндра нам полезна.

— То есть для тебя она не более чем инструмент, магический предмет, — попытался укорить наемник.

— Только не надо говорить, что все эти годы ты со своими сородичами не использовал ее.

Джарлакс усмехнулся ее догадливости и поправил свою широкополую шляпу. Он вскочил на диск и велел Атрогейту следовать его примеру, но как только дворф взобрался к нему, наемник снова прыгнул на землю.

— Только после вас, дорогая леди.

— Никогда не любил такие штуки, — сказал дворф, растопырившись так, будто боялся, что диск исчезнет, лишив его опоры под ногами.

— Вы скоро будете внизу, обещаю, — сказала Далия.

Она закуталась в магический плащ, в мгновение ока превратилась в ворону и нырнула во тьму провала.

Далее настала очередь Атрогейта. Джарлакс спускался последним. Прежде чем вновь ступить на магический диск, дроу положил руку на эмблему Дома Бэнр. У наемника был свой двомер левитации. На всякий случай.

Но вскоре он понял, что в данном случае не было необходимости опасаться коварства лича. Диски опускались плавно и легко, подчиняясь ментальным командам своих пассажиров. Через полсотни футов отвесные стены шахты сменились крутым спуском, в точности как говорила Далия. Неровный пол не способствовал легкому передвижению, поэтому спутники не спешили сойти с дисков.

Коридор сужался, заставляя наклоняться, и в какой-то момент пришлось лечь на диски, чтобы миновать низко нависший выступ. Преодолевая последнее препятствие, Атрогейт слегка вырвался вперед Джарлакса. Дроу увидел, что проход расширяется впереди, и услышал, как дворф с благоговением воздаст хвалу Думатойну.

Обращение к Хранителю Тайн Под Горой в определенном смысле подготовило наемника к тому, что ждало впереди. И тем не менее у дроу перехватило дыхание, когда он взобрался на один из выступов и встал рядом со своими компаньонами.

Они стояли на естественном балконе с видом на огромный подземный зал размером примерно с треть Мензоберранзана. То ли благодаря флуоресцирующему лишайнику, то ли из-за остаточного волшебства света было достаточно, чтобы разглядеть общие контуры пещеры. Внизу лежало небольшое озеро. Его безмятежные темные воды прерывались островами огромных сталагмитов. Некоторые из них были обвиты лестницами, облеплены балконами, некогда служившими охранными постами или лавками торговцев. На свисавших с потолка сталактитах Джарлакс заметил схожие сооружения. Дворфы, которые обустроили эту пещеру, переняли стиль дроу, используя естественные образования в качестве жилищ. Наемник до этого никогда не слышал о подобных заимствованиях, и у него было сомнение

относительно своей догадки. Обработка сталактитов и сталагмитов была выполнена не в дроуском стиле. Не было ни характерной утонченности, ни подсветки магическими огнями.

— Там баллисты, — объяснил снова принявший человеческий облик Дор'Кри, указывая на сталактиты. — Охранные посты с видом на вход.

— Нет-нет, не может быть, — прошептал Атрогейт и сел на свой диск, словно силы покинули его тело.

Но Джарлак почувствовал надежду в его голосе, поэтому не стал понапрасну тревожиться за товарища и продолжил разглядывать пещеру.

На дальнем берегу озера на расстоянии пары сотен футов от их уступа стояло полдюжины небольших сооружений, в которые упирались железнодорожные пути. На рельсах стояло несколько ржавых вагонеток. Пути разбегались по прилегающим к пещере туннелям так далеко, что рассмотреть, куда они ведут, было нельзя, даже обладая ночным зрением дроу.

— Идем, — велела Далия.

Она спланировала на крыльях магического плаща над озером. Дор'Кри снова стал летучей мышью и быстро последовал за ней, как и Валиндра на своем диске.

— Ты с нами? — спросил Джарлак, увидев, что дворф не двинулся с места.

Атрогейт посмотрел на товарища, словно только что пробудился от глубокого сна.

— Этого не может быть... — едва слышно прошептал он.

— Да, ты прав, друг мой. Пойдем посмотрим, что это все собой представляет, — ответил Джарлак.

Дроу заскользил над поверхностью озера, когда Атрогейт, сбросив оцепенение, пронесся мимо него, разогнав свой диск во всю прыть. На дальней стороне водоема Далия, снова принявшая облик эльфийки, помогала Валиндре спуститься с диска. Атрогейт просто соскочил со своего, когда был на высоте полдюжины футов над землей. Падение нисколько не повредило дворфу, он, кажется, вообще его не заметил, сразу направившись к ближайшей железнодорожной линии.

— Здесь имело место крупное сражение, — заметил Дор'Кри, сбросив обличье летучей мыши и нагибаясь, чтобы поднять с пола побелевшую от времени кость. — Гоблин или небольшой орк.

Джарлак осмотрелся и согласился с предположением вампира. На земле в разных местах отчетливо просматривалось множество костей. Атрогейт опустился на колени, и наемник мог хорошо представить слезы, стекающие по его бородатому лицу.

Трудно было обвинить дворфа в сентиментальности. Даже для Джарлакса, лишь понаслышке знакомого с легендами дворфов, увиденного было достаточно, чтобы понять: перед ними Гаунтлгрим, легендарная родина клана Делзун, священная легенда сородичей Атрогейта. То самое место, которое Бренор Боевой Топор искал более полувека.

Огромная стена предстала перед спутниками, загораживая часть пещеры. Это явно было крепостное сооружение — с двумя башнями по обе стороны массивных мифриловых ворот и зубчатым парапетом. Казалось, сооружение вросло в толщу камня с обеих сторон. Не считая серебристых ворот, самой удивительной особенностью стены было то, что она едва не касалась потолка пещеры. Создавалось впечатление, что над стеной должно синеть небо, но вместо этого между верхней кромкой строения и естественным сводом пещеры был лишь небольшой зазор. Высокому человеку там было не разогнуться. Даже эльф был бы вынужден ссутулиться.

— Не может быть, — прошептал Атрогейт, и подошедший Джарлак заметил, что по лицу приятеля и впрямь текут слезы.

— Я думаю, это место не может быть ничем иным, мой друг, — ответил Джарлак, хлопывая дворфа по плечу.

— Полагаю, тебе известно, что это за место? — спросила Далия, подходя к ним с Дор'Кри и Валиндрой на буксире.

— Узрите Гаунтлгрим, — объявил наемник, — древнюю родину дворфов Делзун,

место, которое доселе существовало лишь в легендах...

— Мой народ никогда не сомневался в его реальности! — проревел Атрогейт.

— ...для многих не-дворфов, — закончил Джарлак, улыбаясь товарищу. — Это было тайной даже для эльфов, с их необычайной памятью, и для дроу, знающих Подземье лучше, чем кто бы то ни был. Несомненно, мы искали его все эти века. И если хоть десятая часть рассказов о сокровищах Гаунтлгрима — правда, тогда за этой стеной находится невообразимое богатство.

Наемник сделал паузу, чтобы лучше разглядеть открывшийся перед ним вид. Джарлаксу казалось, что их компания забралась не так уж глубоко, особенно по меркам Подземья.

— Великая магия скрывала это место долгие годы, — сказал он. — Пещера, подобная этой, не могла так долго оставаться незамеченной в Северном Подземье.

— Почему ты уверен, что это Гаунтлгрим? — спросил Дор'Кри. — Дворфы построили и покинули множество королевств.

Прежде чем дроу успел ответить, Атрогейт запел:

Серебро, и врат мифрил,
И камень древних стен,
И величественный вид
Кузней, шахт, таверн.

Тяжкий труд идет во тьме,
Фляги вскинем дружно!
Пей, чтоб выжить в кузне, где
Запечь дракона можно.

Эй, Делзун, пора домой!
Родина зовет!
Братьев всех бери с собой,
Гаунтлгрим нас ждет!

— Старая песня, — объяснил Атрогейт, закончив пение, — известная любому дворфу.

— Каменные стены и мифриловые ворота я вижу, но где остальные доказательства?..

— Это единственное доказательство, которое меня полностью устраивает, — ответил дворф. — Никакое другое место не имеет таких ворот, как эти. Никто бы не посмел копировать то, что должно оставаться единственным в своем роде. Это было бы величайшим оскорблением!

— Мы узнаем больше, когда проникнем внутрь, — заметил Джарлак.

— Я был внутри, — объяснил Дор'Кри, — и не могу подтвердить слухи о серебряных залах, о великих сокровищах, но я понимаю смысл стиха о кузнице.

— Ты видел кузницу?

— Ты можешь почувствовать ее тепло.

— В ней до сих пор пылает огонь? Как это возможно? — спросил Джарлак.

Вампир не знал ответа на этот вопрос.

— Ты хочешь сказать, кто-то живет там внутри? — требовательно спросил Атрогейт.

Дор'Кри нервно взглянул на Далию и сказал:

— Я не нашел ничего, но комплекс не выглядит заброшенным. И действительно, несколькими уровнями ниже расположена действующая кузница. Там стоит такая жара, какой я до этого не чувствовал. Жара, которая может превратить клинок в лужу металла.

— Печь, в которой можно запечь дракона? — спросил Джарлак с кривой усмешкой.

— Есть множество туннелей, отходящих от этой пещеры, — объяснил вампир. — Но все они заблокированы.

— Ты сказал, что был внутри.

— У меня есть свои пути, дворф, — ответил Дор'Кри. — Но придется прорубать новый туннель, если мы хотим попасть внутрь.

— Пф! — фыркнул Атрогейт, развернулся и пошел к воротам. — Рукой Морадина и рогом Клангеддина, тайнами Думатойна и истинной родиной Делзун — открой врата! Я Атрогейт из клана Делзун, и мой дом ждет меня!

Сверкая серебром, на двери проступили древние дворфские руны и образы, и со звуком, похожим на сопение горного великана, двери приоткрылись. Затем без единого звука они разошлись в разные стороны, открывая узкий низкий туннель, исчерченный темными трещинами.

— Бородатые боги! — пробормотал дворф и с изумлением оглянулся на спутников.

— Стих, известный каждому дворфу? — спросил Джарлакс с усмешкой.

— Я же говорил, что это Гаунтлгрим! — Атрогейт щелкнул короткими толстыми пальцами и шагнул внутрь.

Дор'Кри помчался за ним и схватил за плечо.

— Я чуть не попал в западню! — предупредил он. — Здесь полно механических ловушек, одну из которых ты чуть не привел в действие. И гарантирую, они все еще действуют.

— Ба! — фыркнул Атрогейт, отстраняясь. — Делзунская ловушка не причинит вреда кому-то из клана, болван!

Без колебаний дворф вошел в комплекс, и остальные поторопились за ним, причем спешка стала ощутимее, стоило дроу заметить, что неплохо бы держаться поближе к их проводнику.

Далия создала на конце своего посоха мерцающий голубой огонек. Не отставая от нее, Джарлакс потряхнул запястьем, доставая кинжал из магического браслета, затем увеличил оружие до размеров длинного меча. Он что-то прошептал над эфесом, и клинок засветился белым, освещая проход не хуже факела.

Только сейчас они заметили фигуры впереди, старающиеся убраться подальше от света.

— Мои братья? — недоуменно спросил Атрогейт.

— Призраки, — прошептал Дор'Кри. — Это место кишит ими.

Вскоре спутники вошли в огромный зал округлой формы, пересеченный железнодорожными путями. Напротив виднелись фасады зданий. На некоторых из них были вывески, указывающие, что раньше располагалось в строениях: оружейная, кузница, казармы, таверна (разумеется! еще одна таверна, как же без нее!) и множество других.

— Как в подземном городе Мирабар, — заметил Джарлакс. — Хотя это место гораздо больше.

Как только спутники дошли до центра пещеры, Атрогейт схватил дроу за руку и потянул вниз, чтобы меч осветил пол. Он был выложен огромной мозаикой, и пришлось немного походить, освещая разные ее части, пока не стало ясно, что это изображение трех богов дворфов: Морадина, Клангеддина и Думатойна.

В самом центре был возведен круглый помост с тронem, вокруг которого мерцали искры магического света, обозначая, что это не обычное место. Инкрустированный драгоценными камнями, с широкими подлокотниками и спинкой из мифрила, серебра и золота, это был трон великого короля. Даже помост был не просто каменной глыбой, а сооружением из тех же драгоценных металлов, покрытым сверкающими шедеврами ювелирного искусства.

Джарлакс поводил своим светящимся мечом около возвышения, указав на драгоценную пурпурную материю, не тронутую временем.

— Могущественная магия, — заметил он.

— Уничтожь ее, чтоб мы смогли взять эти камешки с собой, — не стал скрывать свои желания Дор'Кри.

Его замечание вызвало полный гнева взгляд Атрогейта.

— Если ты отковыряешь хоть один камень с этого трона, знай, я заделаю дыру твоим черным сердцем, вампир, — сурово предупредил дворф.

— По-твоему, мы пришли сюда просто так? — парировал Дор'Кри. — Умиляться красотами Гаунтлгрима?

— Держу пари, мы найдем множество сокровищ. Больше, чем сможем унести, — ответил Атрогейт. — Но некоторые вещи трогать нельзя.

— Хватит, — сказала Далия. — Давайте не будем ссориться. Мы только вошли. Нужно еще столько узнать об этом месте.

Атрогейт сразу же откликнулся на призыв. Он осторожно шагнул к трону и повернулся, чтобы сесть. Дворф замер на полпути, не касаясь сиденья и резных подлокотников великого трона.

— Осторожнее с этим, — предупредил Джарлакс.

Он навел жезл на трон, проговорив заклинание. Его глаза расширились от удивления, когда дроу почувствовал силу трона — древнюю и могущественную, какой Джарлакс никогда ранее не встречал.

— Атрогейт, нет, — сказал наемник еле слышно.

— Дворфское место! — заявил Атрогейт и, прежде чем кто-либо успел его остановить, сел.

Глаза дворфа чуть не выскочили из орбит, рот открылся в безмолвном крике.

— Не король, — едва слышно прошептал он, не отдавая себе в этом отчета.

Атрогейта сбросило с трона и отшвырнуло на дюжину футов, и он заскользил по мозаичному полу. Дворф долго лежал, трясясь и прикрывая лицо, пока Джарлакс наконец не поставил его на колени.

— Что ты видел? — спросила Далия, приближаясь к трону.

— Ты не дворф! — закричал на нее Атрогейт.

— Но ты — да, и тем не менее трон не принял тебя, — возразила эльфийка.

— Он иссушит тебя!

— Далия, не надо, — предупредил Джарлакс.

Воительница остановилась напротив трона и протянула ладонь, почти касаясь трона пальцами. Но она не притронулась к нему.

— Ты сказал «не король» за миг до того, как тебя сбросило, — сказал наемник.

Атрогейт озадаченно посмотрел на товарища и помотал лохматой головой. Он глядел мимо Джарлакса на трон и поклонился с глубоким уважением.

Дроу помог компаньону подняться на ноги, и дворф немедленно пошел обратно, чтобы снова оценить величественный трон. Он больше не касался его и даже мысли не имел сделать это снова.

— Давайте отдохнем здесь, — предложил Джарлакс. Он остановился и склонил голову, будто прислушиваясь к чему-то вдалеке. — Подозреваю, нам понадобятся все силы, чтобы преодолеть эти залы. Ты был здесь, Дор'Кри, — добавил дроу. — Каких... обитателей мы можем встретить?

Вампир пожал плечами.

— Я видел только призраков-дворфов, их здесь сотни, — ответил он. — Я был здесь совсем недолго, следуя за корнями Главной башни по узкому проходу. Но я видел только призраков. Сомневаюсь, что они воздержались бы от нападения на нас, если бы мы не были вооружены. А еще мне кажется, что они рады появлению в этих чертогах того, в ком течет кровь Делзун, чему свидетельство — беспрепятственно открывшиеся ворота.

— Потому что они верят, что я не дам вам разорить это место, — ответил Атрогейт. — И их доверие обоснованно! Если вы поцарапаете какой-то алтарь, украдете драгоценности из какого-нибудь изображения короля, поверьте, призраки будут вашей самой маленькой проблемой.

— Я ощущаю не только призраков, — заметил Джарлакс. — Нечто, чьи шаги можно

услышать, нечто материальное.

— Нежить, наверное, — ответил вампир. — Или живые дворфы.

— Бородатые боги, — пробормотал Атрогейт, представляя, что он мог бы сказать дворфу Гаунтлгрима.

— Они бы вышли на стену нас поприветствовать, и сомневаюсь, что оказали бы радушный прием, — заметил наемник.

— Кто тогда? — спросил Атрогейт, очевидно слегка разочарованный тем, что дроу разрушил его мечты о встрече с собратями.

— Выбирай из длинного списка, друг, — ответил Джарлак. — Вариантов предостаточно, а мой опыт подсказывает, что необжитые пещеры в Подземье встречаются крайне редко.

— Скоро мы все узнаем, — прервала его Далия. — Отдыхайте, а затем двинемся дальше.

Она посмотрела на Дор'Кри, кивнула ему, и вампир направился к дальнему концу округлого зала, скрывшись из виду.

— Он разведает наш дальнейший маршрут, — объяснила эльфийка, — чтобы найти те туннели, которые наиболее близки к его собственному пути в кузницу Гаунтлгрима.

Спутники расположились вокруг центрального помоста и развернули спальные мешки. Спокойным отдых назвать было трудно, особенно это касалось Атрогейта, который был перевозбужден от пережитых впечатлений. Да и какой дворф во всем Фаэруне не мечтал об этом дне — дне возвращения в Гаунтлгрим!

Дор'Кри вернулся несколько часов спустя. Вампир был убежден, что нашел туннели, которые приведут их к кузнице. Он подтвердил подозрения Джарлакса, сказав, что во время разведки слышал в темноте какие-то звуки, однако не видел того, кто мог бы их издавать, — ни дворфов, ни мертвецов, ни гоблинов, ни кого-либо еще.

Эти новости несколько не убавили рвения компаньонов. Они были уверены, что справятся с любым препятствием, вставшим на их пути.

Атрогейт шел во главе отряда, прямо перед Дор'Кри, подсказывающим верное направление. Они вышли из округлого зала в туннель, жерло которого располагалось напротив главных ворот, пройдя мимо таверн, лавок и храма Клангеддина, где Атрогейт остановился, чтобы помолиться.

Постоянно в поле зрения попадали призраки, проявляющие любопытство к гостям, но не делающие попыток приблизиться.

Спутники подошли к широкой лестнице, спускающейся под массивным каменным арочным сводом. Пройдя несколько ступеней, они наконец осознали огромные размеры подземного комплекса. Вскоре им открылся вид на огромную пещеру с гигантскими опорами, поднимавшимися от пола словно башни. Два ряда украшенных барельефами колонн поддерживали потолок обширного многосекционного зала на нижнем ярусе.

Однако лестница уводила еще глубже, на нижележащие уровни, по которым должен был пройти их дальнейший маршрут, намеченный Дор'Кри.

— Вы не можете просить меня покинуть это место, ни разу на него не взглянув! — заявил Атрогейт, повышая голос.

— Мы сможем вернуться сюда, дорогой дворф, — сказала Далия.

— Пф! — фыркнул Атрогейт.

— Атрогейт, сюда, — сказал Джарлак, направив жезл на ближайшую стену.

Как только внимание всех обратилось к нему, наемник активировал жезл. Даже у Валиндров от увиденного вырвался крик восхищения.

В стене была вырезана и покрыта россыпью дорогих металлов и драгоценностей статуя дворфского бога Морадина. В одной руке Кузнец Душ держал украшенный драгоценными камнями щит, в другой — занесенный для удара боевой молот. Его бородатое лицо выражало желание битвы, готовность сокрушить любого противника.

Джарлак посмотрел на Атрогейта, который упал на колени и прикрыл лицо руками,

еле дыша от восхищения.

В конце концов спутники оторвали взгляд от статуи и продолжили путь, уровень за уровнем спускаясь вниз по узким и широким коридорам через огромные залы и маленькие комнаты. Долгое время единственной неприятностью была густая пыль на полу. Так было до момента, пока компаньоны не уперлись в массивную каменную дверь, запертую с их стороны на засовы.

— Здесь город заканчивается, — объяснил Дор'Кри, жестом предлагая Атрогейту сдвинуть засов. — Пещеры по ту сторону двери менее обустроены дворфами и расположены ближе к шахтам. Одна из троп выведет нас к кузнице.

— Думаю, нам следует закрыть дверь за собой, — сказал Атрогейт, отодвигая засов. — Не хочу быть идиотом, открывшим Гаунтлгрим для всех тварей, что бродят в глубинах Подземья.

— Когда мы выйдем отсюда, я обеспечу безопасность этой двери, — заверила Далия.

Воздух ощутимо изменился, как только путешественники шагнули за дверь. До этого момента царила мертвая тишина, нарушаемая лишь их шагами, приглушенными толстым слоем пыли. За дверью на них обрушилась какофония разных звуков: скрипы, завывание, скрежет камня о камень. Температура и влажность резко повысились, поэтому каменные ступени были скользкими и казались темнее от влаги в отличие от серого пыльного пола в городе.

Отряд медленно и осторожно двигался по предательски скользкой лестнице. Далия и Валиндра в нелестных выражениях отзывались об окружающей обстановке.

На следующей площадке, находившейся в паре сотен шагов от двери, туннель разветвлялся в трех направлениях. Стены одного из коридоров были гладко обработаны, остальные представляли собой естественные пещеры с грубо обтесанными стенками и потолком. Дор'Кри остановился перед манившим очевидностью выбора рукотворным коридором.

— Мы близко, — заверил он компаньонов.

— Слушайте, — велел Джарлак, склонив голову.

— Ничего не слышу, — ответил Атрогейт.

— Я слышу, — сказала Далия. — Кузнечные горны. Кузница глубоко под нами.

— Доставь нас туда, — взмолился дворф. — Кузница Гаунтлгрима...

Поколебавшись, вампир указал спутникам на рукотворный туннель, который вел к закрытой двери в комнате с непроницаемой завесой серого пара.

— Девять Кругов Ада, что это? — спросил Атрогейт.

Джарлак держал свой сверкающий меч перед собой, пытаясь разглядеть, что скрывается за завесой, но бесполезно. Через боковую дверь дроу прошел в соседнюю комнату, но там тоже стоял непроницаемый туман, и, что еще хуже, наемник заметил, что пар начал заполнять коридоры, которые они миновали.

— Это неправильный путь, — решил Дор'Кри и повел отряд обратно, закрывая по пути двери.

Наконец они вернулись к развилке. Вампир указал на один из естественных туннелей, который, как ему казалось, должен был идти в верном направлении.

— Я думал, ты разведал путь, — проворчал Атрогейт.

— Я бы не смог добраться до кузницы в столь короткое время, если бы шел на своих двоих, — парировал Дор'Кри.

— Какой умный ответ! — сказал дворф. — Ты мне нравишься все меньше и меньше. И вскоре мне начнет казаться, что ты мне нужен все меньше и меньше. Смекаешь, к чему я клоню?

Джарлак заметил взгляд Далии, умоляющий предотвратить назревающую ссору. Но дроу находил происходящее довольно занимательным и не стал бы особо сожалеть по поводу гибели вампира, поэтому просто улыбнулся в ответ.

Туннель вел вперед, но без намека на снижение. Спутники прошли мимо множества

коридоров, отходящих от главного пути, начиная понимать, что оказались в лабиринте.

— Возможно, нам следует сделать еще один привал, чтобы дать Дор'Кри возможность определить верное направление, — предложила Далия, но Атрогейт упрямо продолжал идти вперед.

Эльфийка уже собиралась повторить свое предложение, когда дворф подозвал всех к себе. Когда спутники поравнялись с ним, то увидели еще одни мифриловые ворота. На створках не было и намека на ручки.

Атрогейт повторил слова, открывшие главные ворота, и это снова сработало. Древние створки открылись без единого звука, скользнув в пазы в стене.

Спутники слышали горны Гаунтлгрима — громогласный рев. Джарлак до сих пор не мог взять в толк, почему они продолжают работать. Сразу за входом начиналась узкая длинная лестница, ведущая вниз. Она не была темной, как предыдущая, на ее ступенях вспыхивали оранжево-красные отсветы далекого огня.

Атрогейт, не сомневаясь в правильности своих догадок, поспешил вперед с такой прытью, что всем его спутникам, кроме вампира, пришлось бежать, чтобы не отставать.

— Я вскоре присоединюсь к вам, — объяснил Дор'Кри, когда Далия обернулась к нему. — Есть еще один коридор, который я хочу проверить.

Эльфийка кивнула и побежала вслед за остальными, а вампир развернулся и двинулся в обратном направлении.

Дор'Кри не стал далеко уходить. Вампир вынул драгоценный камень в форме черепа и положил его в укромную нишу. Дор'Кри посмотрел на него с опаской, не впервые сомневаясь, достаточно ли он мудр, чтобы привлекать таких опасных союзников. Он оглянулся на уходящие вниз ступени и подумал о Далии и бриллианте, который она носила в правом ухе, — бриллианте, символизировавшем ее единственного оставшегося в живых любовника.

Какой выбор оставила ему эльфийка?

Вампир посмотрел на драгоценный камень-череп.

— Вниз по лестнице, Силора, — прошептал он.

Дор'Кри задержался на мгновение, перед тем как устремиться за ушедшим вперед отрядом.

Едва вампир исчез из поля зрения, глаза камня-черепа засветились недобрыми красными огоньками. Артефакт оживал, и вместе с ним оживал дух Силоры. Мгновение спустя драгоценный камень испустил облако магического тумана, принявшее форму тейской леди.

Полностью материализовавшись, она приготовилась открыть врата для демонических прислужников.

Глава восьмая ПЕРВОБЫТНАЯ СИЛА

Атрогейт бежал не очень долго, так как достаточно скоро остановился в нерешительности. Коридор закончился, а вниз вела лишь узкая винтовая лестница. У нее не было даже перил, а внизу расстиралось множество пересекающихся мостов и рельсовых дорог. Пещера была обширна, стены терялись в тених, а далеко, очень далеко внизу пол озарялся оранжевыми и красными отблесками лавы. Воздух мерцал и колебался от поднимающегося жара.

Стоял сильный шум: звон цепей, треск разрушающегося камня и рев пламени.

— Зато лестница не скользкая, — утешил себя дворф.

Он вытер обильный пот с лица и начал осторожно спускаться вниз, понимая, что любая оплошность приведет к долгому, очень долгому падению.

Казалось, это никогда не кончится — ступенька за ступенькой и еще сотни ступеней. Атрогейт и его спутники, которые старались не отставать, чувствовали себя очень

уязвимыми на открытой лестнице. И сотню ступеней спустя они поняли, что не одни.

Странные человекоподобные существа обнаружили пришельцев и взбирались по стенам параллельными путями. Спутникам потребовалось время, чтобы понять, что существа движутся скоординированно, будто бы собираясь выстроить линию защиты. Многие из проходов в стенах были достаточно близко расположены к лестнице, так что оттуда вполне можно вести огонь стрелами или метать копья. Некоторые из таких площадок были выше их теперешнего положения, что ставило спутников в весьма невыгодное положение.

— Не останавливайся, — попросил дворфа наемник. В голосе Джарлакса из Дома Бэнр редко можно было услышать беспокойство, но в данный момент оно прозвучало весьма отчетливо.

Ловушка захлопывалась, и спутники понимали это, за исключением, конечно же, Валиндры, которая вдруг сочла момент подходящим для пения.

Неизвестные существа ответили на эту песню резкими звуками. Голоса их походили на птичьи, но были гортанны, как будто кто-то скрестил голубую сойку с рычащим мастифом.

— Зловещие вороны, — пробормотал Джарлакс.

— Что? — спросил Атрогейт.

— Птицелюди, — объяснил дроу. — Редки в Подземье, но не то чтобы совсем неизвестны. Имеют зачатки цивилизации, ничего не боятся и очень трепетно относятся к своей территории.

— Ну, по крайней мере, это не орки, — сказал дворф.

— Лучше бы это были орки, — ответил Джарлакс. — Поторапливайся, уважаемый.

Атрогейт даже не успел коснуться подошвой следующей ступени, когда резкий треск раздался прямо над ним, — сброшенный с большой высоты камень ударился о ступень лестницы.

По мере спуска количество падающих камней все увеличивалось. Вдруг тональность песни Валиндры резко изменилась, поскольку один из осколков попал ей в плечо, хотя она, казалось, не заметила этого.

Атрогейт снова остановился. Чуть ниже того места, где находились спутники, были видны несколько каменных мостов, расположенных вокруг лестницы на небольшом расстоянии, и они не пустовали. Ростом с человека, с черным телом, с птичьими ногами и головами, зловещие вороны пробирались по узким проходам легко, быстро и, очевидно, вообще не боясь оступиться и погибнуть в пропасти. Некоторые глядели на непрошенных гостей и пронзительно галдели, широко разводя руки, открывая взору перепонки от предплечья до ребер, будто бы развитие их конечностей остановилось на промежуточной стадии между крылом птицы и рукой человека.

— Итак, придется принять бой, — сказал Джарлакс. Он ухватился за запястья, и из его волшебных наручей появилось по кинжалу. — Найди слабые места их обороне, Дор'Кри, и уведи их от выступов.

— Подождите, — сказал Далия, прежде чем кто-либо начал действовать. — Они ведь не просто животные?

— Нет, — согласился дроу, — но очень к ним близки.

— Суеверны?

— Думаю, да.

— Стойте здесь, — приказала Далия и с кривой усмешкой подошла к краю ступеньки, набрасывая на голову капюшон волшебного плаща.

Падая, она превратилась в огромного ворона и объявила о себе серией громких криков, которые эхом разнеслись по пещере. Далия пролетела над зловещими воронами и, убедившись, что они не бросают в нее камни, приземлилась в центре одной из групп.

Птицелюди упали ниц и опустили взоры. Эльфийка каркнула снова, более громко, стараясь казаться сердитой, и, судя по всему, ей это удалось — зловещие вороны в ужасе разбежались.

— Идем, — подтолкнул Атрогейта Джарлакс.

И дворф ринулся вперед с такой скоростью, какую только мог себе позволить на этой головокружительной лестнице без перил. Далия летала вокруг них, бросаясь к каждому зловещему ворону, кто осмеливался приблизиться. Пройдя мимо пересекающихся балконов, они оказались на площадке, где Дор'Кри велел дворфу повернуть налево по открытому каменному карнизу.

Наконец спутники добрались до входа в туннель, казавшийся не очень длинным, который вывел их к комплексу древних зданий. Далия все еще летала снаружи, а остальные, едва войдя в пещеру, попали в окружение злобных птицелюдей.

На Атрогейт прыгнули сразу двое, дворф издал боевой клич и заорал: «Ба-ха-ха!» — отбрасывая нападающих в стороны при помощи своих вращающихся кистеней. В запале боя он забыл об осторожности и ворвался в следующий дверной проем, сбивая с ног еще больше зловещих воронов то тут, то там.

— Вон! Вон! Проклятые уроды! — вопил дворф, его ужасные топоры вращались со смертоносной скоростью, перемалывая кости и разбрасывая птицелюдей в разные стороны. — Это место вам не принадлежит!

Джарлакс бежал сразу за Атрогейтом. Его мечи прокладывали дорогу, заставляя зловещих воронов отступать.

Однако птицелюдей было очень много и становилось все больше: из бесчисленных темных дверных проемов вылезали все новые и новые группы.

— Ара... Арабет! — причитала Валиндра. — О, посмотри на меня, Арабет, посмотри! Ты же знаешь, я сильна!

Лич топнула ногой — и всполохи огня разошлись по полу во всех направлениях, не тронув ног дроу и дворфа, чтобы затем подняться кольцом обжигающего огня перед ними. Джарлакс и Атрогейт удивленно отшатнулись, а зловещие вороны, пронзительно крича, стали разбегаться, их вопли утонули в магической песне лича.

— Ара... Арабет! Ты видела? Боишься? Ара... Арабет!

Далия, все еще в облике огромного ворона, приземлилась напротив группы обгоревших зловещих воронов и карканьем выразила свое неудовольствие.

Птицелюди бежали.

Экспедиция продолжилась.

У второй группы, спускавшейся по винтовой лестнице, не было такой защиты против возбужденных и свирепых птицелюдей, какую могла обеспечить Далия.

Десятки камней летели в культистов Ашмадая и облаченную в красное тейскую волшебницу, которые преследовали Далию.

Воины культа приготовили достойный ответ — защелкали арбалеты, и хотя стрельба велась с порядочного расстояния по движущимся целям, все же многие зловещие вороны завопили от боли, когда арбалетные болты вонзались в их черную плоть. Силора не спешила применять волшебство, пока ситуация не стала критической.

Женщина метнула огненный шар в место схождения мостов, заставляя зловещих воронов отступить, а достигнув карниза, она метнула несколько молний. Щелчок пальцев — и культисты Ашмадая спрыгнули сверху и яростно бросились врукопашную с красными скипетрами в руках.

Бой затягивался, культисты и зловещие вороны несли потери. Силора с основной группой продолжали спускаться, достигнув в конце концов входа в туннель. По пути им попалось несколько убитых птицелюдей и пещера, опаленная огнем. Всякий раз, когда перед ними стоял выбор дальнейшего маршрута, Силора поднимала вверх драгоценный череп и он указывал им след Дор'Кри.

Магический амулет был крепко связан с вампиром, волшебница могла даже ощутить, как далеко находится их проводник.

Она приложила палец к кривящимся губам, напоминая нетерпеливым культистам Ашмадая о необходимости сохранять тишину. Группа двинулась дальше.

Пройдя несколько сломанных дверей и под низкой аркой, пятеро авантюристов наткнулись на останки различных существ, большинство из которых были зловещими воронами. Оглядев длинный, укрепленный колоннами коридор, они заметили призраков Гаунтлгрима, наблюдающих за чужаками.

В другом конце коридора виднелась еще одна арка, и через опущенную решетку веяло жаром печей. Из-за призраков Атрогейт вынужден был двигаться первым. Остальные старались держаться ближе к нему, настороженно наблюдая за призраками, следующими за ними по пятам.

Но присутствие дворфа Делзун вновь помогло им.

Путники не нашли механизма, поднимающего решетку, поэтому Атрогейт прочел свое стихотворение в третий раз.

Ничего не произошло.

Прежде чем Джарлакс или Далия смогли предложить какое-то решение, дворф заворчал и прислонился к решетке, вцепившись в перекладину обеими руками. Он ясно видел цель своей экспедиции: печи и штамповочные прессы, а также легендарную Кузню Гаунтлгрима. Он протиснул голову через решетку, каждой клеточкой лица впитывая жар величественного горна, и этот жар согревал сердце старого дворфа.

Рыча, Атрогейт пытался поднять решетку. Сначала ничего не произошло, но потом, когда хрустнул старый замок, решетка медленно двинулась вверх.

— Должен быть рычаг, — предположил Джарлакс, но дворф даже не слушал его, ведь Кузня Гаунтлгрима была так близка.

Словно клочок тумана просочился через решетку, и Дор'Кри материализовался уже с другой стороны.

— Здесь нет призраков, — сообщил вампир. — Мне поискать способ открыть ворота?

Вид нежити так близко от Кузни Гаунтлгрима разозлил дворфа и заставил поднажать. Он ворчал, стонал и толкал решетку вверх со всей недюжинной силой, которой был наделен, а волшебный пояс придавал ему мощи. Решетка медленно, но верно ползла вверх. Дворф перехватил ниже, за следующую перекладину, и потянул снова, поднимая решетку на уровень пояса. Резким рывком он поднял руки и присел под свою ношу. Потом с видимым напряжением, хрипя на каждом дюйме, Атрогейт выпрямил ноги.

Джарлакс протиснулся под решеткой, Далия прошла следом, потянув за собой сбитую с толку Валиндру.

— Я помогу, — предложил наемник, вставая напротив Атрогейта и берясь за перекладину, — но у меня нет твоей силы.

Не успел он договорить, как в пазах что-то щелкнуло. Дроу и дворф отступили на шаг, осознав, что массивная решетка застопорилась в поднятом положении.

— Тут рядом есть помещение, — заметила Далия, кивнув на дверь, в которую прошел Дор'Кри.

Атрогейт торопился попасть в Кузню, и так как путь его пролегал вблизи центрального горна, то двигался он несколько неуверенно, ведь это была самая большая печь из всех виденных им. Она имела огромный постамент перед жерлом, глядя на который дворф чувствовал, будто он смотрит на забрало шлема великого бога огня.

Атрогейт даже не подозревал, насколько близок к истине.

— Скажи-ка, ты когда-нибудь видел такую мощь, эльф? — спросил он у Джарлакса, когда дроу встал рядом с ним.

— Столько столетий прошло; что же подпитывает пламя? — спросил наемник и внезапно метнул в жерло кинжал.

Оружие просто расплавилось и исчезло в огне.

— Можно испечь дракона, — пробормотал Атрогейт.

— Вполне, — согласился Джарлакс.

Наконец они отошли от ослепительного зрелища, принявшись изучать украшенную наковальню с другой стороны горна и мифриловую дверь в стене Кузни.

— Есть еще кое-что, на что стоит взглянуть, — объяснил Дор'Кри, — но я не смог открыть эту дверь, когда был здесь в прошлый раз. Пришлось просачиваться в щель.

Атрогейт уже был у двери. Он не стал читать стих и просто толкнул дверь, которая, легко повернувшись на петлях, открыла короткий коридор к другой мерцающей двери.

Удивление застыло в глазах вампира, но он лишь пожал плечами.

Далия прошла по коридору и обнаружила, что дверь не поддается. Следом подошел Атрогейт, которому стоило лишь коснуться створки, как вторая дверь распахнулась так же легко, как и первая.

— Кажется, древние дворфы владели великим волшебством, если их двери могут распознать кровь Делзун, — заметил Джарлакс.

— И отличить короля от простолюдина, — добавил Атрогейт, вспоминая случай с троном.

Дворф прошел через дверь, и остальные последовали его примеру. Пройдя по коридору, они услышали звук огромного водопада; воздух стал влажным, сырым и туманным. Туннель выводил в продолговатую пещеру, которая тянулась еще достаточно долго, прежде чем превратиться в карниз. Воздух здесь был насыщен влагой, а под карнизом располагалась весьма широкая и глубокая впадина. И эта тайна Гаунтлгрима заставила дворфа, друу, эльфа, вампира и лича затаить дыхание.

Глядя вниз, они едва могли различить стены ямы. Стремительный водоворот непрерывно бурлил, как прибойная волна в ураган. Вода вращалась и кипела, принимая в себя пузырящийся поток лавы. Вода громко шипела, становясь паром, который затем поднимался по трубам, расположенным намного выше.

И каким-то неведомым образом оранжево-красное зарево казалось не просто расплавленной породой, но чем-то большим, чем неодушевленная магма. Это было похоже на огромный глаз, глядящий на спутников... с ненавистью.

— Мы находимся ниже комнат с паром, — заметил Атрогейт. — Где-то должен быть действующий дымоход.

— Там. — Дор'Кри указал на узкий проход, который, к счастью, был оборудован рельсами, опоясавшими яму и заканчивающимися на уступе, пересекающем их путь. Этот проход имел широкий декоративный арочный проем, ведущий в небольшую комнату, едва различимую извне. — Тут есть нечто большее.

Силора и культисты Ашмадая чувствовали ненависть, исходящую от призраков дворфов, подступавших со всех сторон. Но тейская волшебница держала драгоценный череп высоко над головой. Из черепа исходила мощь, и ее было вполне достаточно, чтобы держать древних защитников Гаунтлгрима на расстоянии.

Они шли группой, но нетерпеливая женщина-культист проскользнула в комнату прежде, чем спросить совета у Силоры. И призраки мгновенно разорвали ее на куски на глазах спутников.

Да будет так. Они были культистами Ашмадая, и женщина-тифлинг умерла, служа своему богу. И каждый культист помолился своему богу о потерянной сестре, переступая через ее растерзанное тело.

— Я не могу коснуться этого, — объяснил Дор'Кри, стоя перед большим количеством

рычагов в полу комнаты, больше походившей на нишу, в которой они оказались, пройдя под аркой. — Когда я попробовал, меня отбросило назад. Какая-то великая магия охраняет их.

— Только дворф может трогать их, дурак. Как и те двери.

— Не смей, — предупредил Джарлак, стоя чуть позади и изучая старые руны на изгибе арочного проема. Он использовал одно из волшебных свойств своей магической повязки, которое позволяло ему понимать почти любой известный язык, включая и множество волшебных, но эти письма были неясными. — Мы не знаем, для чего предназначены эти рычаги.

Наемник продолжил изучать руны и понял, что они чрезвычайно древние и принадлежат к какому-то старому диалекту эльфийского языка. Он не мог дать точного перевода, но предположил, что руны начертаны в память о чем-то великом, произошедшем — или находящемся — в этой пещере.

Время шло, Атрогейт все ближе подходил к рычагу, облизывая губы от нетерпения. Он уже почти подобрался к ним, когда Джарлак положил руку ему на плечо, останавливая. Повернувшись к дроу, дворф проследил за его пристальным взглядом, обращенным на стены и потолок пещеры, которые были покрыты прожилками корней Главной башни.

— Что это? — спросил Атрогейт.

— Я полагаю, что при помощи этого рычага можно привести в действие весь Гаунтлгрим, — ответил Дор'Кри. — Волшебные огни и вагонетки на рельсах, которые могут двигаться сами по себе, — такая магия, которая подарит городу новую жизнь!

Атрогейт нетерпеливо шагнул, но Джарлак крепче стиснул его плечо. Дроу повернулся к Далии, вопросительно глядя на нее.

— Дор'Кри знает это место лучше, чем я, — произнесла женщина.

Джарлак отпустил Атрогейта, который тут же рванулся к рычагу, но дроу продолжал смотреть прямо на Далию и не сделал попыток остановить приятеля.

— Что это? — спросил наемник, поскольку было что-то в голосе Далии, что его насторожило. Какая-то неуверенность, некое колебание, нечто такое, что Джарлак никогда не замечал за ней.

— Я согласна с Дор'Кри, это вернет жизнь Гаунтлгриму, — пояснила Далия, обращаясь к Атрогейту.

— Или обрушит всю силу павшей Башни на нас, — возразил дроу.

Он знал, что женщина лжет, и эта ложь ей не нравится.

— То есть мы должны оставить рычаги в покое и искать сокровища? — спросила Далия, взмахнув рукой, словно мысль была абсурдна, а ее движение было слишком пренебрежительным.

— Прекрасная идея, — согласился Джарлак. — Голосую за драгоценные безделушки.

Но за спиной дроу Дор'Кри прошептал Атрогейту:

— Тяни за рычаг, дворф.

Джарлак понял, что это больше чем просьба и что вампир пытается использовать свои ментальные способности. Это послужило отчетливым сигналом опасности для наемника. Он направился к Атрогейту, но резко остановился, когда Валиндра материализовалась прямо перед ним, уставившись на дроу голодными глазами и нервно перебирая пальцами в воздухе.

— Что ты знаешь? — требовательно спросил дроу у Далии.

— Ты мне нравишься, Джарлак, — ответила эльфийка. — Я даже могла бы позволить тебе жить.

— Атрогейт, нет! — закричал Джарлак, но Дор'Кри продолжал шептать, и могучий дворф взялся за рычаг.

В своих мыслях она снова была девочкой-подростком, стоящим на краю утеса со своим ребенком в руках.

С ребенком Херцго Алегни.

Она бросила его. Она убила его.

Далия гордо носила девять бриллиантов в левом ухе, по одному на каждого любовника, убитого в смертельном поединке. Она всегда считала, что убитых девять.

Но как же ребенок?

Почему эльфийка не носила десятый алмазный гвоздик?

Потому что не гордилась тем убийством. Потому что среди всего, что она сделала в своей бестолковой жизни, тот момент отпечатался в сознании Далии как самый неправильный, самый гнусный. Это был ребенок Алегни, но он не заслужил такой судьбы. Алегни — варвар, шадовар, насильник, убийца — был достоин такой участи, был достоин увидеть это падение, но не ребенок, ребенок — никогда.

Воительница знала, что сделает поворот рычага. Она завербовала дроу из-за дворфа. Только дворф из клана Делзун мог управлять этим рычагом. Это освободит питающую Гаунтлгрим мощь и повлечет за собой катаклизм. И все это для того, чтобы создать Кольцо Страха.

Круг опустошения не может быть построен на гибели Херцго Алегни или даже на гибели нескольких любовников, заслуживших такую участь. Нет, пищей для него станут невинные дети, как тот, которого она бросила с утеса.

— Атрогейт, стой! — услышала Далия свои собственные слова, хотя едва могла поверить тому, что произнесла их.

Все уставились на нее: дворф в замешательстве, дроу с подозрением, вампир с удивлением, а вот лича это, очевидно, забавляло.

— Не притрагивайся к рычагу, — сказала воительница, и ее голос набирал силу.

Атрогейт повернулся к ней и упер руки в бока.

— Что тебе известно? — спросил женщину Джарлакс.

Воздух напротив Атрогейта завибрировал, став мутным, в нем появились призраки Делзун. Они столпились перед ним и молили потянуть за рычаг.

Освободи нас! — звучали в сознании дворфа мольбы привидений.

Дай нам и Гаунтлгриму новую жизнь! — призывал один.

Эльфийка боится этого! — сказал другой. — *Она боится нас и возвращения самого великого королевства дворфов!*

Атрогейт с ненавистью посмотрел на воительницу и возвратился к рычагу.

— Далия? — окликнул ее Джарлакс.

Казалось, эльфийка сама удивлена своими словами.

— Это освободит... Зверя, — шептала она.

Джарлакс оглянулся на Атрогейта, и Далия проследила за его пристальным взглядом. Они оба с тревогой наблюдали, как дворф ухватился за рычаг обеими руками.

— Атрогейт, нет! — закричали они вместе, но тот слушал другие голоса, которые, как он думал, принадлежали призракам его предков.

— Он не слышит вас, — заверила Силора, появляясь у входа в пещеру.

Эльфы, как один, повернулись, чтобы увидеть ее и группу жестоких воинов Ашмадая, остановившихся за арочным проходом.

Атрогейт со скрежетом потянул тяжелый рычаг.

— Расскажи ему, Далия. — Силора кивнула на Джарлакса.

Земля задрожала. Из пещеры с водоворотом донесся звук обрушения огромной массы воды, словно гигантский водопад, мчащийся по камням, затем шипение миллионов исполинских гадюк.

Глядя мимо Силоры, Далия отметила уплотнение пара и некое движение в нем — элементарии, предположила она.

— Что мы наделали? — спросил Джарлакс.

Силора рассмеялась в ответ.

— Иди сюда, Дор'Кри, — предложила она вампиру. — Оставь их наедине со своей судьбой.

— Ты предал меня! — закричала Далия.

Она отметила лишь намек сожаления на лице вампира и, подняв Иглу Коза, прыгнула на бывшего любовника, желая уничтожить его. Но в мгновение ока Дор'Кри превратился из человека в летучую мышь. Он пролетел мимо воительницы и Джарлакса в пещеру, где Силора уже открыла магический портал, через который она и ее приспешники смогут отступить.

Истерично расхохотавшаяся Валиндра моментально оказалась рядом с Силорой.

— Да-да, и ты, моя дорогая, — сказала волшебница и показала драгоценный череп, филактерию лича, приказывая Валиндре войти в портал. — Расскажи ему, — обратилась Силора к Далии, перед тем как ступить в портал, уносящий ее в лес Невервинтер, где она могла наблюдать за катаклизмом и великолепием своего триумфа. — Расскажи темному эльфу, который был марионеткой в твоих руках, о том, как рушится мир.

Она засмеялась и исчезла, но, когда портал закрылся, в пещере осталось примерно с дюжину культистов Ашмадая.

— Смотрите, чтобы они не смогли сбежать, — прозвучал неясный голос Силоры.

— Эльф? — спросил Атрогейт, стоя подле рычага. — Призраки разговаривали со мной!

— Потянуть за рычаг тебе велела Силора Салм, — объяснила Далия, и голос ее был полон гнева и сожаления, вины и горечи.

— Рассказывай, — приказал Джарлакс.

Пол ходил ходуном. Из ямы донеслось еще более громкое шипение вздымающегося пара. Раздался такой рев, что казалось, будто пробуждался сам Фаэрун.

— У нас нет времени, — ответила Далия.

Она подняла посох и раскрыла его на всю восьмифутовую длину.

Культисты Ашмадая ринулись в атаку.

Джарлакс вынудил их отступить, выхватывая кинжалы. Затем свою лепту внес Атрогейт, разделяя ряды противников так, что одна часть оказалась ближе к эльфийке, а другая к дроу. Кистени уже были в его руках, а сердце исполнено праведного гнева.

— Осквернили! — вопил дворф. — Разрушили!

Тифлинги и люди нападали со всех сторон, орудуя темно-красными скипетрами. Но Атрогейт обращал на их оружие очень мало внимания. Шар кистеня сокрушил череп человека слева, второй ударил полуэльфа справа, а тифлинг напротив него был сражен ударом шлема. Дворф неустрашимо несея вперед. Ошеломленный тифлинг упал, и Атрогейт пробежал по полукровке, чтобы добраться до следующего противника. Кистени неистово вращались.

Стайка кинжалов пролетела над правым плечом дворфа, очищая этот фланг, потом таким же образом был очищен другой.

Подросла Далия: на бегу уперев свой посох в пол и используя его как шест, она прыгнула через Атрогейта. К моменту приземления она уже успела видоизменить посох, разъединив его на две скрепленные цепью части. Это оружие сразу же заметалось вокруг воительницы, ломая оружие и руки, круша черепа тех, кто оказался слишком близко.

Атрогейт не отставал от эльфийки, хотя ее ярость была ничуть не меньше его собственной.

Земля ходила ходуном, пол покрывался трещинами. В пещере с водоворотом треснула одна из стен, и с потолка посыпались пыль и камни.

Когда они пробились к краю ямы, культисты Ашмадая нарушили строй и бросились через узкий проход. Далия и Атрогейт последовали за ними, поскольку это был единственный способ выбраться.

Джарлакс шел последним, он остановился, ожидая, пока горячий пар поднимется вверх и можно будет взглянуть на лаву.

Наемник посмотрел в лицо первозданного огня.

Тогда он понял источник силы знаменитой Кузни Гаунтлгрима. Дроу понял природу магии Главной башни, по корням которой водные элементали пробирались сюда, сдерживая богоподобного огненного зверя. Волшебство постепенно рассеивалось с момента падения

Башни, и это проявлялось в виде землетрясений, терзавших этот район уже многие годы.

Атрогейт окончательно прекратил действие волшебства. Элементали бежали, и Зверь освободился.

Джарлакс оглянулся на рычаг, хотя его и не было видно из-за плотной стены пара. Вероятно, они могли бы повернуть процесс вспять и снова посадить зверя на цепь.

Наемник позвал Атрогейта, но голос потерялся в вое ветра и шипении поднимающегося пара.

Огонь смешался с паром, заполняя все проходы. Джарлаксу пришлось бежать, закутавшись в пивафви и надвинув капюшон, чтобы защитить глаза и кожу.

Он догнал Далию и Атрогейта в Кузне, где они сражались с полудюжиной еще живых культистов, у которых не было иного выбора, кроме как держать оборону перед решеткой, которая снова оказалась опущена. По другую сторону ворот толпились разъяренные призраки Гаунтлгрима.

— Если сдадитесь, мы можем вывести вас отсюда! — крикнул Джарлакс, беря в одну руку меч и вставая рядом с Атрогейтом.

— Они культисты Ашмадая, — объяснила Далия. — Фанатики. Они не боятся смерти, они приветствуют ее.

— Так давайте окажем им услугу, — прорычал Атрогейт и бросился вперед. Он был сам не свой от обиды и вкладывал всю свою ярость в неистовые удары кистенями.

Культисты истошно завопили и встретили атаку дворфа с ликованием. Далия сместилась влево, ее оружие вращалось подобно кистеням Атрогейта. Джарлакс зашел справа. На каждого приходилось по два врага.

Свободной левой рукой наемник метнул несколько кинжалов — сначала достаточно низко. На темной коже тифлинга стояло клеймо со странным символом. Но последний бросок дроу провел достаточно высоко, вынудив противника поднять предплечье, чтобы защититься от кинжала. На время, потребовавшееся для этого быстрого движения, культист потерял наемника из виду.

Но этого оказалось достаточно. Джарлакс крутанулся на колене, используя тифлинга как щит от его товарищей.

Удар в голень заставил культиста споткнуться, затем упасть и больше не двигаться.

Через него переступил другой фанатик, решивший использовать свой жезл вместо копья и целившийся в голову дроу.

Но в руке Джарлакса появился второй меч, лезвие описало полукруг, великолепно парируя атаку. Культист остался без оружия.

Атрогейт ринулся вперед, игнорируя уколы и удары, контратакуя и блокируя; его оружие, несомненно, превосходило качеством жезлы противников. Культист сильно ударил дворфа в плечо, когда тот отвел руку для замаха, но это не остановило дворфа, поскольку Атрогейт не чувствовал боли в этот ужасный момент осознания, что он уничтожил самую священную, самую древнюю родину дворфов.

Он чувствовал, как рвутся мышцы, но его это не беспокоило, Атрогейт закончил удар. Кистень врезался в плечо противника с такой силой, что тот рухнул на пол ничком. Дворф наступил ему на шею и моментально повернулся к следующему, услышав, как треснула кость, — цена за пропущенный удар. В обычной драке такое ранение заставило бы выпустить оружие из рук, но только не сейчас, когда вокруг рушился Гаунтлгрим.

Атрогейт продолжал наступать, размахивая кистенями, заставляя культиста пятиться к опущенной решетке. Тот попытался открыть ее, но яростное вращение кистеней не оставляло ему времени ни на что, кроме защиты. Один из ударов пробил живот культиста, заставив его согнуться, второй пришелся пониже спины, распрямляя ашмадайца, но лишь затем, чтобы дворф снова ударил его в солнечное сплетение.

Ашмадаец рухнул на колени, а Атрогейт продолжал бить, и единственное, что удерживало мертвого культиста в вертикальном положении, были эти удары.

Далия действовала осторожнее. Она придерживалась оборонительной тактики, отводя

каждый выпад, и все еще сражалась с двумя противниками — женщиной-человеком и мужчиной-полуорком. Много позже Атрогейта эльфийка начала теснить их к решетке.

Она играла на ошибках своих противников, и как бы хороши в бою они ни были, Далия была лучше.

Полуорк зашел слева, а женщина переместилась вправо, предсказуемо используя поворот противницы, чтобы смело рвануться вперед и, опередив эльфийку, ударить ее по бедру. Но Далия изменила свой маневр, и ее замах свидетельствовал о том, что она собирается использовать оружие в левой руке, для того чтобы отвести копье.

Полуорк попался на хитрость и был застигнут врасплох, когда правый цеп эльфийки нырнул под копье, почти вырвав его из рук, — но только почти. Вместо повторного рывка эльфийка совершила почти незаметный поворот и позволила себе потерять равновесие, припадая на правое колено. Потом воительница изменила траекторию вращения оружия и провела им низкую подсечку, опрокидывая полуорка наземь.

Далия совершила полный оборот, чтобы пустить в ход второй цеп, хотя ей явно не хватало пространства для маневра. Поэтому цеп в левой руке эльфийки мгновенно превратился в четырехфутовое копье, наконечник которого вонзился женщине прямо в открытый для так и не прозвучавшего крика рот. Вспышка молнии вылетела при столкновении, и казалось, что это позволило Далии снова встать на ноги. Она преломила копье снова, превращая его в цеп, и принялась за своего оставшегося противника.

Полуорк отступил, но смог устоять на ногах, поскольку Далия уже истратила свой импульс.

Серебряная вспышка промелькнула над плечом эльфийки, и она резко отскочила в сторону, оглядываясь. Затем снова переключила внимание на своего противника, поняв, что вспышка была одним из бесчисленных кинжалов Джарлакса, глубоко погрузившимся в левый глаз полуорка.

Когда последний противник испустил дух, Далия снова обернулась и увидела, что наемник торопится к подъемной решетке. Удивительно, но Атрогейт снова поднял ее на уровень плеч.

Джарлакс проскользнул под решеткой, и Далия мгновенно последовала его примеру. Наемник не замедлил подставить плечо под один край решетки, Далия под другой, что позволило Атрогейту пробраться к ним.

Пол ходил ходуном, стены дрожали. Призраки Гаунтлгрима опустились на колени, подняв руки в молитве к Морадину.

Троица продолжила бегство.

К тому времени когда они достигли винтовой лестницы, весь комплекс трясло. Когда они поднялись в обширную открытую пещеру, то увидели зловещих воронов, срывающихся в лаву. Каменные мостки, продержавшиеся столетия, рушились, падая в пропасть.

— Что же я наделал? — надрывался Атрогейт. — О, будь я проклят!

— Улетай! — крикнул Джарлакс эльфийке. — Стань вороном и лети, дура!

Далия потянула свой плащ, но не применила его волшебство. Она сняла его и бросила в лицо Джарлаксу.

— Вперед! — приказала она.

Дроу не поверил своим ушам, но не надел плащ и не сбежал. Вместо этого, он толкнул Атрогейта и потащил за собой Далию.

Изнуренные, они достигли вершины лестницы, но отдыхать времени не было. Землетрясение немного утихло, но треснувшие арки ломались и рассыпались, обломки падали, запечатывая проходы, возможно навсегда.

Тем не менее беглецам удалось добраться до круглой пещеры с украшенным драгоценными камнями тронem, а затем они кинулись через туннель к воротам на берегу подземного озера.

Джарлакс вернул плащ Далии.

— Иди своим путем, — сказал он, — а мы пойдем своим.

— Как вы переберетесь на другую сторону? — спросила эльфийка.

Наемник взглянул на нее как на сумасшедшую.

— Я — Джарлакс, — сказал он. — Я найду выход.

Далия надела плащ, обернувшись большой птицей, пролетела над озером и скрылась в туннелях.

Пару дней спустя она появилась на грязных улицах Лускана и с удивлением обнаружила, что город все еще стоит, а жизнь в нем течет своим чередом. Эльфийка обратила взор на юго-восток, в небо над Гаунтлгримом.

Но там не было ничего заслуживающего внимания.

Возможно, Далия переоценила мощь первобытной силы, что была поймана в ловушку в древнем городе. Может, они просто вывели из строя кузню, но это не повлекло за собой катастрофы.

— Помалкивай о нашем приключении, — убеждал Джарлакс Атрогейта, когда они также вернулись в Лускан чуть позже Далии, проехав весь путь от Гаунтлгрима на своих ездовых животных — Адском Борове и Ночном Кошмаре.

Приятель пересекли подземный водоем на спине гигантской бескрылой птицы, вызванной с помощью пера на шляпе Джарлакса, — на их счастье, водоем оказался неглубоким.

— Тебе следовало оставить меня умирать там, — угрюмо произнес Атрогейт.

— Мы найдем способ все исправить, — пообещал Джарлакс. — Если это будет необходимо, — добавил он, поскольку также был несколько озадачен, обнаружив вполне обычное течение жизни в Лускане.

Однако вскоре, уже наутро следующего дня, наемник понял, что исправлять содеянное им все же придется, поскольку далеко на юго-западе Атрогейт заметил столб черного дыма, медленно поднимавшийся вверх.

— Эльф, — позвал дворф мрачно.

— Я вижу.

— Что это?

— Катастрофа, — ответил Джарлакс.

— Ты сказал, что мы все исправим, — напомнил ему Атрогейт.

— По крайней мере, мы отомстим тем, кто в этом повинен.

— Это был я! — сказал Атрогейт, но Джарлакс покачал головой, понимая суть происшедшего лучше дворфа.

Конечно же, опытный друу отметил характерное одеяние женщины, которая выследила их в Гаунтлгриме, чтобы подразнить Далию и ускользнуть вместе с Валиндрой и Дор'Кри. Несомненно, она была тейской волшебницей и ученицей Сзасса Тема.

Поразмыслив над этим, Джарлакс оглянулся на столб черного дыма, который поднимался на расстоянии многих миль от Лускана, но все же был виден в утреннем небе. Он не слишком много знал об архиличе из Тея, но и того было достаточно, чтобы понять, что им следует тщательно подготовиться к встрече с первобытной силой.

Из окна гостиницы почти в центре города, где Далия строила планы мести, тоже хорошо была видна полоса дыма.

Эльфийка обдумала произошедшее и не питала иллюзий насчет того, что дымом все и ограничится. Более того, у нее не было ни малейшей надежды на то, что катастрофу можно предотвратить.

Скоро Зверь избавится от последних элементарей — могучих водных существ, поставленных на стражу древними волшебниками Главной башни, чтобы удерживать в узде пламенное, богоподобное существо, служившее Кузне дворфов.

В любом случае рано или поздно это существо вырвалось бы на свободу, потому как

падение Главной башни запустило процесс эрозии сдерживающего волшебства.

Но погружение во тьму шло бы постепенно и не без некоторого предупреждения для волшебников Побережья Мечей.

Теперь же катастрофа, скорая и всеобъемлющая, свершится с минуты на минуту, и никто не мог не то что остановить, но хотя бы замедлить ее.

Глава девятая КОГДА РУШИТСЯ МИР

За ней следят. Некоторое время она думала, что у нее разыгралось воображение. Опасения, что внизу, в Гаунтлгриме, Силора оставила серьезных врагов, которые не преминут отомстить, беспочвенны. Они должны быть мертвы.

Но как они нашли ее? Разве они не сочли ее погибшей в древнем городе дворфов?

Силора не обратила бы внимания на гибель оставленных ею ашмадайцев. И тут Далия коснулась броши, которую все еще носила, броши, которая давала ей власть над нежитью, броши, что связывала ее с Сзассом Темом. Придя в ужас, женщина выдернула ее из блузы и бросила в ближайшую сточную канаву.

Эльфийка старалась двигаться наиболее запутанными маршрутами, входя в каждый возможный переулок и шагая так быстро, как только возможно. Но преследователи не отставали, она почувствовала это через некоторое время, когда усталость замедлила ее движения.

Далия свернула в переулок, располагавшийся таким образом, что эльфийка смогла зайти в тыл своим преследователям. Деревянный забор блокировал дальний конец улочки, но женщина знала, что легко сможет преодолеть его при необходимости. За несколько шагов до препятствия она ускорила темп, чтобы подпрыгнуть, но быстро остановилась, когда двое крупных тифлингов вышли из-за груды ящиков, перекрывая ей дорогу.

— Сестра Далия, — сказал один из них. — Почему ты убегаешь?

Эльфийка оглянулась и с удивлением увидела еще троих высоких полудемонов, спускающихся к ней по переулку. Тифлинги носили обычную для Лускана одежду, но эльфийка сразу смекнула, кто они на самом деле, услышав обращение «сестра».

Силора начала действовать.

Далия выпрямилась, и на ее лице появилась радостная улыбка. Это ее путь. Когда нет возможности избежать сражения, остается получать от него удовольствие.

Воительница перехватила Иглу Коза, разворачивая его на всю восьмифутовую длину, и выставила перед собой.

— Кто-нибудь из вас бросит мне вызов или я должна убить всех пятерых? — спросила она, начав медленно вращать свое оружие.

Ни один из культистов Ашмадая не двинулся с места в попытке напасть или защититься, они даже не потянулись к оружию, тем самым озадачив эльфийку.

Что они задумали?

— Ты и дальше собираешься действовать подобным образом? — раздался женский голос. Эльфийка повернулась и увидела Силору, стоящую между двумя культистами. В красном платье с глубоким вырезом и жестким высоким воротником, поднимающимся выше бритой головы, она была великолепна. — Твое поведение стоит расценивать как предательство? Я считала тебя умнее.

Далия некоторое время обдумывала эти слова, не зная, как реагировать.

— Когда пришел момент славы, Далия потерпела неудачу, — объяснила Силора. — Ты думала, что мы, истинные последователи Сзасса Тема, не сможем предусмотреть, что наша наглая юная сестра окажется не в состоянии положить начало новому Кольцу Страха? Ты думаешь, что мы — я — ожидали от тебя чего-то большего? Я вмешалась лишь затем, чтобы гарантировать: Сзасс Тем не будет разочарован. Ты проделала такую большую работу, разыскивая Предвечного, — в конце концов, даже если потом ты...

— Ты пыталась убить меня, — прервала ее Далия.

Силора пожала плечами:

— Я не доверяю тебе достаточно, чтобы позволить идти с нами. Особенно когда у тебя были столь сильные союзники, как дворф и темный эльф. Ты не оставила мне выбора и даже попыталась помешать тому, что должно было случиться.

— Значит, ты пришла убить меня сейчас? — Вопрос Далии прозвучал скорее утвердительно. Во взгляде эльфийки появилось волнение. — Ты снова скроешься за спинами своих лакеев-фанатиков или на этот раз все-таки снизойдешь до боя?

— Если бы это зависело от меня, ты бы уже давно была мертва, — сказала Силора и бросила что-то к ногам Далии.

Эльфийская воительница отскочила в сторону, ожидая, что из этой вещи вырвется шаровая молния или что-то еще малоприятное, но ничего не произошло. Лучшее разглядыв брошенный предмет, она узнала брошь, от которой недавно избавилась.

— Наш повелитель все еще видит в тебе некоторый потенциал, — пояснила Силора. — Он велел мне взять тебя под крыло в качестве слуги.

— Никогда!

Силора подняла палец.

— У тебя есть шанс остаться в живых, Далия, и снова служить лорду-личу. Возможно, ты даже сможешь искупить вину в его глазах. Или даже в моих. Ты выбираешь служение или смерть. Готова расстаться с жизнью?

Далия размышляла несколько мгновений. Конечно, Силора постарается превратить ее жизнь в ад, но по крайней мере у эльфийки будет шанс.

— Подойди, — позвала Силора. — Гляди. Там на юге идет жаркое сражение с незересами. Тебе доставляет удовольствие убийство шадоваров, разве нет?

Далия почувствовала себя настолько заинтересованной, что задумалась, не использовала ли ее соперница магию очарования. Но это беспокойство было мимолетным, так как эльфийка знала, что привлекло ее. Было ли в мире что-нибудь, что Далия ненавидела больше шадоваров?

Она посмотрела на Силору, все еще не доверяя словам тейской волшебницы.

— Моя дорогая, поверь, если бы я хотела твоей смерти, ты была бы уже мертва, — повторила Силора Салм. — Я могла наполнить переулок смертельной магией или убийцами культа Ашмадая. — Она протянула эльфийке руку. — Наш путь ведет на юг, в битву с незересами. Я буду считать тебя одним из своих лейтенантов. И пока ты будешь хорошо сражаться, я не стану тебя сильно беспокоить.

— Мне поверить Силоре Салм?

— Едва ли. Но я служу Сзассу Тему, а он возлагает на тебя определенные надежды. Когда зверь начнет действовать и разразится катаклизм, я получу все почести. Твоя роль будет представлена как незначительная: агент, собиравший информацию, но в критический момент проваливший задание. Однако ты еще молода и сможешь искупить вину, убивая незересских тварей.

Далия сложила посох в четырехфутовую трость, затем подняла брошь и, посмотрев на нее несколько секунд, снова закрепила на блузе.

С другой стороны забора Баррабус Серый ловил каждое слово. Его взволновало то, что в ходе, несомненно важной, беседы были упомянуты дроу и дворф, каким-то образом связанные с этой эльфийской воительницей Далией. Убийца добыл некоторые сведения за время своего пребывания в Лускане. Он даже побывал в нижнем городе и поговорил с духом Арклема Грита.

Пока Баррабус не мог сложить все части этой головоломки в единое целое, но понимал, что знает достаточно, чтобы удовлетворить любопытство этого мерзавца Алегни.

Вскоре он уже быстро двигался на юг верхом на призванном из преисподней коне. Мчась к Невервинтеру, убийца с интересом наблюдал за полосой дыма, поднимающейся в

ясное летнее небо далеко на юго-востоке.

Параллельно Баррабусу, но за много миль от него Дзирт До'Урден тоже ехал на волшебном скакуне и смотрел на шлейф дыма. Он оставил Бренора в их последнем лагере, в небольшой деревне, где они взялись за некоторую работу в обмен на еду и жилье.

Андхар двигался стремительно, легко летя по поросшим леском холмам. Дзирт позволил колокольчикам петь, желая отвлечься на их перезвон.

Это было тяжелое лето, полное разочарований для дроу и его друга дворфа. Постоянные разочарования в процессе безрезультатных поисков измотали Бренора. Дзирт понимал, что бывший король тоскует без буйного и грубого Пуэнта, хотя сам никогда этого не признает.

В сердце Дзирта тоже росло беспокойство, хотя он старался скрывать это от Бренора. Сколько еще лет дроу сможет провести, рыская по пещерам в поисках призрачных следов древнего королевства дворфов? Он любил Бренора, как и любого друга, которого когда-либо знал, но они оставались наедине на протяжении слишком долгого времени. И теперь товарищи решили пару дней отдохнуть друг от друга.

Дроу надоело ехать на Андхаре, и когда он наконец нашел торговую дорогу, то решил не оставаться в стороне от нее, как того требовала осторожность, столь необходимая в эти темные времена в диких холмах Краге.

Он старался отогнать от себя эту мысль, но Дзирту До'Урдену ничто не доставило бы большего удовольствия, чем сражение с бандой разбойников. Слишком долго клинки оставались в ножнах, и слишком долго Тулмарил Искатель Сердец без дела висел за спиной.

Эльф ехал в сторону дымной полосы, надеясь, что она является сигналом чего-то плохого, предвестником битвы, в которой он мог бы поучаствовать.

Пока не останется ни одного врага, с которым нужно...

Дроу двигался на юг, а не прямо к дыму. Дзирт достаточно хорошо знал эти земли, чтобы понять, что столб поднимается от Хотноу — одной из немногих вершин в Крагсах, достаточно высоких, чтобы их можно было называть горами. Хотноу была двуглавой — более низкая на севере, а та, что повыше, располагалась на юго-востоке. Обе вершины были каменисты и лишены какой-либо растительности из-за давнего пожара, уничтожившего деревья и позволившего ветру и воде свободно разрушать почву.

Лучший подход к двуглавой горе располагался на юго-востоке, Дзирт знал место, откуда сможет рассмотреть территорию, прежде чем направится к дыму. Проехав мимо горы, он двинулся дальше на юго-восток к следующему высокому холму, чтобы найти лучшую точку для обзора. Казалось, дым поднимается над более низким северным пиком.

Дзирт отпустил Андхара у основания крутого, заросшего деревьями холма. Он кинул оценивающий взгляд на склон и стал подниматься, двигаясь от дерева к дереву. Вскоре дроу достиг вершины. Дзирт думал залезть на дерево, но увидел лучший вариант в скалистом отроге на западной стороне холма, располагавшемся непосредственно перед двухвершинной горой.

Эльф встал на уступе и приставил ладонь козырьком к глазам, чтобы лучше рассмотреть вершину, над которой поднимался дым, но не увидел ни перемещающихся армий, ни драконов, парящих в небе.

Может, это костер в лагере варваров? Или великанская кузница?

Ни одно из этих объяснений не казалось реалистичным. Чтобы поддерживать столь сильное пламя так долго — дым был виден на протяжении нескольких дней, — потребовался бы целый лес. Бренор, конечно, утверждал, что это кузница дворфов, огонь дворфов и древнее дворфское королевство, но он такие выводы делал по любому поводу.

Дзирт смотрел вдаль еще очень долгое время, подобравшись к горе настолько близко, насколько это было возможно. Когда бриз на время развеял пелену дыма, дроу заметил что-то красное, просачивающееся сквозь камни.

А затем мир взорвался...

Баррабус и Херцго Алегни, стоявшие в Невервинтере на мосту, носящем имя тифлинга, тоже видели столб дыма, поднимающийся в ясное небо совсем недалеко от них.

— Лесной пожар? — предположил убийца. — Я не подходил достаточно близко, чтобы понять, в чем дело, да и люди в порту Лласт не знают ничего об этом, так же как и те, кто живет здесь, в Невервинтере.

— Ты не думал, что следовало бы пойти и узнать, что происходит? — отругал его Алегни.

— Я решил, что информация о тейцах и катастрофе, что они планируют, более срочная.

— А тебе не пришло в голову, что эти события могут быть связаны? Возможно, к северо-востоку отсюда затаился красный дракон, готовый напасть по приказу Силоры? — Говоря это, командир незересов подошел к перилам моста и, положив на них руки, устремил сосредоточенный взгляд на север.

— А если бы я поехал туда и не сумел вовремя вернуться, ты бы вообще ничего не узнал о том, что должно произойти, — парировал Баррабус.

Алегни не оглянулся на него.

— Я предоставляю это тебе, — сказал тифлинг после короткой паузы. — Отправляйся туда и узнай все, что сможешь. — Он оглянулся через плечо и увидел, что убийца хмурится. — Это не так далеко.

— Труднопроходимая местность, далеко от дорог.

— Ты говоришь так, будто я... — начал Алегни, но запнулся, увидев, что глаза Баррабуса расширились от удивления.

Тифлинг обернулся к дыму, в сторону невысокой горы... которая поднялась в небо. Казалось, что твердые камни превратились во что-то похожее на колоссальное облако пепла.

Ашмадайцы в лесу Невервинтер упали на колени, приветствуя основание великого Кольца Страха.

— О боги! — воскликнула Силора, видя, как высоко и под каким углом поднимаются вверх остатки горы. — Если бы я нацеливала это сама!..

Казалось, что катастрофа идет прямо на город Невервинтер, — и это было именно так. Гора Хотноу не просто взорвалась. Предвечное зло желало бойни так же ярко, как и Сзасс Тем.

Силора дружески похлопала Далию по плечу.

— Мы должны укрыться, и как можно быстрее, — посоветовала волшебница своим подчиненным, и они с готовностью выполнили это распоряжение. — Зверь, наш Зверь ревет!

Ашмадайцы вокруг Далии суетились, собирая вещи и убегая к пещере, которую они заранее выбрали своим убежищем. Дор'Кри и Валиндра уже были там, скрываясь от неприятного дневного света.

Эльфийка не шевелилась. Она не могла двинуться с места, с ужасом наблюдая за освобождением Предвечного. Зрелище извержения вулкана словно парализовало воительницу.

Что она наделала!

Дзирт наблюдал за более низким пиком горы, который с пугающей легкостью поднимался ввысь. Он думал о давно минувшем жарком летнем дне в Глубоководье. Дроу и Кэтти-бри служили тогда с Дюдермонтом на «Морской фее», которая зашла в порт для пополнения запасов. Пара сошла на берег, чтобы провести тихий вечер.

Дроу вспомнил, как забавлялся игрой, засыпая ноги Кэтти-бри песком.

Взрыв горы был похож на то, как Кэтти-бри вытаскивала засыпанные песком ноги. Издалека казалось, что камни сыпятся как морской песок, но вместо нежной кожи рыжеволосой воительницы из-под них показывалась красная лава.

Процесс был на удивление тих, гора распухала, поднималась в воздух, скручивалась и

извергала облака, которые, сливаясь в одно, принимали странную форму, чем-то напоминающую голову и шею птицы.

Только позже Дзирт осознал, что тишина вызвана тем, что звуковая волна, порожденная взрывом, еще не достигла его. Дроу видел лес, который ложился, как трава, прижатая ветром.

Вскоре земля под ногами задрожала и звук, похожий на рев сотни драконов, заставил дроу упасть и закрыть уши. Он смотрел на вулкан и видел, что стена раскаленного камня и пепла неумолимо движется к океану, погребая и сжигая все живое.

— Боги!.. — прошептал Херцго Алегни.

Поднявшись в воздух, гора с невероятной скоростью двинулась вперед, пожирая все на своем пути.

И ее путь пролегал через Невервинтер.

— Конец света... — выдавил Баррабус Серый, и подобные слова, произнесенные этим человеком, столь неуместные, столь преувеличенные и все же недостаточные, свидетельствовали о многом.

— Я ухожу, — произнес тифлинг чуть позже. Он посмотрел на Баррабуса и пожал плечами. — Прощай.

И Херцго Алегни ушел на План Теней, оставив убийцу на мосту в одиночестве.

Одиночество, впрочем, продлилось не долго. Жители Невервинтера видели грозящую им гибель и поэтому выбегали на улицы, вопя и сзывая родных.

Баррабус видел, что люди прячутся в зданиях, но даже одного взгляда на лавину из раскаленных камней было достаточно, чтобы понять, что здания Невервинтера не спасут никого.

Куда бежать? Как спастись?

Убийца повернулся к реке, подумав, что можно прыгнуть в воду и плыть к морю. Но, взглянув в другую сторону, он увидел, что гора уже совсем близко и в реке будет можно разве что свариться.

Огромные пылающие глыбы дождем падали вокруг.

Есть ли способ выжить?

Баррабус Серый подошел к краю моста, но не прыгнул в воду. Он забрался под него и оказался в железном каркасе, удерживающем мост.

Крики горожан вокруг становились все громче и отчаяннее, пока звук, похожий на рев сотни драконов, не заглушил все звуки. Потом загрохотали разрушаемые здания, забурила вода и, когда огненный поток достиг реки, раздалось протестующее шипение.

Баррабус, оградив себя от бедствия, насколько это возможно, не осмеливался даже открыть глаза, так как река бесновалась прямо под ним, и убийца чувствовал такой жар, словно сидел в нескольких дюймах от печи кузнеца. Мост трясся, и человек подумал, что пролет вот-вот обрушится, похоронив его под обломками.

Все повторялось снова и снова. Гром и огонь. Падение пылающих глыб. Полное и необратимое уничтожение города.

Затем наступила тишина, столь же оглушительная, как недавний гром.

Мертвая, глухая тишина.

Ни криков, ни стонов. Только шелест ветра, и ничего больше.

Много позже — через час или более — Баррабус Серый решил покинуть свое укрытие под мостом Херцго Алегни. Ему пришлось замотать лицо плащом от горячего пепла, висевшего в воздухе.

Все вокруг было серым и темным. И мертвым.

Невервинтер погиб.

Часть II

СЛУГИ КОРОЛЯ

Сражения происходят все чаще, и мне это нравится.

Окружающий мир стал темнее, опаснее... Мне нравится и это.

Я окончил самый рискованный период моей жизни и, как ни странно, самый спокойный. Мы с Бренором прошли по сотням и сотням туннелей, забираясь так глубоко в Подземье, как не забирались со времен моего возвращения в Мензоберранзан. Естественно, на нашу долю выпало немало сражений, главным образом с огромными хищниками, населяющими эти места. Несколько стычек с гоблинами и орками, троицей троллей тут, кланом огров там. Но ни разу не было серьезной битвы, как не было и настоящего испытания моим клинкам. Более того, с тех пор как мы покинули Мифрил Халл много лет назад, самым опасным оказался день, когда землетрясение едва не похоронило нас под землей.

Но теперь, я думаю, все изменилось, и мне это нравится. Со дня катаклизма, десять лет назад, когда произошло извержение вулкана, прочертившее полосу опустошения от гор до самого моря и похоронившее Невервинтер, обстановка в крае изменилась. Это событие казалось сигналом к восстанию, громким призывом для зловещих существ.

Гибель Невервинтера, в сущности, отделила Север от более цивилизованных областей, расположенных вдоль Побережья Мечей. Глубоководье оказалось в авангарде лицом к лицу с дикой местностью. Торговцы больше не путешествуют по этому краю, за исключением морских авантюристов, а прежние богатства Невервинтера притягивают искателей приключений — зачастую отвратительных и беспринципных — в разрушенный город.

Некоторые люди пытаются отстроить все заново, отчаявшись восстановить бойкую торговлю и порядок, некогда царивший в этих землях. Но сражаются они больше, чем строят. В одной руке им приходится держать плотницкий молоток, а в другой — боевой молот.

Врагов хватает: шадовары, зловещие культисты, поклоняющиеся Ашмадаю, разбойники-авантюристы, гоблины, гиганты и чудища — живые и мертвые.

Со времени катаклизма северное Побережье Меча, безусловно, стало темнее.

И мне это нравится.

В битве я свободен. Когда клинки разрубают порождение зла, у меня возникает ощущение, что это и есть смысл моей жизни. Много раз я думал, может ли эта внутренняя ярость быть отражением наследия, которое я на самом деле никогда не мог обмануть. Средоточие битвы, напряженность боя, наслаждение победой — может ли все это быть лишь подтверждением того, что я все-таки дроу?

И если это правда, тогда что я в действительности знаю о своей родине и своем народе? И не пародия ли я сам на столь ненавидимое мной общество, чьи корни лежат в страсти и вожделении, которых я не понял или не испытал?

Не обладают ли, со страхом думаю я, матери-матроны Мензоберранзана какой-то более глубокой мудростью, неким пониманием глубинных потребностей дроу, удерживая город в состоянии непрерывного конфликта?

Это кажется нелепым, и все же, только сражаясь, я способен терпеть боль потерь. Только в битве я вновь обретаю то удовлетворение, ощущение движения вперед, к лучшему будущему.

Это удивляет меня, злит, и, как ни парадоксально, давая мне надежду на будущее, это подразумевает, что моя жизнь — бессмыслица, мираж, самообман.

Как поиски Бренора.

Я сомневаюсь, что он найдет Гаунтлгрим. Я сомневаюсь, что это место существует. И я сомневаюсь, что дворф верит или когда-либо верил в то, что найдет древний город. И все же каждый день он сосредоточенно изучает свои карты и ориентиры и не оставляет ни одну щель неисследованной. У него есть цель. Поиск придает смысл жизни Бренора Боевого Топора. Кажется даже, что такова природа этого дворфа и дворфов вообще. Эта раса все время говорит о чем-то утраченном и о возвращении былого величия.

Какова в таком случае природа дроу?

Даже до того, как я потерял их, мою любовь Кэтти-бри и моего дорогого друга хафлинга, я знал, что не создан для отдыха и покоя. Знал, что я воин по натуре. Знал, что счастлив тогда, когда приключения и битвы влекут меня вперед, вызывая к тем навыкам, что я совершенствую всю свою жизнь.

Теперь мне это нравится больше — из-за моей ли это боли и потери или это просто истинное отражение моего наследия?

И если все именно так, то не станет ли у меня больше причин для сражений, не потеряет ли силу кодекс, что направляет мои клинки ради того, чтобы продлить мгновения удовольствия? В какой момент, боюсь и одновременно радуюсь я, страсть к сражениям в моем сердце столкнется с моей совестью? Проще ли теперь оправдываться, выхватив клинки?

Мой истинный страх в том, что гнев выльется в безумие — мгновенно, беспричинно, жестоко.

Мой страх?

Или моя надежда?

Дзирт До'Урден

Глава десятая БИТВА С ТЬМОЙ

*Год Эльфийскою Плача
(1462 год по исчислению Долин)*

— Они идут! Держитесь и слушайте команды! — выкрикивал начальник каравана мужчинам и женщинам, скрывшимся за фургонами с оружием в руках.

В стороне от дороги качались заросли. Враги приближались.

— Скребуны, — предположил один из мужчин, назвав прозвище проворной и быстрой нежити, которой кишела местность вокруг.

— Пылеходцы, — возразил другой.

Это название закрепилось за монстрами, оставлявшими за собой следы в виде серых полос, словно с них осыпался пепел. По слухам, эти монстры были ожившими трупами тех, кто оказался погребен под вулканическим пеплом десятилетие назад.

— Охрана! — крикнул начальник каравана, когда спустя несколько напряженных мгновений враг никак не проявил себя. — Проверьте, что там за деревьями.

Наемный охранник, старый дворф с серо-рыжей бородой, со щитом, украшенным гербом в виде пенящейся кружки, с зазубренным топором и в однорогом шлеме, с подозрением посмотрел на лидера.

Человек сглотнул под этим пристальным взглядом, но, к его чести, сумел выказать достаточно храбрости, услышав шелест из-за деревьев.

— Я предупреждал, когда вы меня нанимали, — напомнил дворф, — можете указывать, с кем мне сражаться, но не как это делать.

— Но мы не можем просто сидеть здесь, когда они составляют план нападения.

— План? — с хохотом отозвался дворф. — Они немые мертвецы, болван. Они не из плоти и крови.

— Тогда где они? — в отчаянии вскрикнул другой человек.

— Может, их там и нет? Может, это просто ветер? — предположила женщина, стоявшая позади фургона.

— Все готовы драться? — спросил дворф. — Разобрали оружие? — Он посмотрел на начальника каравана, на пять фургонов и кивнул.

Бренор поднес большие пальцы ко рту и издал пронзительный свист.

Все, кроме дворфа, невольно пригнулись, когда мимо каравана пролетел серебристый

всполох и исчез в деревьях, откуда тут же раздался ужасный крик. Ветви зашевелились.

Вторая стрела исчезла в кустах.

И снова послышался шум.

— Вот теперь они идут, — сказал дворф достаточно громко, чтобы все могли услышать. — Хорошо сражаетесь, а умираете еще лучше!

Вдоль всей дороги показались маленькие сморщенные человекоподобные существа. Некоторые шли на двух ногах, сильно качаясь взад-вперед, как будто порывались упасть на каждом шагу, другие горбились и двигались на четвереньках.

По другую сторону от каравана раздался сладкий чарующий перезвон колокольчиков и топот копыт.

Еще одна ослепительная стрела из магического лука угодила в ближайшего монстра, оставив от него только облако серого пепла.

Лошади каравана заржали, когда могучий Андхар одним прыжком перемахнул через фургон и приземлился с другой стороны, неся на себе Дзирта, который готовил новую стрелу.

Следующим выстрелом он расправился еще с парой зомби, пробив одного из них насквозь. Затем одним молниеносным движением дроу достал мечи и ринулся в самую гущу бредущих к каравану мертвецов.

Андхар опустил голову и врезался в ряды монстров, пронзая их рогом и давя копытами.

Дзирт спрыгнул на землю, промчался между парой зомби, обезглавив обоих. Дроу занесло, когда он попытался остановиться перед третьим монстром, так что мгновение он вращал мечами в направлении, противоположном движению, а затем резко выставил их вперед, отражая безумную атаку ожившего мертвеца. Существо не выказало ни малейших признаков боли, когда его плечо попало под этот оборонительный блок, и тонкое лезвие Мерцающей рассекло серую кожу.

Блокируя атаку зомби, Дзирт отвел назад правую руку и, шагнув вперед, вонзил Ледяную Смерть в грудь монстра с такой силой, что из спины у того вылетели клубы серой пыли.

Рана, казалось, совершенно не беспокоила монстра, что для опытного бойца не стало неожиданностью. Нанося удар Ледяной Смертью, он опустил Мерцающую, выведя зомби из равновесия, затем продолжил движение правой рукой, описал обоими клинками круг в воздухе и скрестил их на шее монстра.

Все это — блок, удар, еще удар — произошло настолько быстро, что Дзирт даже не замедлил своего движения и просто пробежал по упавшему зомби. Он оглянулся и увидел, что Андхар по-прежнему успешно расправляется с ближайшими к нему противниками. Всего несколькими мертвецам удалось миновать могучего единорога и подобраться к каравану.

Существа обходили Дзирта слева и справа, двигаясь с необычным проворством для нежити, но все же недостаточно быстро в сравнении с размытым пятном, которым казались ноги дроу, ускоренные магическими поножами. Эльф, прекрасно балансируя, каждый раз на три шага опережал своих противников.

Дроу метнулся влево, врезавшись прямо в толпу зомби, которых было настолько много, что все в караване, в том числе и Бренор, затаили дыхание, когда Дзирта скрыло облако серого пепла. Но столь быстрыми и точными были его движения, что он успевал отражать все атаки противника и отвечать на них своими. Вскоре напряжение сменилось общим ликованием, когда Дзирт показался с другой стороны облака пепла, невредимый, но преследуемый толпой нежити.

А с тыла, Дзирт знал это, нежить атаковал Бренор, сокращая количество зомби, увлекшихся преследованием темного эльфа.

Но дроу был вынужден остановиться, увидев нового врага, выходящего из-за деревьев. Он не был одним из эльфов, людей или дворфов, убитых извержением вулкана. Это было огромное животное, способное и при жизни бросить Дзирту вызов, а теперь, будучи

нежитью и не чувствуя боли, забыв о страхе и неуязвимое для легких ран, оно было много опаснее. Существо было вдвое выше дроу и по меньшей мере в четыре раза крупнее его, с огромными жвалами и крепкими когтями, способными с легкостью разрезать камень. Дзирт и прежде сражался с умбровыми гигантами, как и многие его родичи, обитающие в Подземье. Но в сравнении с пепельно-серыми монстрами, убитыми вулканическим пеплом, это существо имело более темную сущность, как пришедшее из глубин Плана Теней.

Дзирт сумел вовремя отвести взгляд, чтобы не встретиться с тварью глазами. Это могло стоить ему силы, а затем и жизни. Он не тратил время, чтобы оглянуться назад, понимая, что малейшее промедление смертельно опасно. Эльф бросился к монстру, оставаясь за пределами досягаемости его когтей. Темная громадина попробовала раздавить дроу, но двигалась недостаточно быстро, чтобы нанести своему противнику урон. Дзирт сделал кувырок и выкатился из-под ноги, которой его пытались раздавить, при этом успев ранить ее. Затем дроу вскочил и нанес существу еще несколько глубоких ран.

Монстр в этот момент походил на огромный дуб под топором дровосека, и этот дуб упорно сопротивлялся.

— Главное — двигайся, эльф, — услышал Дзирт голос Бренора, все еще стоявшего рядом с одним из фургонов.

— Разумеется, — прошептал Дзирт, не имея ни малейшего желания встречаться с чудовищем лицом к лицу.

Он нанес твари еще один удар и побежал прочь, доставая ониксовую статуэтку пантеры, как только между ним и его противником появилось достаточное расстояние.

— Иди ко мне, Гвенвивар, — мягко позвал дроу.

Он не хотел вызывать пантеру, так как ей пришлось сражаться предыдущей ночью и теперь она нуждалась в отдыхе на своем родном Пне.

Эльф увидел серый дымок, поднимающийся от статуэтки, и побежал дальше, преследуемый монстром.

— Заставь его шевелиться, эльф! — снова крикнул Бренор.

Дзирт увидел, что дворф бросился от фургонов к небольшому валуну между березами. Дроу понимающе кивнул, развернулся и в новой молниеносной атаке бросился на своего врага. Он нанес несколько ударов и отступил — или прикинулся, что отступает. Дроу снова круто развернулся и, проскочив мимо чудовища, нанес еще несколько ударов. Он приготовился к следующей атаке, когда услышал рычание, и в тот же миг Гвенвивар прыгнула на спину монстру. Дзирт отпрыгнул в сторону, когда монстр пошатнулся под весом шестисотфунтовой пантеры.

— Еще немного, Гвен! — с тревогой крикнул Дзирт, видя, что зомби по-прежнему насаждают на Андхара и приближаются к людям, укрывшимся за фургонами.

Пантера отпрыгнула далеко в сторону, как раз когда дроу вновь атаковал монстра. Тварь отвернулась, пытаясь достать Гвенвивар, и тем самым дала эльфу возможность нанести несколько ударов.

Тогда Дзирт снова отбежал, вынуждая монстра преследовать его. Он посмотрел в сторону каравана и удовлетворенно кивнул, увидев, как Гвенвивар расправляется с подступающими к нему зомби.

Темный эльф старался держать умбрового гиганта как можно ближе, чтобы все его внимание было сосредоточено на нем. Он пробежал мимо камня, за которым скрылся Бренор, и через несколько шагов развернулся лицом к монстру.

Когтистая лапа обрушилась с такой силой, что Дзирт даже не надеялся как-то заблокировать ее. Он отпрыгнул в сторону, и лапа прошла мимо, оставляя глубокий отпечаток в камне.

Дроу наносил удар и отступал, нападал то с одной, то с другой стороны, раня тварь, когда представлялась возможность. Его цель заключалась в том, чтобы сосредоточить все внимание монстра на себе.

Краем глаза он заметил Бренора, взобравшегося на вершину валуна и держащего топор

двумя руками высоко над головой. Дворф спрыгнул с валуна на монстра и со всей силой обрушил топор на противника.

Громадина издала неестественное рычание, больше удивленное, нежели страдальческое. Монстр сделал несколько шагов к Дзирту и озадаченно остановился, будто только теперь осознав, что ему пришел конец.

Дроу смотрел на выражение любопытства, застывшее на лице монстра. И засмотрелся. Так что, когда тварь начала падать, он едва успел отпрыгнуть в сторону, чтобы не быть раздавленным тушей.

Несмотря на многочисленную нежить, которая еще терлась вокруг, Дзирт не смог сдержать улыбку, глядя, как Бренор прокатился верхом на чудовище, перед тем как оно завалилось на землю. Дворф все еще держался за топор, торчащий из загривка монстра. Казалось, он объезжает дикую лошадь.

— Знаешь, эльф, я думаю о тех йети в тундре, — сказал Бренор, выдергивая из туши свое оружие. — Кажется, тебя постоянно нужно спасать!

— Ну, раз уж ты вспомнил о них, то, может, захочешь приготовить что-нибудь и из этого? — спросил Дзирт, атакуя ближайшего зомби.

— Вот еще! — фыркнул дворф. — Он на вкус как пыль, или я — бородатый гном.

После всех лет и сражений, после всех потерь и трудных дорог ничто не успокаивало Дзирта и не готовило его к следующей битве лучше, чем эти слова.

С Андхаром и Гвенвивар, а также с небольшой помощью людей из каравана нападение было отражено. Только несколько купцов и охранников получили незначительные раны, лошади и фургоны не пострадали вовсе. Вскоре караван двинулся дальше, Дзирт ехал рядом.

К рассвету дорога повернула на запад, а лесистая местность сменилась открытой равниной. Слева было море, а справа — огромное открытое пространство.

Дзирт отпустил своего волшебного скакуна и ехал рядом с Бренором в одном из фургонов. Начальник каравана сообщил, что они доберутся до Невервинтера к полудню и, несмотря на то что многие очень устали, караван не будет останавливаться.

— Прекрасная, хорошо оплачиваемая поездка, — сказал эльф Бренору с наигранной беспечностью в голосе.

— Не думаю, что это тебя заботит, — ответил сонный дворф.

Дзирт подозрительно взглянул на друга.

— Ба! Тебе бы только подражаться! — обвиняюще произнес Бренор.

— Нам нужны деньги, — ответил дроу.

— Ты поехал бы и бесплатно. Все что угодно, лишь бы была возможность помахать мечами.

— Мы несколько поиздержались, друг мой. Последняя карта обошлась нам в солидную сумму.

— Это инвестиции в будущее, я тебе говорю! Думай о тех сокровищах, которые даст нам Гаунтлгрим, — настаивал Бренор.

— И та карта нас к нему приведет?

— Не уверен, — признал дворф. — Но одна из них точно приведет.

— Карта, накорябанная на скорую руку каким-то пиратом, приведет к цели? В место, которое поколения дворфов искали тысячелетиями, но так и не смогли найти?

— Заткнись, эльф!

Дзирт усмехнулся в ответ.

— Ты прячешься за своими мечами, — уже серьезно произнес Бренор.

Дроу не отвечал, а только смотрел на дорогу и фургоны впереди.

— Ты всегда так делал. Я знаю, — продолжил дворф. — Заметил еще в Долине Ледяного Ветра, когда мы впервые встретились. Я помню моего мальчика, который называл тебя сумасшедшим, когда ты потащил его в логово великанов. Но сейчас все по-другому, эльф. Сейчас, будь перед тобой две дороги — одна безопасная, а другая забитая монстрами, ты пойдешь по второй.

— Я не выбирал эту дорогу. Ее выбрал ты, — ответил Дзирт.

— Из-за тебя мы нанялись охранниками.

— Нам нужны деньги, великий любитель пещер.

— Ба! — проворчал Бренор, качая головой.

Им действительно нужны были деньги, но они вовсе не «нуждались» в них. Друзья захватили изрядную сумму денег, когда уходили из Мифрил Халла много лет назад. И, кроме как на покупку карт, они почти ни на что их не тратили.

Дворф опустил вожжи и забрался в фургон. Здесь он мог задремать и погрузиться в воспоминания о Долине Ледяного Ветра, Пирамиде Кельвина, о высоте, известной как Подъем Бренора. Об их команде — темном эльфе, светлоглазом мальчишке, рыжеволосой девочке и хафлинге, который так любил рыбачить на берегу Мер Дуалдона.

Это была прекрасная жизнь, решил Бренор. Прекрасная и длинная, полная друзей и приключений.

Вскоре в поле зрения появился Невервинтер. Никто не протестовал, когда начальник каравана приказал остановиться на небольшой возвышенности, чтобы рассмотреть город. Когда-то здесь был огромный процветающий порт. Но теперь, после извержения горы Хотноу, от него осталась только груда черных камней и кучи серого пепла.

Но раны на земле быстро затягивались. И хотя большая часть старого Невервинтера лежала в руинах, уже появилось множество новых построек. Хотя до былого великолепия было очень далеко. Самым значительным строением выглядел старый мост Крылатого Виверна, короткое время носивший другое имя, которого сейчас уже никто не помнил. Этот мост был практически не поврежден извержением. Он был символом того, что Невервинтер еще возродится.

Бренор и Дзирт были столь зачарованы видом города, что не заметили, как к ним подошел начальник каравана.

— Он возродится во всей былой славе, — произнес человек, отрывая их от созерцания, — чтобы никто не сомневался в силе народа Побережья Меча. Они... мы сделаем этот город таким, каким он был прежде, и даже еще лучше. А вы что думаете, дамы и господа? — произнес начальник каравана, поворачиваясь, чтобы все могли его услышать. — Может, мы убедим правителей Невервинтера назвать мост или еще что-нибудь в честь Дзирта До'Урдена или Бонного Боевого Топора?

— О, Боевые Топоры Адбара никогда не забудут этого, — произнес Бренор, когда раздались согласные восклицания.

— Караван пробудет в Невервинтере до весны, — сообщил начальник. — Я был бы рад, если бы вы приняли участие в поездке в Глубоководье.

— Если мы... — начал было Дзирт.

— Но нас здесь не будет, — перебил его Бренор. — У нас своя дорога.

— Понимаю, — сказал начальник. — Я плачу двойную цену.

— Возможно, деньги нам понадобятся, — сказал дроу с усмешкой, предназначенной Бренору. — Мой друг несколько увлечен картами, а это опустошает наш кошелек.

Ответный взгляд Бренора ясно дал понять, что дворф сомневается в необходимости сообщать начальнику каравана столько информации.

— Карты? — спросил начальник. — Мы скоро будем составлять карту Невервинтера. Столько прекрасных мастеров и опытных воинов приехали, чтобы восстанавливать и защищать город. Мы будем бороться с тьмой на нашем пути, и вскоре весь Фаэрун взглянет на Невервинтер с надеждой.

Ликующие крики снова раздались вокруг.

— Город всегда готов принять на службу новых бойцов, — сделал начальник каравана новое предложение.

Дзирт улыбнулся, но согласился с Бренором, который повторил, что у них своя дорога.

— Как хотите, — ответил человек с поклоном. — Хотя каждая дорога кажется теперь полной опасностей. — Он покачал головой и повернулся в сторону места их последнего

боя. — Кем были те существа?

— На что они были похожи? — прозвучал встречный вопрос Дзирта.

— На детей, выбравшихся из пепла взорвавшейся горы.

— Не детей, — возразил Бренор, — людей, сожженных и высушенных горячим пеплом. Мы сражаемся с теми, кто когда-то жил в Невервинтере. Думаю, вы достаточно умны, чтобы строить новые здания подальше от старых, которые были заполнены людьми, если вы понимаете, о чем я.

— И люди поднимаются из своих могил? — спросил начальник каравана. — Катастрофа несла в себе такое волшебство?

Дзирт и Бренор пожали плечами. Они понятия не имели о значении последних событий и о том, куда направлялась нежить в таком большом количестве.

— Просто зомби, — произнес Бренор.

— Более быстрые, более проворные, более жестокие, — добавил дроу.

— Их встречают по всему лесу Невервинтер, — сказал человек из ближайшего фургона.

Дзирт кивнул.

— Так много погибших... — с горечью произнес он. — Настоящий пир для некромантов и падальщиков.

— Подумайте над моим предложением, — уходя, произнес начальник каравана. — Вы оба.

Когда караван снова тронулся, дроу посмотрел на Бренора.

— У нас своя дорога, эльф, — заметил дворф.

Дзирт улыбнулся в ответ.

Вскоре они прибыли в Невервинтер. Все в лагере приветствовали их и радовались вновь прибывшим, даже присутствие темного эльфа несколько не уменьшило общей радости. Фургоны были разгружены, торговцы и всевозможные мастера занялись своими делами. Воздух был наполнен звоном молотов, мужчины и женщины спешили по своим делам.

Это напомнило Дзирту и Бренору Долину Ледяного Ветра. Так много надежд. Такая целеустремленность. Такая определенность. Дворф знал, что, по мнению дроу, их теперешние поиски не обладают этими качествами. Он знал, что Дзирт хочет остаться в городе на зиму, чтобы помочь этим добрым людям, борющимся против тьмы, восстанавливать город.

Но Дзирт не стал сопротивляться уходу. Когда пара покинула город следующим утром, он даже не обернулся.

Друзья двигались по дороге, намереваясь зайти в порт Лласт, а затем снова вернуться в Крагсы. Когда они остановились на привал после полудня, их беседа скорее напоминала монолог. Бренор бормотал над своим новым приобретением что-то о том, где можно найти указанные на карте ориентиры. Дроу слушал вполуха и, казалось, любовался бутылкой с водой. Вода дрожала, словно что-то живое было заперто внутри.

— Водный дух? — спросил дворф, и вдруг земля затряслась.

Оба пригнулись, чтобы сохранить равновесие, так как сила землетрясения все возрастала.

И внезапно все закончилось.

— Похоже, они поторопились с восстановлением Невервинтера, — заметил Бренор. — Как бы все новые постройки не рухнули.

Действительно, после десятилетнего затишья в последние месяцы землетрясения возобновились, словно злая сила, разрушившая город, опять пробудилась.

Бренор обернулся к востоку, туда, где когда-то была двухглавая гора. Теперь же у нее остался только один пик. Дворфу показалось, что гора стала немного больше, словно великан набрал воздуха в грудь. Бренор покачал головой, решив, что у него просто разыгралось воображение. Дзирт ездил к той горе вскоре после разрушения Невервинтера, надеясь найти

какие-то объяснения произошедшему, но так ничего и не обнаружил, кроме остывающего кратера Хотноу.

И тем не менее наблюдение дворфа было верным. Землетрясения начинались снова, хотя все было спокойно последние десять лет.

Бренор посмотрел назад, туда, где отстраивался Невервинтер. Возможно, было бы лучше, если бы Глубоководье стало единственной остановкой на пути караванов с Севера.

Нет. Дворф вспомнил решительные лица тех, кто решил восстановить город. Он не мог поверить, что их усилия напрасны.

Даже если цель, которую они преследуют, будет стоять им жизни.

У них не было никаких коммуникаций, никакого короля или правительства. Призраки Гаунтлгрима были пойманы в ловушку катаклизмом, который разрушил их древнюю родину тысячелетие назад. Но у них была цель. Они должны защищать залы от мародеров. Духи были огорчены и раздосадованы. Это был дворф Делзун и его спутники, поэтому защитники залов позволили им пройти. Но они разбудили Предвечного. Напуганные и опечаленные тем, какие разрушения это вызвало, призраки продолжили нести свою вахту.

Но подземные толчки вернулись. Зверь не успокоился.

Не было какого-то совета или указания свыше, но даже призраки поняли, что не в силах противостоять этой силе и выполнить свой долг. Тогда духи начали покидать Гаунтлгрим и разбредались по Подземью в поисках помощи.

Они искали дворфов, в которых текла кровь клана Делзун, — тех, кто мог снова сковать пробуждающуюся силу. Кто-то проник через туннели под Главной башней в Лускан, кто-то отправился в глубины Подземья, блуждая по бесконечным туннелям, где немногие из живых дворфов осмелятся пройти.

Они несли свою скорбь, боль недавних разрушений и страх перед грядущим, которое наступит, когда Предвечный пробудится во всей своей невероятной силе.

Глава одиннадцатая ВОЙНА ТЬМЫ И МРАКА

Черный дым поднимался над выжженной мертвой землей, закручиваясь по спирали. Подобно реке смерти, это порождение черной магии возвышалось над самым центром местности, уничтоженной катастрофой, вылавливая души и призывая их для служения.

Силора Салм наблюдала за этим с искрящимися глазами и довольной усмешкой. Женщине было уже почти сорок, но годы, казалось, были не властны над ее красотой. Волшебница лишь прибавила несколько сантиметров в талии, кожа стала чуть менее гладкой, и вокруг глаз появились мелкие морщины. Но эти неизбежные внешние изменения с лихвой компенсировались возросшей внутренней силой, уверенностью и властью. Это было видно по взгляду и улыбке.

Ее Кольцо Страху наконец становилось реальностью, несмотря на небольшое количество погибших в этой малонаселенной части леса Невервинтер, который большинство соперников Силоры всегда считали бесперспективным. Но Сзасс Тем доверял ее суждениям, а она, в свою очередь, верила, что сумеет оправдать его доверие и создать для повелителя призраков опорный пункт на берегу моря Мечей, о котором он всегда мечтал.

Пласт застывшей вулканической лавы пошевелился и треснул. Маленькая серая рука появилась из трещины. Она была иссушена жаром, пальцы скрючены в вечной агонии. Медленно, но с большим упорством рука пробивала себе путь. Пара ашмадайцев из прислуги решили помочь новому детищу Сзасса Тема выбраться из гробницы, в которой оно было заперто на протяжении десятилетия. Силора жестом остановила их.

Она улынулась и даже хихикнула, когда зомби протиснул сквозь породу вторую руку, а затем нетерпеливо, с ожесточением стал скрести о камни обеими конечностями, стремясь наконец освободиться. Он жаждал убивать живых, но, разумеется, лишь тех из них, кто не

служил великому Сзассу Тему.

Стоя рядом с Силорой, Далия казалась куда менее внушительной. Эльфийская кровь, текущая в жилах, защищала ее от времени, поэтому внешне она нисколько не изменилась. На эльфийке был ее обычный дорожный костюм. Черные высокие сапоги, белая блуза под черным кожаным жилетом, черная юбка с разрезом почти до бедра, девять алмазных серег в левом ухе и одна в правом. Ей велели не удалять их и не менять в напоминание о Корвине Дор'Кри, которому это было только на руку. И конечно же, с ней по-прежнему был Игла Коза. Но насколько Силора казалась твердой и уверенной, настолько же Далия выглядела маленькой и подавленной.

Она не улыбалась, наблюдая за рождением их нового слуги, — она вообще никогда не улыбалась теперь.

— Наберись смелости, детка, — произнесла Силора скорее с издевкой, нежели доброжелательно, — чтобы узреть творение рук наших.

Далия кивнула и вновь задала себе ставший уже привычным вопрос: как же случилось, что она пала столь низко? Очевидно, что ее стремительное падение в иерархии Сзасса Тема стало результатом того, что муки совести не позволили довести до конца порученное задание. Однако нежелание эльфийки завершить дело ничего не изменило, так как Силора выполнила все за нее. Но Далии позволили жить после того, как она была поймана в Лускане. Хотя она и не могла точно сказать, был этот акт милосердия наградой за ее действия в узилище Предвечного или же ее помиловали лишь для того, чтобы Силора могла держать ее при себе в рабстве и унижении.

Эльфийка часто жалела, что не умерла тогда.

Понижение Далии в статусе было вполне предсказуемо, но гораздо страшнее было другое. Ей было наплевать на все, она потеряла всякий интерес к своей судьбе.

— Я говорила с Сзассом Темом о тебе, — заметила Силора, посылая зомби в лес охотиться за шадоварами. Она одарила эльфийку кривой усмешкой. — Он доволен твоей готовностью подчиняться моим приказам.

Далия приложила максимум усилий, чтобы не выдать отвращения, но не преуспела, что было понятно по улыбке Силоры. Конечно, волшебница радовалась. Она получала так много удовольствия, ставя эльфийку на место день за днем, год за годом. Силора никогда не наказывала Далию физически, как часто поступала с ашмадайцами. Нет, она издевалась над ней более изощренно, постоянно играя в кошки-мышки, пряча в каждой фразе скрытый смысл.

— Наш Зверь снова просыпается, — продолжила волшебница. — Грядет еще более смертоносный и разрушительный катаклизм, который будет кормить Кольцо Страха, укрепляя наши позиции здесь. Хотя даже и без этого агенты Плана Теней отступают.

— Они все еще... — осмелилась заговорить Далия.

— Но не в Невервинтере, — сказала Силора. — Хотя их власть над городом была бесспорной, пока я не пробудила нашего Зверя, не так ли?

Тон, которым была произнесена последняя фраза, сказал Далии больше, чем ответ, который она хотела услышать.

— Да, миледи, — покорно поклонилась воительница.

— Теперь они приходят только для того, чтобы найти какие-нибудь эльфийские реликвии в лесу Невервинтер. Но они находят здесь моих слуг, восставших из пепла и жаждущих убивать. — Волшебница сделала паузу и взглянула на группу ашмадайцев, стоявших рядом с тремя зомби цвета темного пепла. На их телах виднелись раны, как будто их трупами кто-то питался, — впрочем, так оно и было на самом деле. — Его всемогущество гениален, не правда ли? Другие армии уменьшаются, а его — растет с каждым погибшим врагом.

Далия внимательно посмотрела на одного из трех зомби. Он погиб от единственного ранения в голову. Это она убила его, победив в поединке, и это был отличный бой с достойным противником. В былые дни она радовалась бы этой победе, но сейчас, глядя

на труп, чувствовала лишь горечь.

— Отправляйся в Невервинтер утром, — приказала Силора. — Я желаю знать, какова там теперь численность населения, а также сколько незересов следят за его улицами.

Сжимая кулаки, Херцго Алегни смотрел на город Невервинтер, сосредоточив свой взгляд и гнев на великолепном крылатом строении, вокруг которого шло восстановление.

Его называли «Мост Херцго Алегни» лишь несколько дней. А после в течение десятилетия, как все остальное в Невервинтере, это строение стало частью огромного бедствия, и не было никого вокруг, чтобы произносить его имя.

Но теперь его снова называли мостом Крылатого Виверна. Никто из новых поселенцев не слышал о названии, провозглашенном десять лет назад лордом Хьюго Бабрисом.

Хьюго Бабрис мертв, как и все остальные, кто был в городе или его окрестностях в тот ужасный день. Спаслись только те из шадоваров, которые сумели вернуться на План Теней. И еще один человек, который стоял тогда рядом с Алегни и который сообщил ему сейчас (со слишком уж большой радостью в голосе, как показалось тифлингу) о возвращении мосту старого названия.

— Ты в этом уверен? — спросил Алегни.

— Это была одна из задач, поставленных передо мной для подготовки твоего возвращения, — ответил Баррабус Серый. — Разве я когда-нибудь тебя подводил? — (Сарказм, прозвучавший в его голосе, заставил тифлинга бросить ненавидящий взгляд на подчиненного.) — Нам не будут там рады, — продолжил убийца.

— Тогда, возможно, не стоит спрашивать разрешения, чтобы вернуться, — усмехнулся Алегни, снова переводя взгляд на далекий город и столь желанный мост.

Баррабус не стал ждать, что тифлинг повернется к нему, и добавил:

— Эти люди в Невервинтере не те враги, которых можно легко уничтожить, и они не друзья некромантов, которые поднимают легионы нежити из руин. Это опытные воины и маги, закаленные в сражениях против полчищ нежити, постоянно нападающих на них.

— Мои шадовары убивают этих существ толпами. Кроме того, как ты сам сказал, большинство монстров были подняты и выведены из Невервинтера задолго до того, как прибыл первый из новых поселенцев, если верить твоему отчету.

— Это верно, но я все же настаиваю на том, чтобы ты отнесся к ним серьезно, если решишь уничтожить этот лагерь, который они упорно называют Невервинтером. Но после того мы столкнемся со многими противниками, поджидающими в лесу.

Херцго Алегни продолжал смотреть на черную скалу, бывшую некогда процветающим городом, и устало потер лицо. Тифлинг — аутсайдер среди незересов — столкнулся с серьезными трудностями после катаклизма: многие из шадоваров обвиняли его в том, что он не сумел предотвратить атаку Тея и не уничтожил последователей Сзасса Тема, прежде чем они смогли нанести такой урон. Немного незересов погибло в катаклизме, так как они редко бывали в городе. Большая часть их рыскала по лесу в поисках древнего сокровища, которым они так жаждали обладать.

Экспедиция продолжалась в течение последних десяти лет, и Херцго Алегни не поставили руководить ею. Но с новыми землетрясениями и растущей властью последователей Сзасса Тема, которые скоро должны были закончить свое Кольцо Страха, Алегни получил новый шанс. Он прибыл месяц назад взамен другого командующего с приказом разыскать анклав Ксинленал и отразить тейское вторжение любой ценой.

Ксинленал — незересский анклав, город, построенный на парящей горе, — был первым из легендарных поселений незересов. Он пытался избежать падения, но сумел добраться лишь до границы Незерильской Империи с землями эльфов. Там он и упал, как и все другие анклавы, не ушедшие на План Теней, когда Карсус украл силу богини Мистры. Был найден и вновь пущен в ход лишь Саккорс, другие большие анклавы исчезли, занесенные песками неестественной пустыни фаэриммов. Но Ксинленал упал где-то в месте, позже ставшем известным как лес Невервинтер, — по крайней мере, двенадцать принцев в это верили. А

Незерил верил в них.

Конечно, первое, что Алегни сделал в качестве командира, — вызвал своего главного разведчика и убийцу Баррабуса Серого, что последнему совершенно не понравилось. Убийца жил в относительной роскоши в Калимпорте, используя свои навыки в работе на незерильских агентов, желающих управлять уличной торговлей в городе. Это было прекрасное время, поскольку не приходилось иметь дело с Херцго Алегни.

Тифлинг понимал, что единственная вещь, которую Баррабус Серый ненавидит, — это рабство. Ассасин мог существовать в иерархии, но никогда не жаждал командной работы. Алегни знал, что убийца всегда действует независимо, выполняя приказы пашей Калимпорта или других нанимателей за определенную плату. Тифлинг изменил это, хотя то подчинение, которого он и другие из незерильской знати добились от убийцы, было лишь результатом магического принуждения.

По мнению Баррабуса Серого, он был рабом. Его редко били или мучили с помощью волшебства, требования к нему никогда не были чрезмерными, он мог жить роскошной жизнью, по критериям многих людей, в Мемноне или Калимпорте — всюду, где пожелает. Но принуждение оставалось, и тифлинг знал: это мучит убийцу.

Херцго Алегни повернулся лицом к подчиненному и сказал:

— Предлагаешь оставить город в покое?

— Они враги наших врагов, — ответил Баррабус. — Но они друзья Глубоководья, а значит, нашими друзьями быть не могут.

Алегни кивнул и продолжил:

— Тогда позволим им и Тею уничтожать друг друга. Побудь немного в городе, проводи там столько времени, чтобы хватило разузнать и сообщить мне о каких-либо существенных изменениях, но не более.

— А мост?

— Пусть называют его, как хотят, — решил Алегни, хотя не мог не вздрогнуть, выдавая истинные чувства при произнесении этих слов.

Тифлингу следовало соблюдать осторожность, ему необходимо было найти способ восстановить свое положение в империи, не тратя ресурсов.

— Немного времени в городе, — повторил Баррабус. — А потом возвратиться на юг?

— Здесь бушует война, а ты хочешь уехать? — сердито сказал Алегни, давая тот ответ, которого, как он знал, Серый и боялся. — Потом в лес Невервинтер. Я не буду давать тебе какое-то определенное задание, но ожидаю, что ты принесешь пользу в борьбе с моими врагами. — Тифлинг вручил Баррабусу мешочек, который, судя по звуку, был полон мелких металлических флаконов. — Отпугнет немертвых тварей; твоя цель — дураки, называющие себя служителями Ашмадая. Убивая их, окропляй тела этой освященной водой, чтобы лишить Кольцо Страха пищи и новых слуг.

— Ты называешь ашмадайцев дураками потому, что они служат демону? — с усмешкой спросил Баррабус, намекая на родство хозяина.

— Иди, Баррабус, — приказал Алегни. — Каждые десять дней ты должен приносить новости из Невервинтера, а также дань в виде меток культистов Ашмадая. Не разочаруй меня, иначе отправлю служить в ударных войсках под началом одного из моих младших командиров.

— Там! Еретик!

— Убейте его!

Трое ашмадайцев помчались вперед, размахивая копьями.

— Он вошел в лес! — вопил один.

Действительно, он вбежал в лес и взобрался на дерево с изяществом и скоростью,

которым позавидовал бы дикий кот. Сидя на дереве, Баррабус с интересом наблюдал за подходом культистов. Он, конечно же, понимал, почему Алегни ненавидел этих фанатиков: даже не будь они смертельными врагами Незерила, ашмадайцы были похожи на животных, и даже хуже, поскольку одним из аспектов их служения был отказ от всякой логики, тактики и стратегии. Служение демону предполагало лишь жажду убийства, не отягощенную размышлениями.

Идиоты.

Баррабус покачал головой, осознавая глупость всего мероприятия. Он перевел взгляд вниз, чтобы следить за тремя безумными фанатиками, вошедшими в рощу. Убийца встал на своем суку, снял плащ, повесил его на ствол и исчез в переплетении листьев и ветвей.

— Он на дереве! — крикнула одна из ашмадайцев мгновение спустя. Женщина радостно ткнула пальцем и даже начала подпрыгивать, ликуя в предвкушении.

— Нет, его там нет, — возразил Баррабус, стоя за спинами преследователей.

Женщина прекратила прыгать. Культисты обернулись.

— Возможно, там его плащ, — произнес убийца.

Он стоял, положив левую ладонь на рукоять меча. Большой палец правой руки был засунут за пояс между волшебной пряжкой и вторым клинком, магическим длинным кинжалом — подарком одного из влиятельных уличных кланов Калимпорта.

— Вы желали поговорить со мной, я полагаю, — поддразнил он, и после небольшой паузы троица с криками бросилась на него.

Баррабус выставил клинки перед собой, правой рукой мгновенно активировал волшебную пряжку и, когда та щелкнула, схватил оружие и бросил в противников.

Женщина издала булькающий звук и стала заваливаться навзничь с ножом, засевшим глубоко в горле.

Двое других продолжали наступать: один слева, используя свой жезл как копьё, другой размахивал скипетром как булавой, заходя справа. Они либо не заметили, что их численность сократилась, либо не обратили на это внимания.

Кинжал убийца повернул лезвием к запястью. Более длинным клинком Баррабус блокировал атаку копьё, пропуская оружие между лезвием меча и повернутой рукоятью кинжала. Затем шевельнул правым запястьем, заставляя кинжал провернуться вокруг захваченного копьё. Затем меч вернулся вправо, высоко блокируя второй удар, затем третий — ниже, и еще ниже. Все это время Баррабус продолжал вращать левой рукой, вынуждая фанатика прилагать усилия, чтобы удержать копьё.

Наконец ашмадаец опустил оружие, и оно отлетело в кусты. В образовавшуюся брешь, одновременно блокируя мечом все безумные атаки второго противника, метнулся Баррабус и сумел нанести копьёносни удар в плечо, прежде чем тот отскочил в сторону. Культист вскрикнул, но быстро восстановил равновесие и сообразил, что следует все же поискать свое оружие.

Убийца тут же потерял к нему интерес. Оба клинка Баррабуса атаковали теперь единственного противника. Он просто защищался, дразня ашмадайца и вынуждая сделать единственную ошибку, которая позволила бы убийце поймать кинжалом его жезл и освободить путь для смертельного удара мечом.

Обезоруженный человек нашарил свое копьё и предупреждающе крикнул, метнув оружие в противника. С расстояния всего нескольких шагов такую атаку не смог бы отразить почти никто на Фаэруне.

Но Баррабус не был «ником».

Казалось, он даже не взглянул на копьёносни, но мгновенно убрал левую руку и в нужный момент сделал движение правой, захватывая жезл противника и направляя его перед собой. И в то же самое время, мгновенно повернувшись, убийца завел меч за жезл, чтобы отбить копьё.

Эта неуклюжая контратака не была опасна для фанатика с жезлом, но застигла его врасплох. А мгновение слабости в поединке против Баррабуса Серого — это слишком долго.

Ашмадаец использовал жезл как рычаг, отбрасывая противника в сторону, но вскрикнул, слишком поздно поняв свою ошибку.

Прежде чем культист сумел остановить движение, убийца сделал выпад, проведя кинжалом вдоль жезла. Ашмадаец пытался выставить руку для защиты, но это уже не имело никакого значения, и он мог только корчиться от боли, когда лезвие вошло ему в грудь.

Культист отшатнулся, на кожаном жилете выступило немного крови. Совсем немного, и человеку даже показалось, что рана несерьезна.

Но Баррабус знал, что достал до сердца, поэтому больше не обращал на него внимания. Вместо этого, он повернулся к копейщику, который благоразумно решил не атаковать.

— Они оба мертвы, — заверил его Баррабус, — хотя еще и не знают об этом.

Ашмадаец взглянул на женщину, пытающуюся вытащить отравленный кинжал из горла.

— Скоро она почувствует действие яда, — объяснил убийца. — Лучше ей вонзить кинжал глубже, чтобы все закончилось побыстрее.

Истекающий кровью мужчина прохрипел:

— Убей его!

На глазах последнего выжившего бойца он опустился на колени, одной рукой зажимая смертельную рану, а другой упорно держась за жезл.

— Это он тебе или мне? — поддразнил Баррабус.

Его рассмешила нелепость всего происходящего, когда оставшийся культист, возможно не столь преданный демону, как он думал, развернулся и побежал.

— Я у тебя за спиной! — крикнул убийца, хотя не двинулся с места.

Он повернулся к стоящему на коленях человеку. Тень сожаления пробежала по лицу Баррабуса, когда он проходил мимо умирающего человека к женщине, которая, отступая от него, уперлась в дерево. Нож все еще торчал из ее горла.

— Если я возьму тебя в плен, незересы долго будут мучить тебя отвратительными способами, прежде чем убить, — сказал убийца, вынимая нож из ее горла и одновременно вонзая в сердце меч.

На лице культистки появилась гримаса боли. Баррабус вытащил меч, позволяя ей медленно осесть наземь. Он повернулся к стоящему на коленях человеку и закончил его мучения одним ударом по голове.

Глубоко вздохнув, убийца убрал в ножны свой длинный кинжал и достал из мешочка Алегни пару пузырьков. Они были сделаны из незнакомого прозрачного металла, позволявшего видеть черную жидкость, содержащуюся в них. Баррабус ногой перевернул мужчину, откупорил пузырек и вылил его содержимое на лоб мертвеца.

Он отстранился, отворачиваясь, когда вещество начало делать свою работу: темно-серый покров начал распространяться ото лба человека на все лицо и дальше на тело.

Злясь, Баррабус сунул меч под воротник туники культиста и разорвал ткань. Ему не доставляло радости срезать лоскут кожи с татуированным символом Ашмадая, но это было необходимо. Убийца повторил процедуру с женщиной, опустошая второй пузырек и срезая метку.

Он возвращался к лагерю незересов, стремясь поскорее избавиться от отвратительных трофеев. И с каждым шагом Баррабус все больше осознал безумие этого жестокого обмена солдатами. Не обработай он тела, тейцы скормили бы их растущему Кольцу Страха, добавив ему сил и превратив мертвецов в воинов-зомби, которых снова можно послать против незересов. Живые ашмадайцы, очевидно, считали этот способ посмертного существования наилучшим.

И, несмотря на то что сделал Баррабус, их судьба изменится мало. Незересы соберут тела и отправят в одну из тайных лабораторий где-нибудь в завоеванной Сембии, где их соединят с сущностью Плана Тени, превратив в тeneвых зомби, существ ночи, которые могут быть посланы против их бывших хозяев.

— Забавно, — прошептал Баррабус Серый безразличному лесу.

Глава двенадцатая ОТГОЛОСКИ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

Мелник Бронанвил зацепил мотыгой за прочный каменный выступ и нажал, проворачивая, со всей силой.

— Давай же, ты, сопля гоблинская! — прорычал он.

Мелник заметил сияние серебристого металла и хотел поскорее добраться до жилы.

— Ба, похоже, гоблинская сопля покрепче твоей кирки, — сказал второй рудокоп, Квентин Стоунбрейкер, работающий у противоположной стенки туннеля.

Мелник поворчал и стал откалывать куски поменьше, непреклонно разрушая выступ.

— Ты принес мне обед? — спросил Квентин, но Бронанвил заметил, что тот смотрит вглубь туннеля, а не на него, поэтому не отреагировал на его слова.

Наконец сопротивляющийся камень отвалился.

Однако Мелника немного смутило то, что он не мог понять, к кому в глубине туннеля обращался его товарищ. Они работали в самом конце шахты, и вниз по туннелю больше не было ни одного дворфа.

— Что ты там говоришь? — спросил Квентин, а потом вдруг выпучил глаза, хватая ртом воздух.

Мелник прервал работу, чтобы увидеть того, к кому обращался Квентин, и едва не лишился сознания.

К ним приближались дворфы, но таких дворфов два рудокопа отродясь не видели.

— Они не живые! Бежим! — крикнул Мелник, но не смог последовать собственному совету, как и его товарищ.

Помоги нам, — услышал он у себя в голове. — *Помоги нам, родич Делзун.*

— Ты слышал это? — спросил Квентин, пятясь.

— Я слышал что-то!

Взвизгнув, Стоунбрейкер развернулся и бросился бежать.

Несколько призраков прошли рядом с Мелником, и тот почувствовал, как каждый волос его довольно шерстистого тела встает от страха дыбом. Но дворф остался на месте и даже упер руки в бока, широко расставив ноги для устойчивости.

— Что вам нужно? — спросил он.

Родич Делзун... — услышал Мелник. — *Зверь пробудился... лава течет... Гаунтлгрим в осаде...*

Они могли бы больше ничего не говорить. Гаунтлгрим! Мелник, как и любой дворф из рода Делзун, знал это имя. Бронанвил пятился, призраки следовали за ним, заполняя его разум мольбами о помощи, хотя он понятия не имел, что делать.

— Стокли Серебряная Стрела! — позвал Мелник, хотя и был очень далеко от населенных территорий Пирамиды Кельвина.

Казалось, призраки были готовы следовать за ним. Действительно, когда дворф кинулся бежать, оглянувшись, он понял, что призраки никуда не делись.

Осознание того, что ему не скрыться от духов, здорово нервировало Мелника, но призраки произнесли имя древней родины, и Стокли Серебряная Стрела должен был это услышать.

— И наполни ее, иначе получишь в глаз так, что пальцы мои у тебя из затылка вылезут, — сказал Атрогейт, и все вокруг, особенно барменша Генесай, знали, что такими вещами он не шутит.

Она поторопилась наполнить подставленную кружку.

— Эй, ты, не смей так разговаривать с Генесай, — сказал человек, сидящий рядом с дворфом.

— Все в порядке, Мерли, — остановила его барменша, не сводя взгляда с Атрогейта, едва не трясущегося от ярости.

Дворф одним глотком вновь опустошил стакан, посмотрел на Генесай, указав на него, а затем повернулся к мужчине.

— Может, не стоит разевать на меня свою пасть? — спросил дворф.

— Веди себя прилично с Генесай, — сказал Мерли, встав и распрямив плечи.

— Или что?

— Или я... — начал Мерли, но смолк, поскольку два его товарища приблизились с намерением увести приятеля чуть ли не силой.

— Оставь это, Мер, — покачал головой один из них.

— Оставь его, — поддержал второй. — У него могущественные друзья. С черной кожей.

Бравладу Мерли как рукой сняло, и Атрогейт понял, что все посетители таверны сейчас смотрят на них.

— При чем тут мои друзья? — спросил дворф. — Или думаете, мне нужна чья-то помощь, чтоб расправиться с вами троими?

— Добрый дворф, твоя кружка полна, — сказала Генесай.

Атрогейт повернулся к ней, усмехаясь попытке отвлечь и сменить тему.

— Да, так и есть, — сказал он, взял кружку и выплеснул эль на Мерли и его друзей. — Наполни-ка еще раз, — сказал он Генесай.

Мерли зарычал и вырвался из рук приятелей. Он шагнул к Атрогейту, но дворф лишь улыбнулся и взглянул на изогнутый клинок, висящий на бедре Мерли. Оружие выглядело жалко по сравнению с кистенями Атрогейта, закрепленными у него за спиной.

— Можешь достать его, — поддразнил дворф. — Можешь даже разок ударить меня, прежде чем твоя башка треснет, как перезрелая тыква.

— Не связывайся с ним, Мерли! — крикнула женщина с другого конца таверны. — Его оружие полно магии, с которой тебе не совладать.

— Крепкий же ты орешек, — съязвил Мерли. — Прячешься за спинами дроу и магией своего оружия. Хотел бы я как-нибудь поймать тебя без того и другого и научить манерам.

— Мерли! — прикрикнула Генесай, ей уже приходилось наблюдать подобную картину, и женщина знала, что пират затеял опасную игру.

— Ба-ха-ха! — засмеялся Атрогейт, но не привычным громовым голосом. Это прозвучало скорее печально и мягко. Он повернулся к кружке, которая по-прежнему была пуста. — Наполни ее! — рявкнул он Генесай.

— Дворф! — крикнул Мерли.

— Даю тебе последний шанс заткнуться, — пообещал Атрогейт.

Как только Генесай поставила перед ним полную кружку, дворф осушил ее одним глотком, а затем спрыгнул со своего стула.

— Думаешь, я прячусь от тебя? — спросил Атрогейт. Он расстегнул пряжку и, пожав плечами, сбросил свое облачение вместе с кистенями на пол. — Что ж, парень, твое желание исполнилось.

Он шагнул вперед, но дюжина кружек, выпитых за вечер, тут же дала о себе знать.

Мерли оттолкнул товарищей, метнулся вперед и, прежде чем дворф восстановил равновесие, нанес ему тяжелый удар справа в челюсть.

— Ба-ха-ха! — отозвался Атрогейт.

Он проигнорировал также апперкот слева и последовавший за ним прямой, опустил плечи и бросился на пирата.

Человек повернулся боком и почти увернулся, но Атрогейт поймал его за запястье. Потерявший равновесие дворф уже не мог остановиться, поэтому продолжил падать на пол, увлекая Мерли за собой. Пират, однако, не оступился, и, хотя казалось, что стальная хватка Атрогейта вот-вот раздавит его руку, человек перешагнул через распластавшегося на полу дворфа.

Приподнявшись на локте и перевернувшись, все еще крепко держа левой рукой запястье Мерли, Атрогейт остался без защиты против правой руки человека — если не считать крепкой головы. Ею он принял удар, подтянул пирата поближе, принял другой удар и, когда Мерли снова замахнулся, позволил человеку отступить на расстояние вытянутой руки. Но затем Атрогейт с чудовищной силой дернул пирата на себя, и, когда Мерли начал падать, все тело дворфа резко выпрямилось и он ударил лбом в лицо пирата. Мерли вскрикнул, его нос превратился в кровавую лепешку, но все же не отшатнулся, а навалился сверху на своего противника.

То же сделали и его товарищи, втроем прижав Атрогейта к полу.

Все собравшиеся в баре зеваки болели за пиратов, поскольку многим из них довелось за эти годы испытать на себе тяжесть кулаков дворфа и недосчитаться изрядного количества зубов.

И действительно, дело выглядело так, словно Атрогейт наконец-то получал по заслугам от трех крепких мужчин, прижавших его к полу и не перестававших наносить жестокие удары.

Дворф извивался и крутился и наконец смог найти опору. Толпа притихла. Каким-то невероятным образом Атрогейт встал вместе с тремя драчунами и пошел, как взбешенный бык, наклонив голову, толкая троих мужчин перед собой.

— Ба-ха-ха! — ревел дворф.

Несколько посетителей бросились врассыпную, все четверо врезались в их столик, расшвыривая стулья и опрокидывая кружки.

Атрогейт поднялся, покачиваясь, и наподдал одному из противников слева по ребрам так, что того приподняло над полом. Мужчина приземлился в двух шагах и изумленно уставился на невероятно сильного противника, затем сложил руки на сломанных ребрах.

Дворф этого не видел. Он уже возвышался над вторым человеком, вставшим на колени. Атрогейт, схватив его за грудки, дважды ударил лбом в лицо. Тот наверняка рухнул бы на пол, но дворф крепко держал пирата за одежду и, сделав глубокий вдох, поднял его повыше. Дворф держал его на весу правой рукой, а левой схватил мужчину за промежность. Снова вдохнул поглубже и поднял головореза горизонтально над головой.

Третий пират поднялся на ноги, опираясь на стул, и, не теряя времени даром, огрел этим стулом Атрогейта по спине с такой силой, что щепки полетели во все стороны.

Атрогейт пошатнулся, но умудрился развернуться к пирату, вооруженный ножкой от стула вместо дубинки. Дворф попытался обрушить потерявшего сознание пирата на голову его товарища, однако тот оказался достаточно проворным и отскочил. Он даже не поморщился, когда его друг рухнул на ближайший стол, полный кружек и тарелок.

Взревев, мужчина продолжил наступление, размахивая дубинкой. Атрогейт поднял руку, блокируя удар — как же это больно! — и поднырнул под дубину. Он уперся плечом в живот противника и попробовал провести бросок, но пират ухитрился извернуться, не забыв обрушить ножку стола на голову дворфа.

Поэтому Атрогейт оставил попытки защитить голову, выпрямился, схватил головореза за пояс, оторвал от пола и сжал со всей силы.

Пират продолжал лупить противника ножкой стола, и вскоре черные волосы дворфа слиплись от крови. Но удары постепенно слабели. Разбойник потерял опору, а Атрогейт рычал и сдавливал его все сильнее и сильнее, лишая воздуха и сминая внутренности.

Дворф стал раскручивать пирата над головой, затем укусил его за живот и затряс головой, словно сторожевой пес. Разбойник взвыл от боли.

Дворф не увидел, откуда и чем был нанесен следующий удар, и даже подумать не мог, что это окажется один из его кистеней. Все, что он успел почувствовать, заваливаясь набок и увлекая жертву за собой, это яркую вспышку боли и внезапную слабость. Затем на Атрогейта навалились несколько посетителей, пиная, толкая и загораживая свет, в то время как остальная толпа бесновалась вокруг, вопя и визжа.

— Убей его! — крикнул кто-то.

— Отпусти бедолагу! — вопили другие.

Затем Атрогейт почувствовал, что неведомо каким образом снова оказался на ногах. Ему потребовалось не много времени, чтобы заплывшими глазами разглядеть тифлинга и дворфа, держащих его под руки.

— Иди пропись! — прокричал дворф ему в ухо. — И больше в таком скверном настроении сюда не приходи!

Атрогейт хотел было поспорить и потребовать возврата своего оружия, но заметил, что к нему с огромной скоростью приближается дверь. Разбив деревянные створки, дворф кубарем вылетел из таверны.

Он упрямо поднялся на ноги и, пошатываясь, попытался рассмотреть компанию, что собралась на крыльце.

— Имей в виду, Атрогейт, ты заплатишь за дверь, столы и за все, что было сломано и пролито! — прокричал ему дворф.

Атрогейт поднял руку, стирая кровь с губ.

— Верните мое оружие, — сказал он, ощупывая свое окровавленное плечо. Похоже, вывих. — Я обронил во время стычки.

— Отдайте ему, — сказал дворф, бывший одним из владельцев заведения.

Двое посетителей исчезли внутри таверны, но вскоре вернулись и доложили, что ни оружия, ни портупей нигде нет.

Подавленный, ошеломленный и избитый Атрогейт бродил по улицам Лускана. Разумеется, это была не первая его драка и не первая из тех, которые он заканчивал лежа на улице лицом вниз. Дворф всегда утешался уверенностью, что он наставил синяков гораздо больше, чем получил в ответ, но без своих кистеней, верой и правдой служивших ему долгие годы, он чувствовал себя голым. И это ранило гораздо сильнее любых ушибов.

Атрогейт подумывал вернуться домой, но даже не знал, где сейчас находится. Дворф бестолково озирался, не осознавая, куда идет. Он блуждал так еще некоторое время, пока не забрел в переулок, где врезался в стену и сполз по ней на землю.

— Да уж, на этих малышках мы хорошо заработаем, — сказал грязный пират приятелю, когда они остались наедине в трюме своего пришвартованного судна. Он поднял перевязь с одним из кистеней Атрогейта. Второе оружие он держал в другой руке. — Как же нам повезло, что благородный дворф обронил их, а?

— Ага! — согласился его друг. — Думаю, мы могли бы купить собственную лодку. Я бы не отказался стать капитаном.

— Что? Ты — капитан? Это я подобрал эти штуки!

— А я врезал ею дворфу в драке! — не согласился второй. — Ба, давай продадим их сначала; посмотрим, сколько заработаем; может, целых две лодки купим!

Первый пират вновь кивнул и засмеялся.

— Как же нам повезло! — повторил он.

— Вы в этом уверены? — донесся третий голос с верхней ступени лестницы.

У пиратов отхлынула от лица кровь, и они стали столь же бледны, сколь темнокож был вновь прибывший.

— М-мы нашли их, — сказал один из бандитов.

— Конечно. А вот и вознаграждение, — кивнул дроу, швырнув на пол между ними медяк.

Помоги нам!

— А? — отозвался Атрогейт, неуверенный в том, что услышал и услышал ли что-нибудь вообще.

Он приоткрыл заплывший глаз, сначала чуть-чуть, а затем шире, когда обнаружил дворфа перед собой, а потом еще шире, осознав, что это не хозяин разнесенной таверны, а

один из призраков, встреченных им десять лет назад в месте, которое он хотел забыть.

— Ты! Но что тебе нужно? — воскликнул Атрогейт, подпрыгивая и прижимаясь к стене.

Дворф прожил уже более четырех веков, и никто никогда не мог уличить его в страхе. Он сражался с дроу и драконами, с гигантами и ордами гоблинов. Вместе с Дзиртом и Бренором он дрался против драколича в храме Парящего Духа, а до этого и против самого До'Урдена. Фаэрун никогда не знал более бесстрашного воина, чем закаленный в боях молниеносный Атрогейт.

Но он был напуган. Лицо побледнело, и, когда заговорил, справившись с комом в горле, слова едва можно было разобрать за стуком зубов.

— Что вам от меня нужно? — спросил он. Пот ручьем стекал по разбитой брови. — Я не хотел этого делать, я уже говорил! Это не значит, что... никогда бы не разрушил Гаунтл... о, задница Морадина!

Помоги нам... — услышал Атрогейт в своей голове.

Зверь пробудился...

Кровь Делзуна...

Толпа призраков окружила его, их руки тянулись к нему, голоса умоляли. Атрогейту хотелось просочиться сквозь стену, настолько он был напуган. Голоса в его голове становились все громче и настойчивее, пока дворф не выставил перед собой руки и, закрыв глаза, выскочил из переулка, спасаясь от призраков Гаунтлгрима и ужасных воспоминаний.

Дворф бежал через город, спотыкаясь и падая; прохожие с любопытством таращились ему вслед, несомненно решив, что он сошел с ума. Возможно, так и есть, думал Атрогейт. Возможно, чувство вины за последние десять лет окончательно сломило его, поселив в мозгу призраки сородичей и их обвиняющие голоса. Наконец Атрогейт добрался до гостиницы, где снимал комнату.

Это была прекрасная гостиница, лучшая в Лускане, а комната была с роскошным видом на гавань и отдельным входом с балкона второго этажа. Атрогейт взлетел по внешней деревянной лестнице так быстро, что споткнулся и ушиб колени. Наконец он добрался до балкона и быстро залез внутрь комнаты.

В комнате находился Джарлакс и смотрел на товарища то ли со смущением, то ли с разочарованием.

Дроу держал перевязь с кистенями.

— Думаю, ты хотел бы их получить обратно, — сказал наемник, протягивая их дворфу.

Атрогейт подошел, чтобы взять свое оружие, но остановился, заметив пятна крови на ремнях. Он посмотрел на Джарлакса.

— Они решили, что я слишком мало заплатил им за находку, — объяснил дроу, пожав плечами. — Пришлось переубедить.

Как только Атрогейт взял перевязь, Джарлакс перевел пристальный взгляд на гавань, где образовалась суматоха возле одного из пришвартованных кораблей, слишком сильно погрузившегося в воду. Взглянув, дворф понял, что корабль тонет прямо у причала, несмотря на все хлопоты экипажа.

Он оглянулся на наемника — тот чересчур манерно надвинул свою широкополую, украшенную пером шляпу, и Атрогейт вспомнил о переносных дырах Джарлакса. На что способна одна из них, подумал дворф, если ее бросить в трюме корабля?

— Ты же не... — пробормотал дворф.

— Я убедил их, — ответил наемник.

Помоги нам... — снова услышал в своей голове Атрогейт и моментально забыл об эксцентричной выходке приятеля.

Зверь пробуждается.

Спаси нас!

Задохнувшись от страха, дворф заозирался вокруг.

— Что такое? — спросил Джарлакс.

— Они здесь, говорю тебе! — закричал Атрогейт, подбежал к перилам балкона и посмотрел вниз. Глаза его широко раскрылись, он развернулся и чуть не сбил с ног наемника. — Призраки Гаунтлгрима! Зверь пробудился, и они обвиняют в этом меня!

Атрогейт захлопнул за собой дверь, но Джарлак не последовал за товарищем. Дроу выжидал и наблюдал.

Он почувствовал холод, словно порыв ледяного, студеного ветра. Смущенный тем, что не видит никаких призраков — а он определенно видел их в Гаунтлгриме, — дроу полез в один из многочисленных магических кармашков на поясе и достал то, что не часто надевал со времен Магической чумы, — свою глазную повязку. Нерешительно вздохнув, он поднес ее к лицу и завязал сзади, держа некоторое время веки опущенными, прежде чем решиться открыть глаза.

Раньше наемник носил повязку почти все время. Многие годы она защищала его от нежелательной магической слежки и показывала вещи, недоступные для глаз, что оказывалось довольно полезным в разных отчаянных ситуациях. Но спустя семьдесят семь лет с тех пор, как Магическая чума прокатилась по Фаэруну, потустороннее зрение изрядно сбивало с толку.

Дроу повернулся к двери как раз вовремя, чтобы заметить призрачного дворфа, скользящего сквозь нее. Как и следовало ожидать, Атрогейт вновь закричал.

Джарлак подошел к двери и распахнул ее с целью удостовериться, что призраки не хотят причинить вред его отчаявшемуся другу.

Они не хотели. Они умоляли его. По какой-то причине духи Гаунтлгрима поднялись в Верхний Мир.

Наемник тяжело вздохнул. Он потратил достаточно много времени, расследуя катастрофу, случившуюся в конце его путешествия с тейскими колдунами, равно как и значительные денежные средства, намереваясь отплатить им за чудовищный обман. Джарлак не очень-то любил, когда его держали за дурака. И хотя сам он был далеко не самым жалостливым из людей, бойня, учиненная в Невервинтере, задела его.

Но в конце концов он оставил ту затею, хотя собрал достаточно полезной информации. Дроу понимал, что Атрогейту ничего не хочется так сильно, как исправить чудовищную ошибку. Джарлак и думать не хотел о том, чтобы вернуться в темное и разрушенное место. Он даже не был уверен, что сможет снова найти Гаунтлгрим. Катастрофа разрушила единственный туннель, о котором знал дроу, и его разведчики не смогли обнаружить обходной путь.

Но явились призраки и сказали, что Зверь вновь пробудился. Действительно, подземные толчки возобновились на севере Побережья Меча.

Возможно, следующей целью станет Лускан — город, менее полезный для Бреган Д'Эрт.

Еще один вздох вырвался из груди наемника. Пришла пора возвращаться домой, чего ему никогда не хотелось.

Глава тринадцатая ЧЕМПИОНЫ

Баррабус следил за разворачивающейся битвой с большим интересом, его внимание привлекла эльфийка — чемпионка культа Ашмадая. Убийца знал ее противника, довольно хорошего бойца по имени Арклин. Но любой, не видевший его в сражении раньше, усомнился бы в его боевых навыках. Казалось, Арклин размахивает клинком под водой, столь медленными были его движения в сравнении с посохом эльфийки. Та не раз уже ударила противника по плечам и рукам, и каждый удар был опасным, но не смертельным.

Эльфийка играла с Арклином.

Баррабус сосредоточился, пытаясь просчитать ритм ее движений. Убийце не нравилось, что его боевой стиль — меч и длинный кинжал — не смогут эффективно противостоять

оружию женщины, обладающему довольно большим радиусом действия. Ассасин успешно противостоял двуруким бойцам, но мечи, сабли и топоры отнюдь не то же самое, что эти экзотические вертлявые палки. У обычного оружия углы атаки более предсказуемы, и металлический клинок не способен так же легко уйти из продуманного блока, как оружие эльфийки.

Баррабус вздрогнул, когда воительница изготовилась для смертельного удара. Как только Арклин сделал выпад, она поймала его клинок цепом в левой руке, отшвырнула в сторону и сделала шаг вперед. Приближаясь к противнику, женщина раскрутила правый цеп над головой, но, к удивлению убийцы и ужасу Арклина, эльфийка каким-то образом внезапно соединила части цепы в единый посох. Затем воительница резко согнула руку и выбросила ее вперед, вложив в удар всю свою инерцию. Конец четырехфутового посоха ударил Арклина в подбородок — незерес опрокинулся на землю. Перепрыгнув через него, она резко дернула левой рукой и вырвала у Арклина меч, отбросив клинок далеко в сторону.

Эльфийка совершила кувырок вперед. Баррабус вновь изумленно покачал головой, когда она, вставая, повернулась, чтобы атаковать упавшего противника со спины. В руках эльфийки было уже не два оружия, не посох и не цеп, а единое восьмифутовое копье.

Схватившись за горло и тщетно пытаясь отползти, Арклин был легкой мишенью, и воительница, уперев копье ему в ключицу, подпрыгнула в воздух, вдавливая своим весом наконечник в корчащегося шадовара.

Синяя молния скользнула по древку, впиваясь в распростертое тело Арклина и на миг ослепив Баррабуса. Эльфийка, приземляясь по другую сторону от поверженного воина, тут же бросилась бежать, не обращая больше внимания на неподвижное тело.

Убийца видел ее и решил, бросаясь за ней в погоню, что у него есть преимущество.

Развернутый во всю восьмифутовую длину, Игла Коза усложнял продвижение по лесу, поэтому Далия сложила копье в более толстую четырехфутовую походную трость. Ей нельзя было останавливаться.

Он рядом.

Тела ашмадайцев подтверждали это. Безусловно, среди незересов много искусных воинов, но недавние убийства — столь чистые и необратимые — говорили о человеке, выступившем из теней, чтобы нести смерть сектантам. Безжалостные воины Ашмадая, провозгласившие своей главной целью смерть, чтобы стать ожившими мертвецами, говорили о незерильском ассасине с заметной нервозностью.

Все это, естественно, подтолкнуло Далию к попытке самой отыскать этого шадовара.

Она позволила инстинктам управлять собой, не пытаясь различать каждое отдельное движение, звук или запах, позволив интуиции вести ее.

Враг близко и наверняка преследует ее.

Даже до того как стать чем-то отличным от обычного человека, Баррабус мог скользить из тени в тень, таясь и выслеживая не хуже лучших воров Фаэруна. Ему не нужны были эльфийские сапоги, чтобы скрыть свою мягкую поступь от ушей неуклюжего человека, но благодаря им вообще ни одно существо в мире не могло услышать приближение убийцы.

Разыскивая тейскую чемпионку — эльфийку с необычным оружием, — он двигался со всей возможной скоростью. Убийца потерял ее из виду лишь один или два раза за время погони и, только приблизившись, сбавил темп. Баррабусу приходилось быть осторожным, приходилось следить, чтобы между ним и эльфийкой оставалась преграда — хотя бы дерево.

Он не хотел драться с ней — ставки были слишком высоки — и был уверен, что делать этого не стоит. Убийца, прижимаясь спиной к паре сросшихся берез, не видел воительницу, но знал, что она здесь, на узкой тропинке, петляющей под пологом леса.

Держа в руке отравленный кинжал, Баррабус Серый не колебался. Он обогнул дерево, прыгнул вперед и резко остановился.

Эльфийки не было там, где он ожидал ее застигнуть!

Встревожившись, он быстро огляделся. Едва заметный отпечаток в земле все прояснил, и очень вовремя. Убийца откатился в сторону, когда воительница спрыгнула с дерева, — крохотная ямка выдала место, куда она поставила посох, чтобы запрыгнуть на ветку.

Эльфийка приземлилась, но Баррабус продолжал катиться. Он услышал свист рассекаемого воздуха, когда женщина замахнулась смертоносным посохом.

Он встал, делая разворот, и метнул кинжал. Бросок не имел шанса преодолеть защиту столь искусного воина, каким показала себя эльфийка, но достаточно замедлил ее наступление, чтобы Баррабус успел достать меч и длинный кинжал.

Воительница держала посох горизонтально перед собой, двигая руками так, чтобы каждый из двухфутовых концов вращался вертикально по обе стороны от нее.

Баррабус не смог не отметить разрез юбки, озорную улыбку на точеном лице, толстую косу рыжих с черным волос, стекающую с правой стороны головы прямо к соблазнительному декольте. Убийца был дисциплинированным воином, но даже ему приходилось бороться с собой, чтобы не отвлекаться. Баррабус был вынужден напоминать себе, что и вырезы на одежде — часть обороны.

Женщина стала медленно обходить его справа, и Баррабус копировал ее движения, держась напротив нее.

— Я знала, что ты здесь, — произнесла эльфийка.

— Я знал, что ты здесь, — ответил человек.

— Естественно, все к этому и шло, — сказала она.

Баррабус не ответил. Он знал, что находится в невыгодном положении из-за необычности ее оружия.

Далия продолжила:

— Среди моего народа говорят, что Серый — грозный воин.

Мужчина не ответил, стараясь не обращать внимания на ее отвлекающие маневры.

Далия бросилась вперед, нанося удар справа, потом слева, затем развернула посох вертикально перед собой, бешено вращая его концами. Отпустив левую руку, она дала оружию полностью прокрутиться вокруг правой, прежде чем схватить его снова. Затем эльфийка нанесла удар крайним левым сегментом посоха.

Баррабус блокировал длинным кинжалом, пытаясь зацепить конец посоха, но Далия была достаточно умна, чтобы понять, что атака провалилась, и достаточно проворна, чтобы отвести оружие назад. Она отпустила древко, бросив посох себе за спину и поймав его за самый конец обеими руками, при этом передвинула ногу, повернувшись так, чтобы возвратит бросок обратно быстрым плетевидным взмахом со щелчком. Простой прием, призванный разбить центральную секцию посоха, поэтому при последовавшей атаке оружие уже представляло собой четыре равных сегмента, соединенные цепью.

Эльфийка развернула Иглу Коза — не кнут и не посох, — направив его крайний сегмент прямо в голову Серого.

Убийца отступил, едва успев уклониться, и конец посоха ударил по дереву, высвободив разряд молнии, сорвавший кусок коры со ствола.

Баррабус с трудом мог поверить в силу удара этого необычного оружия, не говоря уже о разрушении, произведенном волшебной молнией.

Он не пытался контратаковать, позволяя эльфийке доводить их до конца в надежде, что сможет определить углы и скорость атак, но неожиданно, когда убийца отпрыгнул в попытке выйти за пределы ее досягаемости, он понял, что сделал глупость.

Далия была слишком быстра и точна, и ассасин понял, что она вот-вот разmozжит ему голову. Привычная тактика тут не работает.

Рванувшись назад, он оказался напротив небольшого деревца. Баррабус резко отклонился от него в тот момент, когда воительница перехватила посох за два центральных сегмента. Он подумал, что она каким-то образом соединит их, чтобы отразить его меч и длинный кинжал тройным цепом. Спустя лишь мгновение Серый понял, что противница разбила посох на два цепа.

Угол планируемой Баррабусом атаки — прямо по центру вне досягаемости внешних сегментов тройного посоха — оказался неверен.

Убийца бросился на землю, кувыркнувшись вперед, когда цепи с силой столкнулись над ним, и поднялся, выставив правую ногу перед собой, увеличивая зону поражения мечом.

Эльфийка отчаянно увернулась, в последний момент щелкнув одним из цепов по клинку, отступая назад и влево от Баррабуса.

Он последовал за ней. Второй удар, третий. Убийца блокировал стремительный выпад кинжалом и парировал цеп мечом.

Неожиданно Серый стал неистово вращать клинками. Выписывая перед собой круги, он стремительно атаковал. Вместо того чтобы отставить одну ногу назад, как того требовала его манера сражаться, убийца свел ступни вместе, выровняв плечи и провоцируя эльфийку найти брешь и ударить сквозь размытое пятно кружащегося перед ним металла.

Воительница действительно попыталась, и Баррабусу пришлось постоянно менять скорость вращения, отражая атаки цепов. Блокируемое оружие эльфийки отвечало электрическими разрядами, иногда достаточно мощными. Один из таких едва не выбил меч из рук убийцы.

Но Баррабус не сдавался, используя эту раздражающую боль, дразняще прерывая свои вращательные движения, имитируя потерю терпения.

Как только эльфийка приблизилась, Баррабус сменил направление движения и сделал прямой выпад.

Эльфийка неловко увернулась, и Баррабус продолжил натиск, яростно нанося рубящие и колющие удары, надеясь, что один из клинков достигнет цели до того, как он устанет и инициатива снова будет на ее стороне.

И вот, когда убийца уже решил, что вот-вот достанет ее, воительница сделала идеальное сальто назад и скрылась за стволом широкого дуба.

Баррабус притворился, что обходит с другой стороны, чтобы перехватить ее, но, вместо этого, последовал за противницей. Он улыбнулся, решив, что тейка наконец-то совершила ошибку.

Но, обогнув дерево, убийца обнаружил, что ее там уже нет.

Промедли Далия хоть секунду — и меч Серого, несомненно, поразил бы ее в спину, убив на месте.

Но эльфийка, вместо того чтобы развернуться и отразить удар, мгновенно перестроила свое оружие в копье и, используя его как шест, прыгнула вверх, перевернулась в воздухе и зацепилась ногами за ветку, втащив шест за собой прямо перед носом у преследовавшего ее врага.

Подтянувшись и встав на ноги, женщина помчалась по веткам, безупречно балансируя во время прыжков, и перепрыгнула на другое дерево. Она попыталась взглядом отыскать Серого, но он пропал — словно испарился.

Эльфийка пробежалась по ветке, спрыгнула рядом с небольшим кустом, снова превратив свое оружие в тройной цеп, и, только коснувшись земли, сделала несколько широких хлещущих ударов на тот случай, если ассасин поджидал поблизости.

Далия беззвучно обругала себя за то, что прервала бой. Они снова дрались на его условиях, и Баррабус знал, что эльфийка готова сражаться. Но она совершенно не представляла, куда он делся.

Далия знала, что находится в невыгодном положении, — она слышала, что этот убийца выследил и убил многих ашмадайцев, даже не успевших его увидеть. Она понимала, что останавливаться опасно и надо быть готовой ударить по любому потенциальному укрытию, мимо которого она проходила.

Если бы только она смогла его обнаружить, если бы только она снова смогла встретиться с ним лицом к лицу!

Эльфийка заметила движение в стороне. Даже зная, сколь нетипично такое поведение

для Серого, она пошла в этом направлении и с трудом сдержала вздох облегчения, наткнувшись на патруль ашмадайцев.

— Далия! — воскликнули двое из девяти, и весь отряд обернулся к ней.

— Серый рядом! — ответила женщина. — Будьте осторожны.

— Останься с нами! — произнесла одна женщина из отряда, и отчаяние, прозвучавшее в ее голосе, выдало общее нежелание встречаться с Серым.

Далия бросила взгляд на тихий лес и кивнула.

Из-за веток сосны Баррабус Серый наблюдал за всей компанией.

Он испытал не меньшее облегчение оттого, что схватка завершилась.

«Надо застать ее врасплох, — подумал Баррабус. — Либо держаться от нее подальше».

Глава четырнадцатая ВРЕМЯ ДЕЙСТВОВАТЬ

Возвращение в Мензоберранзан после десятилетий, проведенных на поверхности, всегда удивляло Джарлакса, поскольку, несмотря на то что Мир Наверху разительно изменился за последние семьдесят лет, Город Пауков, казалось, застыл во времени — и, по мнению наемника, это было хорошее время для города. Магическая чума, конечно, стала причиной некоторых волнений, как и война Паучьей Королевы, и Смутное Время перед этой войной, но после того, как удары молний прекратились, а файерболы погасли, когда крики колдунов и жриц, обезумевших от разрыва Пряжи и падения богов, утихли, Мензоберранзан вновь стал прежним.

Дом Бэнр — место, где родился Джарлакс и находились его кровные родичи, — все еще оставался Первым Домом. Именно сюда направился наемник, чтобы встретиться с архимагом Мензоберранзана, своим старшим братом Громфом.

Не успел Джарлакс поднять руку, чтобы постучать в дверь, как услышал голос:

— Я ждал тебя, — и дверь распахнулась.

— А твои разведчики весьма полезны, — заметил наемник, переступая порог.

Громф сидел в противоположном конце комнаты, рассматривая через магическую линзу пергамент, лежащий на одном из столов.

— Никаких разведчиков, — ответил архимаг, даже не подняв головы. — Мы почувствовали землетрясения на западе. И ты боишься, что на этот раз Лускан, столь прибыльный для тебя город, станет целью пробуждения рассветного гиганта, не так ли?

— Ходят слухи о поле пепла за пределами области прошлой катастрофы.

Громф бросил на брата раздраженный взгляд:

— Это естественно после извержения вулкана.

— Не извержение, — пояснил наемник. — Поле покрыто магическим пеплом.

— Ах да, Кольцо Страх, творение этой Силоры Салм, — Громф покачал головой и презрительно хмыкнул. — Жуткая вещь.

— Даже по дровийским меркам.

Это замечание застало Громфа врасплох. Он наклонил голову, и ему понадобилось довольно много времени, чтобы выдавить из себя улыбку в ответ на последнюю фразу.

— Тем не менее весьма эффективный способ собрать армию, — добавил Джарлакс.

Громф снова покачал головой и вернулся к своему занятию — открытой книге заклинаний, в которую он вписывал недавно изученное заклятие.

— Повторное пробуждение Зверя может дорого обойтись Бреган Д'эрт, — признал наемник. — И раз так, я хорошо заплачу, чтобы удержать Предвечного в его темнице.

Громф поднял взгляд, и Джарлакс почувствовал себя так, словно брат видит его насквозь, — чувство, которое основатель Бреган Д'эрт крайне редко испытывал за свою долгую жизнь.

— Ты злишься, — заметил архимаг. — Ты хочешь отомстить тейцам, сделавшим тебя

одним из своих лакеев. Ты говоришь о выгоде, Джарлакс, но твои желания служат лишь твоей гордыне.

— Колдун из тебя получше, чем философ, братец.

— Несколько лет назад я уже открыл тебе, как заманить Предвечного в ловушку.

— Сферы, да, — ответил Джарлакс. — И рычаг. Но я не волшебник.

— Но и не карлик Делзун, — хмыкнул Громф. — И все же не многие в этом мире искуснее тебя в обращении с магическими приспособлениями. Эти сферы не станут для тебя серьезным испытанием.

Наемник недоверчиво посмотрел на брата, и волшебнику понадобилось немного времени, чтобы понять, в чем дело.

— Ах, — продолжил Громф после паузы, — у тебя нет ни малейшего желания возвращаться в Гаунтлгрим.

Джарлакс пожал плечами, но промолчал.

— Неужели у Бреган Д'эрт нет пары лишних солдат?

Наемник продолжал смотреть на брата немигающим взглядом.

— Все ясно, — подытожил архимаг. — Ты не желаешь рисковать собственными ресурсами в этом мероприятии? Как я уже говорил, это вопрос гордости, а не убытков.

В ответ Джарлакс только улыбнулся. Громф был не из тех дроу, которых, по мнению наемника, было разумно обманывать.

— Пожалуй, и то и другое, — согласился он.

— Хорошо, теперь, когда мы расставили все точки над и, чего же ты от меня хочешь? Ты же понимаешь, что я не отправлюсь в этот твой Гаунтлгрим и не буду сражаться на твой стороне против Предвечного. — Самодовольная ухмылка лишь подчеркнула последнюю фразу. — Думаю, ты понимаешь, что мне удалось прожить столько веков только потому, что я недостаточно глуп, чтобы быть втянутым в битву против подобного рода твари ради жалкого золота.

— Ты упоминал, что необязательно сталкиваться со Зверем лицом к лицу.

— Для этого тебе понадобится Предвечный водной стихии или бог, если, конечно, тебе удастся отыскать последнего.

Джарлакс кивнул, соглашаясь со всем сказанным:

— Я лишь хочу вернуть Исконного в его пещеру, чтобы он опять заснул, так же как спал прежде, пока эта тэйская ведьма со своим прихвостнем-вампиrom не вынудили Атрогейта пробудить его.

— Как прежде? Я надеюсь, ты понимаешь, что даже до того, как твой маленький вонючий дружок потянул за рычаг и освободил водных элементарей, выпуская Предвечного на волю, магия ослабевала. И павшую Главную башню невозможно возродить даже с помощью всей известной на данный момент магии.

— Я понимаю, — ответил Джарлакс. — Но меня устроят даже ненадежные оковы, если они отложат освобождение твари на достаточный срок, чтобы я успел вытянуть из Лускана все до последней капли.

— Неужели? Скорее, достаточно долго для того, чтобы досадить тейской ведьме, помешав ей создать Кольцо Страха.

— Назовем это поощрительным призом.

Громф засмеялся — и это было не злобное хихиканье, а взрыв искреннего смеха, который нечасто можно было услышать в Мензоберранзане.

— Я уже сказал тебе, как это сделать, — подытожил архимаг. — Десять сфер, не меньше. И собери вновь их рабов. Когда это будет сделано, запечатай рычаг.

— Я не знаю, куда их поместить, — признался Джарлакс.

— Но они у тебя?

— У меня.

— Я не пойду с тобой и не дам слуг, которыми можно пожертвовать в этом путешествии. Я ценю их выше, чем ты ценишь провизию для своих наемников. Во имя Ллос!

Используй своего ущербного псионика. Он может ходить сквозь камень, как ты — сквозь воду.

— Киммуриэль занят, — покачал головой наемник.

Громф с любопытством посмотрел на него, и вскоре злобная усмешка появилась на лице архимага.

— Ты не сказал им, не так ли? Никому.

— Бреган Д'эрт теперь не частый гость в Лускане, — ответил Джарлак. — После Магической чумы появилось так много других...

— Никому! — довольно прорычал Громф и захихикал еще громче.

Наемник только смиренно вздохнул, поскольку мудрый старый маг, конечно же, был прав: Джарлак не сказал ни одному из своих заместителей в Бреган Д'эрт, даже Киммуриэлю, что же на самом деле произошло в Гаунтлгриме. Никому, кроме Громфа.

— А все твоя гордость, Джарлак, — проворчал архимаг и продолжил хохотать, но внезапно остановился и добавил: — Но я все равно не пойду в Гаунтлгрим, и у меня нет лишних солдат.

Наемник не отвечал, но и не собирался уходить, даже несмотря на то что Громф повернулся к линзе и пергаменту, продолжая работу. Джарлак услышал не один удар своего сердца, прежде чем архимаг посмотрел на него вновь.

— Что-то еще?

Наемник полез в мешочек на поясе и достал вырезанный из драгоценного камня череп.

— Ты что, притащил сюда этого идиота? — раздраженно спросил Громф, узнав филактерию Арклема Грита.

Архимаг уже допрашивал безумного лича несколько месяцев назад, когда Джарлак впервые пришел к нему с попытками собрать информацию об освобождении Исконного и иссякающем волшебстве Главной башни.

— Титан пробуждается, — сказал наемник; казалось, он опять пришел в себя после резких замечаний брата. — И я не допущу этого. Поговори с Гритом еще раз, прошу — и... я заплачу. Так я смогу узнать самый безопасный способ вновь достичь Гаунтлгрима.

— Я уже сказал, что нужно делать.

— Мне нужны детали, Громф, — настаивал Джарлак. — Например, куда необходимо поместить сферы?

— Если эти места и не были навечно запечатаны магмой после первого извержения, — ответил архимаг. — Я не знаю, где они; не знает и Грит. Можешь надеяться только на то, что Гаунтлгрим сам покажет тебе путь, когда — если — ты отыщешь его вновь.

Джарлак пожал плечами.

— И когда закончишь, — надеюсь, ты выдворишь Арклема Грита из его филактерии в... изолированное место, чтобы я вновь получил контроль над каменным черепом.

— Нет.

— Нет?

— Магия этой вещицы — единственное, что сдерживает лича.

— Несомненно, найдутся и другие филактерии.

— И ни один не удержит его, если не будет правильно зачарован. Как этого достичь, я не знаю. Хотя, если ты предоставишь мне соответствующее вместилище, Джарлак, и я буду уверен, что оно удержит лича, я помешу дух Арклема Грита внутрь. До тех пор он останется в каменном черепе. Сомневаюсь, что он проникся ко мне симпатией за долгие месяцы допросов, и мне не нужен во врагах могущественный лич. Я уже играл в подобную игру ранее, и это был не самый приятный опыт.

— Мне будет труднее бороться с Предвечным без камня, — заметил наемник. — Немертвые, призраки Гаунтлгрима — довольно частые гости в тех местах.

— Что ж, тогда у тебя проблемы, — подвел итог Громф.

Джарлак впери в упрямого мага свирепый взгляд, но через несколько секунд швырнул ему драгоценный череп, чтобы тот мог начать допрос.

— Декада, — заключил Громф. — И принеси золото.

Наемник прекрасно знал: процедура займет куда меньше времени, но он молча поклонился и вышел.

Громф улыбался, глядя вслед уходящему брату. Он отложил каменный череп прочь от рабочего стола и вернулся к своим записям. Но лишь на мгновение. Дроу ощутил прилив интереса к драгоценности. Он рассматривал каменный череп несколько мгновений, а затем подошел к книжному шкафу, чтобы найти книгу заклинаний, содержащую нужные магические формулы.

Той же ночью Громф вновь пригласил к себе Джарлакса.

— Ты недавно столкнулся с духами Гаунтлгрима, — обратился маг к удивленному наемнику.

— В Лускане, — подтвердил Джарлакс. — Они искали моего партнера, дворфа по имени Атрогейт, прося его о помощи в спасении того, что осталось от их родины.

Громф Бэнр поднял каменный череп.

— Филактерия пленила одного из них.

Глаза наемника расширились.

— Или это был Грит — схватил призрака, чтобы скоротать время.

— Выходит, лич свободен? — насторожился Джарлакс, но усмешка Громфа его успокоила прежде, чем архимаг успел ответить.

— Он все еще там — впрочем, как и дворф. Удача улыбается тебе... как обычно.

— *Спасите! Помогите!* — процитировал Громф на древнем наречии дворфов. — *Посадите короля на трон Гаунтлгрима и усмирите монстра, умоляем!*

— Что это значит?

Архимаг пожал плечами:

— Я могу повторить только то, что сказал мне дух дворфа. Я задавал ему много вопросов, но в качестве ответа получал лишь различные варианты одной и той же фразы.

— Сможет ли дворф отвести меня обратно в Гаунтлгрим? — спросил Джарлакс.

— Даже сейчас дух угнетается Арклемом Гритом, — покачал головой Громф. — Лич питается им, так же как ты или я едим отбивные из рофов. Арклем Грит никогда его не отпустит, и я не намерен сражаться с ним ради дворфа.

— У тебя есть магические сферы, — продолжал Громф. — У тебя есть сосуды с чистой водой. И ты уже бывал в Гаунтлгриме.

— А это сработает? Хватит ли остаточного волшебства Главной башни?

Архимаг пожал плечами: в какой-то мере его забавлял тот факт, что он не знает ответа на этот вопрос.

— Скажем так, насколько везучим, дорогой братец, ты себя считаешь?

Далия мчалась сквозь деревья, растущие в самом центре растущего Кольца Страха. Она старалась избегать контакта с черным пеплом некромантов, хотя знала: брошь защитит ее от магии, поглощающей жизненную энергию. Эльфийке казалось, что просто присутствие в Кольце Страха дает Сзассу Тему и его агентам, включая ненавистную Силору, некоторую власть над ней.

Возможно, это было лишь воображение, но, так или иначе, Далию абсолютно не устраивало подобное положение.

Она присоединилась к Силоре, стоящей на границе Кольца. Проследив за взглядом чародейки, Далия заметила полупрозрачную серую руку, тянущуюся из камня, которая сжимала и разжимала кулак, словно Кольцо Страха причиняло призраку сильную боль.

— Не зомби, — заметила эльфийка. — Означает ли это, что Кольцо Страха набирает мощь и оно способно призывать духов, призраков и привидений?

— Этот стал призраком намного раньше. Кольцо поймало его и теперь удерживает, — объяснила Силора. — Есть и другие: духи, путешествующие группами и с определенной целью. — Она посмотрела Далии прямо в глаза и добавила: — Призраки дворфов.

— Из Гаунтлгрима, — заключила Далия.

— Да, вероятно, какая-то его часть пережила пробуждение Зверя. Закрой глаза и открой разум — тогда ты услышишь их.

Воительница так и сделала и почти мгновенно почувствовала, как фраза — *Помоги нам!* — возникла в ее сознании.

— Они желают освободиться от Кольца, — предположила Далия, но Силора покачала головой.

Эльфийка снова сконцентрировалась на телепатическом причитании призраков.

Помоги нам, — услышала она. — *Зверь пробуждается. Спаси нас!*

Глаза Далии широко раскрылись, и она вытаращилась на Силору:

— Они пришли из Гаунтлгрима, чтобы предупредить о побуждении Предвечного?

— Похоже на то, — ответила тейка. — И если они явились сюда, то не исключено, что они были и в других местах. Но меня больше интересует, внимлет ли кто-то их мольбам?

— Никто, — мгновенно ответила Далия. — Не думаю, что найдется хоть кто-то, способный вновь отыскать Гаунтлгрим.

— Я знаю одного, возможно двух, кто смог бы, — сказала Силора.

Далия обдумала сказанное и кивнула, соглашаясь.

— Кто-то из призраков мог попасть в подземелья Лускана. Туда ведут корни Главной башни.

— И что же нам с этим делать?

Интонация, с которой был задан вопрос, не оставила у эльфийки никаких сомнений по поводу намерений чародейки.

— Пробуждение Предвечного принесет разрушения, которые помогут нам в работе: прольется достаточно крови, чтобы завершить Кольцо Страха, что, в свою очередь, обеспечит победу над незерильцами. И я не допущу, чтобы кто-то помешал или даже отсрочил это.

— Ты хочешь, чтобы я отправилась в Лускан и выступила против Джарлакса с Атрогейтом?

— Неужели об этом нужно спрашивать?

— Не стоит недооценивать этих двоих, — предупредила Далия. — Они опасны сами по себе, а у Джарлакса есть могущественные друзья.

— Возьми дюжину ашмадайцев или сколько сочтешь нужным, — ответила Силора. — И Дор'Кри.

— Еще бы пригодилась лич.

— Валиндра остается со мной. Она почти полностью восстановила свой разум, но сила вернулась к ней еще не в полной мере. Ее нельзя потерять.

Последняя фраза поразила воительницу как вспышка молнии.

— А меня, значит, можно?

Силора лишь усмехнулась и переключила внимание на дух дворфа в куске окаменевшей лавы. Появилось его лицо, искаженное гримасой отчаяния, что весьма порадовало тейку.

— И Дор'Кри тоже? — выдавила Далия лишь потому, что заметила вампира неподалеку и знала — он услышит последнее замечание.

— Дор'Кри достаточно ловок, чтобы сбежать в случае чего, — спокойно ответила Силора.

Казалось, она всегда на шаг опережает Далию. Эльфийка знала: это ее собственная слабость, ее неспособность прийти в себя после унижительного поражения в Гаунтлгриме, именно поэтому она оставалась позади. Даже после возвращения из древнего города Далия шла по скользкому пути, на котором малейшая агрессия с ее стороны могла стоить ей жизни.

А существа, подобные Силоре, питались слабостью.

— Найди их и узнай, не собираются ли они вернуться в Гаунтлгрим, — приказала тейка.

— Я даже сомневаюсь, что они в Лускане. Прошло десять лет.

— Выясни! — крикнула Силора. — Если они там, если они возвращаются в Гаунтлгрим, останови их. Если нет, выясни, не внял ли кто-то другой мольбам дворфийских духов. И вообще, я не должна была объяснять тебе, что делать.

— Да, конечно, — ответила Далия тихо, но уверенно. — Я знаю, как поступить.

— Ты уже встречала бойца Анклава Теней, который обитает в лесу Невервинтер?

— Да, встречала. Он человек, но в нем есть что-то от шадовара.

— Вы сражались?

Далия кивнула, и Силора нетерпеливым жестом приказала ей продолжать.

— Он убежал, — солгала эльфийка. — Прячется он лучше, чем сражается, хотя и неплохо владеет мечом. Я подозреваю, что его тактика почти успешна за счет эффекта неожиданности.

Тейка слегка озадаченно оглянулась через плечо на лес Невервинтер.

— Не думаю, что встречу его в ближайшее время, — добавила Далия, не желая, чтобы Силора изменила задание.

Воительница твердо решила держаться подальше от Серого, опасаясь повторного столкновения.

— Если и встретишь, магия отпугнет его, — сказала Силора, и эльфийка с трудом подавила вздох облегчения.

— Поспешి в Лускан, — продолжала чародейка. — Найди своих бывших компаньонов и убедись, что ни они, ни кто другой не притупят ярость нашей вспыльчивой зверушки.

Далия кивнула и развернулась, чтобы уйти.

— Не подведи меня, — сказала Силора, и ее тон ясно давал понять, что наказание за провал будет ужасным.

Гвенвивар прижала уши и издала низкий рык. Пантера пригнулась к земле, ее задние лапы напряглись, словно она готовилась к прыжку.

Дзирт кивнул, увидев позу кошки, которая подтверждала только что охватившее его чувство, похожее на потусторонний холод, от которого волосы на его руках и шее встали дыбом. Он чувствовал чье-то присутствие — возможно, оно пришло с Плана Теней, больше ничего не приходило в голову.

Дроу двигался медленно, не желая спровоцировать нападение существа, которое не мог видеть. Положа руки на эфесы скимитаров, он встал позади Гвенвивар. Будучи уверен, что пантера задержит любую атаку в лоб или с флангов, дроу сконцентрировал внимание иным образом.

Он почувствовал облегчение: что бы ни прошло мимо них, его уже нет. Дроу начал понемногу расслабляться.

Крик Бренора заставил его снова собраться.

Дзирт кинулся к неглубокой пещере, служившей их лагерем, Гвенвивар следовала за ним по пятам. К тому моменту когда дроу добрался до входа, скимитары были уже у него в руках, и он быстро вошел внутрь, готовый прикрыть друга.

Но Бренор не дрался. Скорее наоборот. Он пятился от задней стены пещеры, поднимая руки, словно сдаваясь. Дыхание было частым и неглубоким, а на лице отразилось нечто среднее между страхом и...

— Бренор? — прошептал дроу.

Даже если его друг тоже почувствовал присутствие чего-то потустороннего, Дзирт не

видел ничего, что могло бы так напугать дворфа. Казалось, он даже не замечает присутствия темного эльфа.

— Бренор? — позвал Дзирт громче.

— Они хотят, чтобы я помог, — отозвался дворф. — Но я понятия не имею, что за помощь им нужна!

— Им?

— Ты что их не видишь, эльф? — удивился Бренор.

Дзирт прищурился и тщательно осмотрел тускло освещенную пещеру.

— Духи, — прошептал Бренор. — Духи дворфов. Просят меня о помощи.

— Помощи в чем?

— Я — бородатый гном, но если знаю... — Голос Бренора затих, на лице дворфа отразилось недоумение.

Внезапно его глаза расширились, и Дзирту показалось, что они сейчас вывалятся из глазниц.

— Эльф... — Голос Бренора звучал так, словно в его горле застрял огромный ком. — Эльф, — повторил он, и Дзирт заметил, как дворф навалился на каменную стену.

Дроу понял, что не будь стены — Бренор, скорее всего, упал бы на землю. Гвенвивар зарычала и снова присела, явно беспокоясь.

Дворф ловил ртом воздух. Дзирт опустил оружие и вошел в пещеру, готовый в любой момент броситься в атаку. Бренор шевелил губами, но эльф не слышал его слов, пока не подошел вплотную.

— Гаунтлгрим, — шептал дворф.

Глаза дроу округлились.

— Что?

— Призраки, — пробормотал Бренор. — Духи из Гаунтлгрима. Просят меня о помощи. Говорят про вновь пробуждающегося зверя.

Дзирт огляделся. Он чувствовал холод, но не слышал и не видел ничего подозрительного.

— Спроси их, куда идти, — предложил дроу. — Возможно, они укажут нам дорогу.

Но Бренор покачал головой; он выпрямился, и Дзирт понял, что духи ушли.

— Призраки из Гаунтлгрима, — голос дворфа все еще дрожал.

— Они так сказали? Или это лишь твои догадки?

— Они сами сказали, эльф. Он реален.

Последняя фраза зародила в дроу любопытство. Бренор уже не одно десятилетие провел, разыскивая недостижимый Гаунтлгрим. Но, поразмыслив, Дзирт понял удивление дворфа. Ведь, даже если страстно веришь во что-то, получив подтверждения своей веры, испытываешь чаще всего именно шок.

Бренор на минуту отвернулся, уставившись куда-то вдаль, затем моргнул, словно вспомнил что-то важное.

— Зверь, эльф, — произнес он.

— Что за зверь?

— Он просыпается... *снова*.

Дзирт понимал, что дворф намеренно сделал акцент на последнем слове, но все еще не мог понять, на что именно намекает его друг.

— При прошлом пробуждении погиб Невервинтер, — пояснил Бренор.

— Вулкан? — спросил Дзирт, и дворф кивнул, будто теперь все стало на свои места.

— Так и есть. Да, он и есть чудовище.

— Это духи тебе так сказали?

— Нет, — быстро ответил Бренор. — Но это так.

— Ты не можешь знать наверняка.

Но дворф продолжал кивать.

— Ты чувствуешь, как земля дрожит у тебя под ногами, — сказал он. — Ты видишь,

как растут горы. Оно просыпается. Чудовище. Зверь Гаунтлгрима. — Бренор посмотрел Дзирту в глаза. — И призраки просят моей помощи, эльф, и они ее получают, или я бородатый гном! — Он решительно кивнул, бросился к своему ранцу и начал перебирать карты. — Теперь мы знаем, где он находится. Он существует, эльф! Гаунтлгрим реален!

— И мы собираемся отправиться туда? — спросил Дзирт, и Бренор посмотрел на него так, словно ответ был столь очевиден, что эльф, должно быть, лишился рассудка, раз задал такой вопрос.

— И остановить извержение вулкана? — продолжил эльф.

Дворф раскрыл рот и прекратил рыться в картах.

Действительно, как можно остановить вулкан?

Глава пятнадцатая ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В ЛУСКАН

Собрав кучку мелких и гладких камней, Бренор принялся за работу. Одну за другой он вытаскивал пергаментные карты из сумки, аккуратно разворачивал на замшелой земле и прижимал каждый угол камешком.

Дворф пытался классифицировать карты по регионам, выбирая те, что изображали земли, близкие к недавно извергшемуся вулкану. Он почесал в затылке, размышляя о призраках, обратившихся к нему за помощью.

Гаунтлгрим. Он реален. Он существует.

Если б нашелся сторонний наблюдатель, он сказал бы, что Бренор Боевой Топор в этот момент выглядит помолодевшим на полтора века и похож на дерзкого молодого дворфа, жаждущего приключений. Годы не согнули могучих плеч, но как давно глаза Бренора не блестели надеждой и мечтой.

За дворфом действительно наблюдали. Некто с угольно-черной кожей. Некто гибкий, стремительный и смертельно опасный. И это был не Дзирт.

Бренору внезапно показалось, что он ослеп. Все вокруг потемнело. Он вскрикнул и отступил, опускаясь на колени и выставив вперед одну руку для защиты, другой пытаясь нащупать лежащий на земле топор.

Рядом раздался легкий хлопок, и что-то болезненно ужалило его руку. Потом еще и еще — серия крошечных всплесков боли мешала сосредоточиться.

— Эльф! — крикнул дворф, надеясь, что Дзирт где-то рядом, и пытался нащупать оружие, не обращая внимания на боль.

В конце концов Бренор нащупал рукоять топора; хлопки продолжались, но теперь к ним присоединился еще и шорох пергамента.

— Эльф! — позвал он снова, медленно отступая.

Достаточно быстро дворф выполз из странного шара непроницаемой тьмы и с ужасом взглянул на клочок замшелой земли, где только что лежали карты.

Там было пусто.

Шокированный Бренор перевел взгляд на чуть всколыхнувшиеся заросли. Он встал с коленей и бросился в погоню, но стоило ему рассмотреть силуэт вора, как сердце сжалось, а ноги подкосились. Это был дроу, и поймать его в одиночку не представлялось возможным.

— Эльф! — закричал дворф во всю мощь легких и помчался за вором, надеясь если не поймать, то хотя бы не упустить его из виду. — Зови свою проклятую кошку, эльф! — орал Бренор. — Зови кошку!

Он продолжил преследование, преодолев вершину холма, спустившись с него в заросшую кустарником ложбину и бросившись к следующей возвышенности, но понял, что уже не видит дроу. Со склона отлично просматривался залитый солнцем подлесок, но вор как сквозь землю провалился.

Бренор остановился, вытянув короткую шею, и с пугающей ясностью осознал, что потерял свои драгоценные заветные карты. Задышавшись, он побежал обратно, повернул

направо, на юго-восток, надеясь обогнуть холм и все же найти похитителя.

Все было напрасно.

Дворф звал Дзирта снова и снова, он побежал к западной вершине, затем вернулся на север, на восток и снова на запад.

Спустя какое-то время Бренор заметил движение недалеко от лагеря. Он поднял топор, надеясь, что вор вернулся, но темный силуэт мелькнул еще раз более четко. К дворфу прыгнула Гвенвивар, ее уши были прижаты, а клыки оскалены.

— Найди его, кошка! — взмолился Бренор. — Проклятый эльф-дроу стащил мои карты!

Уши Гвенвивар поднялись, она покрутила головой, осматриваясь.

— Вперед! Ищи! — орал дворф — и пантера, рыча, помчалась на запад.

Мгновение спустя, когда Бренор орал, подбадривая удаляющуюся пантеру, рядом возник Дзирт с обнаженными мечами в руках.

— Эльф взял мои карты! — пожаловался дворф. — Эльф-дроу!

— Куда он убежал?

Бренор огляделся, потом бросил топор, вонзая его в землю, и беспомощно развел руками.

— Куда? — снова спросил Дзирт товарища, но тот беспомощно покачал головой.

— Где ты был, когда он напал? — продолжил допытываться До'Урден, но оказалось, что взволнованный дворф совсем запутался.

Когда наконец Бренор взял себя в руки и отвел Дзирта к тому месту, где раскладывал карты, чары темноты рассеялись. Ни карт, ни сумки, в которой дворф их хранил, нигде не было видно.

— Он наколдовал проклятый шар тьмы, — проворчал Бренор и топнул от негодования ногой. — Ослепил меня и натравил...

Дзирт склонился к другу, прося объяснить поподробнее, но дворф смог сказать только:

— Пчелы.

— Натравил пчел?

— Ощущения как от укуса, — пытался объяснить Бренор. — Кусало, жалило меня. Что-то...

Он покачал головой и просто показал руки. Действительно, между тяжелым наручем и коротким рукавом незащищенная кожа была сплошь покрыта красными точками.

— Удерживал меня на месте, пока не подкрался и не взял карты.

— Уверен, что это был дроу?

— Я рассмотрел его, когда вышел из темноты, — уверенно кивнул Бренор.

— Где?

Дворф указал на холм, переходящий в ложбину. Дзирт опустился на колени, изучая мох. Прекрасный следопыт, дроу легко обнаружил отпечатки ног — слишком легко, учитывая, что, по словам Бренора, похититель был темным эльфом. Дзирт спустился по следу в ложбину, здесь разобрать след стало труднее — дворф тут основательно потоптался сам.

Наконец Дзирт снова обнаружил след, уходящий на северо-запад. Они с Бренором поднялись на холм, разглядывая окрестности.

— В этом направлении есть дорога, — заметил дроу.

— Дорога?

— В порт Лласт.

Дворф взглянул на запад.

— Кошка убежала этим путем. Может, она уже нашла вора?

Друзья спустились с холма, и Дзирт вновь отыскал след — и вновь слишком легко.

Не успели они пройти и сотни ярдов, как услышали впереди рычание.

— Проклятие, замечательная кошка! — воскликнул Бренор и прибавил шагу, ожидая обнаружить Гвенвивар сидящей на воре.

Товарищи действительно увидели пантеру, стоящую на небольшой лужайке, ее шерсть была взъерошена, а клыки обнажены — кошка сердито рычала.

— Ну и?.. — взревел дворф. — И где, во имя Девяти Адских Кругов?..

Дзирт положил руку на плечо друга, прося тишины.

— Земля, — сказал он спокойно, подходя к пантере.

— Что?

Вскоре Бренор понял и сам.

Гвенвивар стояла на траве, но земля под ней была не темной, как и положено почве, а белой. Мышцы кошки были напряжены, она пыталась поднять лапу и отойти в сторону, но тщетно.

— Что-то вроде клея, — отметил эльф, приближаясь к краю странного пятна. — Гвен?

Пантера безрадостно зарычала в ответ.

— Он приклеил ее к земле? — спросил Бренор, подходя ближе. — Он поймал твою кошку?

Дзирт не ответил, только беспокойно вздохнул. Он достал статуэтку из оникса и приказал пантере уходить. Обычно она мгновенно превращалась в серый туман и возвращалась в свой дом на Астральном Уровне, но в этот раз Гвенвивар уменьшилась до точки и исчезла, оставив эльфа и Бренора одних на лужайке.

— У него мои карты, эльф, — напомнил удрученный дворф.

— Мы найдем его, — пообещал Дзирт.

Он не рассказал, что похититель ушел слишком очевидным путем и явно хотел, чтобы друзья увидели его следы. Вор вел их за собой нарочно, и До'Урден был совершенно уверен, что знает, чьи это проделки.

Дроу снял сумку с плеча и положил ее на стол между собой и Джарлаксом.

— Думаю, они все здесь, — сказал он.

— Ты не уверен? — спросил Атрогейт из другого угла комнаты. — Мы заняты важным делом, а ты говоришь «думаю»?

Джарлакс обезоруживающе улыбнулся дворфу, а затем вновь перевел взгляд на Вейласа Хьюна, одного из своих самых опытных разведчиков:

— Уверен, ты забрал самые важные.

— Бренор разложил их на земле, — ответил Вейлас. — Все карты, которые дворф разложил на земле, находятся здесь, как и те, что он не вытаскивал из сумки. Возможно, есть еще — спрятаны в другом месте. Я не уверен...

— Ты же вроде разведчик, нет? — рявкнул Атрогейт.

— Прости моего друга, — вмешался Джарлакс. — Это дело для него многое значит.

— Потому что он освободил Предвечного, ты это подразумевал? — уточнил Вейлас, бросив на Атрогейта ехидный взгляд.

Эти слова застали дворфа врасплох. Кто мог знать о путешествии в Гаунтлгрим после стольких лет? К слову сказать, Джарлакс совсем не выглядел удивленным. Атрогейт с подозрением взглянул на наемника.

— Ты ему рассказал?

— Не много на свете вещей, способных укрыться от внимания Вейласа Хьюна, мой друг, — объяснил Джарлакс. — Но будь уверен, он один из немногих, кто знает о печальных событиях в Гаунтлгриме.

— Раз так, то почему он не убедился, что забрал все проклятые карты?

— Король Бренор был не один, — напомнил разведчик. — У меня не возникло ни малейшего желания объяснять свое присутствие Дзирту До'Урдену.

— Наш брат достаточно разумен и уравновешен, — сказал Джарлакс.

— Множество мертвых дроу не согласились бы с такой характеристикой, — парировал Вейлас. — Кроме того, друг мой, ты мало знаешь о том, каким Дзирт стал. Я анализировал его поступки и разговаривал с его попутчиками. Определение «уравновешенный» звучало не

слишком часто.

Брови Джарлакса удивленно поднялись, и он быстро отвел взгляд.

— Ты должен узнать его получше, если решишь сопровождать нас в путешествии в Гаунтлгрим, — напомнил дроу разведчику.

Вейлас покачал головой, прежде чем Джарлакс успел закончить фразу.

— Предвечный? — хмыкнул он. — Может, нам лучше отправиться на другой план и сразиться с богом? Думается, разницы не будет: в обоих случаях мы не проживем и пары мгновений.

— У меня нет намерения сражаться с Предвечным.

— На твоём месте меня бы больше волновали *его* намерения. Но к счастью, я не ты. — Вейлас указал на сумку. — Там карты, которые ты хотел получить.

— А вот золото, которое ты честно заработал, — ответил Джарлакс, бросая разведчику небольшой мешочек.

— Есть еще кое-что, — сказал Вейлас Хьун. — Это бесплатно, — добавил он, заметив подозрительный взгляд наемника.

— Они тебя преследуют?

— Если нет, то Дзирт далеко не такой превосходный следопыт, как ты утверждаешь.

— И?..

— На юге заметное оживление. Незересы все еще воюют с тейцами в лесу Невервинтер.

— Да-да, в пределах Кольца Страха.

— И более того, люди из окрестных земель боятся пробуждения Предвечного.

— Люди и будут бояться! — сказал Атрогейт. — Земля трясется!

— Кое-кому это на руку, — ответил Вейлас.

— А кто-то хочет это остановить, — отозвался Джарлакс. — И те, кому это на руку, несомненно, будут пытаться остановить тех, кто хочет прекратить это.

— Не исключено, — кивнул разведчик. — И к слову сказать, некий отряд проник в Лускан за несколько часов до меня. Они вошли в город небольшими группами, но мои осведомители у городских ворот уверяют, что у них общая цель. Они носят одежды простых торговцев, но мои информаторы весьма проникательны и, безусловно, умнее этих чужаков. Как мне рассказали, они прячут одинаковые шрамы от ожогов — тавро.

— Ашмадайцы, — заметил Джарлакс.

— И немало, — уверил Вейлас. — Среди них есть эльфийка, элегантная и соблазнительная. Ходит с металлической тростью.

Наемник кивнул, давая Вейласу понять, что продолжать не стоит. Со стороны тейцев весьма разумно послать в город отряд — ведь Лускан был входом в Гаунтлгрим, и любой, кто попытается предотвратить катастрофу, вынужден будет прийти сюда и столкнуться с ними.

— У тебя есть в городе разведчики, что следят за культистами? — спросил Джарлакс.

— Несколько.

— Стандартная команда?

Вейлас кивнул:

— И они знают, что связаться с тобой можно через нашего друга в «Абордажной сабле».

— Звучит так, будто ты собрался уходить, — заметил Атрогейт.

— Я вызван в Подземье, дорогой дворф. В мире куда больше проблем, чем ты думаешь.

Атрогейт начал было спорить, но Джарлакс прервал его коротким взмахом руки. Очевидная истина заключалась в том, что Бреган Д'Эрт и Киммуриэль значительно реже стали появляться в Лускане за последние несколько лет, и тому были веские причины. С падением Невервинтера Лускан стал невыгоден банде. Тогда как Джарлакс был лично заинтересован в этом деле, питая ненависть к Силоре Салм. Личное дело наемника, о котором банде знать не следовало. По многим причинам Джарлакс возвысил Киммуриэля до

статуса, почти равного собственному, и одной из этих причин была возможность разбираться с подобного рода неприятностями. Именно поэтому дроу нанял Вейласа Хьюна и Громфа на свои собственные деньги, не прося помощи у псионика и Бреган Д'Эрт. Предвечный, Кольцо Страха, столкновения между Теем и Незерилом... Ничто из этого не сулило выгоды, а главными и первоочередными задачами для Бреган Д'Эрт оставались только те, что приносили прибыль.

Джарлакс бросил Вейласу Хьюну еще один мешочек с золотом, что привело разведчика в замешательство. Он посмотрел на наемника с явным любопытством.

— За дополнительную информацию, — объяснил Джарлакс. — И прошу, купи Киммуриэлю бутылку лучшего бренди в качестве благодарности за то, что он печется о своем лучшем разведчике и воре.

— Его? — хитро усмехнулся Вейлас.

— На данный момент, — ответил Джарлакс. — Когда я вернусь в Подземье и встанет вопрос о главенстве, я верну то, что принадлежит мне. Включая услуги Вейласа Хьюна.

Разведчик улыбнулся и поклонился.

— С нетерпением жду этого дня, друг мой, — сказал он и ушел не прощаясь.

— Думаешь, это она? — спросил Атрогейт.

— Это меня не удивило бы, но, безусловно, следует узнать точнее, — кивнул Джарлакс.

— Бессмысленно, эльф, — ответил дворф. — Зачем Далии возвращаться в Лускан, да еще в такой компании?

— Прошло десять лет.

— Безусловно, но не думаю, что у нее такая короткая память. Ладно, хотя бы узнаем, носит ли все еще она ту шляпу, учитывая, что посох при ней. И с чего она решила, что мы все еще в городе? — продолжил Джарлакс. — И какое ей до этого дело?

— А разве мы не те, о ком говорил твой приятель? Разве мы не собираемся загнать Предвечного в клетку?

— Возможно, — пожал плечами наемник, думая уже о другом.

Он наводил справки о Далии после извержения вулкана и знал, что она была в лесу Невервинтер, помогая Силоре создавать Кольцо Страха и совершая набеги на незересов. И если судить по произошедшему в Гаунтлгриме, такое состояние дел вряд ли по душе вспыльчивой и независимой эльфийской воительнице. Открытым оставался вопрос и о ее преданности Силоре.

Конечно, Далия легко могла пробраться в Лускан неузнанной. В ее случае даже ношение обычной одежды становилось существенной маскировкой. Но раз эльфийка вошла в город так нагло, — видимо, ее ничуть не пугает то, что Джарлакс может ей противопоставить?

Или она хотела, чтобы наемник нашел ее?

Дроу кивнул, мысленно проигрывая множество разных сценариев и напоминая себе, что вскоре в городе появятся еще два важных гостя.

— Куда это ты? — спросил Атрогейт, когда Джарлакс направился к двери.

— Побеседовать с информаторами Вейласа Хьюна. А ты отправляйся в «Абордажную саблю». Передай мои лучшие пожелания Шиванни Гардпек и предупреди о возможных посетителях.

— О которых? — спросил дворф. — О культистах или о Дзирте с Бренором?

Джарлакс помедлил, размышляя над словами дворфа, а затем ответил:

— Да.

— Здесь много людей, — сказал Деванд, командир отряда ашмадайцев, отправившегося в Лускан вместе с Далией.

— Это же город.

— Я думал, что он похож на порт Лласт. Разве это не пиратский форпост?

— Лускан — это нечто гораздо большее, — ответила Далия. — По крайней мере, так было раньше.

Действительно, город заметно уменьшился со времен ее последнего посещения. На улицах была грязь, многие дома пустовали, некоторые так и не были восстановлены после пожара, — казалось, их больше, чем жилых построек. Магазины по большей части были закрыты, и не одна пара холодных, злонамеренных глаз следила за отрядом из темных переулков и пустырей.

Далия обернулась к культистам.

— Дроу и дворф, — сказала она. — Мы ищем дроу и дворфа. Сейчас в Лускане не много темных эльфов, и будьте уверены, что любой дроу, которого вы найдете, будет знать о том, который нам нужен. Разделитесь на небольшие группы — по три-четыре воина в каждой — и пройдите по тавернам и гостиницам. Их много в Лускане — или было много. В любом случае оставшиеся легко найти. Смотрите и слушайте. Мы должны изучить город за короткое время. А ты, — обратилась эльфийка к Деванду, — возьми трех лучших воинов. Мы отправимся в подземелья города, в то место, что Валиндра когда-то звала домом. Там можно найти корни павшей Главной башни Тайного Знания, по которым я впервые попала к Предвечному. Кроме того, там есть и другие туннели, по которым можно добраться до Гаунтлгрима, если придется преследовать наших врагов.

— Следовало взять с собой Валиндру, — заметил Деванд, но Далия покачала головой.

— Силора отказала в этой просьбе, — сказала она. — И признаться, я рада этому. Лич неуправляема и непредсказуема.

Деванд слегка поклонился, опуская глаза, как того требовали приличия.

Лидер ашмадайцев сделал хороший выбор: бойцы были опытными и не задерживали Далию, когда та с нетерпением спускалась в подземелья Лускана через Иллюск. Скипетры культистов были зачарованы, что позволяло им светиться, подобно небольшим факелам. Оружие Деванда содержало более сильную магию, дающую свет как от фонаря. Скипетры и амулеты позволили им избежать столкновений с гхолами и прочей нежитью, обитавшей в катакомбах. Группа достаточно быстро достигла бывших покоев Валинды.

Место осталось таким же, каким его запомнила Далия, хотя грязи прибавилось. Но в остальном ничего не изменилось: мебель и старинные тома, а также многочисленные витые декоративные канделябры...

Все было прежним, вот только драгоценный череп, филактерия Арклема Грита пропала.

Эльфийка на мгновение задумалась, не является ли это знаком, что могущественный лич освободился из своей тюрьмы. Или Джарлакс покинул город, взяв филактерию с собой? В конце концов, он не оставил бы такое сокровище.

Воительница подавила разочарованный вздох. Она отчаянно надеялась, что наемник все еще в Лускане.

— Корни! — услышала она возглас Деванда откуда-то снаружи пещеры и направилась к нему, пока остальные ашмадайцы рассматривали потолок в поисках зеленых корней павшей Башни. — Корни! — снова сказал Деванд, когда Далия подошла ближе.

— Здесь и дальше, — сказала она, указывая на туннель, уходивший на юго-восток, — это путь к Гаунтлгриму. Вы двое, — обратилась воительница к Деванду и еще одному культисту, — следуйте за этим корнем и узнайте, можно ли там пройти.

— Как далеко? — спросил Деванд.

— Насколько возможно. Ты помнишь обратный путь в город?

— Конечно.

— Тогда идите. Так далеко, как сможете за остаток дня и ночь. Ищите следы старых туннелей — оставляйте перед ними бурдюки, сажу от факелов, отпечаток ноги — что угодно.

Поклонившись, двое воинов скрылись в туннеле.

Далия вернулась в Лускан, где назначила встречу с оставшейся частью отряда в ветхой

гостинице в южной части города недалеко от Иллюска. Небольшие группы возвращались одна за другой, докладывая обо всем, что удалось узнать у обитателей постоянных дворов и таверн, разбросанных по городу. Они добросовестно прочесали город, но так и не нашли ни одного темного эльфа или намека на его присутствие.

Эльфийка спокойно выслушала доклады, заверив всех, что это только начало и прочная основа для дальнейших действий.

— Изучайте город, — приказала она сектантам, — его жизнь и его обитателей. Заручитесь доверием местных жителей. У вас есть деньги. Позвольте им выпить за ваш счет в обмен на информацию.

И снова воительница безмолвно взмолилась, чтобы Джарлакс оказался в Лускане.

Когда же перед следующим рассветом вернулся Деванд, женщина была менее сдержанна, ведь он принес известие, что пути в Гаунтлгрим больше нет.

— Туннели обрушились и стали непроходимы, — заверил он.

— Когда отдохнешь, возьми с собой половину отряда, — приказала Далия. — Общайте каждый туннель.

— Внизу целый лабиринт, — запротестовал Деванд, — и он кишит гхолами.

— Каждый туннель, — повторила воительница не терпящим возражения тоном. — Это единственный путь к Гаунтлгриму. Если он запечатан, то мы, по крайней мере, вернемся к Силоре с гарантиями, что никто не воспрепятствует пробуждению Предвечного.

Деванд больше не спорил и удалился, чтобы немного отдохнуть, оставляя Далию в одиночестве в маленькой комнатке в гостинице. Женщина подошла к окну и оглядела Город Парусов.

— Где же ты, Джарлакс? — прошептала эльфийка.

Глава шестнадцатая ДРОУ И ДВОРФ

— Ты знал, что это он, с самого начала, — заключил Бренор, когда стало очевидным, что Дзирт собирается преследовать вора до самого Лускана.

— Я знал, что на наш лагерь напал дроу, — подтвердил эльф.

— Я тебе так и сказал!

Дзирт кивнул:

— И я знал, что он хотел, чтобы мы отправились за ним. След, который он оставил, слишком очевиден.

— Он спешил, — предположил Бренор, но дроу покачал головой. — Я бы спешил на его месте, — пробормотал дворф и, когда Дзирт не ответил, добавил: — Он хотел, чтобы мы следовали за ним, так?

Бренор увидел, что его друг снова кивнул.

— Этой крысе не поздоровится, когда я до него доберусь, — заявил дворф, погрозив кулаком.

Дзирт только улыбнулся и больше не обращал на друга внимания, так как тот вновь завел старую песню, суля вору, посмевавшему похитить заветные карты, все муки ада.

Дроу был уверен, что вором этим был Джарлакс или кто-то, кто работает на него. Наемник лучше кого бы то ни было осведомлен о желании Бренора отыскать Гаунтлгрим, и, кто бы ни совершил набег на лагерь, он искал именно карты и выждал момент, когда их легче всего было забрать.

Но зачем? Почему Джарлакс решил связаться с ними таким экстравагантным образом?

Дзирт взглянул на горы, возвышающиеся на севере, и решил, что они будут в Лускане уже завтра до полудня.

Ночью друзья разбили лагерь у дороги, и отдых был безмятежным до раннего утра, когда началось землетрясение.

— Путь перекрыт.

Далия удивленно оглянулась.

— Джарлакс, — произнесла она, хотя и не могла видеть дроу в темном переулке.

— Ваши разведчики говорят правду. Пути к Гаунтлгриму больше нет, во всяком случае из руин Лускана.

Далия двигалась медленно, стараясь рассмотреть темного эльфа. Голос действительно был похож на голос Джарлакса — мелодичный и приятный, каким и должен быть голос эльфа, особенно у сладкоречивого дроу, — однако воительница не была уверена в личности собеседника. Она десять лет не слышала наемника, и даже тогда...

— Я знаю тебя, — сказал голос. — Знаю твое сердце. И думаю, ты сумеешь надлежащим образом воспользоваться шансом, когда он представится.

— Что ты имеешь в виду? — удивилась эльфийка и, когда ответа не последовало и после повторно заданного вопроса, шагнула в переулок, где, как она предполагала, находился источник звука.

На пустой опрокинутой бочке Далия нашла завернутую в ткань маленькую коробку, в которой лежало стеклянное кольцо.

Она закрыла коробку и снова обернула ее в ткань, прежде чем положить в мешок, не переставая внимательно осматривать переулок.

— Джарлакс? — снова прошептала эльфийка, уже понимая, сколь смехотворны ее надежды.

Она выбежала из переулка на засыпанную мусором улицу, ведущую к гостинице, где снимала комнату. Теперь эльфийка была убеждена, что встретила агента Силоры.

Тейская волшебница никогда не доверяла ей, постоянно подвергая проверкам, и Далии не поздоровится, если Силора узнает, что преданность воительницы вовсе не абсолютна.

Независимо от того, когда и по какой причине они подходили к Лускану, Дзирт и Бренор всегда останавливались на одном и том же холме к югу от города, с которого открывался вид на гавань. Хотя в Глубоководье и Калимпорте бухты были обширнее, причалы длиннее, а кораблей больше, нигде не было такого разнообразия судов, как в Городе Парусов. Это было пристанище пиратов, контрабандистов и самых отчаянных торговцев — смельчаков, суда которых были вооружены катапультами, способными разнести башню замка, и парусами, сшитыми из тряпья.

Суда, предназначенные для каботажного плавания, стояли у малых причалов, задрав весла вверх. Двухмачтовые шхуны и каравеллы с квадратными парусами доминировали на втором ряду, расположенном ближе к открытому морю, и три больших и широких трехмачтовых судна были пришвартованы на рейде. Действительно Город Парусов — хотя Дзирт не мог не отметить, что судов в порту стало меньше со времен последнего посещения.

— Нашему «другу» лучше оказаться здесь, — ворчал Бренор. — И с моими картами. Всеми. И пусть не думает, что я оставляю ему хотя бы одну.

— Скоро мы все выясним, — пообещал Дзирт.

— Мы все выясним сейчас, — прорычал дворф в ответ.

— Джарлаксом займемся завтра, — пообещал дроу. — Уже поздно, нужно найти гостиницу на ночь и смыть дорожную грязь.

Бренор собрался было спорить, но резко остановился и с усмешкой взглянул на друга.

— «Абордажная сабля?» — едва ли не с почтением предложил дворф, вспоминая, сколько разных историй связано с этим заведением.

Именно здесь Дзирт и Вульфгар впервые встретились с капитаном легендарной «Морской феи» Дюдермонтом, чтобы отплыть из Лускана. Именно сюда сломленный варвар пришел, когда, вырвавшись из Абисса, увяз в жалости к себе и беспробудном пьянстве. Дели Керти, недолго бывшая женой Вульфгара, а значит — невесткой Бренора, работала здесь официанткой.

— Арумн Гардпек, — вспомнил имя хозяина таверны дворф.

— Хороший человек с прекрасным заведением, — согласился Дзирт. — Да, когда богачи приезжали в Лускан раньше, до того как пираты захватили город, они останавливались в более престижных гостиницах, выше на холмах, но куда лучший приют они нашли бы в комнатах Арумна Гардпека.

— Несомненно, — кивнул Бренор. — А кем был тот тощий малый с крысиной мордой? Который украл молот моего мальчика?

Дзирт мог легко представить того проходимца, сидящего на табурете у стойки Арумна. Он был завсегдатаем, и у него было странное, глупое имя, но какое именно, дроу вспомнить не мог, а потому лишь покачал головой.

— Семья Арумна, по слухам, все еще владеет этим заведением, — вспоминал Бренор. — Как зовут ту девочку? Шиванни?

Дзирт кивнул:

— Шиванни Гардпек. Прапраправнучка Арумна вроде бы.

— Думаешь, она здесь?

Дроу пожал плечами. Для него имело значение только то, что «Абордажная сабля» до сих пор существует. Шиванни, может, и не была потомком Арумна Гардпека, но имела схожую родословную, что наверняка порадовало бы старого трактирщика.

Провожаемые настороженными взглядами, друзья прошли открытые городские ворота. На стенах было совсем мало стражников, а в башнях так и вовсе ни одного. Вероятно, часовые были солдатами одного из верховных капитанов и больше походили на банду головорезов — без униформы, кодекса и понятий об общественном благе.

Городские ворота распахнуты настежь. Если бы в Лускане начали выбирать, кого впускать, то город в скором времени, скорее всего, опустел. Даже больные псы, что забредали через ворота, были ангелами в сравнении с крысами, что ползли с судов, приходивших в порт.

— Теперь еще дворф с дроу, — сказал какой-то человек, когда друзья прошли ворота.

— Сложно сказать, что более впечатляет — твое зрение или ум, который позволил столь точно определить наши расы, — ответил Бренор.

— Довольно необычная компания, — ответил человек со смешком.

— Не провоцируй его, Бренор, — сказал Дзирт так, чтобы только дворф мог его услышать. — И какие новости в Лускане, добрый господин? — обратился дроу к стражнику.

— Те же, что и всегда, — ответил тот. Казалось, он уже был изрядно навеселе. Мужчина встал и потянулся, при этом его спина издала хруст, затем сделал несколько шагов к друзьям. — Горы трупов засоряют канализацию, а орда крыс не дает пройти по улицам.

— И скажите на милость, какому капитану вы служите? — спросил дроу.

Человек выглядел оскорбленным и приложил руку к сердцу.

— С чего ты взял, темнокожий? — спросил он. — Я живу, чтобы служить Городу Парусов, и никому больше.

Бренор бросил на Дзирта кислый взгляд, но эльф, намного лучше разбирающийся в жизни хаотичного и дикого города, улыбнулся и кивнул, поскольку и не ожидал иного ответа.

— И куда вы направляетесь? — спросил стражник. — Могу подсказать направление. Ищете лодку или гостиницу?

— Нет, — категорично сказал Бренор, отвечая разом на оба вопроса.

Но, к безмерному удивлению дворфа, Дзирт произнес:

— Мы просто путешествуем. Сегодня нам нужно хорошее жилье. А завтра, возможно, отправимся на север. — Он махнул рукой и пошел прочь, а затем сказал Бренору, почти не понижая голоса: — Ну, Шиванни ждет нас.

— Эх, — сказал стражник, и путники обернулись. — В Лускане можно найти хорошее пиво, будьте уверены. Последнее судно с выпивкой прибыло из Ворот Бальдура только пару дней назад.

— Это радует, — кивнул дроу, уводя Бренора.

— Когда ты перестанешь трепать языком, эльф?
Дзирт пожал плечами, как будто не понял, о чем речь.
— Он мог слышать имя.
Дроу снова пожал плечами:
— Если Джарлакс хочет найти нас, не вижу смысла ему мешать.
— А если это не он?
— Тогда мы никогда не узнали бы, что наш лагерь ограбил дроу, и никогда не нашли бы столь очевидных следов.
— Или это обманка. Чтобы привести нас сюда и заставить думать, что это Джарлакс. — Дворф поразился своим словам, словно на него только что снизошло прозрение.
— В любом случае я хотел бы поговорить с Джарлаксом, ведь дело касается и его тоже. В таком случае он может стать прекрасным союзником.
— Ба! — фыркнул Бренор.
— У нас здесь нет врагов, насколько я знаю, — заметил дроу. — Мы вошли открыто, ничего не скрывая и без злых намерений.
— Теперь мы друзья верховных капитанов, так, что ли?
— Откровенно говоря, я убил бы каждого из них, представься возможность. Если они, конечно же, похожи на тех, кто погубил Дюдермонта десятилетия назад, — признал Дзирт.
— Уверен, они были бы рады это услышать.
— Я не собираюсь им ничего говорить.

— Дворф и дроу, как вы и говорили, — сказал стражник женщине, когда монета переключалась в его карман.
Культистка — подчиненная Далии — кивнула.
— В тот же день?
— Ни часом позже.
— Ты уверен?
— Дворф и дроу, — сказал стражник, недоумевая, как вообще здесь можно что-то перепутать.
Женщина облизнула губы и отвернулась, чтобы стражник не смог увидеть содержимого кошелька, а затем бросила шпиону еще две монеты.
— Куда они направились?
Стражник пожал плечами;
— Я не стал за ними следить.
Культистка вздохнула и издала негромкое расстроенное рычание. С отвращением она покачала головой и пошла прочь.
— А что, если я знаю, куда они собирались? — спросил головорез.
Женщина повернулась и с негодованием посмотрела на ухмыляющегося человека. Она ждала несколько мгновений, но тот так ничего и не сказал.
— Ну и?.. — произнесла она.
— Вы заплатили мне, чтобы следить за воротами и ждать дворфа и дроу. Я следил за воротами и дождался.
Культистка угрожающе сузила глаза, но стражник казался абсолютно спокойным.
Вздыхнув, женщина снова достала кошелек.
— Монета за имя того, к кому они направились, — сказал мужчина, улыбаясь все шире. — Две — и вы получаете название места. Три — и я скажу, как туда добраться.
Ашмадайка бросила две монеты к его ногам.
— Это все, — сказала она.
Стражник взглянул на деньги и пожал плечами, принимая сделку.

— Тощий, — произнес Бренор, наклоняясь над стойкой, его рыжая с проседью борода была измазана пеной.

Шиванни Гардпек стояла напротив, уперев одну руку в бок, а другой сжимая подбородок. Она была полной привлекательной женщиной сорока лет, с густыми, вьющимися темно-каштановыми волосами, спадавшими на плечи. Внешне Шиванни не напоминала своего дальнего предка Арумна, но ее поведение говорило об их родстве.

— Арумн управлял здесь задолго до меня, — пробормотала она.

— Очень давно, — согласился Бренор. — Но рассказы передавались в вашей семье?

— Разумеется.

— И рассказ об украденном молоте Вульфгара?

Шиванни кивнула и закусил губу, словно пытаясь припомнить полузабытое имя.

— А бородатый гном? — расстроено произнес Бренор, когда женщина всплеснула руками, так ничего и не вспомнив.

Он опустошил свою бутылку и кивнул Дзирту в знак того, что готов подняться в комнату.

На середине лестницы друзей остановил окрик Шиванни.

— Я постараюсь вспомнить, не сомневайтесь! — сказала она.

— Человек с крысиным лицом и молотом, который ему не принадлежал, — ответил Бренор таким тоном, словно эта беседа вернула его в приятные воспоминания о событиях, происходивших десятки лет назад.

Действительно, в его голосе прозвучало облегчение, он широко улыбнулся и развел руками, как будто все в мире вновь встало на свои места.

Два часа спустя Бренор громко храпел, удобно устроившись в кресле. Дзирт задумался, стоит ли тревожить сон друга, понимая, что если не разбудить его сейчас, то дворф наверняка поднимет его с постели среди ночи, жалуясь на пустой желудок.

Бренор перестал храпеть, затем лениво открыл один глаз, чтобы посмотреть на темнокожую руку, касающуюся его плеча.

— Пора перекусить, — сказал дроу спокойно, но громко, заметив, что дворф собирается укунить его ладонь.

Бренор потряхнул его руку, снова закрыл глаза, облизнул губы и еще ниже сполз на кресле.

Дзирт некоторое время смотрел на друга, потом встал, зашел с другой стороны стула, низко склонился и шепнул дворфу в ухо:

— Орки.

Глаза Бренора широко раскрылись, он выпрыгнул из кресла и приготовился к бою.

— Где? Что?

— Вилки, — сказал Дзирт. — Прошло много времени с тех пор, как ты пользовался ими последний раз.

Дворф с негодованием посмотрел на эльфа.

— Перекусим? — спросил Дзирт, шагнув к двери.

— Ба, разговор с трактирщицей пробудил во мне воспоминания, эльф. А ты их отогнал.

— Воспоминания о Вульфгаре?

— Да, мой мальчик и моя девочка.

Дроу кивнул, прекрасно понимая, какой покой могут принести подобные воспоминания. Он сочувствующе улыбнулся и склонил голову, принося извинения.

— Если б я знал, то пошел бы перекусить без тебя.

Бренор отмахнулся и погладил ворчащий живот. Он схватил однорогий шлем, нахлобучил его на голову, закрепил щит за спиной и взял свой топор.

— Не нужны мне никакие проклятые вилки, — сказал дворф, показывая Дзирту оружие, — и если мне встретится орк, я разрублю его на куски, которые можно будет проглотить, не жуя, не сомневайся.

Что-то показалось эльфу неправильным, когда он и Бренор спустились до середины лестницы, ведущей в зал. Шиванни не было за стойкой, что уже выглядело странно, но и помимо этого что-то было не так, хотя, что именно, дроу понять не мог. Друзья спустились и

заняли столик недалеко от стойки, и Дзирт продолжил внимательно оглядывать комнату.

— Тебе ничего не кажется странным? — спокойно спросил он Бренора, пока тот усаживался, пристраивая свой топор и щит рядом.

Дворф осмотрелся, затем повернулся к собеседнику, явно озадаченный.

Дроу только покачал головой, но неприятные ощущения лишь усилились: в таверне не было пожилых людей, небритых и неряшливо одетых типов, которые выглядели бы так, словно только что сошли с пиратского судна.

Было что-то еще... схожесть в одежде у всей этой опрятной толпы.

— Спрячь топор, — прошептал Дзирт при виде приближающейся к ним незнакомой подавальщицы — хотя за столь короткое время в Лускане довольно трудно перезнакомиться со всеми подавальщицами.

— Добрый вечер, — поприветствовала их женщина.

— И тебе, милая барышня. Как тебя зовут? — спросил Бренор.

Она улыбнулась и скромно склонила голову. Дроу заметил, что на ее щеках нет и тени румянца. Так же он разглядел болезненный с виду шрам между ее левой грудью и ключицей.

Дзирт снова осмотрел комнату, сосредоточив внимание на человеке, склонившемся над столом, и заметил у него похожее увечье. И у сидящей неподалеку женщины из разреза платья выглядывал шрам — нет, метка, такая же как у подавальщицы.

Дроу перевел взгляд на Бренора. Дворф заказал мясо и выпивку.

— Нет, постой, — прервал его Дзирт.

— Э? Но я голоден, — запротестовал дворф. — Ты меня разбудил, и теперь я хочу есть.

— Как и я. Но мы опаздываем на нашу встречу, — настойчиво сказал Дзирт, поднимаясь.

Бренор смотрел на него с недоумением.

— Уверен, у Вульфгара на корабле найдется для нас прекрасная оленина, — заверил дворфа эльф.

Бренор мгновение смотрел на него с беспокойством, но быстро сообразил, чего от него добивается дроу.

— Эх, я надеюсь на это, — сказал дворф и встал.

Встали и все остальные посетители «Абордажной сабли».

— Интересно, — пробормотал Дзирт, кладя руки на рукояти мечей.

— Будь благодарен, дроу, — сказала официантка. — Вам некуда бежать. Мы желаем поговорить с вами обоими с глазу на глаз — в месте, которое выберем. Отдайте оружие — и мы не прольем вашей крови.

— Сдаться? — спросил дроу с усмешкой.

— Оглядишься. Нас намного больше.

— Я вижу, ты встречаешь нас не как друзей, — заметил Бренор, схватил топор и ударил им по щиту, фиксируя его на руке.

Официантка отбросила поднос и попыталась отскочить в сторону, но двигалась недостаточно быстро. Дзирт мгновенно вытащил оружие, и лезвие Мерцающей замерло у шеи женщины.

— Похоже, первая пролитая кровь будет твоей собственной, — ухмыльнулся Бренор.

— Это не имеет значения, — ответила женщина со странной улыбкой. — Вы не доберетесь до Гаунтлгрима, независимо от моей судьбы. Мы можем либо уладить этот вопрос мирно, либо нам придется убить вас. Выбор за вами.

Дзирт и Бренор обменялись взглядами и кивками.

Меч дроу мелькнул в воздухе, но, не коснувшись шеи официантки, разрезал платье на ее плече. Женщина отреагировала так, как и ожидал эльф, — схватилась за платье. Дзирт шагнул вперед, опустил Мерцающую и ударил женщину кулаком в лицо, сбив ее с ног.

Все в зале достали оружие — в основном странные скипетры, полупосохи-полукопья.

Бренор опустил топор и просунул его под стол, а затем резким движением запустил предмет мебели в стоявших поблизости противников, вынуждая их отступить.

— Деремся или бежим? — спросил он у Дзирта, когда тот разворачивался, чтобы встретить трех приближающихся противников.

Дворф увидел ответ в горящих от нетерпения глазах дроу — глазах истинного темного эльфа. Дроу парировал удары двух ближайших противников, вынуждая мужчин отступать назад и двигаться достаточно быстро, чтобы уворачиваться от мечей.

Бренор высоко поднял руку со щитом, отражая мощнейший удар скипетра ашмадайца. Он махнул топором, но противник успел отступить на безопасное расстояние, и два воина-тифлинга сразу же оказались с двух сторон от дворфа, стремясь воспользоваться брешью в обороне.

Но Бренор был слишком опытным бойцом, чтобы допустить столь очевидную ошибку. Он сделал шаг, перенес вес на одну ногу и за счет импульса от замаха смог повернуться вокруг своей оси и выставить щит на пути нападавших. Щит был достаточно крепким, чтобы выдержать удар острого наконечника одного скипетра, и потребовалось лишь чуть приподнять его, чтобы отразить атаку второго.

Дворф двинулся вперед, отводя в сторону оружие тифлинга, и разрубил бедро противника, заставляя полудемона взвыть от боли и отступить, держась за покалеченную ногу.

Бренор подбежал к противнику и ударил в лицо, а затем пригнулся и скользнул под стол. Резко встав, дворф запустил стол вместе с посудой в своих преследователей.

Дзирт яростно бросился на двоих ашмадайцев — полуорка и темнокожего человека-термишанина, нанося множество ударов по их оружию и телам. Оставив этих двоих позади, дроу с нетерпением кинулся на следующих врагов.

Он понимал, что скорость — его союзник. Им с Бренором придется двигаться максимально быстро, чтобы не дать врагам спланировать организованную атаку. К тому же это был его любимый способ ведения боя.

Дроу подбежал к столу, запрыгнул на него и соскочил на пол, при этом Мерцающая и Ледяная Смерть неистово вращались, нанося удары по телам и жезлам. Вопли, крики, хруст ломающегося дерева и звон бьющейся посуды сопровождали его путь. Дзирт несясь, словно черный смерч, сея разрушение. Несколько раз он резко разворачивался, вынуждая преследователей уходить в оборону.

На одном из поворотов Дзирт развел мечи в стороны и нанес удары под разными углами по выставленному одним из противников копыю, выбивая оружие. Женщина вскинула руки, ожидая, что в ее плоть вот-вот вонзятся смертоносные лезвия, но дроу не оправдал ее страхов, зная, что на место культистки встанут новые враги.

Эльф подпрыгнул, упершись ногами в два стула, а затем развернулся, услышав позади странный звук: оказалось, один из преследователей, целивший ему в спину, ранил копьем обезоруженную женщину. Ашмадаец даже не успел понять, как это вышло, когда Дзирт, спрыгивая, ударил Ледяной Смертью, разрезав ему ноги чуть ниже ягодиц. Тот взвыл!

Дроу повернулся, атакуя следующего противника и держа остальных на расстоянии. Не меньше пяти культистов обступили его полукругом. Дроу пригнулся, не атакуя и готовясь к обороне, вынуждая противников действовать первыми.

Он бросил взгляд на Бренора, забравшегося на барную стойку и окруженного, как и дроу.

— Отличная смерть, эльф! — крикнул дворф.

— Как и должно быть! — ответил Дзирт без намека на сожаление.

Но внезапно властный голос пробился сквозь гул.

Все взгляды обратились к дверям, где стояло самое странное существо — эльфийка в высоких кожаных сапогах и короткой юбке, в широкополой шляпе и с металлической тростью.

— Кто это? — повелительным тоном спросила она.

— Дворф и дроу, — сообщил один из культистов.

— Это не они!

— Сколько еще может быть таких компаний? — удивился другой.

— Я думаю, еще как минимум одна, — заметил Бренор.

— Полагаю, это о нас? — прозвучал с лестницы голос Джарлакса, и внимание присутствующих обратилось к паре, стоящей на ступенях лестницы.

— Дроу и дворф, дворф и дроу — встречаются чаще, чем лиса и корова! Ба-ха-ха! — с энтузиазмом добавил Атрогейт.

Обескураженные культисты явно не знали, что делать.

— Тогда сдавайтесь все! — потребовал один из них. — Вы не вернетесь к Зверю!

— Зверю? — выгнул бровь Джарлакс. — Но... Ах, да! Король Бренор, он говорил о Гаунтлгриме. У меня есть отличная история, которой я хотел бы с тобой поделиться.

— Он имеет в виду — после того, как мы разделимся с несколькими недоумками! — крикнул Атрогейт, прыгая через перила и выхватывая кистени.

Высота была приличной, и хотя прыжок и стал неожиданностью для культистов, все же у них было время отойти в сторону. Атрогейт приземлился на стол, который от удара сразу же разлетелся в щепки, что вызвало явное неудовольствие дворфа. Культист, решивший, что дворф уже не поднимется, убедился в ошибочности своих выводов, как только Атрогейт, стряхивая осколки посуды, встал на ноги. Еще более удивительным было то, что он все еще держал в руках оружие.

— Ба-ха-ха! — проревел он — и кинувшийся в атаку ашмадаец удивленно замер.

Однако через мгновение двое культистов бросились на дворфа.

Очень скоро оба они оказались в воздухе. Один отлетел в сторону, сбитый с ног зачарованным кистенем Атрогейта. Второй культист оказался в положении каторжника, к ноге которого цепляют железное ядро. Он попытался защищаться, и в результате его руку обмотала цепь второго кистеня. Вращение, поворот и бросок дворфа отправили несчастного культиста в короткий полет.

— Ба-ха-ха!

— Иди, — обратился Дзирт к Бренору.

Два дворфа прежде уже сражались вместе, причем весьма эффективно. Без малейшего колебания, используя действия Атрогейта в своих интересах, Бренор помчался вперед, пиная стулья и столы, сбивая топором мебель и посуду, бросая их в ашмадайцев и увеличивая хаос.

Атрогейт видел это и старался подобраться ближе, вполне счастливый от перспективы снова сражаться вместе с королем Бренором.

Ашмадайцы подбежали к основанию лестницы, но Джарлакс отреагировал на это очень спокойно, сорвав с широкополой шляпы перо и подбросив его в воздух. Перо мгновенно превратилось в гигантскую нелетающую птицу. Диатрима закричала, ее мощный голос эхом отразился от стен таверны. Птица принялась неистово бить маленькими крыльями, с силой опуская клюв на ближайших врагов и ломая половицы ногами.

Но Джарлакс этого не видел. Он бросил перо и тотчас же забыл о нем, зная, что его домашнее животное обеспечит необходимую отсрочку. Все внимание наемника было сосредоточено на входной двери — на Далии. Он припоминал прежний облик эльфийки, замечая отличия. Дроу вспоминал ее манеру речи, мимику. Соответствовало ли выражение лица Далии произнесенным ею словам?

Джарлакс напомнил себе, что это уже не важно, достал волшебную палочку и направил на воительницу.

Сражение кипело в зале таверны. Бренор и Атрогейт дрались справа, а Дзирт кружился в разрушительном танце напротив, но Далия не двигалась с места. Возможно, дело было в том, что больше дюжины культистов отделяли ее от противника, но, возможно, была и другая причина. Джарлакс надеялся на последнее.

В любом случае выбор за эльфийкой.

Он произнес заклинание, выпуская силу палочки. Шарик зеленого желеобразного вещества сорвался с наконечника и понесся через зал к воительнице, которая пропала из виду, когда липкое вещество врезалось в нее, облепляя дверные косяки и стену.

Второй шарик отправился в путь прежде, чем первый долетел до стены, похоронив Далию под слоем зеленой слизи. Теперь никто не догадался бы, что на том месте только что стояла эльфийка.

Джарлакс в задумчивости посмотрел на зеленый сгусток на стене.

У основания лестницы вскрикнула гигантская птица, ей вторил вопль ашмадайца, которому диатрима отомстила за удар скипетром.

Усмешка Джарлакса погасла, стоило ему перевести взгляд на Дзирта. Эльф казался обезумевшим от ярости. Наемник прежде не единожды видел дроу в бою, но таким — никогда. С оружия Дзирта стекала кровь, его движения не были столь выверенными и твердыми, как прежде.

Как и в сражении с пепельными зомби в лесу, До'Урден ушел в себя, позволяя печали, страху и злости выплескиваться на врагов. Теперь он был абсолютным бойцом, Охотником, этот образ он создавал многие десятилетия, с самой Магической чумы, когда беды и зло окружающей действительности уничтожили его иллюзорный душевный покой.

Бренор использовал столы как снаряды, подхватывая их топором или ногой и запуская в ближайших врагов. Для Атрогейта же мебель была лишь досадной помехой или тем, что можно сломать или разбить из чистой любви к разрушению.

Но для Дзирта стулья и столы, барная стойка и перила были опорой и только приветствовались. Его танец был бы менее гипнотизирующим и эффектным на ровном полу. Дроу вскочил на ближайший стол, затем спрыгнул с него так, что ни один стакан и ни одна тарелка не двинулись с места. Он приземлился одной ногой на табурет, а другой на пол, затем оттолкнулся, вскакивая обратно на стол.

Дроу перенес вес, и табурет наклонился, балансируя на двух ножках. Дроу отклонился назад, уворачиваясь от удара ашмадайца.

Затем он снова перенес вес, опрокидывая табурет на пол, опускаясь вместе с ним и быстро отскакивая назад, чтобы уклониться от следующего выпада сектанта, который пытался достать скипетром до головы Дзирта.

Дроу увернулся, одновременно выпрямляя левую руку и разрезая Мерцающей живот культиста. Дзирт промчался мимо согнувшегося человека, походя полоснув его мечом по ногам, заставив взвыть от боли и рухнуть на пол.

Спустя миг эльф был уже на следующем столе, где в пируэте нанес несколько ударов ногой. Противники рвались вперед, размахивая жезлами, но дроу всегда был на шаг впереди. И один за другим культисты падали под его выпадами.

Но их места занимали все новые и новые враги, и на миг показалось, они загнали дроу в угол.

Показалось.

Дзирт заметил пробирающихся к нему соратников и, как только Бренор и Атрогейт приблизились к его столу, сделал кувырок в сторону, отвлекая ашмадайцев. Культисты следили за дроу, стараясь достать его, когда два бывалых воителя врезались в их ряды. Щит, топор и пара кистеней действовали как продолжение живого оружия, которым были сами дворфы.

Стол превратился в щепки, и ашмадайцев раскидало в разные стороны. Атрогейт и Бренор ревели и рвались вперед, сминая врагов.

Дзирт возобновил смертоносный танец, его ноги и руки казались размытым пятном. Он направил мечи вниз и влево, нанося удар по направленному на него скипетру. Затем отвел клинки вправо, как раз вовремя, чтобы достать культистку и отбросить ее в сторону.

Дроу остановился, взглянув на птицу Джарлакса. Он крутанул клинки скорее для вида, нежели для какого-то воздействия, и зло усмехнулся, видя, что два ашмадайца слишком заняты им и не замечают чудовищную диатриму, приближающуюся к ним с тыла.

Эльф опустил мечи, и культисты немного замешкались. Одного диатрима клюнула в голову, проломив череп, а другого лягнула в бедро так, что он отлетел к стене.

Несмотря на численный перевес ашмадайцев — вначале двадцать против двоих, чуть

позже против четверых или пятерых, если считать диатриму, — культисты проигрывали. Вскоре у большинства из них возникло непреодолимое желание убраться подальше и попытать счастья в другой раз. Не имело смысла продолжать уже проигранное сражение.

Птица Джарлакса погналась за ними, выскочив из «Абордажной сабли» на улицу.

— Сдавайся! — потребовал Дзирт от противницы, которую загнал в угол напротив двери.

Он подкрепил ультиматум парой взмахов клинками, которыми перерубил выставленное женщиной копье, а затем поднес мечи к ее лицу. Из такого положения убить культистку не составляло труда.

Но она была фанатичкой.

Женщина сделала вид, что опускает оружие, заслоняясь свободной рукой, а затем атаковала.

Точнее, попыталась.

С криком прыгнув вперед, она поразила только воздух, не успев даже увидеть, что дроу отступил. Женщина напряглась, когда лезвие вошло в ее тело. Клинок скользнул к легкому, но дроу сдержал его и провернул. Скипетр культистки упал на пол. Она приподнялась на носки, стиснув зубы и размахивая руками, словно в поисках опоры.

Дзирт выдернул оружие и отступил. Женщина повернулась, чтобы взглянуть на него, держась за раненый бок. Ее губы двигались, словно она собиралась проклясть своего убийцу, но не проронила ни звука. Она опустила на колени и завалилась на бок, скорчившись на полу.

Дзирт обвел комнату взглядом как раз в тот момент, когда Бренор и Атрогейт столкнулись плечами, попытавшись одновременно выйти из таверны. Мгновением позже компаньон Джарлакса вытолкнул короля дворфов, а потом вышел сам.

Наемник спускался с лестницы. Выражение его лица было необычайно серьезным, когда он посмотрел на Дзирта.

— Что? — спросил дроу.

Джарлакс перевел взгляд на женщину, лежавшую на полу перед До'Урденем. Он покачал головой, вздохнул и двинулся дальше. Наемник не последовал за дворфами прочь из таверны — вместо этого, он повернулся к липкой массе на стене возле двери.

— Она задыхается, — подойдя, сказал Дзирт.

Некогда ему самому довелось стать пленником подобного заклятия, и дроу был хорошо знаком с его смертоносным действием.

— Ты предпочел бы убить ее своими клинками, полагаю? — саркастически заметил Джарлакс, и Дзирт уставился на него с недоумением.

Наемник встряхнул руками, и в его ладонях оказалось по кинжалу. Он посмотрел на мрачного Дзирта, а затем снова тряхнул запястьями, превращая кинжалы в длинные тонкие клинки. С несвойственным ему рычанием Джарлакс погрузил меч в липкую массу и пробил стену насквозь. Он достал меч и осмотрел лезвие, на котором осталось немного зеленого вещества.

— Нет крови, — сказал наемник и пожал плечами, глядя на Дзирта.

Он снова погрузил клинок в зеленую массу, на этот раз ближе к центру липкой кляксы. И снова посмотрел на собрата, приподняв бровь.

Тот даже не вздрогнул.

Джарлакс вздохнул и опустил меч.

— Кто ты? — спросил он, в упор глядя на Дзирта.

Дроу отреагировал на его осуждающий тон безразличным взглядом.

— Дзирт До'Урден, которого я знаю, призвал бы к милосердию, — сказал наемник. Он указал мечом на ашмадайцев, сраженных мечами дроу. — Позовем жреца?

— Чтобы, излечившись, они напали снова?

— Кто ты?

— Не тот, кем был раньше, — согласился Дзирт.

Апатия, жалость к себе, а главное — грубость поразили Джарлакса, словно струя кислоты. На его лице появилась кривая усмешка. Наемник повернулся к кляксе на стене и наотмашь ударил по ней мечом, затем серией взмахов исполосовал зеленую массу так, что находящийся под ней точно не мог выжить.

— Впечатляет, — сказал Дзирт, крутанул мечи в руках, стряхивая кровь, и отправил их в ножны. — И ты еще обвиняешь меня в недостатке милосердия?

— Смотри! — сердито рявкнул Джарлакс, демонстрируя дроу лезвия, на которых не было ни капли крови.

— Как ты узнал? — спросил Дзирт.

— Я знаю все, что происходит в Лускане.

— Тогда ты точно знаешь, где мои карты, — сказал вернувшийся в таверну Бренор.

Наемник поприветствовал его поклоном, затем оглянулся на поверженных ашмадайцев, большинство из которых корчились от боли на полу, хотя некоторые пытались подняться. Впрочем, они ограничивались наблюдением за троицей, стоявшей в дверях, и не предпринимали никаких враждебных действий.

— Нам есть что обсудить, — сказал Джарлакс. — Но не здесь.

— Я хотел бы знать, что с Шиванни Гардпек, прежде чем мы уйдем, — ответил Дзирт.

— Она в безопасности, — заверил его наемник, — и скоро вернется сюда с солдатами. — Он сделал паузу, чтобы проследить за реакцией Дзирта. — И жрецом, чтобы помочь раненым.

— Она знала, что случится в ее таверне этой ночью? — спросил дроу, глядя на царившую в зале разруху.

— И получила достаточно золота, чтобы восполнить как материальный ущерб, так и моральный, клянусь, — сказал Джарлакс.

— Восполнить ущерб? — повторил Дзирт со смешком. Он явно находил эти слова забавными, глядя на разгромленную комнату, полную раненых и мертвых.

Двое дроу внимательно посмотрели друг на друга, и каждый пытался найти смысл там, где его не было.

— Деньги могут повернуть время вспять? — спросил Дзирт.

Пристальный взгляд Джарлакса стал более поверхностным, в нем отразилось разочарование, которое лишь усиливалось оттого, что Дзирт по-прежнему оставался непроницаем.

— Чертова птица загнала их в доки и прямо в воду! — объявил Атрогейт, отвлекая дроу друг от друга.

Темные эльфы повернулись, чтобы посмотреть на дворфа, появившегося рядом с Бренором в дверях «Абордажной сабли».

— Идемте, — обратился ко всем Джарлакс. — Нам нужно многое обсудить.

Он взмахнул руками, и его мечи превратились в кинжалы, которые наемник подбросил в воздух, где они бесследно растаяли.

— А что с ней? — спросил Бренор, кивнув на зеленую массу.

— Увидим, — ответил Джарлакс.

Во главе с Атрогейтом все четверо долго бежали по улице, а затем свернули в переулок. Вскоре позади слышались крики стражников. Наемник достал из шляпы круглый клочок черной ткани и бросил на стену в конце переулка.

Атрогейт проскочил первым, но, когда Бренор заколебался, вернулся назад, схватил его за рубашку и утащил в темноту. Дзирт проворно проследовал за другом, последним вошел Джарлакс, стянув ткань со стены и восстановив ее прежнюю целостность.

Больше не имело смысла опасаться преследования, но четверка продолжала поддерживать быстрый темп, двигаясь к логову наемника.

— Ты вернешь мне карты! — заявил Бренор, когда они вошли в помещение.

Все четверо оказались в маленькой, но богато обставленной комнате. Джарлакс подошел к столу и бросил королю дворфов украденный пакет.

— Все, кроме одной, здесь, — пояснил наемник. — Возможно, они приведут к великим сокровищам, таинственным местам и приключениям.

— Кроме одной? — прорычал Бренор.

— Этой, добрый дворф, — пояснил дроу, доставая из ящика туго свернутый и перевязанный пергамент. — Она приведет к тому, чего ты желаешь более всего. Да, король Мифрил Халла, я говорю о Гаунтлгриме. Я был там, и, хотя не могу вернуться той же дорогой, поскольку взрыв разрушил туннели, я знаю, где находится древний город. — Джарлакс поднял карту перед собой. — И это путь к нему.

Бренор потерял дар речи. Он взглянул на Дзирта, который лишь пожал плечами.

Король дворфов снова повернулся к наемнику и облизал сухие губы.

— Я не играю в твои игры, — предупредил он.

— Никаких игр, — серьезно ответил Джарлакс. — Гаунтлгрим.

— Гаунтлгрим, — произнес Атрогейт, и Бренор перевел взгляд на него. — Я был там. Видел Кузницу. Видел трон. И призраков.

Последняя фраза впечатлила Боевого Топора, которому уже доводилось встречаться с молящими о помощи стражами древнего города.

Дзирт посмотрел на друга, и в его взгляде смешались радость и тревога.

Джарлакс заметил это и с удивлением понял, что его это беспокоит.

Глава семнадцатая **ОТЧАЯННОЕ ВРЕМЯ, ОТЧАЯННЫЙ ПЛАН**

Бренор почти исчез в мягком кресле и утопал все сильнее с каждым словом Джарлакса. Дроу объяснял свой план возвращения в Гаунтлгрим, и если королю дворфов и раньше эта затея казалась трудновыполнимой, то изложенная простыми словами, она казалась и вовсе невозможной.

— Таким образом, извержение вулкана произошло из-за чудовища, — сказал Бренор, и его голос понизился до шепота. — Чудовище и есть вулкан? — Спрашивая, он смотрел на Дзирта, припоминая их легкомысленные дискуссии о предотвращении катастрофы.

— Огненный Предвечный стар, как боги, — ответил Джарлакс.

— И столь же силен, — кивнул Бренор, но наемник покачал головой.

— Он не наделен божественным разумом. Он стал причиной катастрофы, не имея злого умысла. Мошь без интеллекта.

— Значит, он не станет организовывать секту фанатиков, — добавил Дзирт.

Джарлакс покачал головой.

Бренор посмотрел на волшебные сферы, лежащие на столе, которые предстояло использовать для вызова водных элементарей. Сферы, которые, как надеялись компаньоны, смогут заставить духов воды воссоздать темницу рассветного гиганта. Сферы необходимо поместить в определенные места, расположение которых до сих пор не было известно.

— Какое приключение, король Бренор! — взволнованно сказал Джарлакс, переминаясь с ноги на ногу. — Это — путь к Гаунтлгриму! Реальному Гаунтлгриму! Разве это не то, что ты искал и ради чего отрекся от престола Мифрил Халла?

— Ба! — фыркнул дворф, отмахнувшись от наемника.

Джарлакс усмехнулся и подмигнул Дзирту.

— У нас есть и другие варианты. И другие союзники, — сказал он, приподнимая широкополую шляпу и вновь водружая ее на голову. — Я скоро вернусь.

С этими словами он исчез, оставляя троих компаньонов сидеть в комнате.

— Вам была нужна моя карта, — сказал Бренор Атрогейту.

Чернобородый дворф пожал плечами и кивнул.

— Туннели, по которым мы шли в Гаунтлгрим в первый раз, обрушены. Невозможно вернуться тем же путем.

Боевой Топор повернулся и заинтересованно посмотрел на Дзирта.

— По тем туннелям проходили эти... корни Главной башни, ведя в древний дворфский город, — добавил дроу.

— Да, благодаря им мы и отыскиали дорогу.

— А если корни повреждены?

Атрогейт тяжело вздохнул, затем серьезно посмотрел на Бренора.

— Не стану вас обвинять, если не захотите, чтобы я шел с вами. Этот план — чистое безумие, и я почти уверен, что мы погибнем. Во всяком случае, такой исход мне кажется самым вероятным. Но иначе я поступить не могу. — Он глубоко вдохнул, покачнувшись на стуле. — Это я виноват, — признался Атрогейт. — Джарлакс не говорил, но это я потянул за рычаг, перекрыл текшую по корням магию и освободил водных элементарей, что удерживали рассветного гиганта в его клетке. — Чернобородый дворф издал горестный стон. — Это я разрушил Гаунтлгрим и стер Невервинтер с лица земли!

Глаза Бренора расширились, он повернулся к Дзирту и увидел, что на лице дроу отразилось такое же изумление.

— Я не знал, что так получится, — продолжил дворф, от стыда не смея поднять глаз. — Думал, что смогу возродить город.

— Невероятно смелый и безрассудный шаг, учитывая неуверенность в результате, — заметил Дзирт.

— Это были не мои мысли, не мое решение, — пробормотал Атрогейт. — Мне их внушили вампир и тейская ведьма.

— Та, что смогла избежать заклинаний Джарлакса в «Абордажной сабле»?

— Ее госпожа. Которая управляет Кольцом Страха. Я был обманут, принужден. — Дворф запнулся и перевел дыхание. — Я оказался слаб.

Бренор снова посмотрел на Дзирта, и тот молча кивнул.

— Пусть так, — сказал Боевой Топор Атрогейту. Его голос был сух, но в нем не было ни капли осуждения. — Ты не можешь изменить прошлое, но, возможно, вместе мы сможем предотвратить новую катастрофу.

— Я должен хотя бы попробовать, — кивнул чернобородый дворф.

— Как и мы, — согласился Бренор. — И не просто попробовать, но и добиться успеха. И знай, что любой, кто встанет на нашем пути, отведаст моего топора!

— Но не прежде, чем попадет под удар моих кистеней! — поддержал Атрогейт.

Он словно помолодел от слов Бренора. Оба дворфа взглянули на Дзирта, который ответил им только кривой улыбкой. К чему слова, когда и так ясно, что любой враг, посмеявшийся на них напасть, на своей шкуре проверит остроту клинков дроу, прежде чем его коснется топор Бренора или кистени Атрогейта.

Позже, стоя на балконе наедине со своими мыслями, Бренор Боевой Топор глядел на лежащую внизу улицу. Он увидит Гаунтлгрим. Его поиски завершатся, а мечта станет явью. И что дальше? Какая дорога поманит его в путь после столь грандиозного приключения? Что придаст силу уставшим ногам старого дворфа?

Или это его последняя дорога, конец которой все ближе?

Бренор размышлял над этим, боясь поверить, что странствиям может прийти конец, когда заметил знакомое лицо на улице под балконом.

Шиванни Гардпек вынырнула из переулка и была встречена Джарлаксом, который возник словно ниоткуда. Они обменялись парой фраз, которых Бренор не расслышал, и наемник передал женщине увесистый кошель.

Когда Шиванни удалилась, растворившись в ночи, а Джарлакс поднял взгляд, дворф заметил тень беспокойства, скользнувшую по лицу темного эльфа.

Джарлакс поднялся по лестнице и подошел к Бренору.

— Наш друг пересек черту? — спросил дроу.

Вопрос застал дворфа врасплох, и он, сморщив нос, посмотрел на Джарлакса.

— Дзирт, — пояснил наемник, хотя не это вызвало смятение Бренора.

— О какой черте ты говоришь?

— Он сражается теперь более... яростно, как мне кажется, — сказал Джарлак.

— Да, и уже давно.

— С тех пор, как потерял Кэтти-бри и Реджиса?

— Разве можно его в этом винить?

Джарлак покачал головой и посмотрел на закрытую дверь комнаты Дзирта.

— Но он пересек черту? — снова спросил он, поворачиваясь к Бренору. — Он ввязывался в бой, которого можно было избежать? Он не проявлял обычного милосердия? Неужели он позволил гневу, а не совести повелевать его клинком?

Дворф смотрел на наемника с прежним недоумением.

— Твои колебания меня пугают, — сказал темный эльф.

— Нет, — покачал головой Бренор. — Но вероятно, он близок к этому. Почему ты спрашиваешь?

— Любопытство.

Дворф недоверчиво прищурился.

— Есть еще кое-что, — сказал Бренор. — Дзирту не нравится в городах. Когда мы оставались на зиму в порту Лласт, или в Невервинтере до его разрушения, или даже у племен варваров, ему было неуютно в любой компании. Хотя теперь, я думаю, ему понравился бы Город Мастеров.

— Потому что в его руинах всегда есть кто-то или что-то, с кем можно сразиться, — закончил за дворфа Джарлак.

— Да.

— Он наслаждается боем.

— Никогда не уклонялся от него. Говори прямо, эльф, что у тебя на уме?

— Я уже сказал — это простое любопытство. — Наемник снова посмотрел на двери.

— Тогда спроси его самого, он сможет ответить точнее, — предложил дворф.

Джарлак покачал головой.

— У меня есть другие дела, которыми следует заняться этой ночью, — сказал он.

Наемник развернулся и, покачивая головой, спустился по лестнице.

Бренор подошел к перилам и проводил его взглядом, но хитрый эльф быстро скрылся из виду. Дворф обдумывал беседу с наемником, но не мотивы темного эльфа взволновали его мысли, а причины беспокойства Джарлакса.

Бренор понял, что едва помнит прежнего Дзирта, который вступал в бой с печальной улыбкой, скорбя о неизбежности кровопролития, который поступал так, как велело ему сердце. Дворф видел, как изменился дроу. Его улыбка стала более... злобной. В ней не осталось смирения перед необходимостью борьбы, зато прибавилось чистого удовольствия.

Только теперь дворф понял, как много лет прошло с тех пор, как он видел прежнего Дзирта.

Войдя в подземные покои, некогда принадлежавшие Арклему Гриту и Валиндре, Джарлак не удивился, поняв, что не один.

Удобно расположившись в кресле, за наемником наблюдала Далия.

— Ты преуспела с кольцом, — сказал дроу с поклоном.

— Его сила стала мне понятна только в тот момент, когда я его надела.

— Не стоит скромничать. Не многие могут столь мастерски использовать иллюзию. Твои подчиненные даже не подозревали, что у двери стоишь не совсем ты.

— А ты?

— Не знай я о кольце, не заподозрил бы обмана, — ответил наемник, протянув руку.

Эльфийка проследила за его жестом, но не двинулась с места.

— Я хотел бы получить обратно свое кольцо, — добавил Джарлак.

— Его магия исчерпана.

— Но оно может быть зачаровано заново.

— На это я и рассчитываю, — ответила Далия, все так же не выказывая намерений

вернуть вещь.

Джарлак опустил руку.

— Я был уверен, что ты воспользуешься кольцом. Твоя неприязнь к Силоре Салм все так же сильна, как я погляжу.

— Не сильнее, чем ее — ко мне.

— Она завидует эльфийскому долголетию. Эта женщина состарится и потеряет свою красоту, тогда как ты все еще будешь юной и привлекательной.

Далия отмахнулась от этих слов, словно от пустой болтовни, давая понять, что вражда с Силорой связана с вещами более значимыми, нежели внешность.

— Ты хотела бы избавиться от нее, — рассудил Джарлак.

— Я этого не говорила.

— Ты не носишь брошь Сзасса Тема.

Далия опустила взгляд на свою блузу, к которой обычно был приколот талисман.

— Ты можешь лгать о своих действиях в «Абордажной сабле», — сказал наемник. — Но я сомневаюсь, что такое нарушение этикета останется без внимания. Сзасс Тем серьезно относится к подобным вещам. В любом случае ты не убедишь Силору простить тебя после драки в таверне.

Эльфийка тяжело поглядела на Джарлакса.

— Таким образом, ты шагнула за дверь, которая открывается лишь в одну сторону, — подытожил дроу. — И пути назад нет, Далия. Ты оставила Силору Салм. Оставила Сзасса Тема. Оставила Тей.

— Смею надеяться, что все они считают меня погибшей.

Джарлак несколько мгновений внимательно смотрел на Далию, пытаясь угадать ее намерения. Но эльфийка умело скрывала чувства. Природное очарование накладывалось на холодную отчужденность, броней защищающую женщину от лишних эмоций. Наемнику пришло в голову, что из воительницы вышел бы отличный дроу.

— И что теперь, леди Далия?

Эльфийка посмотрела на наемника тяжелым и серьезным взглядом.

— Кто твой друг-дроу?

— У меня их много.

— Тот, что был в таверне, — уточнила Далия. — Я наблюдала за сражением. Не долго. Он блестящий двоерукий боец, редкий даже по стандартам дроу.

— Атрогейта оскорбят такие хвалы моей расе.

— Дворф другое дело. Он восполняет недостаток способностей грубой силой. В его битве мало изящества, хотя он, несомненно, опасен. Но дроу искуснее владеет своими клинками, чем Атрогейт кистенями.

— Действительно, — согласился Джарлак. — Он мог бы стать величайшим из Мастеров Оружия Мензоберранзана, превзойдя даже своего отца.

— Кто он?

Джарлак отвел взгляд, словно мог видеть Дзирта в этот самый момент.

— Беглец, — сказал он.

— От чего он сбежал?

Наемник посмотрел на эльфийку в упор.

— От своего наследия. Его зовут Дзирт До'Урден, и он желанный гость в Глубоководье и Серебряной Луне, как и...

Далия прервала тираду взмахом руки.

— Так вот он какой, Дзирт, — прошептала она. — Я много о нем слышала.

— И он заслужил свою репутацию, уверяю.

— И ты его друг?

— В большей степени, чем он готов признать или понять.

Далия посмотрел на него с любопытством. Немного поразмыслив, наемник и сам слегка удивился своим словам.

— Почему?

Простой вопрос Далии всколыхнул в дроу глубокие и сложные эмоции.

— Потому что он беглец, — ответил Джарлакс.

Эльфийка помолчала и кивнула, задавая следующий вопрос:

— А его друг-дворф?

— Король Бренор Боевой Топор из Мифрил Халла, но теперь он путешествует инкогнито. Он отрекся от престола, чтобы найти место, в котором мы уже бывали.

— И ты собираешься обмануть его, принудив сопровождать тебя в Гаунтлгрим.

— Да... Нет, я имею в виду, не совсем. Я не хочу обманывать их. Я хочу сказать им правду. Собственно, уже сказал.

— И они побегут в объятия пробудившегося Предвечного?

— Боюсь, избыток благородства не оставит им иного выбора, — сказал Джарлакс с горькой усмешкой. Улыбка исчезла, и лицо дроу вновь стало серьезным. — А ты?

— Что — я?

— Ты предала Силору Салм, Сзасса Тема и Тей.

— Это твои слова — не мои.

— Ты воспользовалась кольцом, чтобы сбежать. Но насколько мне известно, леди Далия смакует острые ощущения битвы.

— Далия, как тебе известно, до сих пор жива, потому что осторожна и умна.

— Но возможно, не так, как считает Силора.

— Полагаю, ты мнишь себя проницательным, — ответила эльфийка.

— Ты взяла кольцо и использовала его. Ты предала Силору, когда она рассчитывала на тебя. Возможно, прими Далия участие в сражении в «Абордажной сабле» — и победа досталась бы другой стороне. Но ты не захотела выполнить возложенную на тебя миссию.

— Что ты знаешь о моей миссии?

— Тебя послали, чтобы узнать, отреагирует ли кто на участвовавшие землетрясения, — ответил Джарлакс без колебаний. — Узнать, собираюсь ли я вернуться в Гаунтлгрим.

Эльфийка усмехнулась.

— Теперь ты знаешь — да, я собираюсь, — сказал дроу. — И у меня есть союзники.

— Мне передать это Силоре?

— Она и так скоро об этом узнает — несколько ашмадайцев сбежали из таверны.

— Тебе и о них известно?

Брови и уголки губ Джарлакса немного приподнялись.

— Туннели обвалились, — сменила тему эльфийка. — Пути в Гаунтлгрим больше нет.

— Я знаю один, — сказал наемник.

Голубые глаза Далии на мгновение вспыхнули, прежде чем она успела подавить свое любопытство.

— И я отведу тебя туда, — сказал дроу, показывая, что заметил ее реакцию.

— Это только слова.

— Но слова верные. Что ты теряешь? Можешь мне не верить, но скоро ты будешь шагать вместе со мной и моими спутниками по залам Гаунтлгрима.

Далия вскочила со своего кресла и напряженно замерла, выставив перед собой восьмифутовый посох.

— Ты дала мне ответ, когда воспользовалась кольцом, — сказал Джарлакс.

Лицо эльфийки стало задумчивым, но она кивнула.

— Почему? — спросил наемник. — Вряд ли это самый лучший и легкий путь для тебя.

— Если сдержать Предвечного и предотвратить грядущие катастрофы, Кольцо Страха Силоры останется незавершенным, — ответила воительница. — И ей не выстоять в войне с Незерилом.

— Симпатизируешь незересам?

В глазах Далии полыхнула необузданная ярость.

— Разделяю твоё презрение к ним, — поспешно добавил дроу. Он внимательно

посмотрел на эльфийку. — Но ненависть к Силоре не менее сильна.

— Сзасс Тем обвинит в крахе Кольца Страха именно ее.

— А тебя это порадует.

— Это принесло бы мне одно из самых изысканных наслаждений в моей жизни.

— А после ты вернешься к Сзассу Тему и восстановишь свое положение?

В глазах воительницы вновь вспыхнул опасный огонек, и Джарлакс понял, что в корне не прав в своих рассуждениях. Хотя совсем недавно они были истинны. Но, воспользовавшись кольцом, что дал ей дроу, Далия увидела возможность освободиться не только от Силоры, но и от лича. Возможно, постоянное использование некромантии претило эльфийке, а возможно, она поняла, что те, кто следует за Сзассом Темом, навечно останутся в рабстве, какими бы привилегиями оно ни было обставлено.

Обе эти вероятности Джарлакс счел достойными внимательного рассмотрения.

— Мы отправимся в Гаунтлгрим довольно скоро, — сказал он. — Прежде, чем Силоре станет известно о наших планах и она успеет послать за нами своих слуг.

— И когда она это сделает, мы убьем их, — ответила Далия. — Этому дроу, Дзирту, представится возможность доказать мне, что его репутация заслуженна.

Джарлакс улыбнулся, ничуть в этом не сомневаясь.

— Мы должны уходить, — сказал Джарлакс, возвратившись к спутникам после беседы с Далией. — Некоторые из тех, кто желал нас остановить, бежали из города и, несомненно, передадут наши планы врагам.

— Ты сам говорил, что наших знаний недостаточно! — заспорил Бренор. — Куда надо сунуть эти твои сферы?

— Многое станет понятно, когда мы придем в Гаунтлгрим, за это я ручаюсь, — ответил Джарлакс, вспоминая слова Громфа, который цитировал призрака-дворфа, захваченного в филиakterию Арклема Грита: «Посадите короля на трон Гаунтлгрима». — Время работает против нас, мой друг, — продолжал он. — Слишком многие желают повторного пробуждения Предвечного во имя своих низменных целей.

— Бреган Д'Эрт? — спросил Дзирт. — Уже готовы выступать?

Джарлакс качнулся с пятки на носок и поджал губы.

— Только мы четверо? — удивился дроу.

— Нет, пятеро, — поправил наемник и, обернувшись к распахнутой двери, приглашающе махнул рукой.

В комнату вошла Далия.

— Разве это не та девчонка, которую ты облепил слюзью? — спросил Бренор.

— Это была уловка, чтобы она могла покинуть своих прежних компаньонов, инсценировав собственную смерть, — объяснил Джарлакс.

— Компаньонов, которых она натравила на нас в таверне, — запротестовал Атрогейт. — Ее целью было освободить рассветного гиганта!

— И ты думаешь, мы станем доверять ей? — воскликнул Бренор, уперев руки в бока.

— Далия был обманута, — ответил наемник. Он посмотрел на Атрогейта и добавил: — Как и мы.

— Ба! — фыркнул чернобородый дворф. — Она обманом заманила нас туда, чтобы освободить монстра!

— Я пыталась тебя остановить, — напомнила Далия.

— Это ты сейчас так говоришь.

— Я говорю правду, и ты это знаешь, — бросила эльфийка, отворачиваясь, чтобы рассмотреть Дзирта и Бренора — особенно дроу — более тщательно. — Я не меньше вашего желаю снова посадить Предвечного в клетку.

— Угрызения совести или месть? — спросил Дзирт с кривой усмешкой.

Далия уставилась на него тяжелым взглядом.

Бренор собрался продолжить спор, но эльф положил руку на плечо друга, успокаивая, а

после кивнул эльфийке, чтобы та продолжала.

— Я заплатила за свое неповиновение хозяевам — моим бывшим хозяевам — слишком дорого. И продолжала платить каждый день, — сказала воительница. — Ноша моя тем тяжелее, чем больше я наблюдаю последствий. Когда-то я считала, что Сзасс Тем...

— Сзасс — что? — переспросил Бренор, взглянув на Дзирта, который недоуменно пожал плечами.

— Господин и владыка империи Тей, — пояснила Далия, — чьи миньоны управляют Кольцом Страха в лесу Невервинтер и пепельными зомби, что бродят по округе.

Дворфы и дроу кивнули, припоминая рассказы о могучем лице.

— Некогда я полагала Сзасса Тема пророком, — продолжила воительница. — Великий человек с великими целями. Но когда мне стала известна цена, которую придется заплатить за достижение цели, я почувствовала себя полной дурой.

— Значит, месть, — заключил Дзирт, и его игнорирование этической составляющей взглядов эльфийки заставило ее поджать губы и сузить глаза.

— Думаю, ты и была ею последние десять лет, — вмешался Атрогейт. — Дурой, я имею в виду.

Далия в ответ только фыркнула.

— Миньоны Сзасса Тема, фанатики-ашмадайцы, Силора Салм и даже мой бывший компаньон Дор'Кри...

— Вампир, — пробормотал чернобородый дворф.

Бренор изумленно уставился на него, затем перевел взгляд на эльфийку, и в его взгляде читалось неприкрытое отвращение.

— У тебя просто замечательные друзья, — заметил он.

— Некоторые сказали бы то же самое о дворфе и дроу, — парировала воительница, но, заметив опасно сузившиеся глаза Боевого Топора, поспешно подняла руки, признавая свою неправоту. — Они попытаются остановить вас... нас, — продолжила она. — Я знаю их. Знаю манеру их ведения боя и доступные силы. Я буду ценным союзником.

— И опасным шпионом, — добавил Бренор.

Дзирт поглядел на друга, затем на воительницу и наконец на Джарлакса. В конце концов, не многие разбирались в хитросплетениях этики и прагматизма лучше главаря Бреган Д'Эрт. Заметив пристальный взгляд дроу, наемник едва заметно кивнул.

— Значит, пятеро, — произнес Дзирт.

— Вперед, к Гаунтлгриму! — подхватил Джарлакс.

Все еще упирая руки в бока, Бренор вовсе не выглядел убежденным. Он снова начал спорить, но До'Урден склонился к его уху и тихо шепнул:

— Гаунтлгрим.

Дроу напомнил другу, что тот всего в нескольких днях от цели, которую преследовал десятилетиями.

— Ладно, — кивнул Бренор.

Он поднял топор и, смерив подозрительным взглядом Далию, шагнул мимо Джарлакса к выходу.

Глава восемнадцатая ТЕМНАЯ ДОРОГА ВО МРАК

— Ба, я заварил эту кашу — мне и расхлебывать! — ворчал Атрогейт, небрежно собирая тарелки после завтрака.

Джарлакс был уверен, что, спешно покинув Лускан три дня назад, они достигнут цели — пещеры, которая приведет в Гаунтлгрим, — еще до заката.

Этой ночью можно было почувствовать редкие, но сильные подземные толчки. Гора Хотноу — та ее вершина, что была уничтожена во время первого извержения несколько лет назад, — была снова видна. И росла день ото дня, распираемая нарастающим давлением.

— Ты взял за правило обвинять себя в этом каждый день? — спросил Бренор у сородича, помогая ему сворачивать лагерь.

Атрогейт посмотрел на него странным взглядом, в котором уязвленное достоинство мешалось с ненавистью к себе.

— Что? — рявкнул Бренор.

— Ты король клана Делзун, — ответил Атрогейт. — Знаю, я провел почти всю жизнь, притворяясь, что это ничего не значит для меня, и большую часть времени это ничего не... прошу прощения.

Бренор едва заметно кивнул.

— Я совершил много вещей, недостойных дворфа клана Делзун, Морадин знает, — продолжал Атрогейт. — Будучи наемником, я не раз использовал кистени против сородичей.

— Мне известна твоя история, Атрогейт. Знаю про Адбар и все остальное.

— Ну да, и думаю, когда мое время в этом мире подойдет к концу — если это когда-нибудь вообще произойдет, учитывая проклятие, — и Морадин заберет меня к себе, далеко не все его слова будут приветственными.

— Я не священник, — напомнил Бренор.

— Да, но ты король, король клана Делзун, королевская кровь снова в Гаунтлгриме. Я думаю, это кое-что значит. И так как ты лучший из тех, кого я знаю, ты сможешь мне сдержать обещание. Я выпустил проклятую тварь, и я загоню ее обратно. Сделанного не воротишь, но я в силах свести ущерб к минимуму.

Бренор некоторое время внимательно смотрел на чернобородого дворфа, видя искреннюю муку в глазах Атрогейта. Король кивнул и положил тарелки обратно на землю, затем подошел и похлопал сородича по плечу.

— Послушай-ка меня хорошенько, — сказал Бренор. — Я знаю твою версию касательно произошедшего в Гаунтлгриме и, если бы не верил, что тебя обманом заставили потянуть рычаг, давно размоzzжил бы твою башку топором.

— Я не самый лучший дворф, но и не худший.

— Знаю, — кивнул Бренор. — Как и то, что ни один Делзун, будь он разбойник с большой дороги, вор или убийца, не пожелал бы разрушить Гаунтлгрим. Так что хватит предаваться самобичеванию. Ты правильно поступил, позволив Джарлаксу привлечь к делу меня с Дзиртом и поклявшись вернуться и поймать тварь. Это все, чего Морадин может хотеть от тебя, и гораздо больше, чем то, о чем я тебя прошу. — Он снова похлопал Атрогейта по широкому плечу. — Знай, я рад, что ты рядом. Только представь, я — наедине с тремя эльфами. Да лучше прыгнуть в первую попавшуюся пропасть!

Атрогейт мгновение смотрел на Бренора и, когда наконец понял смысл последней фразы, разразился громким «ба-ха-ха!». Он сжал лежащую на его плече руку сородича и сказал:

— Я никогда не служил тебе и не думаю, что когда-нибудь буду, но в этом путешествии моя жизнь принадлежит тебе. — (Теперь противоречивые эмоции отразились на лице Бренора.) — В этом путешествии в Гаунтлгрим, на родину отца отца нашего отца, ты — мой король.

— Ты следуешь за Джарлаксом.

— Я иду *рядом* с Джарлаксом, — поправил чернобородый дворф. — Атрогейт следует за Атрогейтом, и никем иным. Исключением является этот случай, только в этот раз Атрогейт пойдет за королем Бренором.

Боевому Топору понадобилось не много времени, чтобы переварить последнюю фразу, и он поймал себя на том, что одобрительно кивает.

— Как и твой старый друг, — продолжал Атрогейт. — Тот, который бросается на все, что можно съесть, и на половину того, что съесть нельзя.

— Пуэнт, — сказал Бренор, стараясь, чтобы голос не дрогнул. Старый дворф не хотел признаваться даже самому себе, что безумно скучает по берсерку.

— Да, Пуэнт! — воскликнул Атрогейт. — Когда мы сражались с этими жуткими

штуками возле дома Кеддерли, или когда боролись с Королем Призраков, будь он проклят, именно Пуэнт был рядом со мной. Знает ли король лучшего телохранителя?

— Нет, — ответил Бренор без малейших колебаний.

Атрогейт кивнул и решил на этом закончить беседу, продолжив сворачивать лагерь и тщательно скрывая улыбку.

Бренор тоже вернулся к повседневным делам, и на сердце у него стало немного легче. Разговор с Атрогейтом напомнил, как сильно ему не хватает Тибблдорфа Пуэнта, и старому королю пришло в голову, что на протяжении долгих лет верной службы стоило быть любезнее с берсерком. Сколько раз он грубил своему другу, считая, что это в порядке вещей!

Боевой Топор взглянул на Атрогейта и отругал себя за излишнюю сентиментальность. Это не Тибблдорф Пуэнт, напомнил себе Бренор. Берсерк с радостью умер бы за него, бросившись на копье, летящее в грудь королю. Бренор отлично помнил выражение лица Пуэнта, когда оставлял его в Долине Ледяного Ветра: смиренное отчаяние и беспомощность, осознание того, что для него больше нет дороги, по которой можно шагать за своим королем.

Атрогейт никогда не смог бы испытать подобное чувство. Дворф искренне сожалел о произошедшем в Гаунтлгриме и наверняка сдержит каждое слово своей клятвы верности Бренору — но только в этом путешествии. Он не был Тибблдорфом Пуэнтом. И если настанет критический момент и возникнет необходимость решительного самопожертвования, может ли Бренор быть уверен, что Атрогейт отдаст свою жизнь во имя Гаунтлгрима? Или во имя своего короля?

Размышления Бренора были прерваны каким-то движением на границе лагеря, и, посмотрев туда, он увидел беседующих Далию и Джарлакса, которые то и дело указывали на север.

— Эй, Атрогейт, — обратился он к дворфу и кивнул в сторону парочки. — Что за эльфийку привел Джарлакс?

— Далию.

— Ты ей доверяешь?

Атрогейт подошел к Бренору и ответил:

— Ей доверяет Джарлакс.

— Это не то, о чем я спросил.

Чернобородый дворф вздохнул.

— Я бы доверял ей больше, не владей она столь мастерски своим посохом, — признался он. Заметив удивленный взгляд Бренора, Атрогейт пояснил: — Не сомневайся, она — прекрасный воин, мастер. Ее посох складывается всевозможными способами, превращаясь в невиданное мною ранее оружие. Она быстра и одинаково хорошо владеет обеими руками. Возьмем, к примеру, меня — я могу свободно орудовать кистенями как правой, так и левой рукой. Но она — это нечто! В этом плане Далия больше похожа на твоего дроу, ее руки двигаются так, словно принадлежат двум разным воинам, если ты понимаешь, о чем я.

Бренор пришел в еще большее недоумение. До сих пор он не замечал ничего близко похожего на смирение в Атрогейте.

— Я дрался с твоим другом, ты же знаешь, — сказал чернобородый дворф. — В Лускане.

— Ага. И что ты хочешь этим сказать? Думаешь, эта... Далия одолеет Дзирта в честном поединке?

Атрогейт не ответил прямо, но выражение его лица ясно говорило, что именно так он и думает. Или, по крайней мере, питает серьезные сомнения в ином исходе такого сражения.

— Ба! — фыркнул Бренор. — Выходит, ты ее боишься?

— Ба! — точно так же фыркнул Атрогейт. — Я никого не боюсь. Только считал бы Далию меньшей угрозой, не будь она столь демонски опасна.

— Приму к сведению, — сказал Боевой Топор и понизил голос, заметив, что к ним быстро приближаются Джарлакс и Далия.

— За нами следят, — объявил наемник, подходя. — Они уже рядом — вероятно, ищут ту же пещеру, что и мы.

— Ба, и как же они могли о ней прознать? — спросил Бренор.

— Могу поспорить, Крагсы кишат ашмадайцами, — ответила Далия. — Силоре известно ориентировочное положение Гаунтлгрима.

— Вообще-то вокруг ни одной горы, — несколько резко парировал Бренор. — Да и идем мы в другую сторону...

Лишь на мгновение Далия сузила глаза, Но дворф понял, что нащупал нечто важное; его догадки подтвердились, как только эльфийка повернулась к Джарлаксу.

— Силора подозревала, что я отправлюсь к Предвечному, узнав, что он пробуждается, — пояснил дроу. — Именно поэтому она отправила Далию и остальных в Лускан — остановить нас.

— И ей известно, что попытка провалилась, — добавила воительница. — Слуги Сзасса Тема обладают множеством магических способов связываться друг с другом.

— И она считает тебя погибшей, — заключил Атрогейт.

— Довольно, — перебил его Бренор тоном, не предвещавшим ничего хорошего. — Если они здесь, то видят нас, как видят и Далию.

Эльфийка кивнула, она явно не была в восторге от подобной вероятности. Боевой Топор самодовольно усмехнулся.

— Таким образом, ты теперь предатель и будешь наказана, если они тебя поймут, — заключил дворф.

— Тебя это радует? — спросила Далия.

— А может, ты двойной агент, — продолжил Бренор, — и убедила нас, что разыграла свою гибель в бою перед бывшими хозяевами.

— Нет, — сказал Джарлакс, прежде чем Далия успела открыть рот.

— Нет? — переспросил дворф.

Он бросил рюкзак и, достав из-за спины топор, похлопал лезвием по раскрытой ладони.

— Ты не хочешь этого делать, — предостерег его Атрогейт, в его голосе звучало скорее беспокойство, нежели угроза.

— Послушай своего волосатого друга, дворф, — сказала Далия, перехватив посох.

Она положила его конец на раскрытую ладонь, передразнивая позу Боевого Топора. Бренор расслабился, главным образом потому, что заметил темную фигуру, скользнувшую за деревом позади Далии.

— Леди, ничего не поделаешь, но все это выглядит немного подозрительно, не правда ли? — широко улыбнулся старый дворф. — Ты пришла убить нас, а сейчас хочешь, чтобы мы поверили, что ты на нашей стороне?

— Присоединись я тогда к сражению в «Абордажной сабле» — и твое путешествие закончилось бы уже там, — парировала эльфийка. — Так и передай своему приятелю, который стоит у меня за спиной.

Дзирт вышел из-за дерева. Бренор скривился.

— Говорил же тебе, — пробормотал Атрогейт едва слышно.

Бренору пришло в голову, что эльфийская воительница очень молода. До сего момента он об этом даже не задумывался, ведь с тех пор, как они с Дзиртом вошли в Лускан, события разворачивались с головокружительной скоростью. Но Далия сама выдала свой юный возраст. Она стояла перед королем дворфов, спиной к легендарному воину-дроу, но ни тени беспокойства не отразилось на ее лице.

Только кто-то очень молодой мог мнить себя... бессмертным.

Эльфийка еще не познала горечи поражения, сперва решил Бренор, и не знает своих пределов.

Дворф пристально глядел на женщину еще несколько мгновений и, заглянув за маску хладнокровной самоуверенности, понял, что поспешил с выводом. Скорее всего, Далия уже испытала поражение, сокрушительное поражение, и теперь ее не волнует, проиграет ли она

снова. Возможно, она даже хочет этого.

Бренор глянул на Атрогейта, обдумывая его предупреждение.

Далия опасна.

— Если хотите драки, советую потерпеть: совсем скоро вам представится такая возможность, — вставил Джарлакс, пытаясь разрядить возникшее напряжение.

Вопреки внешней самоуверенности, Далия сомневалась, что ей удалось правильно сыграть свою роль. Она еще несколько мгновений продолжала смотреть на дворфа, пытаясь избавиться от навязчивого ощущения, что старый воин видит ее насквозь.

Эльфийка отогнала прочь эти беспокойные мысли. У нее не было на них времени.

Далия повернулась и увидела, что Дзирт стоит, непринужденно опершись на древесный ствол, его оружие вложено в ножны, а руки скрещены на груди.

— А ты разделяешь сомнения своего друга? — спросила воительница.

— Меня посещали подобные мысли.

— И что, по-прежнему так считаешь?

Дроу посмотрела мимо нее на Бренора, после чего улыбнулся и коротко ответил:

— Нет.

От Дзирта не ускользнуло, что пристальный взгляд Далии стал более напряженным. Эльфийке показалось, что теперь дроу читает ее мысли. Но в этот раз ей было куда отступать — и все благодаря последнему ответу Дзирта. Воительница опустила посох и оперлась на него, не смягчая взгляда и не моргая, не позволяя легендарному воину-дроу думать, что он одержал над ней верх.

Но и он глядел на эльфийку не моргая.

— Пора в путь, — сказал Джарлакс и словно невзначай прошел между парочкой, прерывая зрительный контакт. — Ты обнаружил наших врагов? — спросил он Дзирта.

— Они движутся с юга, — ответил эльф. — Несколькими отдельными группами.

— У них есть определенная цель?

— Они в поиске, — ответил молодой дроу. — Сомневаюсь, что им известно, где мы, и я уверен, они не обратили внимания на пещеры, замеченные нами на востоке.

— Но действительно ли разумно уходить под землю? — спросил Джарлакс. — Если мы зайдем внутрь пещеры, весьма вероятно, что наши враги там нас и запечатают.

Повисло долгое и неловкое молчание.

— Мы немедленно выдвигаемся, — наконец сказала Далия, что было неожиданно, поскольку все ожидали подобного предложения от Дзирта, учитывая, что именно он провел скрупулезную разведку местности.

— Ба, твои дружки пытаются выследить нас, а ты предлагаешь выскочить из травы прямо перед носом их ищеек? — поинтересовался Бренор.

Но Далия покачала головой:

— Они не пытаются нас отыскать. Им и без того известно, что мы здесь, — объяснила она и повернулась к Дзирту. — Ты сказал, что групп несколько.

Дроу кивнул.

— Сейчас Силора Салм занята сражением с незересами в лесу Невервинтер, — сказала эльфийка. — И у нее в запасе не так много ашмадайцев. И коль скоро она послала в Крагсы больше одного отряда, значит, уверена, что мы здесь.

— Она хочет, чтобы мы сами привели ее к пещерам, — пробормотал Бренор.

— Скорее, чтобы ни один из нас не добрался до них, — ответила Далия, не взглянув в его сторону. — Все, чего она хочет, — чтоб никто не помешал Предвечному.

— Разве она не желает помочь твари освободиться? — спросил Дзирт. — Чтобы гарантировать катастрофу?

— Рассветный гигант — не самое дружелюбное создание, — усмехнулась воительница. — Это не безмозглая сила, он не лишен способности мыслить.

— На этот счет можно и поспорить, — вставил Джарлакс, но Далия снова лишь покачала головой.

— Вспомните, насколько точной была его первая атака. Легкая и самая близкая цель... — рассудила эльфийка. — Ударь Предвечный в восточном или западном направлении — погибли бы единицы. Но нет, он почувствовал жизнь в Невервинтере и уничтожил ее.

— Сейчас в Невервинтере снова появилась жизнь, — вздохнул Бренор.

— Это могло бы стать очередной победой Силоры, — ответила Далия и наконец повернулась к дворфу. — Но истинная цель расположена в другом месте.

— Лускан, — заключил Джарлакс.

— У Предвечного было десять лет, чтобы изучить свою тюрьму, — сказала воительница, — чтобы понять, какая магия его удерживает, ощутить остатки силы Главной башни. Возможно, этого времени ему хватило, чтобы отправить по корням миньонов и точнее установить местонахождение города.

— Значит, Силора верит, что тварь и без поддержки поможет ей достичь поставленных целей, — вставил Дзирт и, когда Далия и остальные посмотрели в его сторону, добавил: — Чем дольше мы тут прохлаждаемся, тем сильнее она становится.

Эльфийка не смогла скрыть улыбки, довольная поддержкой — поддержкой, которая демонстрировала не только согласие с ее доводами, но и веру в ее искренность.

— И лучшее, что мы можем сделать, — это напасть, — кивнула воительница.

Дзирт поддержал ее, и вопрос был решен.

Далия быстро спускалась по краю ущелья, прыгая с камня на камень. Земля была неровной, и эльфийка понимала, что движется с опасной скоростью, но он опережал ее. А Далия не любила проигрывать. Особенно на виду у фанатиков-ашмадайцев, которые приготовились к бою на дне широкого каньона.

Воительница и Дзирт обошли раздваивающийся горный хребет, чтобы подобраться к культистам с флангов. Их целью были не подозревающие об угрозе нападения ашмадайцы на высоком склоне. Джарлакс вместе с дворфами углубились в горы на северо-востоке, а Дзирт с Далией едва успели добраться до каньона, когда крики приближающихся культистов эхом отразились от каменных склонов.

Ни секунды не колеблясь, пара начала спускаться, но дроу почти мгновенно обогнал эльфийку. Он бежал с поразительной ловкостью и грацией — Далии хотелось верить, что и она ни в чем не уступает ему. Ноги дроу выглядели расплывающимся пятном, настолько быстро он передвигался, перепрыгивая с камня на камень и выбирая путь, по которому эльфийка хоть и могла пройти, но, безусловно, не с такой скоростью.

Таким образом, она выбирала менее сложный путь, но Дзирт все равно опережал ее. Воительница не верила своим глазам.

Серебристая молния полетела через кусты и устремилась вниз. Мало того, что дроу бежал с невообразимой скоростью, он еще и стрелял из лука, не замедляясь ни на миг.

Далии оставалось только опустить голову и продолжать спускаться, она сосредоточилась на выискивании надежной опоры для ног, поскольку как раз двигалась по весьма опасному участку. Эльфийка убеждала себя, что спустится одновременно с дроу, если не раньше.

Вскоре воительница поняла, что навлекла беду, позволив гордости ослепить себя. К своему ужасу, Далия осознала, что уже не может затормозить, даже если захочет, и если не будет бежать вперед, то оступится и проедет лицом вниз по склону оставшуюся часть пути.

Эльфийка врезалась в какой-то куст и отчаянно попыталась ухватиться за ветви, но лишь вырвала растение с корнем из рыхлой почвы и продолжила свой стремительный спуск. Далия увидела, что путь ей преграждает расщелина около десяти футов глубиной и столько же в ширину.

Эльфийка даже не заметила, как оказалась на краю. Исключительно инстинктивно она пригнула голову и воткнула в землю длинный посох. Как только нижний конец вошел в грунт, воительница оттолкнулась ногами, каким-то образом умудрилась ухватиться за другой

конец посоха и совершила кульбит над провалом. Полностью контролируя свое тело, Далия приземлилась на ноги на другом краю провала и сумела стереть со своего лица недоумение, заметив, что стоящий внизу с обнаженными клинками Дзирт вытаращился на нее, не веря глазам.

Далия подмигнула, стараясь убедить дроу, что это акробатическое шоу было задумано с самого начала. Не замедляя бега, она разделила посох на две секции и закончила путь несложным кувырком, приготовив оружие к бою. К огорчению фанатиков-ашмадайцев, которые появились словно из ниоткуда, чтобы напасть на нее.

Стоя на дне ущелья, Дзирт удивленно наблюдал, как Далия перелетает через пропасть. Грაციозно перевернувшись в воздухе и приземлившись на ноги, она моментально восстановила равновесие. Не считая яркого и результативного маневра, который сам по себе был весьма впечатляющ, дроу был шокирован и тем, что эльфийка спустилась со склона почти одновременно с ним, а ведь его движения были магически ускорены поножами.

Дроу наблюдал, как она завертелась волчком, и услышал звуки начавшегося сражения. Ему захотелось вскарабкаться вверх по склону и присоединиться к Далии или хотя бы стать свидетелем этой схватки.

Но у дроу имелись и свои проблемы — больше дюжины врагов окружили его, пытаясь зайти с флангов, и он переключился на них. Уклоняясь от ашмадайцев и камней, которыми те пытались его забросать, Дзирт бросился к естественной горловине ущелья. Дроу резко развернулся в месте, где и без того узкое ущелье становилось еще теснее, благодаря чему преследователи только мешали друг другу, пытаясь добраться до эльфа.

Теперь он был один против троих, а не против целой дюжины, и этим троим мешали каменные стены, вынуждавшие совершать простые прямые колющие атаки вместо широких боковых ударов.

Дзирт быстро отступал, а когда троица, проглотив наживку, попыталась достать его копьями, кардинально изменил тактику, ринувшись в атаку. Взмахнув мечами, дроу подцепил древки жезлов и резким движением развернул их так, что они скрестились перед стоящим в центре ашмадайцем.

Дзирт мгновенно освободил свои клинки и, воспользовавшись замешательством противника, молниеносно атаковал, бросившись вперед и нанося удары налево, направо и в центр. Ашмадайцы пытались парировать, отступить и создать хоть жалкое подобие организованной обороны. Но дроу был слишком проворен для них, мечи легко обходили блоки и вскрывали защиты, испив крови врага.

Отступая, троица врезалась в культистов, подпиравших с тыла, что только ухудшило их положение.

А Дзирт, забыв о милосердии, продолжил смертоносный танец.

Одному сектанту все-таки удалось метко бросить копье, направив его дроу в грудь. Прежде чем Дзирт смог заблокировать оружие, что-то приземлилось возле него, отвлекая дроу от обороны.

Мелькнувший перед дроу цеп ловко отбил копье, и Дзирт, как ни странно, почувствовал облегчение, обнаружив, что рядом с ним стоит Далия.

Эльфийка заметила это и подмигнула. Плечом к плечу они двинулись в наступление, клинки и цепи закружились в диком танце.

Противники знали Далию, и некоторые даже выкрикивали ее имя. В их голосах звучал страх. Ашмадайцы отступали по узкой лошине, стремясь оказаться в более просторном месте.

— Уходим? — спросил Дзирт у Далии, поскольку это казалось очевидным решением.

Теперь, когда враги пятились и были дезориентированы, эльфы могли выбежать с противоположной стороны лошины навстречу своим компаньонам, которые как раз приближались к входу в пещеру.

Но улыбка Далии ясно дала понять, что у нее другие планы.

Эта улыбка! Полная жизни и жажды сражений, полная наслаждения, вызова, лишенная страха. Когда Дзирт До'Урден видел такую улыбку в последний раз? Сколько лет назад он сам так улыбался?

Мыслями дроу вернулся в пещеру в Долине Ледяного Ветра, когда он вместе с юным Вульфгаром сражался против вербиигов.

Целесообразнее было отступить, но по какой-то причине дроу отбросил эту идею. Дзирт выбежал вслед за Далией в широкий каньон, где они могли быть атакованы со всех сторон или даже окружены более многочисленным врагом.

Эти двое не сражались плечом к плечу или спиной к спине. В их общем танце, казалось, не было слаженности. Дроу позволил воительнице взять инициативу и просто реагировал на каждый ее выпад и прыжок.

Эльфийка вырвалась вперед, а он прикрывал ее со спины и флангов. Она наступала, а дроу обеспечивал прикрытие для ее атаки. Таким образом, когда Далия остановилась, Дзирт оказался на некотором расстоянии от нее.

Пара двигалась все быстрее, клинки и цепи кружились и наносили удары, резали и кололи, заставляя врагов отступать. Ашмадайцы выкрикивали команды, пытаясь организовать оборону, но всякий раз эльфы совершали какой-нибудь неожиданный маневр и рушили планы противников.

Он медленно полз по ветке, словно охотящийся кот. Он видел свою жертву, которая стояла внизу, не подозревая о присутствии охотника. Баррабус Серый был изрядно удивлен, обнаружив, что его дерзкий план, по-видимому, будет иметь успех.

Он знал, что тейская чемпионка, опасная Далия, сгинула где-то на севере, прихватив с собой большой отряд ашмадайцев, как знал и то, что внимание Силоры сосредоточено на растущей горе. Баррабус задавался вопросом, удастся ли ему пройти мимо охраны и стражей и приблизиться к опасному врагу.

Если убийце удастся избавиться от Силоры Салм, возможно, Алегни позволит ему покинуть разрушенный Невервинтер и вернуться к работе в условиях нормального города.

Он прополз еще немного по ветке над разбитым лагерем. Силора была всего в нескольких футах внизу, она стояла спиной к Баррабусу и, нагнувшись, пристально всматривалась в огромный пень.

Серый прикинул, что мог бы спрыгнуть и легко достать ведьму, но любопытство взяло верх, и он прополз чуть дальше, чтобы через плечо Силоры взглянуть на полную корягу, полную воды.

В образовавшейся купели мелькали фигуры — непримечательный пень оказался зеркалом прорицаний.

Баррабус не мог устоять. Он осторожно продвинулся чуть дальше и свесил голову, всматриваясь в водную гладь.

Убийца отметил, что в зеркале прорицания разворачивается сражение: крошечные фигуры бегали и обменивались выпадами. В некоторых боях он узнал ашмадайцев, и, судя по движениям, они оборонялись, что для них было весьма нехарактерно. Потом Баррабус увидел одного из их противников, хотя изображение рябило и разглядеть что-то определенное было затруднительно, и понял, почему фанатики столь нерешительны. Вращающиеся цепи и акробатические пируэты — это могла быть только Далия.

Но с чего бы это эльфийке сражаться против ашмадайцев?

Возможно, это не она. Возможно, это другой воин, размышлял убийца, и от этого ему становилось не по себе. Одной Далии для него было более чем достаточно.

Баррабус недоумевал.

Цепы вращались перед эльфийкой и, казалось, срослись между собой. То, что еще секунду назад было двумя отдельными шестами, внезапно стало единым посохом.

Да, это, несомненно, Далия. Баррабус увидел, как она внезапно остановилась перед тремя культистами, отшатнувшимися от нее. Эльфийка уперла в землю конец посоха и

высоко подпрыгнула, но, вместо того чтобы атаковать врагов, отступила.

Кто-то еще — по-видимому, ее союзник — отступил вслед за ней.

Убийца увидел черную кожу и пару мечей, разящих с устрашающей точностью.

Баррабус вцепился в ветку, всеми силами стараясь не свалиться с дерева. Он не мог даже вздохнуть, настолько нереальным был этот миг. Мир вокруг словно замер.

Все мысли о Силоре вылетели у него из головы, когда Серый увидел нового врага. Еще одна эльфийка, но при этом нежить — при одном лишь взгляде на нее убийцу прошиб холодный пот.

Баррабус не хотел бы встречаться с Силорой в честном поединке, но мысль о столкновении с Валиндрой Теновой Мантией казалась еще менее привлекательной.

Он восстановил дыхание, но так и не смог успокоиться. Убийца вновь посмотрел на зеркало прорицаний, но изображение уже пропало.

Сбросив оцепенение и весь дрожа, Баррабус Серый слез с дерева и скрылся в лесу.

Дзирт метнулся вправо, клинок просвистел прямо перед носом Далии. Он нырнул под вращающиеся цепи и оказался между эльфийкой и ее противником. Это увлекло взгляд ашмадайца вниз, и воительница провела прямой в челюсть. Культист отлетел прочь.

Дроу выпрямился перед двумя фанатиками, его клинки парировали и отклоняли их неистовые атаки. Первым делом эльф заставил культистов уйти в глухую оборону. Мечи двигались все быстрее и быстрее, и дроу пошел в яростное наступление.

Сражаясь с культистами, Дзирт все же умудрился бросить взгляд на спутницу и очень удивился, увидев, что Далия орудует не двумя цепями, а одним. Сейчас она держала в руках нечто, что дроу мог назвать тройным цепом, с длинной средней секцией и двумя короткими боковыми, бешено вращающимися. Всего мгновение Дзирт рассматривал странное оружие, которое можно было использовать множеством разных способов, руководствуясь лишь воображением.

Конечно, в данный момент у него не было времени пристально разглядывать посох, особенно когда присоединился третий ашмадаец. Дроу вынужден был продолжать бой, как и Далия. Эльфы не могли позволить окружить себя.

Дзирт отступил к воительнице.

— Сверху, — услышал он голос у себя за спиной и машинально провел низкий выпад, заставив троицу опустить взгляд.

Дроу несколько не удивился, когда Далия перепрыгнула через него, — эльфийка поставила одну ногу ему на спину и, оттолкнувшись, пролетела над ним, — а вот его противники, судя по выражению их лиц, были ошеломлены.

Далия атаковала, ударив ногой в лицо первого, затем и второго, а через секунду рядом с ней возникло ее оружие, но не триединый цеп, а единый длинный шест, и воительница вонзила его как копьё в горло третьего противника. Она быстро разогналась и, опершись на оружие, снова прыгнула.

Так продолжалось некоторое время. Дзирт был внизу, бросаясь из стороны в сторону, а Далия сражалась прямо над ним, совершая прыжок за прыжком.

Но даже с этим новым приемом их преимущество постепенно сходило на нет, а ашмадайцы сбивались в группы для лучшей защиты. Эльфы не имели шансов на победу — они знали это с самого начала, и настало время искать выход из сложившейся ситуации.

Мгновение спустя на гребне горы появилось нечто, привлекшее общее внимание. Как и всегда, верная Гвенвивар вступила в схватку в самый подходящий момент. От ее рыка задрожали камни, и все взгляды устремились к ней. Огромная пантера совершила большой прыжок и приземлилась в центр самой многочисленной группы фанатиков.

Как только они бросились врассыпную, Дзирт и Далия отступили через узкую расщелину. Выйдя с противоположного конца, они вскарабкались по камням прямо к входу в пещеру, где их уже поджидали Бренор и остальные.

— Твой друг? — кивнула на кошку эльфийка, озорно улыбаясь.

Дзирт ухмыльнулся в ответ, и его улыбка стала еще шире, когда он услышал грохот и крики за своей спиной.

Дроу пропустил Далию вперед, доверив ей проверить дорогу, прикрывая тыл от возможных преследователей. Когда эльфы наконец приблизились к скалистой долине, которая находилась непосредственно перед пещерами, дроу воспользовался магическими поножами и одним рывком догнал женщину.

Они пересекли небольшое поле боя, где несколько ашмадайцев нашли свою смерть и еще парочка издавала предсмертные стоны. Немного в стороне культистка свисала с дерева вверх ногами и звала на помощь, ее ступни крепко держала слизь, которую извергала палочка Джарлакса.

Далия повернулась к несчастной, и Дзирт невольно содрогнулся, предположив, что она тотчас раскроит попавшей в ловушку культистке череп. Но, к его удивлению и облегчению, эльфийка только вlepила пленнице пощечину и усмехнулась.

Миновав поле боя, дроу и воительница вскарабкались на каменную насыпь, обнаружив внизу небольшую долину, усеянную множеством точек — входов в пещеры.

— Сюда! — позвал Бренор, стоя возле одного из них, и эльфы двинулись к нему.

— А как же пантера? — спросила Далия, оборачиваясь.

— Гвенвивар уже вернулась на Астральный План и ждет следующего призыва, — заверил Дзирт.

Женщина кивнула и проскользнула в темную пещеру, но дроу немного помедлил, наблюдая за ней. Ему понравилась тревога эльфийки о судьбе огромной кошки.

Всем, включая Бренора, пришлось ползти, чтобы выбраться из первой пещеры, но, несмотря на это, спутники двигались со всей возможной скоростью, хотя звуки погони все равно слышались позади. Через этот узкий лаз они попали в другой — такой же узкий, но высокий, — в котором их уже дожидались Джарлакс и Атрогейт. Подойдя к ним, Далия зажгла на вершине Иглу Коза, сложенного в четырехфутовую трость, бледно-синий огонек.

— Нам сюда? — спросил Дзирт.

— Надеюсь, — ответил Джарлакс. — Мы проверили пещеры так тщательно, как смогли, и эта единственная показалась перспективной.

— Но здесь же могут быть и другие туннели, которые мы пока не обнаружили? — спросил встревоженный дроу.

Наемник пожал плечами:

— Удача всегда была на твоей стороне, мой друг. И только поэтому я пригласил тебя в это путешествие.

Далию встревожили эти слова, но, обернувшись к Дзирту, она увидела, что тот улыбается.

Пятеро компаньонов шли через лабиринт туннелей и маленьких пещер, им даже пришлось перейти мелкий подземный ручей. Они часто натыкались на тупики, но еще чаще туннель перед ними распадался на множество узких проходов, и спутникам приходилось продолжать путь, полагаясь лишь на интуицию. Далия пребывала в полнейшем замешательстве, но не многие существа ориентировались в подземных туннелях лучше дворфов, и среди этих немногих были темные эльфы.

Вскоре компаньоны услышали шум в туннелях далеко позади и поняли, что ашмадайцы продолжили преследование и в Подземье.

В какой-то момент пятерка вошла в длинный, абсолютно прямой коридор, который Атрогейт верно определил как лавовый канал. Он вел в нужном им направлении под легким наклоном, и спутники смогли увеличить темп. И вдруг холодный туман проплыл мимо них, и Далия, затаив дыхание, повернула голову, глядя, как он поднимается вверх по туннелю, который остался за их спинами.

— В чем дело? — спросил Бренор, заметив ее волнение.

— Смертельный холод, — сказал Дзирт.

— Это что, был он? — обратился к эльфийке Джарлакс.

— Дор'Кри, — кивнула Далия.

— Вампир, — объяснил Атрогейт, и Бренор фыркнул и с отвращением покачал головой.

— Он приведет их прямо к нам, — сказала эльфийка, и всем стало понятно, как ашмадайцы умудрялись их выслеживать.

— Возможно, он возвращается из Гаунтлгрима, — вставил Дзирт. — Если так, то мы на верном пути.

Приободренные этими словами, компаньоны продолжили путь, и через несколько часов быстрого марша наклон лавового канала стал заметно круче. Вдруг он неожиданно оборвался, почти отвесно уходя вглубь непроглядной тьмы. Никакого способа перебраться на другую сторону не было, и за последние несколько часов путники не заметили ни одного бокового туннеля.

— Будем надеяться, что удача еще с тобой, — заметил Джарлакс, обращаясь к Дзирту, и полез в свой неисчерпаемый мешок, оттуда извлек крепкую длинную веревку.

Он бросил один конец дроу. Не медля, Дзирт закрепил веревку вокруг пояса и шагнул в пропасть, быстро исчезнув из виду. Когда он опустился на всю длину веревки, то крикнул:

— Обрыв переходит в крутой, но проходимый склон!

Через секунду вспыхнула молния и послышалась ругань.

— Дзирт? — позвал Джарлакс.

— Я закрепил конец, — раздался голос дроу из темноты. — Спускайтесь!

— Ни шагу назад, — сказал Джарлакс Бренору, пропуская его вперед.

— Вперед, — кивнул дворф и взялся за веревку.

Когда он добрался до Дзирта, то обнаружил конец веревки, загнанный в толщу камня углового карниза с помощью одной из волшебных стрел Тулмарила.

Туннель то резко уходил вниз, то плавно понижался, но спутников это не останавливало. Их силы были на исходе, но они не осмеливались сделать привал, а конца туннеля все так же не было видно.

Но потом компаньоны вошли в небольшой коридор, где под низкой аркой туннель резко поворачивал, и стало видно тусклое свечение лишайников Подземья. Через несколько мгновений спутники вышли на высокий выступ над необозримо большой пещерой. Гигантские сталагмиты безмолвно стояли вокруг неподвижного подземного озера. Дзирт и Бренор заморгали, не веря своим глазам. Они смотрели на искусно обработанные вершины этих великанов, служивших смотровыми башнями, потом перевели взгляд на стену огромного замка прямо перед ними.

Бренор Боевой Топор сглотнул и мельком взглянул на сородича.

— Да, король, — сказал Атрогейт, широко улыбаясь. — Я надеялся, что эта пещера пережила извержение, чтобы ты смог увидеть главные ворота. — Вот он, твой Гаунтлгрим.

Глава девятнадцатая

ВЗОР ДРЕВНЕГО КОРОЛЯ

— Это простое везение, — настаивал Дор'Кри. — Там ведь десятки пещер, по которым они могли пройти.

— Они — темные эльфы в Подземье, идиот, — оборвала его Силора. — Они наверняка исключили большинство туннелей, ориентируясь по воздушным потокам.

Вампир пожал плечами и снова попытался оправдываться, но Салм рыкнула, приказывая замолчать.

— Я не допущу, чтобы они снова загнали Предвечного в клетку, — бушевала тейская волшебница. — Его пробуждение не даст Незерилу наложить лапу на Побережье Меча и завершит Кольцо Страха, гарантируя мою победу.

— Да, миледи, — склонил голову Дор'Кри. — Они сильны. Предательница Далия вселяет страх даже в сердца ашмадайцев, а этот темный эльф Дзирт — легенда всего Севера.

Но Предвечный равен по силе богу. Даже Эльминстеру не под силу изловить такого зверя.

— Он уже был пойман однажды и заключен в Гаунтлгриме, ставшем его тюрьмой на тысячелетия!

— Тюрьмой, частью которой была разрушенная ныне Главная башня тайн.

— Которая тем не менее источает остаточное волшебство, — заметила Силора. — Если существует способ восстановить тюрьму, то Джарлакс уже нашел его. Они — реальная угроза.

— Ашмадайцы преследуют их, — заверил вампир. — И, посетив Гаунтлгрим, могу заверить вас, что Предвечный поселил в своем логове достойных стражей. Могущественные существа с Плана Огня ответили на его зов. Небольшая армия краснокожих людей-ящеров бродит по залам.

— Саламандры... — задумалась Силора. — Тогда у тебя есть время, чтобы вернуться туда и поучаствовать в сражении.

Страх, отразившийся на лице Дор'Кри при этих словах, вызвал у волшебницы улыбку. Вампир колебался, справедливо опасаясь, что Далия захочет переместить алмазную серьгу из правого уха в левое.

— Я не приму отказа, — продолжила Силора мгновение спустя. — Пробуждение Предвечного и еще одна волна опустошения — предпоследняя наша цель здесь. Жаль, что не последняя. Незересы продолжают бороться за лес Невервинтер, и это не позволяет мне уехать. Поэтому я посылаю тебя и верю в успех.

По выражению лица Дор'Кри было понятно, что он прекрасно понимает неискренность этих слов, но он все же поклонился и ответил:

— Я смиряюсь, миледи.

— Возьмешь с собой Валиндру, — сказала Силора, как только вампир выпрямился, и это распоряжение заставило его глаза округлиться от удивления и страха. — Она теперь гораздо лучше себя контролирует, — заверила тейка. — И знай, Валиндра Теневая Мантия ненавидит Джарлакса больше, чем кого бы то ни было, и не испытывает теплых чувств ко второму дроу, которого винит в гибели Арклема Грита.

— Она непредсказуема, а ее сила неподвластна ей самой, — заспорил Дор'Кри. — У нее может хватить мощи поспособствовать тому, чего вы больше всего боитесь.

Силора сузила глаза, предостерегая вампира. Ей никогда не нравилось, чтобы ее суждения подвергали сомнениям. Тем не менее она сдержалась, понимая, что для опасений Дор'Кри есть основания. Действительно, когда волшебница обдумала собственное решение, то пришла к выводу, что вампир прав. Валиндра могла стать «неожиданным броском костей», как говорилось в старой тейской пословице.

Силора задумалась, как отменить приказ и одновременно показать, что просто проверяла, насколько хорошо Дор'Кри понимает ситуацию. Но такое объяснение даже ей самой казалось неправдоподобным, и тейка решила действовать с упрямством лидера, не признающего своей неправоты.

— Валиндра может двигаться под землей так же быстро, как и ты.

— Если только не забредет куда-нибудь, — осмелился пробормотать Дор'Кри, и Силора наградила его злым взглядом.

— Значит, поведешь ее, — приказала волшебница. — И когда встретишь наших врагов, укажешь ей на двух дроу и напомним, кто они и что сделали с ее драгоценной Главной башней и Арклемом Гритом. Сможешь увидеть, как лич обрушит Гаунтлгрим на головы этой компании.

— Да, миледи, — ответил Дор'Кри и снова поклонился, хотя по его тону можно было с уверенностью сказать, что он не слишком доволен.

— И учти, — бросила Силора уже просто ради собственного удовольствия, — если Валиндра победит, то тебе, возможно, не придется драться с Далией, хотя я знаю, как страстно ты желаешь бросить ей вызов.

Резкий сарказм этих слов только усилил страхи Дор'Кри, и вампир не ответил. Его

плечи поникли, словно из него выкачали всю силу.

Он знал, что Силора права.

Как и пещера снаружи, круглая площадь за воротами оказалась нетронутой катаклизмом. Трон по-прежнему стоял на постаменте — молчаливое наследие былых времен, страж прошлого, неизменно стоящий на своем посту.

Место произвело на Дзирта большое впечатление. Бренор, пораженный куда больше дроу, едва смог устоять на ногах от восторга.

Дзирт, восстановив самообладание, взглянул на друга — Боевой Топор, его верный товарищ на протяжении десятилетий, стоял в зале города своей мечты. На глазах старого дворфа выступили слезы, а дыхание стало прерывистым, словно он время от времени забывал дышать.

— Эльф, — прошептал он, — ты видишь это?

— Во всем великолепии, друг мой, — отозвался Дзирт.

Он хотел продолжить, но Бренор уже отошел, словно какая-то невидимая сила притягивала его к себе.

Дворф шагал через зал, не глядя по сторонам, его взор был прикован к трону, словно тот зывал к нему. Бренор поднялся на небольшой помост, и четверо спутников поспешили вслед за ним.

— Не делай этого! — хотел предупредить Атрогейт, но Джарлакс остановил его.

Боевой Топор протянул руку и коснулся чудесного трона.

Он мгновенно отдернул ладонь и отпрыгнул назад, широко раскрыв глаза. Затем Бренор заметался по залу, бросаясь в разные стороны.

Остальные носились следом, пока наконец король дворфов, успокоившись, снова не повернулся к трону.

— В чем дело? — спросил Атрогейт.

Бренор указал на помост:

— Необычный стул.

— Ты это мне говоришь? — хмыкнул чернобородый дворф, которого трон отшвырнул через весь зал.

Бренор посмотрел на него, приподняв бровь.

— Да, удивительная работа, — согласился Атрогейт, взглянув на Джарлакса.

— Более того, — затаив дыхание, произнес Боевой Топор.

— Волшебный, — кивнула Даля.

— Полный магии, — согласился Джарлакс.

— Полный памяти, — поправил Бренор.

Дзирт встал рядом с другом и потянулся к трону.

— Не делай этого, — предупредил старый дворф. — Не ты и, конечно же, не он, — добавил он, указывая на Джарлакса. — Никто. Только я.

Дзирт потребовал у собрата разъяснений:

— Что ты знаешь?

— Знаю? — выгнул бровь Джарлакс. — Я не знаю, а надеюсь. Это место кишит призраками, полно магии и воспоминаний. Я надеялся, что король Делзун — наш друг Бренор — сможет разобраться в них. — Дроу посмотрел на Боевого Топора. Дзирт и остальные тоже уставились на короля дворфов.

Взяв себя в руки, Бренор произнес:

— Что ж, посмотрим.

Он глубоко вздохнул и храбро шагнул на возвышение. Уперев руки в бока, дворф долго смотрел на трон, затем кивнул, резко повернулся и плюхнулся на сиденье, крепко вцепившись руками в подлокотники.

Атрогейт ахнул и опустил голову.

Но древний трон не оттолкнул Бренора, который несколько мгновений смотрел на

своих друзей...

А потом исчез. Их общий с тронном силуэт дрогнул и пропал.

Дворф был не один. Комната вокруг была заполнена его соплеменниками, и в воздухе стоял шепот тысяч голосов.

Бренор сидел спокойно и не паниковал. Он понял, что это волшебство трона. Ни дворф, ни его друзья никуда не перемещались, но он видел события, происходившие столетия назад во времена расцвета Гаунтлгрима.

Перед ним стояла группа эльфов, судя по одежам — волшебников. Трон окружали почтенные вожди дворфских кланов.

Бренор с трудом смог вдохнуть, когда увидел среди них дворфа с эмблемой клана Боевого Топора — пенящейся кружкой, украшавшей нагрудник. Гандалуг! Это Гандалуг, первый и девятый король Мифрил Халла? Как такое возможно?

Конечно, этот дворф был очень похож на основателя королевства, но, скорее всего, это был отец Гандалуга или отец его отца. В конце концов, древний король никогда не упоминал Гаунтлгрим после побега из плена дроу. Да и сам город был куда древнее Мифрил Халла, поэтому Гандалуг никак не мог посещать это место.

Но символ на нагруднике не мог быть просто совпадением. Это действительно был предок основателя Мифрил Халла, стоявший перед королем Гаунтлгрима. Бренор не чувствовал времени, но чувствовал единство с чем-то большим, значительным, и это дарило ощущение теплоты и покоя.

Боевой Топор заставил себя сосредоточиться на том моменте, свидетелем которого стал. Он понял, что видит глазами короля Гаунтлгрима, словно сам перенесся в прошлое. Дворф сосредоточился, чтобы очистить разум и воспринимать все увиденное, чтобы позже как следует обдумать.

Чувства пришли в норму, и вскоре он уже ясно мог расслышать беседы вокруг.

Разговор шел о Главной башне тайн. Эльфы пришли оттуда и сейчас говорили о нитях волшебства и о поимке Предвечного, чтобы разжечь огонь горнов Гаунтлгрима.

Бренор с трудом верил в истинность видения, разворачивающегося перед ним. Эльфы беспокоились, что их дар дворфам может попасть в руки их темнокожих сородичей, дроу, и волна разрушений прокатится по всему Фаэруну. Дворфы возражали и хотели все детально обсудить, прежде чем клан Делзун начнет помогать в строительстве Главной башни в отдаленной деревне.

В деревне, не в городе.

Бренор чувствовал беспокойство короля, сидевшего на троне Гаунтлгрима. Он чувствовал напряжение мускулов так, словно они были его собственными, и задавался вопросом, видели ли друзья там, в далеком будущем, как он вцепился в поручни трона и как его лицо исказилось от возрастающего гнева.

Эльфийка ступила вперед — она напомнила Бренору леди Аластриэль из Серебряной Луны. Женщина говорила на диалекте, который Боевой Топор понимал с трудом, — древний язык дворфов, искаженный эльфийским акцентом, — но он понял, что женщина обещает королю соблюдать соглашение.

— Вы надо понять, какой ужасы Зверь мочь принести, — говорила она, — если дроу выпускать его на свободу.

— Ни одного дроу не будет в моем королевстве! — категорично заявил дворф.

— Это не быть ваш выбор.

— Ерунда!

Голова Бренора закружилась, а разговор продолжился. Дворф понимал, что это поворотный момент в истории клана Делзун — момент сделки с волшебниками, когда Главная башня дала дворфам возможность создавать легендарное оружие и доспехи. Эта сделка обеспечила превосходство клана Делзун над другими кланами Севера и породила королевства, просуществовавшие до времен Бренора.

Он увидел величайшее событие в истории своего клана, а возможно, и в истории всех дворфов Фаэруна.

— У вас быть ваши огни, — закончила благородная эльфийка и поклонилась.

Тронный зал исчез, дрогнув, подобно воздуху, поднимающемуся в жаркий день от раскаленного камня.

На мгновение Дзирт и остальные появились перед ним, но дворф еще не хотел возвращаться. Не теперь! Слишком многое он должен был узнать.

— Бренор! — услышал он голос Дзирта, но король дворфов позволил голосу дроу пролететь мимо ушей и кануть в небытие, так как он снова провалился вглубь веков.

Прежнее изображение исчезло, и его сменило новое. Теперь Боевой Топор был не в тронном зале. Он видел двух эльфов, стоявших перед открытой нишей в стене. Они положили туда сферу воды, похожую на те, что были у Джарлакса. Вода в сфере начала вращаться, когда эльфы запели, вызывая к ней. Жидкость превратилась в туман, который затем трансформировался в существо, очертаниями напоминавшее человека.

Сперва оно было крошечным и полностью помещалось в алькове. Оно росло, и скоро стало казаться, что существо вырвется из маленькой ниши разрушительной волной.

Что-то в стене схватило элементалю, утягивая его в дымоход, находившийся над нишей. Бренор понял, что это корень Главной башни, превративший водяное создание в часть клетки Предвечного.

Снова и снова эльфы устанавливали магические сферы в заранее подготовленные места.

Бренор потерял счет времени, а коридоры Гаунтлгрима проносились мимо него. Он видел глазами короля Гаунтлгрима — чьего имени до сих пор не знал — легендарную Кузницу, и видение было столь четким, словно дворф и в самом деле был там.

Весь комплекс был знаком ему, словно кровь клана Делзун, текущая в жилах Бренора, передала ему знания древнего короля. Он осознал роль, которую дворфы сыграли в создании Главной башни, и значение встречного дара эльфов Гаунтлгриму.

Боевой Топор видел залы легендарной Кузницы Гаунтлгрима, и это вдохновляло.

И он видел Предвечного, поднявшегося из подземных глубин и пойманного в ловушку в зале под Кузницей. И это пугало.

Чудовище не было похоже на короля орков, гиганта или дракона. Это было земное божество, воплощение силы природы, способное изменять облик континентов.

Что можно противопоставить такому могуществу?

Бренор видел прилив, когда корни Главной башни впервые активировали, питая и наполняя силой океана, пойманных в ловушку элементалей. Он видел и слышал мощный рокот потока, пронесившегося по стенам зала, навсегда заточая Предвечного, — по крайней мере, таков был план.

Дворф видел огонь в Кузне Гаунтлгрима, когда тот был зажжен впервые магией рассветного гиганта, видел ошеломленные лица дворфов и эльфов. Он понимал, что стал свидетелем момента величайшей славы, которую когда-либо знал его народ.

Тогда Бренор вернулся в зал, где тысячи дворфов, ликуя, поднимали кружки с напитками. Слезы застилали взор короля, и Боевой Топор не знал, принадлежали они ему или тому, чьими глазами глядел старый дворф.

Голоса затихли, видение померкло, дрогнуло и потеряло цвет. Воздух наполнили звуки сражения, а древние дворфы стали лишь призраками.

И он снова был Бренором Боевым Топором, Бренором, сидящим на троне в центре круглого зала, в то время как четверо его товарищей сражались с толпой высоких, стройных человекообразных существ, вооруженных копьями и трезубцами. Они походили на людей, но их нижние конечности — не ноги, но хвосты — пылали пламенем. Существа были людьми только до пояса. Нижняя их часть, подобно змеиным телам, скользила по каменному полу. Хвосты щетинились длинными черными шипами, а на головах росли закрученные рога.

Смутное воспоминание всплыло в сознании Бренора. Он знал, кто это, — слышал рассказы о них. Родичи огненных элементарей. Саламандры.

Глаза Бренора широко распахнулись, он вскочил с трона, подхватывая щит и топор. Тем, кто был вокруг него, — и друзьям, и противникам — показалось, что дворфа распирает невероятная сила, его мускулы увеличивались, а в глазах мечется пламя.

Он врезался в ближайшую группу саламандр и невероятно мощным взмахом топора раскидал их в стороны. Слева в него полетел трезубец, но рука дворфа, в которой был щит, оказалась достаточно быстрой, чтобы отбить этот удар, а затем Бренор контратаковал.

Разрубленное в поясе существо отдельными половинами упало наземь.

Казалось, будто боги дворфов вселились в короля Бренора, он ревел, сминая противников. И взывал к своим союзникам — не к Дзирту и остальным, а к призракам Гаунтлгрима.

— Задница Клангеддина! — пробормотал Атрогейт, встав позади трона.

Чернобородый дворф сражался, стараясь не подпустить змеелюдей к Джарлаксу, пока наемник следил за действиями Дзирта и Далии и старался ловить моменты, когда между стремительно движущейся парой откроется просвет. Каждый раз, когда он появлялся, проворный темный эльф бросал кинжал, безошибочно попадая в саламандру.

Четверка прекрасно сражалась вместе — трое из них отлично спелись в сражении у храма Парящего Духа много лет назад, — но король Бренор убивал гораздо больше саламандр в одиночку.

Дзирт начал продвигаться к другу, как только тот вступил в бой. Далия, согласуя свои действия с движениями друу, сопровождала его, но эльф решил изменить план. Посмотрев на Бренора, он решил, что помощь ему не нужна.

Сражение становилось все яростнее, по мере того как призрачные дворфы заполняли зал. В дальней стороне комнаты саламандры пробовали окружить Боевого Топора, и казалось, вполне успешно. Дзирт пересмотрел решение, подумав, что Бренор обречен, и испугался, что ошибка станет причиной гибели дворфа.

Но Боевой Топор смотрел на врагов со злобной усмешкой и безумием во взгляде. Он поднял ногу и топнул — молнии вспыхнули вокруг него, разбрасывая саламандр по сторонам, словно буря — сухие листья.

— Во имя Девяти Кругов, что это? — изумился Атрогейт.

— Дзирт? — спросил явно ничего не понимающий Джарлакс.

Далия, чье оружие могло метать схожие молнии, смотрела недоверчиво.

А Дзирт До'Урден мог только покачать головой.

Высоко под потолком пещеры, скрытым в тених, пара глаз внимательно наблюдала за сражением в надежде, что слуги Предвечного сделают грязную работу. Возможно, Дор'Кри следовало лететь обратно и приказать Валиндре и ашмадайцам возвращаться в лес Невервинтер.

Он искренне надеялся, что все будет именно так.

Но потом вампир увидел наделенного божественной силой Бренора Боевого Топора и понял, что победа в сражении будет не на стороне миньонов Предвечного. Дор'Кри со страхом посмотрел на трон. События выходили из-под контроля: сначала Валиндра получила могущественный дар от Силоры, теперь этот дворф заручился поддержкой неизвестной магии...

Вампир оглянулся на пещеру за пределами Гаунтлгрима, откуда скоро должны были появиться Валиндра и культисты, и вспомнил предостережения Силоры о новом могуществе лица. Подумав о Валиндре и силе, которой она наделена, Дор'Кри испытал желание сбежать обратно в Тей и попытаться найти себе место среди слуг Сзасса Тема.

Он вновь обратил внимание на сражение, надеясь, что, вопреки всему, слуги Предвечного ликвидируют угрозу планам его хозяйки.

И тут взрыв богоподобной мощи ознаменовал финал сражения. Саламандры

разбегались в поисках ближайших выходов и оставляя за собой следы пламени.

Бренор преследовал одну из групп саламандр. Он прыгнул на тридцать футов вперед, чтобы приземлиться в гуще врагов, размахивая топором. Дворфу досталось несколько ударов, после каждого из которых Дзирт издавал крик боли.

Но Бренор, казалось, не замечал ударов.

К тому моменту, как четверо товарищей добрались до Боевого Топора, король дворфов стоял среди полудюжины убитых саламандр. Оставшиеся саламандры сбежали, а призраки дворфов преследовали их.

Бренор несколько раз моргнул, глядя на своих друзей.

— Что это было? — спросил Джарлакс.

Дворф смог только пожать плечами.

Дзирт внимательно осмотрел друга, но так и не смог найти на нем ни единой царапины.

— Как тебе удалось? — спросила Далия. — Топнул ногой и метнул молнии, словно бог?

Бренор снова пожал плечами. Некоторое время он выглядел весьма озадаченным, но потом тряхнул головой и повернулся к Джарлаксу.

— Я знаю, куда нужно сунуть твои сферы, — сказал он дроу.

— Откуда?

Дворф задумался. Действительно, откуда он узнал?

— Гаунтлгрим сказал мне, — ответил он с усмешкой.

Глава двадцатая ДРЕВНИЕ СИЛЫ ГЛУБИН

Ашмадайцы вошли в круглую палату крадучись, хотя звуки сражения давно стихли. Валиндра Теневая Мантия шагала первой, сопровождаемая двумя десятками лучших воинов Силоры. Оказавшись в зале, лич сосредоточилась на троне. Женщина не подошла к нему, а скорее подплыла, пока ее подчиненные разбредались по залу, осматривая лежащие повсюду трупы.

Валиндра остановилась перед тронном, ощущая его магию. Она провела большую часть жизни, изучая искусство магии в знаменитой Главной башне Тайного Знания. До Магической чумы, до того, как умереть и стать нежитью по воле Арклема Грита, Валиндра была великим магом, с мнением и знаниями которой считались.

Став личем, волшебница пережила Магическую чуму, но повредила рассудком. И все же по прошествии времени здоровое суждение постепенно возвращалось к ней, Валиндра начинала понимать, какие возможности открывают новые магические энергии, появившиеся после Чумы.

Магия, заключенная в троне, была столь сильна, что ее не коснулись разительные перемены, произошедшие в Фаэруне. Трон напомнил о прошлом. Волшебство было древним и пробудило в Валиндре приятные воспоминания и ощущения, которых она не испытывала десятилетиями.

Женщина что-то шептала, стоя перед тронном, а ее тощие бледные руки тянулись к нему, словно стремясь коснуться могучего артефакта, но, впрочем, не делая этого. Погрузившись в воспоминания о временах, когда была живой, Валиндра не заметила, как к ней подошли два воина-культиста.

— Леди Валиндра, — обратился к ней крупный мужчина-тифлинг.

Не дождавшись ответа, он позвал громче.

Лич повернулась к культисту, и ее глаза угрожающе полыхнули красным.

— Мы полагаем, это трупы тех, кто прибыл с Плана Огня, — сказал тифлинг. — Миньоны Предвечного?

Отсутствующий взгляд Валиндры свидетельствовал, что она даже не услышала

вопроса, не говоря уже о том, чтобы понять его.

— Да, — произнес другой голос, и все разом повернулись, чтобы увидеть летучую мышь, приземлившуюся позади трона и принявшую человекоподобную форму.

— Миньоны Предвечного, — добавил Дор'Кри. — Саламандры, большие красные ящерицы, обитающие в глубине комплекса, и даже маленький красный дракон. Все они пришли на зов вулкана.

— Их еще много? — спросил сектант.

— Много, — кивнул вампир, обходя помост и вставая рядом с Валиндой.

— Возможно, они сделают нашу работу и без нашего участия, — сказал ашмадаец. — А может, уже сделали.

Дор'Кри только рассмеялся и махнул рукой, призывая остальных по-иному взглянуть на результат сражения — того самого, за которым он наблюдал из теней под потолком зала.

— Я бы не... — начал он, но сделал паузу, заметив, что Валиндра, не обращая на него внимания, снова уставилась на трон. — Я бы не стал рассчитывать на то, что нынешние обитатели комплекса смогут победить таких противников, как Джарлакс и его могучий дворф, — сказал Дор'Кри культистам, — или Далия и Дзирт До'Урден. — Он снова посмотрел на Валиндру, которая взошла на помост, по-прежнему глядя на трон. — Они и раньше были сильны, а ныне стали еще опаснее. Я наблюдал за боем в этой комнате, в их компании есть еще один дворф — видимо, королевской крови, — и его силы были каким-то магическим способом приумножены.

Ашмадайцы переглянулись, а затем посмотрели на Дор'Кри с недоумением.

— Трон даровал ему силу, — объяснил вампир, поворачиваясь к Валиндре, но лич, казалось, не услышала его. — В нем заключено некое древнее волшебство, которое помогло дворфу.

— Да, волшебство, — проворковала Валиндра, проводя ладонью над древним артефактом.

Внезапно лич опустила руку и схватилась за трон. Глаза ее расширились, и женщина протестующе зашипела. Было ясно, что она изо всех сил пытается устоять на месте, в то время как трон, в свою очередь, отбрасывает ее прочь. Лич упрямо рычала и сопротивлялась, а потом и вовсе опустилась на сиденье, вцепившись в подлокотники обеими руками.

Она ворчала и бормотала, металась и шипела, извергая поток проклятий. Спина нежити выгнулась, будто под воздействием невидимой силы. Лич сыпала проклятиями, поминая какого-то дворфского короля, и усилием воли заставила себя снова сесть прямо.

Противостояние продолжилось. Артефакт заискрился бело-голубым и черным от вспышек молний, что заставило Дор'Кри и культистов отступить.

Было очевидно, что трон Гаунтлгрима отвергает Валиндру яростно и жестко, но лич не собиралась с этим мириться.

Наконец с грохотом, потрясшим стены пещеры и отразившимся эхом в глубине городского комплекса, артефакт победил, отшвырнув нежить. Не долетев до пола, лич поддержала себя магией и плавно заняла привычную позицию, паря в нескольких дюймах над землей.

— Валиндра? — позвал Дор'Кри, но женщина не слышала его.

Она снова бросилась к трону, вытянув руки и скрючив пальцы наподобие звериных когтей. Сопровождаемые шипением разъяренной женщины, с ее ладоней срывались молнии. Но магические стрелы просто исчезали, едва коснувшись трона. Тогда раздосадованная Валиндра создала огненный шар и метнула его в древний артефакт.

— Бежим! — завопил ашмадаец, и культисты бросились врассыпную.

Пламя объяло трон, постамент и растеклось по полу. Огонь коснулся лица, но это, казалось, ее ничуть не встревожило. Никто из культистов не пострадал, хотя на одном из воинов и вспыхнула одежда и бедняга вынужден был кататься по земле, чтобы потушить ее.

Когда огонь и дым рассеялись, снова стал виден трон без единого следа повреждений.

Валиндра, вопя и шипя, снова бросилась в атаку. И снова разряды молний не

причинили артефакту никакого вреда. Лич метнулась к трону, царапая и колотя по нему кулаками.

— Она, несомненно, сильна, — прошептал командир ашмадайцев, подходя к Дор'Кри. — Но ее присутствие внушает страх.

— Силора Салм решила, что лич пойдет с нами, — напомнил вампир. — Значит, на то были причины, и это не твоего ума дело.

— Конечно, — сказал мужчина, опуская взгляд.

Дор'Кри некоторое время пристально смотрел на культиста, желая удостовериться, что тот не забыл свое место. Несдержанные и бунтарские речи непозволительны, когда впереди ждут столь могучие враги. Но, по правде сказать, глядя на беснующуюся перед тронном Валиндру, было трудно не согласиться со словами фанатика.

Контролировать лича невозможно. И Валиндра не колеблясь уничтожит культистов, если те ненароком окажутся в зоне поражения ее огненных шаров, — Дор'Кри был в этом уверен.

Каменный пол задрожал. По мнению Дзирта, толчки длились недолго и не были так уж сильны, но стоило ему взглянуть на Бренора, как дроу изменил свое мнение.

— Что тебе известно? — спросил Джарлак, прежде чем Дзирт успел открыть рот.

— Ба, да Зверь рыгнул, — сказал Атрогейт, но по выражению лица Бренора было ясно, что все куда серьезнее.

— Это не Зверь, — сказал он, качая головой. — Нас преследуют враги. Они борются с древними.

— С древними? — в унисон спросили Дзирт и Далия и недоуменно переглянулись.

— С дворфами Гаунтлгрима, — пояснил Джарлак.

— С тронном, — поправил Бренор. — Они атаковали трон.

— Зачем?

Боевой Топор покачал головой, совершенно спокойный за судьбу артефакта. Он огляделся и добавил:

— Призраки уходят.

Его спутники тоже посмотрели по сторонам и, конечно же, не увидели ни одного духа, хотя совсем недавно их было полно.

— Возвращаются, чтобы бороться за трон Гаунтлгрима, — объяснил Бренор.

— А что делать нам? — спросил Дзирт.

Джарлак, казалось, собирался что-то сказать, но все же подчинился решению короля дворфов.

— Мы идем дальше, — сказал Бренор и зашагал вперед.

Атрогейт поспешил следом.

— Он кажется все увереннее, — заметила Далия, обращаясь к темным эльфам, когда дворфы немного отделились, — с каждым поворотом или ответвлением.

И это было действительно так. И хотя Дзирт по-прежнему верил в своего друга — а что еще ему оставалось? — он был более чем заинтригован. Недалеко от тронного зала коридоры оказались неповрежденными, — по крайней мере, Джарлак, Атрогейт и Далия помнили их примерно такими. Однако, когда компаньоны спустились по первой из длинных лестниц, они обнаружили признаки разрушения и груды камней. Туннели обвалились и обрушились, нетронутыми остались лишь небольшие участки. Лестница, к которой привел их Бренор, оказалась непроходимой.

Но дворф не терял присутствия духа и повел спутников другим маршрутом.

Дзирт не знал, что за волшебство тайлось в тронном, но надеялся, что это и впрямь была память Гаунтлгрима, а не уловка врагов, затуманившая разум его друга, как это было в случае с Атрогейтом.

Джарлак ушел вперед, чтоб наблюдать за дворфами.

— Ты прекрасно сражалась в каньоне, — бесстрастно обронил Дзирт.

Далия приподняла бровь:

— Я всегда хорошо сражаюсь. Именно поэтому я все еще жива.

— Тебе часто приходится это делать, — едва заметно усмехнувшись, сказал дроу.

— Насущная необходимость.

— Не хватает очарования?

— А мне и не нужно очаровывать, — парировала эльфийка. — Я хорошо дерусь.

— Эти понятия не взаимоисключающие.

— Уверена, ты живое тому подтверждение, — ответила Далия.

Она ускорила шаг, оставив удивленного Дзирта за спиной.

— Они повсюду! — кричал командир ашмадайцев, поскольку его подчиненных теснили назад к туннелю, через который они попали в зал.

Бесцветные силуэты призраков дворфов заполняли тронный зал, стекаясь сюда из всех дверных проемов и выстраиваясь, словно настоящая армия.

— Они могут нас коснуться? Могут причинить вред? — спросила одна из культисток; ее зубы стучали, поскольку температура в зале резко упала.

— Они могут разорвать тебя на части, — заверил Дор'Кри.

— Тогда будем сражаться! — закричал командир, и все поддержали его боевым кличем.

Все, за исключением Дор'Кри, который как раз подумывал обернуться летучей мышью и улететь, и Валиндры, которая разразилась громким хохотом. Она смеялась так истерично, что гул голосов ашмадайцев постепенно стих и культисты уставились на лича.

— Будем сражаться? — спросила Валиндра, когда все взоры обратились на нее, и захихикала.

Она подняла тощие руки ладонями вверх, закрыла глаза, и ее смех обернулся пением.

Толпившиеся позади нее ашмадайцы приготовились бежать. Им уже доводилось видеть, сколь разрушительной может быть магия волшебницы.

Но ни один огненный шар не взорвался в комнате. Вместо этого, в руках Валиндры возник скипетр. На первый взгляд он напоминал те, что носили культисты, и его появление вызвало восторженные возгласы. Но когда воины смогли лучше рассмотреть предмет в руках лича, радость их поугасла.

Скипетры ашмадайцев были красными только при изготовлении — со временем краска стиралась и выгорала, приобретая скорее розовый оттенок. Но тот, что держала в руках Валиндра, был рубиновым не только по цвету. Он, похоже, был вырезан из цельного драгоценного кристалла. Оттенок был столь глубоким и насыщенным, что некоторые из стоящих рядом культистов потянулись к нему руками, желая прикоснуться.

Валиндра крепко сжала драгоценный артефакт и вскинула над головой. Концы скипетра полыхнули ярко-алым.

— Кто ваш хозяин? — воскликнула она.

Смущенные ашмадайцы переглянулись. Одни шептали: «Ашмадай», другие же тихо и неуверенно произносили: «Валиндра?»

— Кто ваш хозяин?! — снова спросила нежить, и ее усиленный магией голос заполнил пещеру и эхом отразился от стен. Концы скипетра, словно вторя крику, снова вспыхнули.

— Ашмадай! — выкрикнул командир, и остальные культисты последовали его примеру.

— Молитесь ему! — приказала Валиндра.

Фанатики встали на колени, сформировав круг с личем в центре. Их правые руки покоились на плечах товарищей, а левые протянулись к удивительному скипетру. Ашмадайцы запели, и их круг стал медленно поворачиваться против часовой стрелки.

Отступив назад, Дор'Кри с изумлением наблюдал за происходящим. Ему было известно, что это за скипетр. Сзасс Тем хранил его в Тее, зная, что это наиболее почитаемый артефакт Ашмадая. Вампир подозревал, что Силора Салм принесла его с собой, учитывая,

что почти все приверженцы демонического культа собрались в лесу Невервинтер и безоговорочно подчинялись чародейке. Когда к тейским агентам присоединилась лич, власть Силоры над ней только подтвердила эту догадку.

Вампир поверить не мог, что Салм доверила скипетр Валиндре, непредсказуемой и опасной нежити.

Дор'Кри постарался выбросить эти мысли из головы. Сейчас неподходящее время. Воины замерли, стоя на коленях, а призраки дворфов все приближались.

— Валиндра! — позвал вампир, но чародейка полностью погрузилась в транс и ничего не слышала.

— Валиндра, они уже рядом! — снова крикнул вампир, но лич и бровью не повела.

Когда первые призраки ступили под свет, испускаемый рубиновым скипетром, они тоже окрасились в алый оттенок. И как заметил Дор'Кри, их движения стали менее уверенными, на лицах отразилось беспокойство и даже боль. С концов скипетра повалил дым; завихряясь между Валиндрой и дворфами, он клубился и бурлил на полу, опускаясь все ниже и ниже, словно проникая в недра скальных пород. Камень плавился, становился текучим, на поверхности пола то и дело появлялись красные пузыри, которые, лопаясь, отравляли воздух едким желтым смрадом.

Призраки остановились и вскинули руки, защищая глаза.

Из пола, как из неглубокого пруда, поднялось нечто. Сначала появилась крупная голова, увенчанная рядами красных костяных наростов и шипов. Пара закрученных черных рогов расходилась в стороны, изгибаясь и сужаясь к концам, направленным друг на друга. Глаза не имели зрачков — просто два огненных провала. Глаза разъяренного демона. Пасть была разинута, обнажая ряды зубов. Казалось, что чудовище поднимается из расплавленного пола по лестнице. Лава не оставила на великолепном обнаженном теле ни одного ожога, кожистые красные крылья широко распахнулись, когда демон полностью вышел из пола.

Он был красным и горячим, как пламя всех Девяти Кругов Ада. Под кожей, покрытой костяными наростами, бугрились мускулы. Вдоль спины топорщились черные шипы, в основании позвоночника плавно переходившие в извивающийся красный хвост, оканчивающийся жалом, полным смертоносного яда. Длинные черные когти блестели, как полированный обсидиан. В правой руке монстр держал огромную четырехгранную булаву, каждая грань которой была подобна лезвию топора. От оружия вился дым, и время от времени вдоль лезвий пробегали языки пламени.

Наконец демон вышел из пузырящегося пруда, ступив огромными лапами на твердую поверхность. Когти лязгнули по камню.

Чудовище было облачено только в зеленую набедренную повязку, украшенную изображением железного черепа, черные наручи крепко обнимали мускулистые предплечья, а на шее покоилось жуткое ожерелье из черепов, которые не уступали в размере человеческим, но казались крохотными в сравнении с головой восьмифутового гиганта. На хвосте демона висели схожие украшения.

Ашмадайцы завопили в экстазе и пали ниц, не смея взглянуть на своего величественного хозяина.

Конечно же, это был не Ашмадай, ведь даже попытка вызвать его могла привести к гибели всех присутствующих. Но в этот ужасный и вместе с тем великолепный момент Валиндра значительно выросла в глазах Дор'Кри. Вампир почувствовал себя дураком из-за того, что смел сомневаться в Силоре Салм. При помощи скипетра лич воззвала к самым глубинам ада — и была услышана.

Дор'Кри не был последователем демонических учений, но, как и все, кто имел дело с темными волшебниками, знал об обитателях нижних планов. Валиндра, несомненно, была услышана, раз к ней явился Демон Ямы, один из приближенных Ашмадая, герцога Девяти Кругов. Обычно подобных тварей могли контролировать разве что архидемоны.

Зверь посмотрел на призраков, затем чуть повернулся, чтобы взглянуть на Валиндру и распластавшихся на полу ашмадайцев. Монстр протянул длинную руку к личу и сжал

пальцы на скипетре.

И снова Дор'Кри подумал о том, чтобы уйти, но Демон Ямы не вырвал артефакт из рук лича. Вместо этого он, казалось, передал Валиндре свою силу.

Свечение скипетра усилилось, и вампиру пришлось заслониться локтем и воротом плаща. Ведь он тоже был нежитью. Множество раз он подчинял своей воле ничего не подозревающих людей, неспособных противостоять его натиску, но в этот момент он понял весь ужас своих жертв.

Сам того не желая, Дор'Кри опустился на колени. Он понял, что больше не может смотреть на Демона Ямы, и, прикрывая лицо руками, согнулся, целуя пол. Трясущийся, беспомощный, здесь и сейчас он мог только снова умереть. Не было выхода, не было надежды.

— Дор'Кри, — скорее почувствовал, нежели услышал вампир. Голос обратившейся к нему Валинды был слабым и невероятно далеким. — Дор'Кри, встань, — приказала она.

Вампир осмелился поднять голову. Лич так и не изменила позы, держа над головой излучающий алое сияние скипетр.

Демон Ямы стоял подле нее.

Дор'Кри почувствовал, что боль утихает, а панический ужас рассеивается. Он осмелился распрямиться, а затем и подняться на ноги.

— Миньоны Предвечного не поймут, что у нас одна цель, — предупредил вампир. — Есть еще дракон — красный дракон в глубинах где-то под нами...

Валиндра улыбнулась и пожала плечами. Ашмадайцы поднялись на ноги, и Дор'Кри задался вопросом: обращалась ли лич к каждому из них по имени?

— Веди нас, Биалтиматуче, — сказала чародейка.

С Демоном Ямы во главе процессия двинулась мимо павших ниц и корчившихся в агонии призраков-дворфов и вышла из пещеры.

Культисты хранили молчание, на их лицах читался ужас и восторг. Но вампир не разделял их радости. Он знал, что волшебники часто вызывают тварей с нижних планов — в основном младших демонов или бесов. Ему доводилось слышать и о тех, кто осмеливался призывать более могучих слуг.

И как правило, подобные попытки не заканчивались ничем хорошим. Вампир посмотрел на скипетр, источник силы, необходимой для ритуала, и внезапно понял, что большая часть его энергии потрачена на вызов демона — могущественного демона, которого необходимо держать под жесточайшим контролем.

Демоны Ямы служили только архидемонам, но теперь, как казалось, один из них подчинялся еще и Валиндре Теневой Мантии.

Но как долго это продлится?

Глава двадцать первая НАСЛЕДИЕ, СУДЬБА

Дзирт прислонился к стене сторожевой ниши по одной из сторон десятифутового прохода. Далия заняла позицию напротив него в такой же нише. Они отчетливо слышали шум погони и знали, что это элементарии — миньоны Предвечного. Дроу бросил быстрый взгляд туда, где коридор, расширяясь, выводил в комнату правильной кубической формы. Ее дверь была слишком ненадежна, чтобы хоть как-то замедлить преследователей.

— Поторопитесь, — прошептал Дзирт, обращаясь к Бренору и остальным членам команды.

Боевой Топор определил, что в этой комнате некогда была установлена одна из волшебных чаш, магически соединенная с корнями Главной башни.

Дзирт пробежался глазами по многочисленным металлическим табличкам, равномерно расположенным на стене коридора. Все они были украшены разнообразными дворфскими изображениями, но ни одна не давала необходимой подсказки, позволившей сделать

правильный выбор. Шум, донесшийся из глубин коридора, вывел дроу из раздумий. Он тут же взглянул на Далию и кивнул.

Эльфийка вернула ему напряженную ухмылку, вскинула руки и сказала пальцами:

Твой меч.

Дзирт посмотрел на прикрепленную к поясу Ледяную Смерть и понял причину беспокойства Далии. Из-под гарды, где эфес касался ножен, исходило голубое свечение. Ледяная Смерть всегда имела голубоватый оттенок и часто начинала светиться намного ярче при приближении огненного существа. Меч был одним из древнейших оружий холода, специально созданных для сражения с такими тварями, оружием, постоянно испытывающим голод по огню.

Но Дзирт никогда раньше не замечал, чтобы клинок светился в ножнах. Дроу сжал эфес, и стоило ему лишь на дюйм вытащить меч из ножен, как нишу буквально затопило голубое свечение. Дзирт вернул Ледяную Смерть обратно в ножны и глубоко вздохнул. Он попытался убедить себя, что сияние усилилось из-за близости к наивысшему воплощению огня, к Предвечному.

Он посмотрел на Далию и уже было поднял руки, чтобы ответить ей, как вдруг осознал кое-что совершенно удивительное и неожиданное. Воительница общалась с ним на чрезвычайно сложном языке жестов дроу. Дзирт еще ни разу не встречал представителей другой расы, кто владел бы им.

Откуда ты знаешь этот язык? — быстро спросил он жестами.

Прекрасное лицо Далии приняло такое выражение, будто она безуспешно пыталась понять, о чем он толкует.

Уже медленнее Дзирт отметил:

Ты говоришь как дроу.

Эльфийка вытянула руку и покачала ладонью влево-вправо, показывая, что обладает лишь поверхностными знаниями. Подытожила свои манипуляции она уничижительной ухмылкой и пожиманием плечами.

Как бы то ни было, дроу был впечатлен. Не многие могли составлять даже самые примитивные слова на этом сложнейшем языке.

Ниже по коридору с шумом распахнулась дверь, и Далия прижалась к стене, сжимая Иглу Коза.

Дзирт плавно вытащил стрелу из зачарованного колчана и положил ее на тетиву Тулмарила. Он опустился на одно колено и выглянул из ниши, чтобы рассмотреть предводителя краснокожих саламандр, осторожно движущихся по коридору.

— Поторопись, дворф, — сказал Джарлак, нервно оглядываясь на дверь. — Уверен, враги не станут нас ждать.

Бренор издал тяжелый вздох. Он стоял, положив руки на бедра, пристально рассматривая боковую стену комнаты. Не менее десяти металлических табличек было расположено на ней и столько же на противоположной стороне.

— Да просто нажми их все, — раздраженно предложил Атрогейт.

Боевой Топор покачал головой:

— Лишь одна из них правильная. Остальные приведут в действие страшные ловушки, которые тотчас прикончат нас.

Пока старый дворф говорил, Атрогейт успел приблизиться к одной из табличек и почти коснулся ее. Однако, услышав последнюю фразу, он быстро отдернул руку и, сделав глубокий вдох, развернулся и посмотрел на Бренора.

Тот указал на табличку недалеко от места, где стоял Атрогейт.

— Вот эта.

— Ты уверен?

— Уверен, — кивнул Бренор, и Атрогейт направился в указанном направлении.

Он нажал на поверхность таблички, но ничего не произошло.

Внезапно из коридора донеслись крики.

Со всей своей немыслимой силой Атрогейт попытался нажать на табличку еще раз, но она все так же не поддавалась. С рычанием он отпрыгнул назад, потер руки и уже было предпринял еще одну попытку, но тут вмешался Бренор. Король дворфов подошел к табличке, вытянул вверх руку и начал что-то говорить на языке, похожем на дворфский, хотя Атрогейт не понимал ни слова из того, что произносил Бренор.

Боевой Топор плавно надавил, и табличка, запирающая тайный отсек, отворилась, мерно покачиваясь.

— Но как, во имя Девяти Кругов? — недовольно пробурчал Атрогейт.

— С помощью магии трона? — предположил Джарлакс.

Дроу быстро подскочил к Бренору, чтобы установить чашу в основании глубокой узкой ниши. Повозился со своим мешком и вытащил из него небольшой пузырек, который протянул дворфу.

— Чтобы активировать магию чаши... — начал наемник, но Бренор поднял руку, призывая дроу к молчанию.

Он знал, как это делается. По какой-то причине ему были известны необходимые слова. Дворф вытянул из пузырька пробку и вылил волшебную воду в чашу. Затем, аккуратно помешивая жидкость круговыми движениями, запел.

Казалось, вода прибывала, кружась в неглубокой чаше, увеличиваясь в объеме и обретая форму. И вот она поднялась над краем, принимая очертания человека. Существо казалось крайне возмущенным тем фактом, что его потревожили, вызвав с родного плана.

Оно продолжало расти, пока не стало слишком большим, чтобы помещаться в нише. В конце концов элементаль высвободился из ниши и навис над дворфом. Джарлакс отступил назад, а Атрогейт закричал, предупреждая Бренора, и схватился за кистени, хотя не знал, способны ли они нанести хоть какой-то вред подобному существу.

Но Бренор оставался абсолютно спокоен. Он призвал это существо с помощью магии чаши, и он управлял им. Дворф потянулся мимо монстра, словно это было не более чем обычное комнатное растение, и задвинул чашу глубже в альков. Затем он указал на узкий туннель, приказывая элементалю скрыться там, где виднелся открытый корень Главной башни — место, специально созданное для таких существ.

Элементаль взметнулся в протесте, и толстые, подобные рукам отростки, завершающиеся огромными водяными кулаками, замерли в готовности выбить дух из Бренора.

Но дворф был непреклонен и лишь зарычал, вынуждая существо подчиниться. Как только оно скрылось в отверстии, Боевой Топор схватился за дверцу. Он замер на мгновение, вслушиваясь в похожие на шум волн, бьющихся о берег, звуки, исходящие из ниши.

Дворф вздохнул с облегчением. По правде сказать, он не был до конца уверен, что элементаль подчинится команде. Он закрыл табличку и обернулся, чтобы отыскать взглядом Джарлакса, охраняющего дверь.

— Надо продолжать путь, — обратился к нему дроу, но Бренор покачал головой.

— Вторая находится здесь же, — объяснил дворф, указывая на противоположную стену.

Шум и крики, доносящиеся из коридора, стали громче.

— Ну тогда поторопись, добрый дворф, — сказал Джарлакс.

Он вытащил пару тонких палочек и переместился к стене сбоку от двери.

Одна за другой стрелы, выпущенные из волшебного лука Дзирта, освещали коридор серебряными вспышками. Стоя на одном колене, дроу стрелял так часто, как мог. Каждый выстрел уносил с собой жизнь саламандры. Иногда всего одной смертоносной стрелой удавалось поразить сразу двух тварей, а один раз даже трех.

Но, казалось, потери только разжигали ярость наступающих монстров. И Дзирт понимал, что со всеми ему не справиться. Они сражались за Предвечного, за своего бога.

Мертвые тела уже устлали коридор, но все больше саламандр пробиравлось по ним вперед. По мере того как дроу сокращал их количество, разъяренные существа начали использовать другую тактику. Они стали прикрываться телами павших собратьев, вместо того чтобы карабкаться по ним.

Дзирт скривился, но не прекратил стрельбу. А что еще ему оставалось делать? Без остановки и так быстро, как мог, он спускал тетиву Тулмарила. Стрелы-молнии оставляли дыры в телах и отбрасывали трупы в сторону, все реже поражая живых.

Саламандры усилили натиск, и когда Дзирт уже был готов оставить лук и выхватить мечи, пара настоящих молний вылетела из-за его спины, временно ослепив дроу и заставив укрыться в нише. Когда зрение прояснилось, его взору предстали груды почерневших и дымящихся останков, а также уцелевшие саламандры, которые пытались восстановить разрушенные молнией ряды.

Дзирт, не теряя времени, возобновил обстрел противника. За дверьми комнаты Джарлакс собирался воспользоваться волшебными палочками еще раз. Он пытался подобрать такой угол атаки, чтобы молнии, отразившись от потолка, угодили в толпу саламандр, прикрывавшихся трупами собратьев.

— Шаром их! — закричал Дзирт.

— Понял! — ответил Джарлакс, и молодой дроу ничком упал на пол.

Шар зеленой пасты пролетел прямо над ним, чтобы врезаться в пол как раз перед стеной из трупов.

Но саламандры все равно продолжали наступление, разрывая пути и бросаясь вперед. Стена летящих копий возглавляла яростную атаку, заполнив все пространство коридора.

— Они близко! — предупредила Далия из своего укрытия у противоположной стены.

— Приготовьтесь! — закричал Джарлакс, и двойная молния пронеслась мимо пары бойцов, сотрясая каменные стены.

— Сейчас! — скомандовала воительница, как только магический заряд достиг цели.

Она выскочила в коридор, размахивая посохом.

Дзирт с мечами в руках присоединился к ней как раз вовремя, чтобы молниеносным выпадом вправо отбить летящий в Далию трезубец.

Монстры напирала тремя потоками.

Мечи Дзирта кружились перед ним, парируя любой выпад. Большой радиус действия длинных копий и трезубцев не позволял дроу продвинуться вперед. Да ему и не нужно было вперед, главное — не отступить. Вдвоем с Далией они образовали мощный оборонительный барьер. Дроу чувствовал, что они движутся в одном ритме. Изумительный посох эльфийки — иногда цельный, иногда двухсоставной, иногда триединый, а иногда и в виде пары цепов — открывал перед ней безграничные возможности для ударов и контратак. Дзирт сосредоточился на обороне, с легкостью отбрасывая саламандр.

— Да! — закричала Далия, очевидно разгадав его намерение.

Она отступила на шаг назад, в то время как Дзирт продолжал эффективно блокировать в быстрой последовательности копьё за копьём, трезубец за трезубцем. Дроу метался от стены к стене. Его ноги казались размытым пятном. За руками невозможно было уследить, когда он, работая обоими клинками, отводил все выпады.

Он отступил назад и влево и услышал щелчок позади себя. Это было еще одно из воплощений удивительного оружия Далии — четыре секции равной длины, гибко соединенные между собой так, что могли быть использованы как кнут. Эффективность этой формы посоха опробовала на себе саламандра, напавшая на Дзирта справа, — точным и мощным движением воительница проделала дыру у нее во лбу.

Перед тем как упасть замертво тварь успела метнуть копьё, но дроу был наготове и отбил его, пока Далия завершала смертельный удар. Затем он быстро занял привычную позицию, не допуская брешей в их обороне.

— Сверху! — донеслось предупреждение Далии из-за спины, и До'Урден инстинктивно пригнулся как раз в тот момент, когда эльфийка совершила прыжок с шестом

над ним и мягко приземлилась на ноги в зоне досягаемости вражеских копий и трезубцев.

Не успела она приземлиться, как Дзирт снова услышал:

— Сверху!

Маневр оказался обманным, только и всего. Воительница снова поднялась, отпрыгивая в противоположном направлении. Три копыя взметнулись в попытке задеть ее, но ни одно из них не достигло цели.

Дзирт ринулся вперед под прыгнувшую Далию и мгновением позже очутился в самой гуще саламандр. Мечи обрушились на врага. Мощнейшие выпады раскидывали тварей по сторонам. Затем дроу блокировал брошенное копьё, и второе, и третье. Все больше существ, прикрываясь щитами, пытались отеснить его к другому концу коридора.

— Сверху! Пригнись! — закричали Далия.

Дзирт не совсем понял, как маневр сработает на этот раз, однако, не задавая лишних вопросов, просто упал и откатился. Как раз в этот момент эльфийка воткнула конец своего посоха совсем рядом с ним и взметнулась вверх.

Дроу точно рассчитал свое падение, оказавшись в одной из ниш. Он спрятал клинки в ножны и взялся за Тулмарил, выхватывая стрелу.

Далия не приземлилась. Она оставалась на восьмифудовой высоте, крепко держась за верхний конец посоха. При этом она умудрялась часто, непредсказуемо и агрессивно атаковать противников ударами ног. Даже когда они пытались выставить щиты, Далия лишь находила в этом дополнительную опору для удержания баланса.

Дзирт начал стрелять. Его стрелы прошли под приподнятым щитом саламандры, буквально разрывая торс существа. Еще один монстр попытался прикрыться щитом, но стрела прошла сквозь него, как нож сквозь масло, не оставляя шанса на выживание.

Внезапно Далия издала полный ужаса вопль и сильно оттолкнулась от ближайшего щита, отправив себя в полет. Приземление закончилось кувырком к нише, где устроился Дзирт. Глаза женщины были широко раскрыты.

— Просто беги! — сказала она и, до того как дроу успел что-либо спросить, бросилась к квадратной комнате.

Еще одна стрела унеслась прочь, и еще одна. Дзирту пришлось прижаться к полу, чтобы увернуться от брошенного копья. Затем он вскочил, продолжая стрельбу и прикрывая их с Далией отступление. Но когда дроу прицелился в очередной раз, он увидел, что ряды его противников редеют. Саламандры расступались и прижимались к стенам, освобождая проход.

И тут Дзирт увидел то, что чуть ранее заметила Далия. И та же пронзительная мысль: «Просто беги!» — всецело овладела его сознанием.

— Две! — объявил Бренор, задвигая вторую чашу глубже в нишу и запирая табличку. Из-за металлической дверцы они отчетливо слышали звуки водяного потока, порождаемые элементом, проникающим в корни Главной башни. Дворф удовлетворительно кивнул. — Две из десяти!

— Давай поторопимся, — предложил Джарлакс, хотя слова эти вряд ли были необходимы с учетом шума, доносившегося из коридора через поломанную дверь.

Все трое — Бренор, Джарлакс и Атрогейт — повернулись и посмотрели на арку, из которой в комнату влетела Далия, завершая впечатляющее сальто. Она оттолкнулась посохом от стены и, изменив направление движения, бросилась вбок, прочь от проема.

— Что-о? — только и успел сказать Бренор, перед тем как мощный огненный поток ворвался через арку в комнату, взрывной волной неся перед собой Дзирта.

Дроу приземлился, погасив инерцию короткой пробежкой, и, как только пламя рассеялось, посмотрел на своих друзей. Струйки дыма поднимались от его плаща. В одной руке он держал Тулмарил, в другой — неистово сияющую Ледяную Смерть.

— Вот так сюрприз, — невозмутимо сказал дроу. — С ними дракон.

Глаза Бренора распахнулись едва ли меньше, чем его рот. Примерно то же самое

произошло и с Атрогейтом, и оба дворфа, заорав, стремглав бросились в дальний конец комнаты, и вскоре к их компании присоединилась Далия.

На всякий случай Джарлакс швырнул молнию в открытый коридор и благоразумно запечатал проем зеленым клеем, надеясь тем самым задержать преследователей. Вдобавок в липкой субстанции застряли три вражеских копья, брошенных вдогонку Дзирту.

— Два элементаря на своих местах, — заверил Джарлакс Дзирта, когда они поравнялись, прикрывая отступление товарищей. — Еще восемь — и мы почти у цели!

Эльф не удостоил его взглядом, вместо этого сфокусировав внимание на Бреноре. Старый дворф стоял у выхода в самом дальнем конце комнаты, приготовившись высадить тяжелую дверь.

— Я уже упоминал, что с ними дракон? — откликнулся дроу, покачал головой и оглянулся.

— Но он ведь совсем небольшой! — ответил его сородич.

Дзирт фыркнул и поспешил к Бренору. Дворф таранил тяжелую каменную дверь. Рядом стоял Атрогейт с металлическим засовом в руках. Двум дворфам не понадобилось много времени, чтобы обеспечить отряду проход.

Атрогейт запел:

Свинью видел жареную и видел корову,
Теперь я вот жареного увижу дроу!
Но не пахнешь ты пряно
И на вид не румяный,
И спрошу я себя тогда:
Что теперь, дроу?
Ба-ха-ха-ха!

— Хороший вопрос... для тупицы, — согласился Джарлакс, пока группа быстро покидала помещение.

Дзирт ничего не ответил. Ускорившись, он догнал четверку, занимая место во главе отряда, вешая на плечо Тулмарил и доставая Мерцающую в пару к Ледяной Смерти.

— Чертовски хороший клинок, — объяснял Бренор членам группы чуть позднее.

— Ледяная Смерть! — догадался Джарлакс.

— Проклятый меч помог отразить огонь? — спросил Атрогейт?

— Однажды он помог мне, когда я оседлал жареного дракона, — заметил Боевой Топор.

— Жареного дракона? — переспросил чернобородый дворф.

В то же время Джарлакс сделал шаг в сторону и беззвучно произнес нужные слова.

— Ага, приготовил его сам.

Наемнику оставалось лишь улыбнуться и покачать головой. Он хорошо знал, что не стоит верить всему, что рассказывают два авантюриста: Дзирт До'Урден и Бренор Боевой Топор.

Его ухмылка исчезла, когда он взглянул на молодого дроу. Даже в том, как двигался Дзирт, чувствовались перемены, произошедшие с ним. Он раньше казался беспечным бойцом, наслаждающимся битвой, и Джарлакс не мог отрицать, что ему это нравится. Но теперь его отношение изменилось, и очень заметно. Возможно, тот, кто не знал правду о Дзирте До'Урдене, и не заметил бы перемены, но для наемника она была очевидна. Он отделился от дворфов и Далии и ускорил шаг, чтобы догнать Дзирта.

— Одна битва за другой, — произнес Джарлакс.

Дроу кивнул вполне равнодушно.

— Но все они стоят той цели, к которой мы идем, разве нет? — спросил наемник.

Дзирт посмотрел на него как на сумасшедшего:

— Я потратил полвека, разыскивая это место ради моего друга.

— Но тебе наплевать, что наша работа может спасти город?
Эльф пожал плечами:
— Ты давно был в Лускане?
Джарлакс пропустил колкость мимо ушей и снова задал вопрос:
— Ты бы пришел сюда, если бы не Бренор?
Искра злости вспыхнула в глазах Дзирта, и наемник не дождался ответа.
Он накинулся на До'Урдена, схватил его за кожаный жилет и прижал к стене.
— Да будь ты проклят! — рявкнул Джарлакс. — Как ты смеешь притворяться, что для тебя это ничего не значит!
— А какая тебе разница? — прорычал Дзирт и дернулся, чтобы освободиться от хватки старшего друу.
Но Джарлакс был настолько зол, что подавил эту попытку и прижал собрата еще сильнее.
— Не тот, каким был раньше? — спросил наемник, приблизившись к его лицу вплотную.
Дзирт уставился на собрата.
— Так ты мне сказал в «Абордажной сабле». Так ты описал мне себя: «Не тот, каким был раньше». — Джарлакс закрыл глаза и отпустил До'Урдена. — Ты веришь в это? — спросил он уже более спокойно.
— Что тебе надо от меня, сын Дома Бэнр?
— Только правду — твою правду. Ты веришь в то, что ты не тот, каким был раньше?
— Возможно, я всегда был таким, — ответил Дзирт, словно выплевывая каждое слово.
— Ты имеешь в виду — непостоянным?
Дзирт задумался на мгновение, затем кивнул.
— Потому что они все рано или поздно умирают? — продолжил Джарлакс. — Кэттибри? Реджис?
Дзирт вздохнул, мотнул головой и зашагал вниз по коридору. Но Джарлакс взял его за плечо и опять прижал к стене. Лицо наемника было настолько искажено злобой, что рука Дзирта невольно вскинула меч.
— Никогда не говори так! — сказал Джарлакс, выкрикивая каждое слово.
Дзирт, как только хватка ослабла, откинул его прочь.
— Какое тебе до меня дело? — спросил он.
— Ведь ты был единственным, кто смог сбежать, — ответил Джарлакс.
Дзирт смотрел так, словно не имел понятия, о чем он говорит.
— Как ты не понимаешь? — продолжал наемник. — Я следил за тобой — мы все следили за тобой. Всякий раз, когда твое имя упоминалось при женщине Мензоберанзана, оно произносилось со злобой, сопровождалось клятвами отомстить за Ллос и убить тебя.
— У тебя был шанс исполнить клятву.
Джарлакс пропустил эти слова мимо ушей.
— Но когда никого из них не было рядом, имя Дзирта До'Урдена произносилось с завистью и почтением. Ты не понимаешь, не так ли? Ты даже не осознаешь тех изменений, которые произошли благодаря тебе со многими из нас в Мензоберанзане.
— Что ты имеешь в виду?
— Ты был единственным, кто сбежал!
— Ты здесь, со мной! — возразил Дзирт. — Тебя держит в Мензоберанзане что-то большее, чем твои собственные цели? Бреган Д'Эрт?
— Я не о городе говорю, идиот, — ответил Джарлакс, понижая голос.
До'Урден смотрел на него в растерянности.
— Наследие, — объяснил Джарлакс и еле слышно добавил: — Судьба.

Глава двадцать вторая ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ПУТИ

Величественные колонны высились в зале тремя длинными рядами. Каждая была произведением искусства, созданным силой сотен дворфских мастеров. Каждая колонна была украшена уникальным узором, в который мастер вложил душу. Даже накапливавшаяся столетиями пыль не могла скрыть этого великолепия. Проходя через зал, пятеро путников, а особенно Бренор и Атрогейт, живо представляли себе грандиозные собрания, что проходили здесь когда-то. Пробуждение Предвечного вызвало серьезные разрушения, но большая часть того, что некогда составляло славу Гаунтлгрима, осталась нетронутой. Спутники прошли через десятки залов, по множеству лестниц и коридоров с дверями, ведущими в особняки и подвалы, мастерские и кухни, столовые и учебные классы. Гаунтлгрим до освобождения рассветного гиганта был больше, чем Мифрил Халл, цитадели Фелбар и Адбар вместе взятые. Славная родина клана Делзун.

— Я сбился со счета, — объявил Бренор, когда компаньоны уже почти миновали обширный зал.

Он упер руки в бока, уставился на металлическую табличку на ближайшей к нему колонне и покачал головой.

— Двадцать три, — сказал Дзирт, и все взгляды обратились к дроу. — Это двадцать третья пластина в зале.

Он сказал это с такой уверенностью, что никто не усомнился в его словах, но все же спутники оглянулись назад, чтобы увидеть и осознать, сколь много величественных колонн они миновали. Палата действительно была огромной, ее потолок терялся в тенях наверху.

Бренор покачал головой, посмотрел влево-право, затем повернулся и указал на колонну в центре ряда.

— Средняя из двадцати, — объявил он и с уверенностью, подаренной тронem и подсчетами Дзирта, пошел к пластине, схватил за ее край и потянул, с легкостью сдвинув в сторону и открыв нишу.

Она отличалась от предыдущих шести — была у же и выше. Бренор просунул голову внутрь и увидел далеко вверху — вероятно, в самой вершине колонны — знакомый зеленый огонек.

— Корень, — заметил он торжествующе.

Это было место для седьмой чаши из десяти, и подошедший Джарлак вручил Бренору сосуд с водой. Бормоча заклинание, дворф вылил волшебную воду в чашу и проследил, как из водоворота появился элементаль.

Почти мгновенно корень поймал существо.

— Других в этом зале нет, — объявил Бренор, устанавливая пластину на место. — Теперь на юг.

— Тогда вперед, — сказала Далия, проходя мимо, но Боевой Топор быстро остановил ее.

— Юг — это налево, — объяснил он.

Воительница беспомощно пожала плечами, и дворфы с Джарлаком пошли вперед, к ведущей из комнаты двери, а Дзирт присоединился к Далии.

— Откуда он знает? — спросила эльфийка.

— Видимо, трон подсказал... — ответил дроу.

— Я не про устройство комплекса, — перебила Далия. — Откуда он — да любой из вас — знает, где юг, а где север?

Дзирт улыбнулся. Он ответил бы, если б мог. Обитатели Подземья просто *знали* такие вещи.

— Может, это влияние небесных тел, — предположил он. — Наверное, когда Луна и Солнце движутся по небу, их энергия ощущается даже здесь.

— Я этого не чувствую, — грустно ответила эльфийка.

Дроу улыбнулся еще шире.

— Когда ты наверху и хочешь определить направление, как ты это делаешь?

Далия посмотрела на него, приподняв бровь.

— Ты смотришь на небо или горизонт, если знаешь, как по ним определять направление, — сказал Дзирт. — Ты знаешь, где солнце встает и садится, и поэтому можешь определить, где какая сторона света.

— Но вы не можете знать этого здесь.

Эльф снова пожал плечами.

— Но разве ночью в лесу твой слух не становится острее?

— Это совсем другое.

— Неужели?

Далия хотела что-то ответить, но передумала и остановилась. Она несколько мгновений смотрела на дреу.

— Ты сможешь чувствовать направление в Подземье так же легко, как и на поверхности, если проведешь здесь больше времени, — сказал Дзирт.

— Кто хотел бы оставаться в Подземье дольше, чем необходимо?

Замечание воительницы задело Дзирта. Он хотел бы рассказать ей обо всей красоте мира, лежащего под Фаэруном. Даже Мензоберранзан, который Далия, как эльфийка с Поверхности, могла бы увидеть только в качестве рабыни, был местом необычайной красоты. Дзирт выбрал Поверхность своим домом, и он действительно любил звезды и даже солнечный свет, хотя он долгое время причинял боль его чувствительным глазам. Он видел красоту лесов и рек, облаков, полей и величественных гор. Но он знал и о красоте, которую можно встретить в Подземье, хотя и не так часто. Дреу редко бывал здесь в последние полвека, — возможно, именно это помогло ему взглянуть на свою родину другими глазами. Он оценил ее красоту — и созданную дворфами, и естественную.

Тем не менее он ничего не сказал Далии. Она была в невыгодном положении вне привычных условий, и с ней были четверо спутников, чувствовавших себя под землей как дома. Эльфийке это не нравилось. Дзирт понимал это и, глядя на женщину, чувствовал ее уязвимость. Она пошла бы не тем путем, не останови ее Бренор. Она не знала, как определить направление. В безупречной защите обнаружилась брешь.

И за этой трещиной дреу разглядел шрам — старую глубокую рану: боль в сияющих голубых глазах, нерешительность в обычно уверенном твердом шаге. Готовность к обороне в расправленных плечах.

Это удивило и заинтриговало Дзирта. Ее надменная фраза задела его. Необычайная красота эльфийки, а особенно ее искусство ведения боя завораживали. Но было и что-то еще, покоряющее и возбуждающее любопытство.

— Тяните! Тяните ее! — командовал Стокли Серебряная Стрела своим дворфам.

И первоклассная команда выполняла его указания, заваливая огромную красную ящерицу, опутанную веревками, на пол. Впереди дворфы, которым помогали призраки, сражались против саламандр, но победа над двадцатифутовой, внушающей ужас огненной рептилией была куда более значимой.

Стокли сам приблизился и прикончил ящерицу, для чего потребовалось несколько сокрушительных ударов топором.

К тому времени как он и те, кто охранял тыл, присоединились к остальным, бой уже закончился. Туннель был усыпан телами мертвых и раненых саламандр, среди убитых был и дворф из клана Стокли. Сопровождавшие отряд жрецы сделали все возможное, но один из троих тяжелораненых умер, а других придется нести.

Но дворфы без страха шли вперед, ведомые призраками и своей судьбой.

Часом позже, еще до полудня, они услышали шум, доносившийся из туннеля, по которому они пришли.

Стокли нерешительно посмотрел вперед. Возможно, они могли бы обогнать саламандр, но, если впереди встретится серьезное препятствие, дворфы окажутся загнанными в ловушку.

— Держитесь, парни, — сказал Стокли товарищам. — Прикончим побольше этих тварей.

Ни один дворф не жаловался. С мрачными лицами воины повернулись туда, откуда должны были показаться враги. Несколько призраков из тех, что вели их от Долины Ледяного Ветра, ушли вперед, чтобы встретить наступающего противника, но Стокли так и не услышал звуков сражения.

Только окрик и приветствие: «Мирабар!»

И они появились — примерно два десятка элитных пехотинцев из Щитов Мирабара.

— Вот это встреча! — крикнул Стокли.

Обе группы были рады союзникам, так как последние несколько дней они вынуждены были непрестанно сражаться со слугами Предвечного.

— Стокли Серебряная Стрела из Долины Ледяного Ветра к вашим услугам, — поприветствовал вновь прибывших вождь северян.

Старый дворф с седой бородой вышел из отряда мирабарцев.

— Долина Ледяного Ветра? — переспросил он. — Выходит, вы Боевые Топоры?

— Да, к вашим услугам, — ответил Стокли. — Наша древняя родина Мифрил Халл, но Гаунтлгрим еще древнее.

— Торгар Молотобоец к твоим услугам, рад встрече, кузен, — сказал седобородый. — Несколько лет назад я назвал Мифрил Халл домом. Я поклялся в верности королю Бренору, да поцелует его Морадин, и королю Банаку, которому служил до того, как меня позвали домой в Мирабар.

— Так ты был там, когда умер король Бренор?

— Ни один колокол не издаст более печального звона, — ответил Торгар, — и тяжелы камни на его могиле. Темный день для всего Мифрил Халла.

Стокли кивнул и добавил:

— Темный день для всех дворфов.

Он мог бы подробнее обсудить «конец» короля Бренора, но позже. Приличия требовали проявлять осторожность при разговоре о том, как король дворфов решил уйти, имитировав свою смерть. Прошло много лет, и не следовало распространять слухи.

— Торгар! — раздался крик. — Уродливая задница Обальда!

Старый дворф сразу узнал этот голос, и его накрыли воспоминания о былой войне.

— Это действительно ты? — крикнул вождь мирабарцев. — Или здесь больше призраков, чем я думал?

Но это был не призрак.

Дзирт сделал кувырок вперед и вправо, игнорируя ближайшую к нему саламандру. Он поднялся на ноги и сделал выпад мечами, поразив двух противников, затем услышал крик боли и ворчание позади, когда еще одна саламандра была повержена.

Мечи дроу работали разнонаправленно, нанося мощные удары по копьям противников. Дзирт сделал еще выпад, затем резко повел Мерцающую вверх, отводя копья саламандр. Затем эльф отскочил назад и опрокинулся на спину, но поднялся настолько быстро, что стороннему наблюдателю — как и двоим противникам — показалось бы, что дроу подняла на ноги некая невидимая сила.

Он перерезал горло одной из саламандр и ранил другую в плечо. Ледяная Смерть защищала Дзирта от губительного жара, исходящего от врага.

Раненая саламандра попыталась отскочить в сторону, чтобы между ней и дроу появилось некоторое расстояние, необходимое для более эффективного использования копы.

Не успел Дзирт кинуться следом, как над ним пролетела тень. Далия, преодолевшая по воздуху расстояние, разделявшее дроу и его противника, ударила саламандру в голову, повалив на пол. Едва тварь упала, эльфийка развернула посох и пронзила противника острием. Едва металл звякнул о камень под телом поверженного врага, Игла Коза

высвободил мощный электрический разряд.

Держа посох, Далия отвела в сторону свободную руку. Казалось, энергия и мощь оружия согревают ее. Женщина откинула голову, прикрыла глаза и широко открыла рот. На ее лице застыло выражение чистого экстаза.

Дзирт не мог оторвать от эльфийки взгляд. И подберись к нему в этот момент враг, то без проблем прикончил бы дроу.

Далия не шевелилась довольно долго, и Дзирт не сводил с нее взгляда все это время.

— У нас проблема, — раздался голос Джарлакса, вырвавший обоих из оцепенения.

— Чаша не вызвала элементаря? — спросил Дзирт.

— С чашей все в порядке, она на месте, — ответил наемник. — Восемь из десяти. Но проблема в том, что девятая пластина разрушена, как и ниша за ней.

Дзирт и Далия обменялись озабоченными взглядами и проследовали за Джарлаксом через коридор и множество маленьких комнат в широкий зал, где их ждали Бренор и Атрогейт — ждали, уперев руки в бока и глаза на грудь щепня у полуразрушенной стены.

— Была здесь, — констатировал Бренор, — больше нет.

— Что это значит? — спросила Далия. — Неужели мы теперь не сможем загнать зверя обратно в его клетку?

— Ба! И девяти водных духов хватит, чтобы справиться с монстром! — проревел Атрогейт. Остальные просто посмотрели на него. — Да у них просто нет выбора! — добавил дворф с еще большим напором.

В стороне от него лежали тела двух саламандр, которых Атрогейт прикончил, едва те сунулись в зал. Стараясь придать веса своим словам, он плюнул на трупы, произнес свое обычное «Ба-ха-ха!» и стукнул короля Бренора по плечу.

К удивлению Дзирта, Боевой Топор тоже вернул ему товарищеское похлопывание.

— Тогда вперед! — объявил Бренор. — Демонопоклонники нас не остановят, как и прислужники пламени, и даже этот зверь-вулкан не в силах нам помешать! Я собираюсь вызвать еще одного водного духа и повернуть большой рычаг, и пусть весь мир узнает, что призраки Гаунтлгрима снова свободны!

И спутники двинулись вперед. Дзирт был рад видеть своего друга оживленным и неистовым, как в былые времена, рад, что в нем вновь разгорелось пламя. Однако все больше его вниманием завладевала Далия, которая спокойно шагала рядом с ним. Дроу заметил три небольших прокола в ее правом ухе, располагавшиеся выше алмазного гвоздика.

Следы от сережек?

За этим скрывалась какая-то история — Дзирт был в этом уверен. Эта загадочная женщина продолжала интриговать дроу, и самым удивительным было осознание того, насколько желанным для него является рассказ о серьгах.

Звук текущей где-то над головами воды встревожил ашмадайцев.

— Волшебство возвращается! — крикнула Валиндра. — Главная башня отвечает на зов наших врагов!

— Что это значит? — спросил командир культистов.

— Это значит, что вы потерпите неудачу и ваше Кольцо Страха во славу Ашмадая не будет закончено, — проревел Биалтиматуче, и все, кроме Валиндры, подались назад, опасаясь гнева Демона Ямы.

— Нет, — отрезала лич, махнув скипетром, чтобы пресечь любые возражения со стороны демона. — Это значит, что мы должны поспешить.

— Прямо к Кузнице, — предложил командир ашмадайцев, который уже был здесь много лет назад, когда Силора пришла завершить задание вместо Далии.

Огромная летучая мышь несколько раз перевернулась в воздухе перед Валиндрой и Биалтиматуче, принимая человеческий облик. На лице Дор'Кри отражалась крайняя озабоченность.

— Вода... — начала Валиндра, но вампир покачал головой.

— Нам заблокировали путь, — пояснил он. — Не спутники Далии — слуги Предвечного.

— Тогда они умрут! — проревел Биалтиматуче, и сектанты поддержали его радостными возгласами.

Но Дор'Кри снова покачал головой.

— У них есть дракон, — сказал он. — Красный дракон.

Демон Ямы топнул когтистой лапой с такой силой, что задрожали стены туннеля. Он помчался вперед, и ашмадайцы поспешно убрались с его пути. Культистку, оказавшуюся слишком медлительной, монстр ударил огненной булавой, раздробив плечо, опалив кожу и волосы и отбросив к стене так, что каждая кость в теле несчастной издала отвратительный хруст.

Женщина превратилась в бесформенный комок крови и паленого мяса.

И ашмадайцы дружно приветствовали это.

Глава двадцать третья ДЖОЗИ. ЛЯГУШАЧИЙ ДЖОЗИ

Далия крепко сжала тройной цеп, готовая атаковать то, что могло появиться в маленькой комнате, где она и дворфы дожидались остальных.

Эльфийка расслабилась, когда из-под арки вышел Дзирт.

— Враги близко, — предупредил он. — Они в каждом коридоре и в каждой пещере по ходу движения.

От другого дверного проема, через который ранее вошли пятеро компаньонов, донесся голос Джарлакса:

— И сзади тоже нападают.

— Придется сражаться, — сказала Далия, и в ее голосе не было ни страха, ни сожаления.

Она кивнула Дзирту, и тот ответил ей уверенным взглядом.

— На всем пути к Кузне Гаунтлгрима, — согласился Атрогейт. — Если сотня этих ящериц встанет у меня на пути, просто станет сотней мертвых ящериц больше! Да, король Бренор? — добавил он, повернувшись и хлопнув Боевого Топора по плечу.

Бренор, занятый ощупыванием стены, только закричал.

— Надо поспешить, — сказал Дзирт. — Не хотелось бы, чтобы те, кто сзади, настигли нас во время схватки с теми, кто впереди.

Он повернулся к арочному проему, и Далия двинулась следом. Джарлакс пересек комнату и присоединился к ним, так же как и Атрогейт, который еще раз хлопнул Бренора по плечу.

Но на этот раз старый дворф никак не отреагировал, сосредоточенно водя ладонью по каменной стене пещеры, ощупывая узор.

— Бренор, — позвал Дзирт. — Надо идти.

Дворф пренебрежительно махнул рукой и вернулся к изучению стены. Его мысли унеслись сквозь столетия, погружаясь в откровения, которыми поделился волшебный трон.

«Здесь есть комната, — думал дворф. — Здесь должна быть комната. Надо только найти рычаг!»

Из туннеля, по которому они прошли, донесся шум.

— Бренор, — позвал Дзирт уже более спокойно. Он направился к дворфу, собираясь увести его с собой. — Идем, — позвал дроу друга и положил руки на сильное плечо Бренора. — Враги близко. Нам надо идти.

— Да иди, — раздраженно проворчал дворф.

Он чуть сильнее нажал рукой на стену, надеясь, что не активирует смертельную ловушку. Может быть, за века бездействия механизм вышел из строя? Эта мысль ошеломила Бренора. Но это же Гаунтлгрим, в конце концов, — вершина цивилизации дворфов.

— Дворфы строят на века, — сказал он вслух.

— Строят что?

Наконец Бренор взглянул на Дзирта и кивком указал на стену, отступая назад. Дроу немедленно подошел ближе. Он не знал точно, что должен был увидеть. Старый дворф ничего не сообщил о причинах своего интереса именно к этому барельефу, одному из многих, украшавших стены Гаунтлгрима.

Пару мгновений дроу разглядывал барельеф. Вскоре остальные спутники тоже подошли, призывая поскорее убраться из комнаты, которая с каждым мгновением все более и более походила на ловушку — если не на могилу.

Дзирт мотнул головой, не отвечая на призывы, однако он не видел ничего необычного в орнаменте, ничего такого, что выбивалось бы из общей картины. Он закрыл глаза, протянул обе руки вперед и мягко провел пальцами по стене. Потом открыл глаза, и на его лице расцвела хитрая усмешка.

— Что ты понял? — спросил Бренор.

Дзирт отвел одну руку, потом другую, касаясь камня одним пальцем. Он немного поводит пальцем по стене, затем медленно перевел его на прежнее место, и улыбка стала более уверенной.

Бренор поднял руки, и Дзирт отвел свою.

Боевой Топор закрыл глаза и нащупал нечто.

— Умный дворф, — прошептал он, имея в виду мастера, создавшего механизм.

Швов не было, как не было и ни единого изменения в цвете или форме. В этой области, даже точке, что была не больше кончика дворфского мизинца, стена была сделана не из камня, а из железа.

Бренор повернул палец, чтобы коснуться стены ногтем, и сильно нажал.

— Свинец, — определил он.

— Это пломба, — сказал Дзирт.

— Ее можно расплавить.

Оба повернулись к Джарлаксу, у которого, как подсказывал опыт, всегда имелся ответ на любой вопрос.

— Расплавить? — скептически переспросил наемник. — Можно развести огонь и разогреть какую-нибудь самодельную кочергу, но у нас нет на это времени.

— Что за ней? — спросила Далия.

— Наше спасение, если я правильно понимаю выражение их лиц, — сказал Атрогейт.

Бренор посмотрел на стену, потом на Дзирта, который никак не мог придумать, как им преодолеть преграду. Шум в коридоре нарастал, — очевидно, их враги приближались к комнате.

— Отметь ее, — попросил Дзирт.

Дроу отступил на шаг и снял с плеча Тулмарил. Товарищи поняли его замысел.

Бренор огляделся, похлопал по карманам, по сумке, пытаясь сообразить, как бы выполнить просьбу дроу. Он достал одну из карт, оторвал от нее уголок и сунул в рот. Не переставая жевать, дворф обратился к стене, еще раз аккуратно ощупав поверхность. Найдя свинцовую пломбу, он выплюнул разбухший пергамент, прилепил его к нужному месту и отошел в сторону.

Дзирт положил стрелу на тетиву, поднял лук, прицелился и выстрелил. Вспышка молнии осветила комнату. Магическая стрела попала точно в цель. Она прошла сквозь свинцовую оболочку, попав в кнопку за ней, испепеляя ее навсегда. И дроу, и дворфы, и эльфийка понимали, на какой риск они пошли, ведь Дзирт мог запросто запечатать секретную дверь.

Спутники слышали, как сдвигаются камни где-то за стеной, но вот что это было: знак удачи или предзнаменование гибели — угадать было невозможно.

Камень заскрипел, когда противовес в каком-то невидимом механизме пришел в движение. Затворная плита немного притопилась, открывая очертания дверного проема,

рассчитанного на рост дворфа. Пыль осыпалась с краев, а в ноздри ударил затхлый запах былых времен. С протестующим скрежетом дверь отошла в сторону, исчезая в правой стене.

— Как ты узнал? — затаив дыхание, спросила Далия.

— Чертовски умный трон, а? — усмехнулся Атрогейт.

— Вперед, и побыстрее! — поторопил товарищей Джарлакс.

Дзирт хотел было войти, но Бренор остановил его.

Король дворфов первым шагнул в глубокий, давно не использовавшийся коридор, который переходил в крутой лестничный спуск.

Завершал процессию Атрогейт, вернувший тяжелую каменную дверь на место.

По мере спуска Бренор прибавлял шаг, торопливо ступая по ненадежным каменным ступеням. Он не опасался упасть. Он знал, что грядет.

Лестница вывела в узкий коридор, который, в свою очередь, вывел в пещеру пошире, залитую оранжевым светом: Кузню Гаунтлгрима.

Бренор встал как вкопанный, широко раскрыв глаза и разинув рот. Немного придя в себя, спросил шепотом:

— Ты видишь это, эльф?

— Вижу, Бренор, — ответил Дзирт, и голос его звучал тихо и почтительно.

Не нужно было быть дворфом рода Делзун, чтобы понять сакральность этого места и его волшебство. Словно увлекаемый неведомой силой, Бренор плыл к большому центральному горну, и казалось, что дворф увеличивается с каждым шагом. Древняя магическая сила вновь бурлила в его теле.

Боевой Топор остановился перед жерлом печи, глядя в пылающий огонь, который стал по-настоящему живым, когда освободился Предвечный. Лицо Бренора покраснело от жара, но его это не беспокоило.

Так он простоял довольно долго.

— Бренор? — осмелился окликнуть товарища Дзирт. — Бренор, у нас мало времени.

Даже если дворф и услышал его, то не подал виду.

Дроу обошел друга, желая поймать его взгляд, но не смог. Дворф стоял с закрытыми глазами. И когда он снова открыл их, было ясно, что разумом Бренор очень далеко и едва ли замечает Дзирта и остальных.

Дворф поднял топор и шагнул к открытой печи.

— Бренор?

Боевой Топор снял щит, положил его на небольшой выступ перед горном и водрузил сверху оружие.

— Бренор?

Не используя никаких инструментов, дворф ухватил за обитый металлом край щита и сунул его в печь, напевая на языке, который не был известен никому из присутствующих.

— Бренор!

Четверо спутников короля ждали, что щит, изготовленный преимущественно из дерева, сгорит в пламени, но этого не произошло.

Дворф некоторое время пел, потом потянулся и снова взялся за щит.

— Бренор!

Дзирт попробовал оттащить дворфа от печи, но это было сродни тому, как если бы дроу задумал подвинуть саму печь. Эльф ударил друга по руке, вкладывая в удар всю свою силу, но не смог и на миллиметр сдвинуть дворфа. Бренор просто не замечал его. Он вытащил из огня щит с лежащим на нем зазубренным топором. Дворф не стал остужать их, а просто водрузил щит на место и поднял топор. Потом он отошел от горна и повернулся к остальным, мотая головой и выходя из транса.

— Почему твои руки не обожжены до костей? — спросила Далия. — И почему кожа на пальцах не сходит, словно пергамент?

— Что? — спросил дворф. — О чем это ты болтаешь?

— Щит, — сказал Джарлакс, и Атрогейт снова захохотал.

— Что? — снова спросил Бренор, снимая щит, чтобы разглядеть его.

Дерево осталось точно таким же, каким и было, разве что чуть потемнело. Но там, где раньше было железо, теперь сияло серебро, а все вмятины и зазубрины исчезли, будто щитом никогда и не пользовались. Но удивительнее всего выглядела эмблема в центре. Она тоже сияла серебром, а пена на кружке казалась реальной, она была белой и блестящей на вид.

— И топор, — добавил Джарлак, и все увидели перемены, произошедшие с оружием.

Боек переливался серебром, искры пробегали по его смертоносным краям. На нем по-прежнему виднелись следы многочисленных битв, — без сомнения, боги дворфов сочли бы оскорблением для Бренора удалить эти знаки боевой доблести, — но теперь в топоре была видимая всем сила, какая-то мощь, которая переливалась, словно в поисках выхода.

— Что ты сделал? — спросил наемник.

— Говорил с ними, вот что, — пробормотал Бренор и ударил топором о щит.

Шум в дальнем конце зала заставил всех повернуться. Дзирт снял Тулмарил с плеча, Атрогейт и Бренор встали по обе стороны от него. Джарлак отошел на пару шагов, доставая волшебные палочки.

— А вот и они, — заметила Далия, становясь позади Дзирта.

Она подвинула его в сторону посохом и встала между ним и Атрогейтом. Дзирт посмотрел на Бренора, который выглядел заинтригованным. Дворф только мельком взглянул на дроу, выставил руку со щитом вперед. Взглянув на тыльную сторону щита, Боевой Топор принял еще более озадаченный вид. Бренор отставил топор, протянул освободившуюся руку вперед, и, похоже, она прошла сквозь щит.

Неподдельным было удивление дворфа, когда он вынул руку из щита уже с сосудом — с большой пенящейся кружкой. Бренор еще раз посмотрел на щит, и глаза его снова расширились. Он протянул кружку Дзирту и достал из щита еще одну.

— Эта для меня? — требовательно спросил Атрогейт.

Дзирт передал кружку дворфу и, повернувшись, принял вторую из рук Бренора, который уже извлекал третью. Вторая кружка перешла к Далии. Четвертую вручили Джарлаксу, и Бренор вынул пятую и последнюю.

— Теперь этот щит стоит того, чтобы его носить! — воскликнул чернобородый дворф.

— Это подарок богов, — сказал Бренор, и Атрогейт широко улыбнулся.

— А это что? — спросила Далия, с подозрением глядя в сосуд.

— Надеюсь, что глоткодер! — отозвался Атрогейт.

Эльфы неуверенно переглянулись, но Бренор и Атрогейт, не колеблясь ни секунды, чокнулись и сделали по большому глотку.

Казалось, обоих наполнила сила. Атрогейт осушил металлическую кружку и смял ее одной рукой, затем отбросил в сторону и достал кистени.

— Слава заднице Морадина и бороде Клангеддина, что за чудесный вид? — декламировал он. — Пятеро, с оружием в руках, готовы принять бой. Но мои боги в раздумьях, чешут в затылке и трясут головой, и спрашивают себя: стоило ли переводить божественное пойло на эльфов!

— Ба-ха-ха! — взревел, как ни странно, Бренор, а не Атрогейт.

— Пейте, дурачье! — сказал чернобородый дворф эльфам. — И ощутите, как сила дворфских богов разольется по вашим жилам!

Дзирт первым сделал долгий глоток, взглянул на остальных и кивнул, а затем допил остаток и тоже отбросил кружку в сторону.

Бренор прищурился. Комната казалась более светлой, дворф стал видеть яснее и отчетливее, а когда поднял топор и щит, вес их показался меньше.

— Какое-то зелье, — заметил Джарлак, — какая удивительная защита!

— Узрите величие Кузни Гаунтлгрима, — сказал Бренор. — Старая магия. Отличная магия.

— Дворфская магия, — добавил Атрогейт.

В коридоре, из которого они пришли, шум стал громче, что вернуло спутников к

действительности.

— С ними дракон, — напомнил им Дзирт. — Надо рассредоточиться.

— Останься со мной, эльф, — сказал Боевой Топор, когда остальные разошлись.

— Нет, мы должны немедленно отправить Бренора к рычагу, — запротестовал Джарлакс.

— Ага, — кивнул Атрогейт, — и я знаю, куда идти.

Как только он шагнул по направлению к стене с другой стороны главного горна, грохот выбитой двери остановил его. Дворф, как и остальные, увидел дракона, выбравшегося из туннеля.

Но мгновением позже стало ясно, что из туннеля появилась только голова рептилии. Она покатилась по полу и, замерев, уставилась на пятерых спутников мертвыми глазами.

— Ллос, сохрани нас! — выдохнул Джарлакс.

Из туннеля вышел демон, с оглушительным лязгом обрушив огненную булаву на одну из стен. Он прыгнул вперед, затем остановился, затормозив, расставив руки, раздувая грудь, нетерпеливо стегая хвостом по полу, запрокинул голову и заревел.

— Ну, — сказал Бренор, — по крайней мере, дракон мертв.

Вслед за демоном высыпал отряд ашмадайцев во главе с четверкой адских легионеров — воинов-демонов, вызванных, очевидно, Демоном Ямы. И если всего увиденного было недостаточно, чтобы лишить пятерых компаньонов присутствия духа, то персона, вошедшая в комнату последней, добила их окончательно.

Валиндра Теневая Мантия была уже не тем существом, которое знал Джарлакс все эти десятилетия. Держа скипетр высоко над головой, она выплыла из туннеля, и в ее глазах горели ненависть и жажда мести.

— Умрем с достоинством, — предложила Далия.

— Лягушачий Джози, — шепнул Бренору Дзирт.

— Что?

— Человек с крысиным лицом в «Абордажной сабле» из нашей с тобой прежней жизни.

— Ох... — с любопытством взглянул на друга дворф. — И ты говоришь мне это именно сейчас?

Дзирт пожал плечами.

— Не хочу умирать с поблекшими воспоминаниями, не дающими мне покоя. Как и ты, я думаю.

Боевой Топор хотел ответить, но только пожал плечами и повернулся, чтобы взглянуть в глаза приближающегося рока.

— Атрогейт и Бренор, идите к рычагу, — тихо сказал стоящий позади Джарлакс. — Сейчас, медленно.

Атрогейт скользнул за Дзирта, чтобы попытаться увести Бренора. Но король дворфов не двинулся с места.

— Я не бросаю друзей.

— Тысячи и тысячи погибнут, если мы не закончим дело, — сказал Дзирт. — Иди.

— Эльф... — начал Бренор, хватая дроу за плечо.

Дзирт посмотрел на своего самого старого и дорогого друга и торжественно кивнул.

— Иди, — повторил он.

Всполохи огня вырвались из жерл всех горнов в Кузне, языки пламени прошли по комнате и опалили стены.

— Зверь! — крикнула Далия. — Он знает, что мы задумали!

Зал затрясло, пол ходил ходуном и трескался, пыль и щебень посыпались с потолка.

— Иди! Вперед! — подгонял Дзирт Бренора, но король дворфов колебался, и тогда Атрогейт дернул его так сильно, что оторвал от земли.

Демон Ямы взревел и взмахом лапы отправил левый фланг наперерез дворфам. И тут монстр отпрянул, когда в него впились пара молний, выпущенных палочками Джарлакса, а

затем стрела Тулмарила вонзилась в его грудь.

Но Биалтиматуче широко улыбнулся и пропал, исчезнув так быстро, что дроу и глазом не успел моргнуть. Демон неожиданно возник прямо за спинами темных эльфов и высоко занес четырехгранную булаву, готовясь опустить ее на головы дроу.

Рванувшись в другую сторону в этот момент, пытаясь прикрыть Бренора и Атрогейта, Дзирт не увидел грозящей опасности. Но стоящий Атрогейт прокричал имя Джарлакса с такой тревогой и болью в голосе, что Дзирту показалось, что грубый дворф только что потерял лучшего друга.

Дзирт оглянулся и увидел, как темная фигура, объята пламенем, откатилась от монстра. Он задохнулся, не веря в происходящее.

За всю жизнь и во всем мире ничто не казалось Дзирту более неизменным, хотя при этом ненадежным, чем этот странный, но располагающий к себе темный эльф.

А еще был Демон Ямы, торжествующе возвышающийся над горящим телом и с ненавистью и нетерпением озирающийся в поисках новой жертвы.

Глава двадцать четвертая СТАРЫЕ КОРОЛИ И ДРЕВНИЕ БОГИ

Бренор подал знак Дзирту и ринулся через дверь вниз по узкому туннелю. Атрогейт последовал за ним.

Дзирт был вынужден довериться другу. Дроу оглянулся на Джарлакса. Шок, который он испытал, увидев гибель наемника, стоил драгоценных секунд, и ему пришлось сильно поднажать, чтобы догнать Далию. К этому моменту эльфийка уже яростно орудовала своим волшебным посохом, сдерживая натиск ашмадайцев. На ходу Дзирт выхватил из сумки ониксовую фигурку и позвал Гвенвивар. Но он не стал оставлять огромную кошку при себе, а вместо этого приказал ей внести хаос в ряды противника.

Опасаясь за судьбу своего друга-дворфа и на удивление разгневанный потерей другого... друга, дроу, Дзирт, вращая мечами, обрушился на ближайшего культиста. Он провел четыре рубящих удара, прежде чем его противник, уродливый полуорк, осознал, кто на него напал. Нанося удары со всех сторон, даже не стараясь упорядочить атаку, Дзирт сбил с толку и лишил равновесия превосходящего в силе и массе врага. Он атаковал в пятый раз, отведя жезл вправо, и неожиданно ударил снизу, выбивая оружие из рук культиста. Как только торс ашмадайца лишился защиты, Мерцающая в левой руке Дзирта рассекла брюхо полуорка, выпуская внутренности наружу. Враг пошатнулся, и тот же клинок добил его ударом в левый висок.

Неуловимым движением правой руки дроу выхватил Ледяную Смерть и двинулся навстречу следующему противнику. Прежде чем он успел отреагировать на атаку слева, ему пришлось отражать опасный колющий удар копья широким взмахом Мерцающей.

И Дзирт пока только защищался, в отличие от Далии. Ее оружие, принявшее форму длинного копья, прошло чуть ниже клинка дроу и вонзилось прямо в грудь ашмадайца. За этим последовал разряд молнии, который далеко отбросил противника. Культист подлетел вверх на несколько футов, но так и не упал на пол. Сквозь его тело прошел длинный меч, остановив его где-то между небом и землей. Демон Ямы с легкостью удерживал мертвого ашмадайца на весу одной рукой, глядя на вытекающую из ран кровь, уносящую последние капли жизни. Налюбовавшись вдоволь, монстр усмехнулся дроу и эльфийке. Затем мощным рывком он скинул культиста на пол, разрезав тело на две части.

Дзирт поднял Мерцающую горизонтально перед собой, выпрямив левую руку. Согнутой правой рукой, поднятой на уровень лица, он сжимал Ледяную Смерть. Дроу стоял, пригнувшись и переместив вес на правую ногу, отставленную назад. Рядом с ним Далия вновь разделила посох на три части. Одна секция вращалась перед чудовищем, другая неспешно покачивалась из стороны в сторону.

Из-за спины могущественного демона выступили трое сопровождающих его младших.

— Тебе следовало оставить кошку при себе, — прошептала Далия.

Дзирт покачал головой.

— Мы должны отступить, чтобы защитить проход.

Но было слишком поздно. Воспользовавшись межпространственным порталом, Демон Ямы в мгновение ока оказался у входа в коридор. С издевательским смехом он отправился в погоню за дворфами.

Дроу развернулся, чтобы последовать за ним, но двое младших демонов воспользовались способностью к телепортации и преградили ему путь. Дзирт и Далия оказались окружены. Демоны принялись стучать черными мечами по металлическим щитам.

Далия посмотрела на Дзирта, и от ее озорной улыбки чувство отчаяния враз покинуло дроу.

— Ты ведь знаешь, что это демоны, так? — спросил дроу.

— Мы знаем, кто они, но они понятия не имеют, кто мы, — ответила Далия.

В молниеносном прыжке она оказалась над ближайшим противником, бешено вращая сегментом посоха. Противник вскинул щит, чтобы защититься от этой неожиданной, но, как оказалось, обманной атаки. Колющим движением Далия послала среднюю часть посоха вперед, рассекая щеку демона.

В мгновение ока эльфийка изменила тактику, ухватив посох посередине и раскрутив крайние сегменты. Она умело работала обеими руками, блокируя атаку второго демона. На свою беду, существо оказалось достаточно близко к воительнице и получило болезненный удар посохом в предплечье.

Дзирт следовал за Далией, защищая ее со спины. Мечи растворились в движении, отбивая колющие удары демонского меча. Дроу несколько раз быстро ударил по лезвию, а затем неожиданно перешел в наступление. Атакуя сверху, дроу вынуждал врага поднимать щит снова и снова. Перед тем как демон смог отвести меч для контратаки, Дзирт бросился под его приподнятую руку, словно намереваясь обойти существо сзади. Демон развернулся, как и ожидал дроу. Мерцающая взметнулась вверх, удерживая дьявольский меч в поднятом состоянии. Намереваясь воссоединиться с Далией, Дзирт шагнул под клинок, одновременно ударом слева погружая Ледяную Смерть глубоко в демоническую плоть. Меч начал жадно пить горячую кровь — и демон взвыл от боли.

Дзирт быстро переместился в сторону, едва второй монстр перешел в стремительное наступление. Существо было настолько увлечено, что не заметило рокировки, выполненной эльфами. Дроу выступил против двоих преследователей Далии, вращая клинками. Эльфийка же, полностью доверившись дроу, переключилась на третьего. Сегменты ее посоха, размытые скоростью, под немыслимыми углами проникали за блокирующий щит. Демон пытался контратаковать неожиданным и коварным ударом, но Далия с легкостью уклонилась, перегруппировываясь для контратаки. Она обрушила всю энергию вращающегося цепа на щит, оглушая его обладателя. Благодаря этому демонское отродье оказалось абсолютно беззащитным на некоторое время. Воительница поспешила этим воспользоваться, нанеся точный удар левым цепом.

Металлический шест врезался в череп демона, отбрасывая его и совершенно лишая равновесия, — не лучшее состояние, когда сражаешься против такого безжалостного противника, как Далия.

Достаточно быстро эльфы взяли верх над врагом. Но это не принесло ощущения победы Дзирту. Ашмадайцы окружали их со всех сторон, а Демон Ямы наступал на пятки Бренору.

И тут дроу заметил Валиндру. Она смотрела на него, широко улыбаясь. Затем бросила пылающий шар.

Стекающий каплями пот жег глаза дворфов, когда они прошли через последний дверной проем, миновав карниз вокруг ямы Предвечного. Атроейт быстро развернулся, чтобы закрыть за собой дверь. Только дворф рода Делзун, прошептав правильные строки,

сможет пройти через них. По крайней мере, ему хотелось в это верить.

Перед тем как закрыть проход, Атрогейт увидел, как слетела с петель и с грохотом упала в коридор предыдущая дверь, покореженная булавой Демона Ямы. Биалтиматуче взглянул на дворфа и рассмеялся.

Атрогейт захлопнул дверь.

— Через мост! — крикнул он Бренору, подгоняя короля в верном направлении.

Но Бренор тоже слышал шум в туннеле позади. Он остановился и развернулся.

Мифриловая дверь слетела с петель, вращаясь в воздухе над краем глубокой огненной ямы.

Из проема появился Биалтиматуче.

— Беги! Уноси свою задницу! — закричал Атрогейт Бренору, указывая рукой на узкий мост над ямой.

Сам он, вращая кистенями, двинулся навстречу демону.

Бренор сделал несколько неуверенных шагов, но остановился и развернулся. Его зрение затуманилось, мышцы вздулись, воспоминания минувших лет заполнили разум. Он слышал голоса давно умерших королей. Он чувствовал в себе силу дворфских богов.

Словно во сне Бренор наблюдал сцену, разворачивающуюся перед глазами. Атрогейт атаковал бесстрашно и неистово, его кистени вспыхивали, сталкиваясь с наручами противника. И демон вздрагивал, но не более. Он не покачнулся и не потерял равновесия, даже когда второй кистень с неописуемой силой врезался в булаву.

Поймав и резко дернув, демон вырвал кистень из крепкой хватки Атрогейта и отшвырнул в сторону. С громким лязгом оружие упало на пол около двери.

Несмотря на случившееся, неустрашимый Атрогейт схватил оставшийся кистень обеими руками и начал мощными движениями раскручивать его над головой.

Затем Атрогейт, закаленный веками сражений Атрогейт, наделенный силой гиганта Атрогейт, сильнейший из всех когда-либо живущих дворфов, просто шлепнулся набок, как ребенок. Он покатился по полу и, только ухватившись свободной рукой за край обрыва, смог остановиться.

— Беги, глупец! — крикнул он Бренору. — Ба, или ты доберешься до рычага, или все кончено! — закончил он с вызовом в голосе.

Ворча, дворф приготовился к броску, собираясь с силами, чтобы запустить оставшийся кистень в Демона Ямы.

Оружие врезалось в Биалтиматуче, но тот даже не шелохнулся. Для Атрогейта же бросок обернулся фатальной потерей равновесия.

Он закричал Бренору, снова призывая бежать, но голос его затихал, по мере того как воин падал в пропасть.

Но Бренор не слышал его. И не побежал прочь. Сейчас это был не просто Бренор в теле короля дворфов. Смертное тело стало пристанищем древнего короля рода Делзун — короля, в чьих жилах текла кровь древних богов — Морадина, Клангеддина, Думатойна. И эта кровь требовала защитить священное место.

Бренор не побежал. Он не был напуган.

Он буквально увеличился в размерах, переполняемый силой титана, дарованной зельем из глубин зачарованного щита. Силой, дарованной тронном древних королей. Силой, порожденной величием Гаунтлгрима. Любой взглянувший на него не сказал бы, что перед ним дворф. Но даже это увеличившееся тело с трудом могло вмещать необычайное могущество, взбугрившее мускулы.

Бренор ударил топором о щит и пошел в наступление.

Дроу крутанулся на месте и прыгнул к Далии, увлекая ее с собой на землю как раз в тот момент, когда огненный шар Валинды взорвался в воздухе прямо над ними. Даже несмотря на этот акробатический трюк, оба неизбежно изжарились бы, не сжимая дроу в правой руке Ледяную Смерть. Клинок засиял темно-синим, и его волшебство отразило пламя ровно

настолько, чтобы Дзирт и Далия испытали лишь незначительный дискомфорт.

Дроу откатился от эльфийки, опасаясь, что лежа они представляют легкую добычу для троих еще живых демонов. Но те не атаковали, также ошарашенные огненным шаром. И хотя пламя не причинило вреда адским тварям, их замешательство, вызванное взрывом, дало Дзирту и Далии возможность занять оборонительную позицию.

Дроу возобновил схватку с демонами, перешедшими ему от Далии. Его клинки кружили в оборонительном танце, пока он пытался разделить противников. Один из демонов после удара Далии практически лишился глаза, что давало Дзирту несомненное преимущество. Как только он вклинился между демонами, мечи заработали независимо друг от друга — правой рукой дроу парировал меч одного врага, левая атаковала раненого монстра.

Отвлекая демонов, Дзирт понимал, что ашмадайцы снова перегруппировались и постепенно окружают его и Далию. Он услышал треск и почувствовал электрический разряд позади себя. Далия прикончила третьего демона.

Дроу переместил левую ногу вперед, с громким треском ударяя по щиту демона. Затем он крутанулся в сторону, обратную направлению удара, и, завершая полный разворот, в мгновение ока очутился слева от противника. Как он и надеялся, демон не мог видеть его движение достаточно хорошо, чтобы вовремя отреагировать, и дроу быстро и жестко принялся наносить удары обоими клинками по поднятому для обороны мечу.

Дзирт мог покончить со своими противниками, если бы в этом заключался его план. Вместо этого, он изменил направление движения и завершил маневр двумя боковыми рубящими ударами, один из которых, скользя по щиту, достиг плеча демона, оставляя страшную рану.

Уязвив одного врага, Дзирт без лишних колебаний переключился на оставшегося демона, который, как и ожидалось, настойчиво наседавал на него.

Но раненый демон также не оставлял попыток расквитаться с обидчиком.

Его попытки оборвала Далия, двойным ударом в лицо отбрасывая монстра назад.

— Лич! — закричала эльфийка, ловко приземлившись на пол. — Теперь мы умрем.

Дзирт только зарычал и усилил натиск, желая как минимум прихватить с собой демона.

Но еще один клич разорвал горячий воздух священной Кузницы Гаунтлгрима. Клич, полный страсти и решимости. Клич, который Дзирт До'Урден слышал часто, но еще никогда этот клич не был настолько желанным.

— Мой король!

И отряды дворфов вошли в зал: Боевые Топоры из Долины Ледяного Ветра, Щиты Мирабара и толпы призраков Гаунтлгрима.

Подобно падающим друг на друга гигантским деревьям, подобно двум рушащимся скалам, заполняющим долину обломками, король дворфов и Демон Ямы сошлись в схватке. В каждом взмахе оружия, булавы и топора, бурлила абсолютная сила, первозданная мощь. Сражаясь, они буквально сплелись в единое целое. Хвост Биалтиматуче метнулся через плечо и ужалил дворфа в щеку. Но если Бренор и почувствовал укус, он не подал виду.

Дворф жестко крутанул демона вправо, а затем дождался вперед и вниз. Как только Биалтиматуче ослабил хватку и отскочил, то же самое сделал и Бренор. Прикрывая левое плечо щитом, дворф врезался в разворачивающегося демона и отбросил, едва не швырнув в яму.

Едва...

Но монстр расправил кожистые крылья и мгновенно остановил полет. Он бросился на Бренора, намереваясь нанести сокрушительный удар огненной булавой.

Даже волшебный щит Бренора мог не выдержать такой удар. Рука должна была сломаться под весом булавы могущественного демона.

Но король устоял, и рука осталась невредима. А Биалтиматуче пришлось неестественно изогнуться, чтобы избежать лезвия топора.

Удар за ударом блокировал Бренор своим несокрушимым щитом, удар за ударом наносил он в ответ, неудержимо продвигаясь вперед.

Биалтиматуче снова обрушил булаву, но щит не поддался, и демону пришлось отпрыгнуть, перехватывая свою булаву обеими руками, чтобы отразить ею неистовый взмах топора. Искры и пламя разлетались во все стороны, и Бренор, отправив щит за спину, перехватил топор и продолжил атаку. Противники обменивались равными по мощи ударами, ожидая, что кто-то из них в конце концов ошибется. Как колокола, предвещающие конец света, гремели зазубренный топор и огненная булава. Выкованный богами против созданной демонами.

С яростным ревом Бренор нанес очередной удар... и промахнулся.

И потерял равновесие. И демон не медлил с ответной атакой. Дворф быстро сместил правую ногу влево, перенес вес тела на нее, и, оттолкнувшись, бросился в противоположную сторону. Разворачиваясь на лету, он выхватил из-за спины щит и вскинул его вверх, прикрывая плечо и руку. Блокировав тяжелый удар булавой — оглушающий, вызывающий онемение в руке, — дворф продолжил кувырок. В последний момент, перед тем как остановиться, он широко взмахнул топором, рассекая пространство перед собой.

Он почувствовал, как топор соприкоснулся с демонской плотью, оставляя глубокую рану на бедре Биалтиматуче и заставляя существо взвыть от боли.

И вдруг демон исчез. Буквально испарился.

Бренор бросился вперед, изгибаясь, чтобы закинуть за спину щит. И как раз вовремя. Биалтиматуче возник позади него. Дворф смог лишь частично заблокировать булаву, когда она врезалась в край щита, кидая Бренора ничком на каменный пол.

Но король тотчас вскочил на ноги, разворачиваясь к противнику, чтобы защититься от следующей атаки.

Кровь из раны на спине стекала на пол, но и нога Биалтиматуче была покрыта багровыми подтеками.

Свобода была почти в руках Валиндры Теневой Мантии. Когда она выполнит поручение Силоры, прикончив Дзирта и назойливую Далию, ей будет обеспечено место среди приближенных Сзасса Тема.

Дроу и эльфийка все еще яростно сражались рядом с главным горном в стороне от туннеля. Но они не могли избегать ее магии вечно. А Валиндра была личем. И в ее распоряжении была вечность.

Глаза нежити удовлетворенно засверкали. Она слышала шум, когда прибывшие на подмогу дворфы и призраки их родичей набросились на культистов. Их судьба была Валиндре безразлична. Все, чего она хотела, — избавиться от эльфийки и дроу.

Когда шестисотфунтовая разъяренная пантера обрушилась на лича со спины, накопленная энергия подготовленного заклинания рассеялась. Гвенвивар отпрыгнула в сторону и приземлилась в развороте, проскрежетав когтями по каменному полу. Валиндра снова начала творить заклинание. И как только Гвенвивар снова бросилась на нежить, волна чар врезалась в пантеру. Движения кошки, казалось, замедлились, словно она двигалась под водой. И затем, вопреки ее воле и привязанности к Дзирту, Гвенвивар ощутила принуждение вернуться на свой родной Астральный План. Пантера не могла противиться атаке лича, которая разрушала магию, удерживающую кошку на материальном уровне. И Гвен превратилась в облако серого дыма, а затем с жалобным воем, предупреждающим дроу о своем поражении, исчезла.

Валиндра вернулась к своей первоочередной задаче, но слишком поздно, ибо позади нее возникла еще одна помеха, которую она не могла игнорировать. Новая сила, вступающая в сражение. Саламандры хлынули через тот же туннель, что привел лича и Биалтиматуче с их миньонами в Кузницу. Некоторые бежали, некоторые ехали верхом на огромных красных ящерах. И все они быстро приближались к Валиндре.

Лич развернулась и зашипела на них, выпуская приготовленное для эльфов заклинание.

И создания бога огня, дети пламени отшатнулись, съеживаясь и умирая под волнами убийственного холода.

Нежить закричала, сожалея о потерянном моменте славы. Молнии сорвались с кончиков ее пальцев, врезаясь в ряды саламандр и отбрасывая их обратно в туннель.

Она снова зашипела и взмахнула руками. И разрушительная ледяная буря, возникшая над проходом, обрушилась на осмелившихся войти в Кузницу.

Валиндра развернулась, чтобы подготовить новую смертельную атаку на ненавистных эльфов. Красные глаза вспыхнули внутренним огнем, и лич начала колдовать. Но неожиданно нежить бессвязно закричала, пойманная столбом странного света — яркого и сжигающего. Она заметалась в попытке выбраться и закончить заклинание, но все усилия были напрасны. От гнилой плоти стал подниматься дым, большая часть которого растворялась в искрящемся свете. Кузница стала трястись и раскачиваться. Из горна вылетели языки пламени, когда Предвечный отреагировал на гибель своих миньонов. Все помещение задрожало с такой силой, что мало кто смог устоять на ногах.

Но только не Валиндра, поднявшаяся в воздух.

Свет не ослабевал, жала, сжигая, ослепляя ее. Луч развернулся под новым углом, и лич увидела своего противника. Несмотря на жгучую боль, глаза Валиндры расширились.

Он чуть приподнял широкополую шляпу, поднял волшебную палочку — и второй луч вонзился в Валиндру.

Лич завопила, ее кожа начала сморщиваться. Валиндра завертелась в воздухе и, пересилив ужас, сумела выплюнуть слова заклинания, превратившего ее в призрак. Вой нежити отразился эхом, но сама она проскользнула сквозь щель в полу и исчезла. Бестелесная форма, проникая через трещины в камнях, стремилась убраться подальше от поля боя, чтобы никогда сюда не вернуться.

В конце концов, Валиндра была личем. И в случае необходимости в ее распоряжении была вечность. Дзирт, Далия и Джарлакс подождут.

Он пытался не допустить, чтобы внезапный хаос в зале отвлек его, бросился в битву меж тремя силами, каждая из которых ненавидела две другие. Он пытался игнорировать Гаунтлгрим, который, казалось, тоже принимал участие в сражении. Раскачивающийся пол и трясущиеся стены, камни, падающие с потолка, горны, извергающие пламя, способное превратить кости в пепел — все это Дзирту приходилось принимать во внимание, сражаясь со столь грозным противником, как Демон Ямы.

Дроу абстрагировался от происходящего вокруг и стал использовать зал в своих целях. Дзирт, невероятно быстрый и подвижный, принял колеблющийся пол как должное, вместо того чтобы сражаться с ним. Он словно оседлал пространство, как если бы оно было непокорным скакуном. Ноги двигались в импровизированном танце в какую угодно сторону, только чтобы поддерживать абсолютное равновесие и скорость. И если бой вынуждал его смещаться в сторону, противоположную наклону пола, дроу использовал преимущество высоты и в прыжке или сальто направлял себя куда требовалось.

Его соперник-демон, не новичок в сражениях, неплохо держался на ногах в данной обстановке, но ему было далеко до Дзирта, который, казалось, попал в ритм колебаний, создаваемых дыханием Предвечного.

Дроу не только великолепно реагировал на тряску, но и планировал дальнейшие действия. Уверенный, что достаточно быстр, чтобы скорректировать движение, если догадка окажется неверной, Дзирт размахивал поднятыми на уровень лица мечами. Как только демон поднимал щит для блока, дроу лишь немного изменял угол атаки, вынуждая противника использовать и щит, и меч для обороны.

Дзирт повернул влево, вынуждая демона сделать то же самое, и, когда пол снова накренился под их ногами, дроу поймал импульс. Воспользовавшись толчком каменного пола, он сделал сальто назад. Демон попытался задеть его в воздухе, Дзирт пролетел в опасной близости от меча противника и приземлился на ноги с его незащищенной стороны,

прекрасно сохраняя баланс на шаткой поверхности. Он нанес один сильный удар. Но для Ледяной Смерти единожды вонзиться в плоть огненного существа было более чем достаточно.

Дзирт замер на несколько мгновений. Демон на конце его клинка бился в агонии, горячая кровь лилась из раны. Дроу равнодушно повел лезвием, повреждая органы монстра, а затем выдернул клинок из тела.

Демон рухнул на пол и с шипением превратился в облако черного дыма и кровавого пара.

Покончив с противником, Дзирт бросился на помощь Далии, но тут же замер, с восхищением наблюдая за сражающейся эльфийкой.

Далия атаковала противника снова и снова, и в конце концов демон свалился на пол.

Воительница посмотрела на Дзирта, и они обменялись улыбками.

— Мой король? — услышал дроу позади.

Он обернулся и посмотрел в сторону узкого туннеля. Дворф, сразу разобрав, что к чему, со всех ног бросился к коридору, которым ушел Бренор.

Дзирт и Далия поспешили за ним, но не успели сделать и пару шагов, как отряд ашмадайцев перешел в наступление.

Скоро прольется еще больше крови.

Щит столкнулся с булавой, поглощая часть энергии удара, но оставшейся мощи хватило, чтобы сбить однорогий шлем Бренора и оставить ссадину на голове.

Но обмен ударами был на руку дворфу. Его топор врезался в ребра демона, нанося страшную рану.

И снова они сошлись вместе в титанической борьбе, сталкиваясь лбами, кусая и колотя друг друга.

Но в арсенале у демона было больше оружия. Его хвост, действующий сам по себе, беспрестанно хлестал Бренора по спине, ища прорехи в броне. Костяные наросты болезненно впивались в дворфа. И пасть, необычайно широкая и полная длинных зубов...

Бренор взглянул в открытую пасть противника, а затем в его дикие глаза в тот момент, когда демон собрался укусить его. Но вместо того чтобы уклониться, дворф атаковал. Сильные ноги подбросили его вверх, и Боевой Топор встретил жадные челюсти своим лбом.

Кровь заливала лицо — его собственная кровь, осознал Бренор. Но при этом он знал, что нанес противнику ощутимый удар.

Обхватив демона, дворф перехватил топор другой рукой, а затем сдавил монстра чуть выше груди и ниже поврежденного подбородка. Бренор вложил в это действие все свои силы, как и бывшие короли и древние боги, что сейчас были в его теле.

Боевой Топор отбросил Биалтиматуче прочь. Кровь заливала глаза, и Бренор с трудом мог разглядеть потрясенного демона и тем более что-то маленькое, внезапно возникшее рядом с противником и яростно накинувшееся на него. Но тут он услышал крик — гимн дружбе, — знакомый на протяжении многих десятилетий:

— Мой король!

Бренор пошатнулся и тряхнул головой, смахивая кровь с глаз. Тибблдорф Пуэнт!

Конечно, это был Пуэнт.

В тот момент Боевой Топор даже не задался вопросом, как берсерк очутился здесь. Более того, было бы куда удивительнее, не окажись Пуэнт рядом, когда Бренор так нуждается в нем. Когда в нем нуждается сам Гаунтлгрим.

И Бренор, благоразумно Оставшись на месте, смотрел, как берсерк набросился на демона, как шип его шлема погрузился глубоко в плоть врага, как острые лезвия доспехов пронзали, кромсали и рвали, срывая широкими полосами красную кожу.

Бренор поднялся, и на мгновение подумал, что его вмешательства уже не требуется.

Но Биалтиматуче был Демоном Ямы, герцогом Девяти Кругов Ада, существом невообразимой силы.

Пуэнт вздрогнул, когда отравленный шип на хвосте ужалил его в затылок. Он остановился, и Биалтиматуче оттолкнул дворфа прочь. Демон шипел и рычал, пока длинный шип берсерка выходил из его торса. Пуэнт поднялся, уставившись на противника и прилагая существенные усилия, чтобы удерживать равновесие.

Ударом слева демон отшвырнул берсерка, и Пуэнт тяжело ударился о стену возле выбитой двери.

Бренор смотрел, как Тибблдорф Пуэнт сползает на пол.

И с безумной яростью, бурлящей в груди старого короля — за Гаунтлгрим, во славу древних дворфских богов, за саму сущность дворфов, дворфов Делзун, дворфов Боевого Топора, — Бренор снова бросился в бой.

Эта ярость преодолевала все. Дворф пропускал опасные удары огненной булавы, зал содрогался от звуков столкновения оружия не с другим оружием или щитом, но с плотью. Противники обменивались ударами, и ни один не собирался сдаваться.

Биалтиматуче взмахнул булавой, но Бренор вскинул щит и, пригнувшись, отклонился вправо. Огненное оружие врезалось в металлическую поверхность не настолько сильно, чтобы отшвырнуть дворфа, но достаточно для того, чтобы придать дополнительный импульс его повороту и подбросить вверх.

Подлетев достаточно высоко, Бренор схватил топор обеими руками и занес его над головой. И он начал опускаться вниз, все его тело буквально затрещало от неимоверного напряжения, мышцы протестующе загудели, чувства обострились.

Топор Бренора опустился промеж закрученных рогов. Сила Кузницы Гаунтлгрима, сила королей прошлого и древних богов высвободилась через оружие короля Бренора.

С ужасающим хрустом топор расколол череп Биалтиматуче надвое. И в падении Бренор раскроил демона до пупа.

Демон еще держался на ногах, хотя разрубленная голова безвольно болталась за спиной. Но ярость дворфа не иссякла. Он отбросил топор и щит и накинулся на монстра, хватаясь одной рукой за горло, а второй за промежность. Бренор выпрямился в полный рост, подняв Биалтиматуче в воздух. И хотя он снова казался просто дворфом — сила трона, волшебного зелья, королей и богов покинула его, — он все еще гордо стоял на ногах и все еще удерживал демона на выпрямленных руках.

Бренор шагнул на карниз. Он посмотрел вниз в огненную яму Предвечного и увидел Зверя, огненным глазом смотрящего на дворфа.

Боевой Топор швырнул демона в яму.

Затем Бренор упал на колени, силы покидали его, кровь текла из десятка страшных ран. Он рухнул ничком, распластавшись на земле, свесив голову за край, чтобы увидеть падение демона.

Но вместо демона на глубине около тридцати футов на одном из выступов Боевой Топор увидел дворфа, лежащего в изломанной позе, но еще живого. Существо жалобно протянуло руку навстречу ему и позвало по имени.

Но этот зов был далек для умирающего Бренора. Слишком далек.

— Мост! Рычаг!

Тибблдорф Пуэнт чувствовал яд, пульсирующий в его венах. Мерзкий яд хуже, чем испорченный глоткодер, сокрушался он.

Берсерк видел победу и падение Бренора и на мгновение решил, что удовлетворен тем, как погибли он и его король. Чего еще желать настоящему дворфу? Что может принести большую честь берсерку?

Но затем прозвучало напоминание — далекий крик.

Пуэнт видел, как Бренор медленно поднялся на ноги. Он видел, как его король с трудом сделал первый шаг. Он куда-то шел!

Бренор медленно двигался к мосту.

Но это было выше его сил. Дворф упал, приподнялся на локтях, пытаясь ползти, но не

сдвинулся с места.

В тот момент Тибблдорф Пуэнт воззвал ко всем своим силам, забыв о старом и разбитом теле. Берсерк встал и, шатаясь, двинулся к своему королю. Едва дойдя до Бренора, он споткнулся и чуть было не свалился с обрыва.

Но он устоял и подхватил короля под руку. Приподнимая его настолько, насколько мог, Пуэнт потащил Бренора к узкому мосту, перекинутому через адскую бездну Предвечного.

Единственное, чего хотел Дзирт, — броситься на помощь своему другу. Он был рад, что Пуэнт уже побежал туда, но его это мало успокаивало. По всем признакам Бренор еще не добрался до рычага.

Дзирт попытался пробиться к входу в коридор, но на пути было слишком много врагов. Дроу яростно работал мечами, рубя ближайших ашмадайцев, но на место погибших тотчас вставали новые фанатики.

Рыча от разочарования, дроу развернулся, убивая очередного врага.

Мимо него проскочила Далия — перелетела через дроу при помощи посоха. Приземлившись, она быстро развернула оружие для атаки.

— Иди! — крикнула эльфийка Дзирту.

Он не хотел оставлять ее одну, но сейчас он был нужен Бренору. Дроу вбежал в туннель и развернулся, чтобы пресечь любую попытку его преследовать.

Но у входа стояла Далия, прикрывая его спину.

Дзирт ворвался в зал с ямой. Вокруг громоздились черные выступы скал, сформировавшиеся из застывшей лавы, валялась пара кистеней и было очень много крови. Из ямы поднимался оранжевый жар. Зверь пробивался через сковывавшие его скалы, камни падали в яму, а некоторые, наоборот, поднимались высоко вверх и отлетали на большое расстояние. Дроу, пораженный яростью Предвечного, некоторое время стоял без движений, но затем помчался по карнизу, опасаясь худшего.

Он посмотрел вниз, в самое око хаоса. Столбы пламени поднимались высоко. Скалы пузырились и взрывались, разлетаясь осколками в разные стороны. Дроу видел драконов, но Предвечный был чем-то большим.

Он заметил движение на одном из уступов в нише.

— Бренор! — позвал дроу.

Но это был не Боевой Топор. На выступе лежал тяжело раненный Атрогейт, пытающийся ползти по раскаленным скалам. Дворф указал вправо от Дзирта. Дроу проследил за его жестом и заметил своих друзей, Бренора и Пуэнта, ползущих по дальнему концу узкого моста, перекинутого через яму.

Он хотел идти за ними, но едва сделал несколько шагов, как Предвечный пришел в движение.

Дзирт отскочил в сторону, едва успев увернуться от сгустка лавы, вылетевшего из ямы и скрывшегося в отверстии в потолке пещеры.

— Бренор! — крикнул эльф, закрывая уши, будучи не в силах выдержать рев Зверя.

Дроу упал и сжал голову руками в тот момент, когда камни и горячая лава стали падать на уступ подобно дождю. Казалось, этот ливень длился бесконечно долго, хотя все происходило в течение нескольких мгновений. Если бы не Ледяная Смерть в руке темного эльфа, он, скорее всего, превратился бы в пепел.

Дзирт поднялся на ноги, стараясь рассмотреть, что происходит на мосту. Мост обрушился, не выдержав последнего взрыва. Но Бренор и Пуэнт уже преодолели его и двигались дальше, поддерживая друг друга и приближаясь к сводчатой арке.

Крепко сжимая Ледяную Смерть под мышкой, Дзирт достал веревку из сумки, проворно завязал в узел один из ее концов. Затем взял стрелу, продел ее в петлю, завязанную на веревке, и вложил в ножны Ледяную Смерть, беря Тулмарил.

Шелест крыльев за спиной насторожил Дзирта. Эльф сделал кувырок в сторону, отбрасывая лук, и, встав на ноги, мгновенно достал мечи. Осмотревшись, он понял, что едва

успел увернуться от атаковавшей его гигантской летучей мыши. Существо все же зацепило его, и Дзирт, дотронувшись до виска, увидел на пальцах кровь.

Толком не придя в себя, дроу смотрел, как существо пролетело над ямой, а с другой стороны, прямо перед туннелем, оно причудливо закрутилось в воздухе, и на землю встала уже не летучая мышь, а человек, оглянувшийся на Дзирта.

Проклиная себя за колебания, эльф вложил мечи в ножны и прыгнул к Тулмарилу. Он поднял стрелу, отвязал веревку и выстрелил.

Но вампир был быстрее — он скользнул под арку, и стрела поразила лишь камни, высекая град искр.

— Нет, Бренор, нет, — бормотал дроу, хватая веревку, доставая новую стрелу и прицеливаясь.

Он выстрелил под самый свод потолка. Стрела вошла в стену, увлекая веревку глубоко в камень.

Позади снова раздался шум, и, обернувшись, Дзирт увидел бегущую к нему Далию.

— Дор'Кри! — крикнула она, выхватила веревку из рук Дзирта и, удерживая ее одной рукой, перелетела через пропасть, наполненную лавой.

Эльфийка приземлилась на противоположной стороне пропасти и исчезла под аркой.

Отчаянно проклиная всех этих летунов, Дзирт достал вторую веревку и отмерил нужную длину. Он обернулся, краем глаза заметив фигуру, вступившую в пещеру, и его глаза расширились от удивления: Джарлак!

— Как? — спросил дроу.

Наемник усмехнулся и поднял руку, показывая то же кольцо, которое дал Далии перед дракой в «Абордажной сабле».

— Объясни мне! — крикнул Дзирт, не желая тратить время на догадки, что бы мог значить этот жест.

Пещеру потрянуло с такой силой, что Дзирт упал, однако Джарлак сумел удержаться на ногах и даже поднял пару кистеней. Наемник посмотрел на них, и на его лице появилось выражение замешательства и ужаса.

— Атрогейт?..

Дзирт начал было говорить, и тут из ямы раздался крик дворфа.

Джарлак убрал кистени в свою волшебную сумку, подбежал к обрыву и стал всматриваться в глубину.

— Бренор в пути! — кричал Дзирт. — Рычаг!

Джарлак повернулся к нему, лицо наемника исказила боль.

— Ты не можешь! — крикнул Дзирт.

— Друг мой, я должен — так же как и ты должен пойти за Бренором.

Джарлак пожал плечами. Он дотронулся до эмблемы дома Бэнр, слегка поклонился Дзирту и прыгнул с уступа. До'Урден зарычал, не в силах понять безумие всего, что творится вокруг, и вернулся к своей веревке.

Предвечный заревел, новый столб лавы поднялся от ямы к потолку.

— Джарлак! — несколько раз выкрикнул Дзирт.

Он тряс головой, но не закрывал уши, чтобы защитить их от рева вулкана. Он еще надеялся кого-нибудь услышать.

Далия оказалась в туннеле как раз в тот момент, когда Тибблдорф Пуэнт с порванным горлом отлетел к стене, недалеко от Бренора. Задыхающийся дворф хватал руками воздух, безуспешно пытаясь удержать вампира.

Дор'Кри повернулся к Далии. Его лицо было залито кровью берсерка.

— Ты гнусное животное! — сказала женщина.

— Ты можешь вернуться и искупить свою вину, — ответил Дор'Кри. — Чего ты добиваешься, любовь моя?

Он резко оборвал речь, когда Далия, прыжком преодолев разделявшее их расстояние,

обрушила на него серию ударов.

Но из оружия у нее были только ноги и руки, ведь Иглу Коза она оставила на карнизе. Возможно, другой боец ничего не смог бы противопоставить подобной атаке, но для вампира со сверхъестественной силой не составило никакого труда схватит эльфийку и, крутанув в воздухе, прижать к стене.

— Наконец-то я попирую, — ухмыльнулся Дор'Кри.

И в тот же миг он застыл на месте, а его глаза расширились от удивления.

— Это больно? — спросила Далия, поворачивая деревянный шип своего кольца, вонзившийся в грудь вампира. — Скажи мне, что это больно.

Дор'Кри затряс головой, от его кожи стал подниматься дым.

Деревянный шип Далии дотронулся до сердца.

— Ах... мой король, — пробулькала Пуэнт.

Далия обернулась и увидела, как одетый в странные доспехи окровавленный дворф тянется к Бренору Боевому Топору.

Это казалось невероятным — Пуэнт сумел встать на колени и поднять Бренора, а затем упал вместе с ним прямо рядом с рычагом. Словно заботливый отец, обучающий ребенка брать ложку, берсерк взял руку своего короля и положил на рычаг.

— Мой король, — снова произнес Пуэнт.

Казалось, это отняло его последние силы. Голова берсерка опустилась, и он растянулся на полу.

— Мой друг, — ответил Бренор, собрал все свои силы и потянул рычаг.

Дор'Кри, не умолкая, молил Далию проявить милосердие и позволить ему жить, обещая, что будет верно служить ей, а не Силоре.

— Думаешь, я позволю тебе улететь, когда сама обречена? — спросила эльфийка, глядя на него холодными синими глазами, в которых не было ни намека на пощаду.

Как будто в ответ на этот взгляд, а на самом деле из-за повернутого рычага Предвечный взревел снова, и пещера задрожала.

Далия попыталась вогнать шип глубже, но тряска не позволила этого сделать, и Дор'Кри сумел отскочить в сторону. Тяжело раненный вампир хотел оказаться как можно дальше от воительницы. Он снова превратился в летучую мышь.

Брызги лавы и раскаленные камни заставили Дзирта отступить от края обрыва. Он думал, что они потерпели неудачу и что вулкан снова пробудился. Столб лавы поднялся и рухнул, дроу поспешно подбежал к уступу и опустился на четвереньки у самого его края.

Без защиты Ледяной Смерти жар был бы нестерпимым. Дзирт не мог не посмотреть вниз, хотя и боялся того, что мог там увидеть.

Озеро лавы поднялось уже очень высоко, его поверхность была лишь на двадцать футов ниже уступа, где находился дроу. Она поднялась выше того места, где лежал Атрогейт; не было видно и Джарлакса, который начал спускаться за мгновение до того, как лава стала подниматься.

Второй раз за день Дзирту суждено было пережить потерю соплеменника, так как даже Ледяная Смерть вряд ли могла защитить Джарлакса от потока лавы.

Следующая стрела Тулмарила вонзилась в камни рядом с первой, веревка которой уже была сожжена лавой. Даже не проверяя надежность, не задумываясь о том, что лава может снова подняться из пропасти, Дзирт оттолкнулся от уступа и, перелетев через ущелье, легко приземлился на противоположной стороне.

Как раз в момент приземления ему пришлось снова отскочить в сторону, так как та же самая гигантская летучая мышь вылетела из туннеля. Ее полет был неровным, словно тварь была серьезно ранена; и Дзирт взял свой лук, готовясь выстрелить в нее.

Но этого не потребовалось. Как только летучая мышь пересекла край обрыва, показалось, что вся вода моря Мечей хлынула в пещеру. Вода лилась из отверстия в потолке пещеры, подобно гигантскому водопаду, и сквозь этот поток Дзирт все еще различал

очертания летучей мыши. Очевидно, ее способность летать была не только физической, но и магической — она явно боролась с потоком.

Но это был конец. Летучая мышь снова обернулась человеком, вампир оглянулся на Дзирта, хотя, видит ли он его, дроу не знал. Дор'Кри вытянулся, на его лице застыло выражение жуткой муки.

Еще мгновение — и вампир рассыпался, превратившись во множество черных хлопьев, которые унес водопад.

Все закончилось так же внезапно, как и началось, но Дзирт знал, что ловушка Предвечного захлопнулась, знал, что они победили.

Предвечный выпустил столб лавы, пытаясь подняться, пещера наполнилась паром. Но вода не исчезла, и зверь опустился обратно, туда, где был заключен многие тысячелетия. После этого во всем зале воцарилась тишина, какой не было здесь последние несколько лет.

Но Дзирт уже не смотрел в яму. Едва восстановив равновесие, дроу устремился в глубь туннеля.

Далия сидела возле стены, обессиленная и покрытая потом; она кивнула Дзирту в знак того, что с ней все в порядке. Но он не смотрел на нее. Дроу привлекла совсем другая картина.

Тибблдорф Пуэнт встретил свой конец. Он лежал на спине, его горло было окровавлено, глаза широко распахнуты, а грудь больше не поднималась. «Он отошел в мир иной», — спокойно сказал себе дроу. Берсерк умер так, как и подобает, — служа своему королю.

Здесь же лежал и сам король, самый дорогой друг Дзирта, сжимавший одной рукой рычаг.

Дзирт упал на колени и мягко повернул Бренора. Дроу был потрясен, увидев, что Бренор Боевой Топор еще жив.

— Я нашел его, эльф, — сказал он с улыбкой, которая всю жизнь дарила Дзирту великую радость. — Я нашел мои ответы. Я нашел мой мир.

Дроу хотел что-то сказать — сказать, что жрецы помогут и все будет в порядке. Но он понимал, что все кончено, что ран слишком много для старого дворфа.

— Спи спокойно, дорогой друг, — произнес эльф почти беззвучно.

Но лицо Бренора было таким счастливым, что Дзирт понял: умирающий друг услышал его и действительно уходит с миром.

ЭПИЛОГ

Дзирт стоял на краю провала и смотрел вниз на водоворот и элементарей. Время от времени он различал зыбкие лица, а глубоко под водой видел разъяренного Предвечного, уставившегося на него жидким глазом.

— Все по-прежнему, как тогда, когда мы впервые столкнулись с ним, — произнесла Далия, подойдя ближе и небрежно обвив рукой дроу за пояс. — Мы сделали это. Бренор сделал это.

Дзирт продолжал пристально всматриваться в противоположную стену, пытаясь сквозь воду различить выступ, на котором лежал Атрогейт и куда ушел Джарлакс, но, увы, там ничего не было. Да и кто мог выжить, испытав на себе дыхание рассветного гиганта?

Дроу удивила боль, причина которой была не только в гибели Бренора, но и в утрате Пуэнта, Джарлакса и даже Атрогейта! Последних двоих он почти не видел все эти годы, и тем не менее просто мысль о том, что они не так далеко, в Лускане, дарила ему толику утешения.

Они ушли, все они ушли. И хотя его дорогой друг сам выбрал свою смерть, не только отыскав Гаунтлгрим, но и сохранив его от полного уничтожения, острая боль унесла воспоминания Дзирта в другое место и время, в котором, пройдя сквозь монолитную стену

Мифрил Халла, исчезли Кэтти-бри и Реджис верхом на призрачном единороге. Уходящие в обитель Миликки.

Дроу не думал, что ему суждено вновь испытать такую боль.

Как же он ошибался!

Несколько дворфов вбежали в пещеру. Стокли Серебряная Стрела и Торгар Молотобоец окликнули эльфов, а в зал прибывало все больше их собратьев.

Воительница позволила своей руке соскользнуть с пояса До'Урдена и взяла его за руку.

— Пусти стрелу, и давай уйдем отсюда, — прошептала она.

В кромешной тьме Джарлак Бэнр открыл глаза и рискнул создать немного света. Он слышал рев воды и понимал, что это означает. И еще он слышал Атрогейта, ворочающегося где-то рядом.

Дроу разглядел своего элементаря — последнего из десяти, — который все еще стоял на страже у входа в пространственную дыру, с помощью которой Джарлак с Атрогейтом смогли убраться подальше от Предвечного. Казалось, существо с плана воды стало меньше. Видимо, это произошло из-за того, что оно сдерживало смертоносное пламя. Наемник чувствовал, что элементарь возбужден, напряжен и расстроен одновременно.

— Я отпускаю тебя, — произнес дроу, и водный дух тут же выскочил из дыры прямо в воронку зачарованной воды.

Джарлак надел на палец кольцо, поправил повязку на глазу и вышел из тела, воспользовавшись заклинанием ясновидения для поиска ответов, ставших доступными, стоило сознанию воспарить над провалом. Наемник обнаружил Дзирта и Далию, стоящих в толпе дворфов, а также неподвижные фигуры, лежащие возле рычага.

Джарлак повернулся к Атрогейту. Его израненный приятель лежал ничком, кожу покрывали волдыри, нога была сломана.

— Пора идти, — тихо обратился к нему дроу и достал еще одно зачарованное кольцо, которое отправило бы товарищей домой.

— Я не смогу, — едва дыша, прошептал Атрогейт.

Джарлак одарил его улыбкой.

— Мои жрецы найдут нас в Лускане. Они позаботятся о тебе, мой друг. Твое время еще не пришло. Сегодня и так погибло достаточно твоих братьев.

Дроу приготовился задействовать кольцо, но Атрогейт резко схватил его за руку, требуя внимания.

— Ты же можешь оставить меня! — прорычал он.

Наемник только кивнул и ухмыльнулся, возобновив заклинание. И снова дворф прервал его.

— Подожди, — попросил Атрогейт. — Все кончено? Король Бренор одержал победу?

Джарлак тепло улыбнулся, и в его темно-красных глазах блеснули слезы.

— Да здравствует король, — успокаивающе ответил он своему бородатому другу. — Да здравствует король Бренор.

Они похоронили Бренора Боевого Топора, восьмого короля Мифрил Халла, рядом с пирамидой из камней, отмечавших место упокоения Тибблдорфа Пуэнта. Похоронили вместе с однорогим шлемом, зачарованным щитом и топором со множеством зазубрин.

Были разговоры о том, чтобы отвезти тело короля в Мифрил Халл, а Стокли предлагал как место упокоения Пирамиду Кельвина в Долине Ледяного Ветра. Но Гаунтлгрим, наиболее почитаемый и древний делзунский чертог, оказался наиболее подходящей гробницей.

Итак, они похоронили своих героев, коих было множество в тот роковой день, завершив свое путешествие к тому, что осталось от древнего города. За основной стеной в огромной пещере с озером были произнесены прощальные слова. Стокли и Торгар предложили Дзирту уйти в Долину Ледяного Ветра или Мирабар.

Но дроу отказал им. Он понимал, что ни одно из этих мест не будет теперь его домом, даже Мифрил Халл.

Казалось, такого места больше вообще не существует.

Когда Дзирт наконец-то вышел из туннелей с восточной стороны горного хребта бок о бок с Гвенвивар, он обратил взор на север, в сторону Долины Ледяного Ветра, некогда бывшей его подлинным домом, местом, где он встретил самых преданных друзей.

Теперь он был одинок.

— Куда отправишься, дроу? — спросила Далия, подходя ближе.

Гвенвивар поприветствовала ее низким мурлыканьем.

— А ты? — отозвался дроу.

— О, я собираюсь покончить с Силорой Салм, — ответила эльфийская воительница без малейшего колебания. — Так что — в лес Невервинтер. Я скажу этой ведьме в лицо, что ее план с Кольцом Страха провалился, что ее Зверь снова заперт в клетке. Скажу ей это перед тем, как убью.

Дзирт несколько мгновений обдумывал ее слова, а затем внес поправку:

— Перед тем как *мы* убьем ее.

Далия посмотрела на дроу с улыбкой, ведь это было именно то, что она хотела услышать.

Дзирт окинул воительницу взглядом и только теперь понял, что она вынула последний алмазный гвоздик из правого уха и вставила его в левое.

За этими манипуляциями скрывалась история. И множество историй хранилось в памяти и сердце этой самой необычной из эльфиек.

Дзирт хотел услышать их все.

Бренор Боевой Топор приподнялся на локтях, открыл глаза и потряс головой, чтобы привести в порядок спутанные мысли.

Но все стало еще более непонятно, когда он увидел, где находится: весенний лес, а не темные чертоги Гаунтлгрима.

— А? — пробормотал дворф, вскочив на ноги с такой легкостью и энергией, какой не помнил уже века. — Пуэнт? — позвал он. — Дзирт?

— Добро пожаловать, — прозвучал голос, и Боевой Топор обернулся, чтобы увидеть стоящего за его спиной молодого Реджиса с улыбкой до ушей.

— Пузан?.. — выдохнул Бренор.

Он запнулся, когда из дверей маленького домика появился еще один здешний обитатель. Челюсть дворфа безвольно отвисла, и он даже не пытался заговорить. На глазах у него выступили слезы, потому что в дверном проеме стоял его мальчик, Вульфгар, вновь молодой, высокий и сильный.

— Ты звал Пуэнта, — сказал Реджис. — Ты был с ним, когда погиб?

Последние слова поразили Боевого Топора, словно камень, попавший в лоб. Он действительно погиб. Как и двое перед ним. Но это место, совершенно сбившее дворфа с толку, определенно не Залы Морадина.

— Тибблдорф Пуэнт теперь с Морадином, — сказал Бренор больше для себя, чем для друзей. — Должен быть. Но почему я не с ним?

Его ушей коснулись звуки музыки, и Бренор увидел, что Вульфгар зачарованно смотрит мимо него. Реджис тоже смотрел поверх плеча дворфа. Хафлинг кивнул, указывая на что-то, и Бренор обернулся.

Его взгляд скользнул по небольшому и тихому озерцу к деревьям.

И там танцевала она, его возлюбленная дочь, одетая в белое многоярусное платье со множеством складок и изумительной тесьмой, и черная накидка развеивалась при каждом повороте.

— Клянусь богами, — пробормотал окончательно переставший что-либо понимать дворф.

Впервые за свою долгую жизнь, которая, впрочем, уже завершилась, Бренор Боевой Топор опустился на колени, буквально сбитый с ног охватившим его чувством. Он спрятал лицо в ладонях и заплакал.

И это были слезы счастья и благодарности.